МИНИН и ПОЖАРСКИЙ

Руслан Скрынников

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Написанная Русланом Григорьевичем Скрынниковым более четверти века назад научно-художественная биография двух выдающихся исторических деятелей России – нижегородского купца Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского – давно уже признана классической. На основе обширного документального материала автор воссоздает не только жизненный путь своих героев, но и всю грандиозную панораму русской Смуты – гражданской войны начала XVII века.

Это второе издание книги. Новое издание книги значительно доработано автором.

- Руслан Скрынников
  -
  - ВВЕДЕНИЕ
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23
    - Глава 24
    - Глава 25

- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29

- ЭПИЛОГ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНИНА И ПОЖАРСКОГО
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ[1]

- notes
  - 1

Руслан Скрынников
Минин и Пожарский

ВВЕДЕНИЕ

В блестящей плеяде борцов за независимость Русского национального государства Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому принадлежит свое особое место. Их имена навсегда связаны с подвигом, который совершил русский народ во имя освобождения родины в 1612 году.

Трагическое время пережила Россия в начале XVII века. Мор и голод, кровавые междоусобицы, вражеские нашествия разорили страну дотла. Значительная часть ее населения погибла. Смутным временем называли русские люди лихую годину. Истоки Смуты коренились в глубоком кризисе, разъедавшем общество. Многолетняя гражданская война подорвала изнутри силы государства и сделала его легкой добычей для врагов. Русское государство пережило подлинную катастрофу. В течение двух долгих лет его столица оставалась под пятой иноземных завоевателей. Пали главные пограничные твердыни страны – Смоленск и Великий Новгород. В Западной Европе считали, что Россия не сможет подняться с колен и никогда не обретет былого могущества. Но то была ошибка.

Смертельная опасность объединила все патриотические силы страны. Народное движение спасло русскую государственность. Преодоление Смуты воочию показало, какие неисчерпаемые силы таятся в недрах народа, защищающего свою отчизну.

Выходец из народа, Кузьма Минин стал самым выдающимся из вождей земского освободительного движения начала XVII века. Все его помыслы, энергия были направлены к одной цели – освобождению родины. Воевода князь Дмитрий Пожарский выступил в качестве ближайшего соратника Минина.

Сколько-нибудь полная биография выборного человека Минина, как и биография Пожарского, до сих пор не написана. Трудность состоит в том, что источники сохранили очень немного сведений о их жизни.

Для любого жизнеописания поистине неоценимое значение имеют записки и письма. Из дневников историк черпает сведения о побудительных мотивах тех или иных деяний. Личная переписка служит еще одним мостиком, ведущим в сокровенный мир человека. Воспоминания дополняют дневники и письма. Без этих источников исследователь не сможет раскрыть потаенных помыслов и чувств людей.

Минин и Пожарский не оставили после себя ни дневников, ни писем, ни воспоминаний. Их подписи известны лишь по немногим образцам. Даже реконструкция внешних событий их

жизни наталкивается на непреодолимые препятствия. Никто не может сказать, когда родился Кузьма Минин. Никто не может обрисовать его черты и приметы. О нижегородском старосте документы упоминают впервые в тот момент, когда он приступил к сбору казны на народное ополчение. Но до этого он прожил целую жизнь. Кузьма стоял на низших ступенях социальной лестницы. Пожарский происходил из княжеского рода. Биографию его мы знаем лучше. Но и в ней остается слишком много пробелов. Редкие упоминания о военных успехах Пожарского – вот и все, чем располагает историк, когда берется описывать первую половину его жизни. Исследователь начисто лишен права на вымысел. Он принужден довольствоваться крохами, которые сохранили для него архивы.

Время и герои – такова извечная проблема жанра исторической биографии. Там, где у автора мало сведений о главных героях, биографическое повествование уступает место исследованию времени. В первые годы Смуты Минин и Пожарский оставались либо безмолвными свидетелями, либо рядовыми участниками развернувшейся исторической драмы. Но в переломный момент разум и воля этих замечательных людей наложили глубокую печать на все происходящее.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПОРА ИСПЫТАНИЙ

Глава 1
НАЧАЛО ПУТИ

Минин и Пожарский. Всего лишь несколько лет довелось этим людям бороться бок о бок. С тех пор их имена стали в сознании русских людей неразделимы.

Предки Кузьмы Минина происходили из Балахны – небольшого поволжского городка в окрестностях Нижнего Новгорода. В России в то время фамилии едва лишь входили в обиход и еще оставались уделом избранных, принадлежавших к верхам общества. Простонародью заменой фамилии служило отчество. Деда Кузьмы звали Анкудином, отца – Миной Анкудиновым. Самого же Кузьму величали всю жизнь Мининым, а под конец уважительно – Кузьмой Миничем.

Балахна располагалась в низине подле самого берега Волги, в неудобных для жизни местах. По весне великая река разливалась и затопляла часть города. Вешние воды нередко сносили избы и сараи. Но посадские люди неизменно возвращались на обжитые места и отстраивались заново. Городок рос и расширялся. В низине под землей пролегали водоносные слои с обильным соляным раствором. Соль служила тем магнитом, который неизменно притягивал на посад окрестное население. Жители Балахны издавна кормились соляным промыслом. На торговле солью непомерно разбогатели именитые люди Строгановы. Им принадлежали десятки соляных варниц, речные суда, торговые фактории в разных концах страны. В конце царствования Грозного Мина Анкудинов числился одним из совладельцев соляной шахты (трубы) «Каменка». Промысел в Балахне требовал больших затрат и трудов. Орудуя заступом и лопатой, посадские люди рыли колодец глубиной в пятнадцать-двадцать метров. Колодец мог в любой момент обвалиться, поэтому его стены крепили с помощью бревенчатого сруба. Место для шахты выбирали на глаз, и случалось так, что скважина проходила мимо соляного источника. Тогда работа шла прахом. Трубу забрасывали. Необходимость заставляла мелких солепромышленников сооружать соляные колодцы в складчину, а затем совместно эксплуатировать их сообразно затраченному труду и капиталу.

Семье Мины приходилось трудиться в поте лица. На трубе «Каменка» дела хватало для всех. Подрастая, сыновья ездили с отцом в лес по дрова, помогали поднимать из глубины колодца на поверхность бадьи с рассолом, переносили их на варницу и

поддерживали огонь в ее топках. Наконец, белую вываренную соль сгребали в кули и везли на базар в Нижний Новгород. В трудах и заботах проходили дни, месяцы и годы.

К концу жизни Мина имел пай в нескольких трубах. Но на его долю приходилось не слишком много рассола, и, чтобы не подорвать предприятие, он всю свою долю промысла отказал старшим сыновьям Федору и Ивану Мининым. Со временем наследникам удалось расширить дело. Вместе с отцовской «Каменкой» им принадлежала теперь варница «Новик», и они черпали рассол еще из нескольких труб. Одна из скважин находилась в общем владении Федора Минина и князя Дмитрия Пожарского. Но было это уже после Смуты.

Кузьма Минин не получил доли в соляных промыслах, и ему пришлось искать свой путь в жизни. В юности он не раз сопровождал отца в его поездках в Нижний Новгород, где близко познакомился с торговым делом. После раздела имущества с братьями Кузьма получил свою долю наследства и перебрался в уездный центр. Здесь он купил себе двор, завел лавку и занялся мясной торговлей.

Кузьме Минину пришлось приложить много усилий, прежде чем он обзавелся прочными связями в нижегородском округе. Приходилось объезжать деревни, закупать скот, перегонять его в город, там забивать. В летнюю пору мясо портилось мгновенно, и его надо было успеть продать. Мясоторговцы не могли просуществовать без определенного круга заказчиков, принадлежавших к зажиточным кругам посада. Лавок в мясном ряду Нижнего Новгорода было достаточно, и Минин старался поддерживать добрые отношения со своими заказчиками, чтобы удержать их. Состоятельным покупателям доставались лучшие куски, которые шли по самым высоким ценам. Кости и сухожилия продавали бедноте за бесценок.

Кузьма Минин женился, по-видимому, уже после переезда в Нижний Новгород. Суженой его стала Татьяна Семенова из посадской семьи. Никто не знает, скольких детей родила Кузьме его жена. Выжил из всех один лишь сын Нефед. Семья Мининых жила подобно сотням других нижегородцев. Двор был обнесен высоким забором. Подле жилой избы раскинулся яблоневый сад. В дальнем углу на огороде стояла маленькая банька.

Нижегородский посадский «мир» вел замкнутое существование. Вместе с имуществом горожанин наследовал профессию отца, его социальное положение, деловые и дружеские связи. Как пришлому человеку Кузьме Минину пришлось всего добиваться самому. Когда посад избрал его своим старостой, для него это было огромным успехом.

Соратник Минина Дмитрий Пожарский имел княжеский титул и длинную родословную, но не принадлежал к аристократическим слоям общества. «Родов дряхлеющих обломок» – эти слова как нельзя лучше подходили к истории семьи Пожарских.

Предки Дмитрия Пожарского были владельцами Стародубского удельного княжества, располагавшегося на Клязьме и Лухе.

При Дмитрии Донском в Стародубе сидел князь Андрей Федорович, имевший четырех сыновей. Старший сын, Василий Пожарский, получил от отца большую часть земель. Но к XVI веку наследники буквально растащили на части древнее родовое княжество.

Дед Дмитрия Пожарского Федор Иванович Немой происходил из младшей ветви удельного рода. На его долю досталось немного вотчин. Он владел землею вместе с тремя братьями. В середине XVI века князь Федор служил при дворе Ивана Грозного и даже попал в тысячу «лучших слуг», но потом все круто изменилось.

В годы опричнины Иван Грозный сослал на поселение в Казанский край сотню княжеских семей. Опале подверглись Ярославские, Ростовские и Стародубские княжата.

В казанской ссылке побывали пять князей Пожарских со своими семьями. Среди них был и Федор Иванович с женой и детьми. Семья лишилась разом всего. Взамен конфискованных земель и имуществ князь Федор получил на прокормление в ссылке несколько крестьянских дворов в Бусурманской слободке под Свияжском. Настанет время, и Дмитрий Пожарский будет оправдывать неудачную службу отца и деда ссылкой на опричную грозу. «Мои родители, – отметит он, – были много лет в государеве опале». В действительности опала на Пожарских была кратковременной.

Вскоре царю Ивану пришлось признать неудачу своей опричной затеи и вернуть в Москву ссыльнопоселенцев. По его приказу казна стала возвращать им вотчины либо наделяла их примерно равноценными землями.

По возвращении из Казани в Москву Федор Пожарский вновь оказался на службе и участвовал в последних кампаниях Ливонской войны в скромном чине дворянского головы. До воеводского чина он так и не дослужился. Перед кончиной Федор принял пострижение в Троице-Сергиевом монастыре. Жена его, княгиня Мавра, пережила супруга на тридцать три года.

Федор Пожарский женил своего старшего сына Михаила на

Марии Берсеневой-Беклемишевой. В ноябре 1578 года в семье Михаила и Марии родился сын Дмитрий, будущий знаменитый воевода. В лице княжича Дмитрия соединились два опальных рода. Пожарские пострадали от Грозного, Берсеневы – от его отца Василия III.

Прадед Дмитрия Михайловича Пожарского Иван Берсень был человеком широко образованным. Он близко сошелся с известным писателем и гуманистом Максимом Греком. Вокруг этих двух людей собрались все те, кто выражал недовольство политикой Василия III. В откровенных беседах с Греком Иван Берсень негодовал на самодержавные замашки московского государя, требовал возврата к старым порядкам и прекращения бесконечных войн. Обладая острым язвительным умом, Берсень не боялся перечить великому князю. Фанатически настроенное духовенство настояло на расправе с вольнодумцами. Берсеню отрубили голову на льду Москвы-реки. Максима Грека осудили на вечное заточение в монастырской тюрьме.

Семья Беклемишевых бережно хранила память о знаменитом деде. Мария Пожарская получила по наследству некоторые из его земель.

Казанская ссылка подорвала благополучие Пожарских. Казна вернула им село Мугреево (Волосынино) и некоторые другие родовые земли в Стародубе. Но за время отсутствия владельцев эти вотчины пришли в упадок. Семье предстояло налаживать жизнь заново.

Сразу после свадьбы Михаил Пожарский продал сельцо Калмань, полученное им с приданым из семьи Марии Берсеневой-Беклемишевой.

Продажа вотчины позволила молодым поправить свои материальные дела.

Михаил Пожарский носил прозвище Глухой. Военная карьера ему не удалась. В отличие от отца он не дослужился даже до чина дворянского головы. Михаил умер, когда его сыну Дмитрию едва исполнилось девять лет.

Княжич Дмитрий рос и воспитывался вместе со старшей сестрой Дарьей и братом Василием, который был на шесть лет моложе его. Детские годы провел в родовом гнезде в Мугрееве. Двор Пожарских, окруженный бревенчатым частоколом, заполняли низкие деревянные постройки. В центре двора стояли рубленые хоромы с резным крылечком. Поблизости от них теснились плоские людские избы и челядиный двор. Вокруг располагались поварня, погреба, житные клети, конюшня, скотный двор, сенники. Обычной принадлежностью усадьбы был сад с вишневыми деревьями и яблонями, пруды с карасями.

Поодаль лежали поля, на которых трудились кабальные холопы и крестьяне.

Дмитрию Пожарскому минуло двенадцать лет, когда в Угличе погиб восьмилетний князь Дмитрий Угличский, младший сын Ивана Грозного. Царственный младенец явился на свет в недобрую пору. Иван IV подумывал о том, чтобы заточить в монастырь его мать Марию Нагую и заключить более счастливый брак с английской принцессой. Смерть помешала царю осуществить свои замыслы.

После кончины Грозного многие поговаривали, что царевич Дмитрий, рожденный в седьмом браке, является незаконнорожденным. На этом основании правитель Борис Годунов запретил церковникам упоминать имя царевича Дмитрия как члена царской семьи на торжественных богослужениях.

В довершение бед Дмитрия Угличского поразила неизлечимая болезнь – эпилепсия. 15 мая 1591 года царевич погиб в столице своего удельного княжества, смертельно поранив себя во время припадка эпилепсии. О гибели младшего сына Грозного говорили и в семье нижегородского посадского человека Кузьмы Минина, и в семье князя Пожарского. Но угличскую драму забыли очень скоро. Дмитрий Пожарский не мог предвидеть того, что ему еще придется столкнуться с двойником угличского князя на поле брани.

Семье Пожарских довелось жить в Москве в первые годы царствования Федора Ивановича, когда там происходили крупные народные волнения. Выступления низов еще не привели к гражданской войне. Но глухие подземные удары уже предвещали близкое землетрясение.

Стремясь преодолеть последствия военного поражения в ходе 25-летней Ливонской войны и воцарившейся повсюду разрухи, правительство Федора отменило Юрьев день и ввело крепостнический режим в виде заповедных и урочных лет. Ни помещики, ни крестьяне не могли предвидеть, к каким роковым последствиям могут привести годуновские нововведения. Считалось, что заповедные годы, воспрещавшие крестьянские переходы, – это мера временная и преходящая. Крестьян тешили надеждой на то, что им надо подождать совсем недолго – до «государевых выходных лет» – и их жизнь потечет по старому руслу. Но шли годы, и они убеждались в том, что их жестоко обманули. Тогда-то в русских деревнях и родилась полная горечи поговорка: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

В сельской округе все чаще толковали о появлении разбойников в лесах и об избиении господ их слугами и холопами. С наступлением темноты дворовые сторожа запирали

ворота усадеб на все засовы и ночь напролет несли караулы с зажженными фонарями.

Страна стояла на пороге гражданской войны.

В семье Пожарских умели ценить образование. Едва дети подрастали, их обучали грамоте. Владельцы дворянских гнезд обычно приглашали в дом знакомого дьякона, и тот проходил с учениками псалтырь и часослов.

Сразу после кончины мужа Мария Пожарская передала в монастырь деревеньку ради «устроения» его души. Жалованная грамота на деревню была составлена от имени наследника, и мальчик скрепил документ собственноручной подписью. Со временем почерк княжича приобрел твердость и некоторое изящество. Поступив на службу, Дмитрий охотно расписывался за сверстников, не владевших пером. Однажды ему пришлось расписаться в ведомости сразу за четырех неграмотных княжат и двух дворян.

Наибольшее влияние на формирование личности Дмитрия Михайловича оказала мать. В течение всей своей долгой жизни она делила с сыном его заботы и радости. Характером и умом Мария, видимо, пошла в своего деда – Ивана Берсеня. После долгих хлопот она добилась того, что Поместный приказ закрепил за наследником Дмитрием часть отцовского поместья. Княжич был старшим в мужском колене, и на нем сосредоточились надежды семьи.

В девять лет княжич Дмитрий вступил во владение мещевским и серпейским поместьями за Угрой. Его совладельцами стали мать, сестра и младший брат. Поместье было не слишком большим: пашни в нем числилось четыреста четвертей, но лишь часть ее обрабатывалась.

Когда пришло время, Мария Пожарская женила сына.

На Руси браки заключали в раннем возрасте. «Всякому родителю, – поучала церковь, – подобает сына своего женить, когда будет возрасту ему пятнадцать лет, а дочери – двенадцать».

Выбирали невесту родители жениха. После удачного сватовства родственники привозили его в дом невесты и там договаривались насчет приданого. Подписав рядную запись, они шли в соседнюю комнату поздравить ждавшую там мать невесты. Во время смотрин невесту показывали не будущему мужу, а его матери. Невеста восседала за обеденным столом, наряженная в «доброе» платье. Иногда жених настаивал на том, чтобы ему показали суженую. Но после сговора у него почти не оставалось возможности отказаться от невесты.

«Не ищи невесту знатнее и богаче тебя, чтобы быть

господином в своем доме» – таким правилом руководствовалась Мария Пожарская, выбирая невесту сыну Дмитрию.

Свадебная церемония на Руси отличалась сложностью. Подготовка к свадьбе начиналась с устройства постели для новобрачных. Опочивальню устраивали в сеннике. Постель стелили на сорока снопах. В головах постели ставили кадь с житом и венчальные свечи. В зависимости от достатка свадьбу играли либо в доме невесты – «по меньшому чину», либо на два дома – «по большому чину». Поутру свадебный поезд – жених с «боярами» ехал на двор невесты. Наряженная в красный сарафан, та ждала его в горнице. Свахи расчесывали кудри прежде жениху, потом невесте. Подружки затягивали песнь, оплакивая расставание с девической жизнью. Дружки резали каравай и подносили всем приглашенным. Затем родители передавали дочь жениху с рук на руки, и новобрачные отправлялись под венец. В церкви невеста, едва выйдя из-под венца, падала в ноги жениху и касалась его сапога в знак вечной покорности. Жених сверху накидывал на молодую полу кафтана, обещая ей защиту и прибежище на всю жизнь.

Женой княжича Дмитрия стала девица Прасковья Варфоломеевна. Ее фамильное прозвище не получило отражения в документах. Молодая жена попала в дом, где всем распоряжались мать и бабка мужа. Все это было в порядке вещей. Прасковья всю жизнь безропотно подчинялась свекрови. Своему супругу она родила многих детей.

Семья разрасталась. Марии Пожарской приходилось все чаще ездить в столицу. Там она гостила в семье дочери либо хлопотала на своем подворье в Белом городе. Дел всегда хватало: надо было присмотреть за домом и дворней, вовремя починить крышу, пополнить запасы в погребах, закупить товары на столичном рынке, навестить духовника, родных и соседей. Дмитрий охотно сопровождал мать в ее поездках. Когда же он поступил на службу, роли переменились. Мария Пожарская старалась не покидать московский двор, пока сын находился там по делам службы.

Глава 2
ПЕРВЫЕ СЛУЖБЫ

Князь Дмитрий Пожарский был вызван на дворянский смотр в 1593 году. Первые годы его службы ничем не примечательны, если не считать того, что он стал стряпчим. При дворе несколько сот стряпчих, и они жили в столице для царских услуг по полгода, прочее же время проводили в своих деревнях. Куда бы ни шел государь, в Боярскую ли думу, в поход, в церковь или к обеду, его повсюду сопровождали стряпчие. По торжественным дням они несли скипетр и другие знаки власти. В церкви царь передавал им свою шапку и платок. В военных походах они служили оруженосцами. Будучи стряпчим «с платьем», Пожарский исполнял не слишком сложные обязанности. Когда царь одевался либо раздевался, Дмитрий должен был под присмотром постельничего подавать или принимать различные предметы царского туалета. В ночное время стряпчие несли караул на постельном крыльце кремлевского дворца. Сыновья знатных бояр получали чин стряпчего в пятнадцать лет и носили его недолго, пока не получали повышение. Князю Дмитрию было за двадцать, но он все еще оставался стряпчим.

Пять лет провел Пожарский при дворе царя Федора Ивановича. Царь давно отстранился от дел, и его именем правил Борис Годунов, брат царицы Ирины Годуновой. В руках Бориса сосредоточилась огромная власть. Ему присвоили титул правителя государства, неслыханный в прежние времена. На долю Бориса выпала трудная задача. Став фактическим преемником Грозного, он должен был пересмотреть его политическое наследие.

Иван Грозный правил государством, следуя принципу «разделяй и властвуй». Он организовал опричнину. Разделение высшего сословия на привилегированный «двор» и земщину сохранялось вплоть до времени вступления на трон царя Федора. Борис Годунов ликвидировал «двор» – последыш ненавистной опричнины. Эту меру приветствовали одинаково и бояре и дворяне. Раскол дворянства, искусственно поддерживаемый на протяжении двадцати лет, был наконец ликвидирован. Борис подавил недовольство в среде влиятельной аристократии, не прибегая к кровопролитию. Выходец из дворян, Годунов прекрасно понимал нужды своего сословия. Он освободил помещиков от податей за приусадебную пашню и тем самым впервые провел разграничительную черту между

привилегированным и податным сословиями. В обстановке разорения и разрухи разладился старый порядок перехода крестьян в Юрьев день. В 1597 году Борис издал указ о сыске беглых крестьян и тем самым узаконил отмену Юрьева дня. Меры в пользу дворян доставили Годунову популярность и поддержку высших сословий.

В январе 1598 года царь Федор умер. С его кончиной пресеклась династия Ивана Калиты, правившая Московским государством на протяжении трехсот лет. Влияние Бориса Годунова пошатнулось. Знать мирилась с властью правителя, пока он вершил дела именем законного царя. Однако в глазах великих бояр Борис оставался не более чем худородным временщиком. Претензии правителя на обладание короной вызвали негодование потомков великих и удельных князей. Годунов не состоял в кровном родстве с царем и потому не имел никаких формальных прав на трон.

Среди претендентов на шапку Мономаха современники называли Федора и Александра Никитичей Романовых, двоюродных братьев умершего царя. Несколько меньшими шансами обладал глава Боярской думы князь Иван Мстиславский. В жилах удельного князя текла кровь литовских великих князей, и он был праправнуком Ивана III.

Борьба за власть расколола Боярскую думу. Романовы считали свои позиции столь прочными, что выступили с открытыми нападками на правителя. Бояре прибегли к клевете, чтобы восстановить против Бориса столичное население. Кто-то пустил слух, что царь Федор был отравлен по его приказу. Опасаясь за свою жизнь, Годунов перестал ездить в Боярскую думу и укрылся сначала на своем подворье, а затем в стенах хорошо укрепленного Новодевичьего монастыря.

Бегство Годунова из Кремля явилось свидетельством неудачи. Многие ожидали немедленной отставки Бориса с поста правителя.

17 февраля истекло время траура по Федору, и Москва тотчас же приступила к выборам нового царя. Патриарх созвал на своем подворье соборное совещание, принявшее решение об избрании на трон Бориса. В Земском соборе участвовали духовенство, дворяне, дети боярские, приказные люди и всех чинов люди из Москвы и всей Русской земли.

На совете присутствовали бояре Годуновы, их родня Сабуровы и Вельяминовы, некоторые младшие чины думы. Противники правителя на собор приглашены не были.

В то время как сторонники Годунова заседали на подворье патриарха, руководство думы созвало свое особое совещание в

Большом кремлевском дворце. Боярская дума была высшим государственным органом России, и только этот орган мог решить вопрос о престолонаследии. Но в думе царил раздор. Не только Мстиславский и Романов, но и другие великородные бояре метили на трон. Спорам не было конца. Наконец бояре пришли к компромиссному решению. Лучший оратор думы дьяк Щелкалов вышел на Красное крыльцо и от имени бояр предложил народу принести присягу на имя думы. Попытка ввести в стране боярское правление, однако, не встретила поддержки в народе.

Раскол в верхах привел к тому, что вопрос о престолонаследии был перенесен из думных и патриарших палат на площадь. Противоборствующие партии пускали в ход всевозможные средства – от агитации до подкупа, стараясь заручиться поддержкой столичного населения.

Земский собор оказался более расторопным. 20 февраля ему удалось организовать шествие в Новодевичий монастырь. Борис благосклонно выслушал речи соборных чинов, но на все их «моления» отвечал отказом. Выйдя к толпе, правитель со слезами на глазах клялся, что и не мыслил посягнуть на «превысочайший царский чин». Мотивы отказа Годунова от короны нетрудно понять. Как видно, его смущала малочисленность толпы. А кроме того, он хотел покончить с клеветой насчет цареубийства. Чтобы вернее достичь этой цели, Борис распустил слух о своем скором пострижении в монахи. Настроения в столице стали меняться, на этот раз в пользу правителя.

Патриарх и члены собора постарались использовать наметившийся успех. По распоряжению патриарха столичные церкви открыли двери перед прихожанами с вечера 20 февраля до утра следующего дня. Расчет оказался правильным. Ночное богослужение привлекло множество народа. Наутро духовенство вынесло из храмов самые почитаемые иконы и со всей «святостью» двинулось крестным ходом в Новодевичий.

Выйдя к народу, Годунов обернул шею тканым платком и дал понять всем, что скорее удавится, чем согласится принять корону. Жест произвел большое впечатление на толпу. С еще большим усердием люди кричали: «Сжалься, государь Борис Федорович, будь нам царем-государем!» Их крики огласили все Новодевичье поле. Притворно продолжая упорствовать, правитель покинул церковную паперть и скрылся в келье сестры. Тогда некий мальчик, подсаженный взрослыми, взобрался на стену между зубцами напротив домика царицы и принялся кричать: «Пусть царица разрешит брату быть царем!» Пронзительный голос отрока, повторявшего одну и ту же фразу, покрывал голоса толпы.

Расчетливо выждав момент, Борис вышел наконец из кельи и

великодушно объявил толпе о своем согласии принять корону. Не теряя времени, патриарх повел правителя в ближайший монастырский собор и нарек его на царство.

30 апреля 1598 года Годунов окончательно вернулся в столицу. За Неглинной его ждали духовенство и народ. Борис выслушал службу в Успенском соборе, затем прошел в царские палаты и там сел «на царском своем престоле».

Переезд Годунова в царские апартаменты положил конец разногласиям в стане оппозиции. Бояре начали понимать, что им не удастся остановить Годунова, если они не примут немедленных мер. Выступление боярской оппозиции возглавил Богдан Бельский. Знаменитый временщик Грозного обладал огромным опытом по части политических интриг, и ему удалось добиться бесспорного успеха. Как доносили из России литовские разведчики, в апреле «некоторые князья и думные бояре, особенно же князь Бельский во главе их и Федор Никитич со своим братом и немало других, однако не все, стали советоваться между собой, не желая признать Годунова великим князем, а хотели выбрать некоего Симеона». Как видно, Бельскому удалось примирить претендентов на трон и уговорить их действовать сообща.

Крещеный татарский хан Симеон по прихоти Грозного занимал некогда московский трон, а затем стал великим князем Тверским. «Царская» кровь и благословение царя Ивана IV давали Симеону большие преимущества перед худородным Борисом. Симеон понадобился боярам, чтобы воспрепятствовать коронации Бориса. Их цель по-прежнему сводилась к тому, чтобы ввести боярское правление, на этот раз посредством подставного лица.

Борис не осмелился возражать Боярской думе, но постарался помешать ее деятельности под предлогом опасности татарского вторжения. 1 апреля Разрядный приказ объявил, что крымская орда движется на Русь. Легко догадаться, кому понадобился ложный слух. В обстановке военной тревоги правителю нетрудно было разыграть роль спасителя отечества и добиться послушания от бояр.

Годунов объявил, что лично возглавит поход на татар. К началу мая полки были собраны, а бояре поставлены перед выбором. Им предстояло либо занять высшие командные посты в армии, либо отказаться от участия в обороне границ и навлечь на себя обвинения в измене. В такой ситуации руководство Боярской думы предпочло на время подчиниться.

Отдав приказ о сборе под Москвой всего дворянского ополчения, Годунов в начале мая выехал к полкам в Серпухов. Правителю не пришлось отражать неприятельского нашествия,

тем не менее он пробыл на Оке два месяца. При нем находились вызванные из Москвы архитекторы и строители. Они воздвигли под Серпуховом целый город из белоснежных шатров с невиданными башнями и воротами. В этом городе Борис устроил поистине царский пир по случаю благополучного окончания своего предприятия.

Серпуховский поход смел последние преграды на пути к общей присяге. Вековой обычай предписывал проводить присягу в зале заседаний высшего государственного органа – Боярской думы. Церемонией могли руководить только старшие бояре. Дума цепко держалась за старину. Но Борис не посчитался с традицией и велел целовать себе крест не в думе, где у него было слишком много противников, а в церкви, где распоряжался преданный ему патриарх Иов. Текст летней присяги состоял из пространного перечня обязанностей подданных по отношению к «богоизбранному» царю. Подданные обещали «не думать, не дружить, не ссылаться с царем Симеоном» и немедленно выдать Борису всех, кто захочет «посадить Симеона на Московское государство». В этом пункте заключался главный политический смысл присяги. Ловким ходом Годунов разрушил планы оппозиции, замышлявшей передать трон «царю» Симеону.

В сентябре Годунов венчался на царство в Успенском соборе в Кремле. Патриарх Иов возложил на его голову шапку Мономаха. Глава думы Мстиславский осыпал золотыми монетами в дверях церкви. Новый «помазанник Божий» нарушил торжественную церемонию речью, не предусмотренной ритуалом. «Отец мой, великий патриарх! – воскликнул он посреди литургии. – Бог тому свидетель, не будет отныне в моем царстве нищих и бедных». Сжимая ворот расшитой рубахи и ударяя себя в грудь, Борис промолвил, что поделится со всеми последней сорочкой.

Новый государь дал пир на всю Москву, продолжавшийся двенадцать дней. За праздничным столом кормили всех от мала до велика. В Кремле для народа были выставлены большие чаны со сладким медом и пивом. Служилые люди по всей стране вновь получили денежное жалованье. Многим знатным дворянам царь пожаловал высшие боярские и думные чины. В числе удостоенных особых милостей были Романовы и Бельский. Бояре получили гарантии против возобновления казней. Государь дал тайный обет не проливать крови в течение пяти лет.

Его обет ни для кого не был секретом. Казна на два года освободила от торговых пошлин столичных купцов, в особенности тех, которые вели крупную торговлю. Народ получил освобождение от годовой подати. Вдовам и сиротам роздали милостыню, платье и припасы.

Однако положение Годунова оставалось довольно шатким и после коронации. За рубежом то и дело распространялись слухи о том, что царь Борис убит своими подчиненными. Вести оказывались недостоверными, но в них слышался отзвук продолжавшихся раздоров между Годуновым и враждебной ему группировкой бояр.

Через полгода после коронации правительство созвало в столице новый Земский собор. На нем присутствовали в полном составе вся Боярская дума, многие дьяки и приказные люди, дворянство, стрелецкие головы, богатые столичные купцы, посадские старосты столицы и даже несколько нечиновных помещиков, представлявших провинцию. Все функции последнего собора свелись к тому, что его члены заслушали и подписали документ, закрепивший избрание Бориса Годунова и его наследников на трон.

Князь Дмитрий Пожарский получил приглашение подписать утвержденную грамоту вместе с сослуживцами по дворцу. По традиции должность стряпчих занимали дети младших членов Боярской думы. При избрании Годунова на трон стряпчими были сыновья окольничего Клешнина, казначея Игнатия Татищева, думного дворянина Евстафия Пушкина, печатника Щелкалова. Самым последним в списке стояло имя князя Дмитрия.

Избрание Бориса стало первым крупным политическим событием, в котором Пожарский принял участие.

Глава 3
УСПЕХИ И УНИЖЕНИЯ

Предметный урок, полученный Годуновым в дни избирательной борьбы, не пропал даром. Борис уяснил, что от знати зависит будущее династии, и старался склонить на свою сторону князей. Впервые после многих лет унижений в думу вернулись с высшим боярским чином князья Ростовские, с чином окольничих – знатные Стародубские. Наступили лучшие времена и для Пожарских. Не позднее августа 1600 года царь Борис пожаловал Дмитрию поместье на 80 четвертей в Подмосковье. Из стряпчих Пожарского перевели в стольники. Годунов оказал князю Дмитрию большую честь. В стольниках служили преимущественно сыновья бояр, окольничих и знатных дворян. Тут были князья Одоевские, Сицкие и Лыковы, дворяне Романовы, Годуновы, Сабуровы. Дмитрий Пожарский нежданно-негаданно попал в круг лиц, составлявших цвет столичной знати.

Своим повышением Дмитрий был обязан скорее всего матери – Марии Пожарской. Взойдя на трон, Борис учредил придворный штат для своей жены Марии и для дочери Ксении. Издавна к детям из царской семьи приставляли честных боярынь, старых вдов, мамок, нянек и прочих служительниц. Годуновы искали боярынь для Ксении среди достойных и уважаемых дворянок. Вдова Мария Пожарская имела безупречную репутацию, и Борис пригласил ее стать «верховой боярыней» при любимой дочери.

Ксения к тому времени уже достигла брачного возраста, и в Москву явился принц датский Ганс, добивавшийся ее руки. Пожарская находилась в свите Ксении во время торжественного выезда по случаю встречи датских гостей. Повозку Годуновой окружала целая кавалькада всадниц, одетых в красные платья и белые шляпы с широкими полями, сидевших в седлах по-мужски. В виде особой привилегии Пожарская ехала за Ксенией в возке, запряженном четырьмя лошадьми серой масти.

Приготовления к свадьбе принесли Пожарской много хлопот. Но свадьба так и не состоялась. Жених занемог и скоропостижно умер. Близкие боярыни и служительницы лили слезы вместе с несчастной невестой. Однажды княгиня Скопина-Шуйская и княгиня Лыкова в ее присутствии стали рассуждать «про царевну Аксинью злыми словами». Пожарская не только оборвала их, но и поведала обо всем царице Марии Годуновой.

Когда князь Дмитрий Пожарский был пожалован из стряпчих в стольники, круг его обязанностей расширился. Обычно

стольников посылали с небольшими посольскими поручениями за рубеж, назначали товарищами к воеводам, отправляли в полки с наградами или в приказы. Стольники присутствовали на посольских приемах, а на пирах держали в руках блюда и потчевали яствами знатных гостей.

Борис Годунов был первым царем, избранным на трон «всей землей». Его противники не смирились со своим поражением и готовы были возобновить борьбу при первом благоприятном случае. Как и прежде, Богдан Бельский, бывший опричный правитель страны, внушал Годуновым наибольшие опасения. Борис постарался выпроводить его из столицы, воспользовавшись первым подходящим случаем.

Летом 1599 года Бельский возглавил военную экспедицию на Северский Донец. Государь поручил ему основать новую крепость, получившую претенциозное название Царев-Борисов.

Воевода отправился в поход в сопровождении многочисленного «двора» и с огромным обозом продовольствия, собранного в собственных вотчинах. В подчинении Богдана находилось три тысячи дворян, стрельцов и казаков. Всю эту армию воевода щедро жаловал деньгами и платьем, поил и кормил из своих запасов. Он добивался популярности и достиг цели: слухи о его щедрости распространились по Москве, и ратные люди повсюду хвалили его.

Забыв об осторожности, Бельский без всякого уважения отзывался о Борисе. «Пусть Борис Федорович царствует на Москве, – заявлял он, – а я теперь царь в Цареве-Борисове». Служивые иноземцы поспешили донести о крамольных речах в столицу. Правительство переполошилось, отозвало Бельского из армии и отдало его под суд. После допроса свидетелей суд признал его виновным. Бельский избежал тюремного заточения и казни. Но для него изобрели наказание особого рода. «Мятежника» выставили к позорному столбу и лишили чести, выщипав волосок за волоском всю его длинную бороду. Богдан Бельский лишился думного чина и отправился в ссылку в Нижний Новгород. Знать со злорадством наблюдала за унижением бывшего опричного временщика.

Еще до коронации Бориса за рубеж стали поступать сведения о его тяжелой болезни. Один современник Бориса метко заметил, что тот царствовал шесть лет, «не царствуя, но всегда болезнуя». Врачи оказались бессильны поправить его здоровье, и царь искал спасения в молитвах и богомольях. В конце 1599 года он не смог своевременно выехать на богомолье в Троицу, и его сын собственноручным письмом известил монахов, что батюшка его «недомогает». К осени 1600 года здоровье Бориса резко

ухудшилось. Один из членов польского посольства, находившегося в Москве в то время, замечает, что властям не удалось утаить от всех болезнь царя и в городе по этому поводу поднялась большая тревога. После обсуждения создавшейся ситуации в Боярской думе Бориса по его собственному распоряжению отнесли на носилках из дворца в церковь, чтобы показать народу, что он еще жив.

Ожидая близкой кончины Бориса, Романовы стали открыто готовиться к возобновлению борьбы за трон. Они собрали на своем подворье вооруженные отряды из всех своих укрепленных городков и вотчин. Их холопы распространяли в столице и за рубежом слухи о болезненности и слабоумии Федора Годунова. При таких условиях у малолетнего наследника Бориса не оставалось почти никаких шансов на то, чтобы удержать трон после смерти отца.

Бояре Романовы готовы были пустить в ход любые средства, чтобы ускорить падение Годуновых. Вполне подверженные суевериям своего времени, они втайне подумывали «извести» царскую семью с помощью колдовских чар. Среди слуг Романовых нашелся человек, который предупредил Бориса о грозившей ему опасности. То был дворянин Бартенев, служивший казначеем у Александра Романова. Дворянин сообщил, что Романов велел ему хранить в казне волшебные коренья, предназначенные для «порчи» царской семьи. Для расследования измены Боярская дума составила особую комиссию во главе с окольничим Михаилом Салтыковым. После того как стрельцы заняли романовское подворье, Салтыков произвел там обыск и обнаружил некие корешки. Донос полностью подтвердился. Найденные улики были доставлены на патриарший двор, где собрались Боярская дума и высшее духовенство. В присутствии их царь велел Салтыкову раскрыть принесенные мешки и «корение из мешков выкласти на стол».

В Боярской думе у Романовых нашлось много противников. Во время разбора дела бояре, по словам близких к Романовым людей, «аки зверие пытаху и кричаху». Будучи в ссылке, Федор Романов с горечью говорил: «Бояре-де мне великие недруги, искали-де голов наших, а ныне-де научили на нас говорити людей наших, а я де сам видел то не одиножды».

Братьев Романовых обвинили в тягчайшем государственном преступлении – покушении на жизнь царя. Наказанием за такое преступление могла быть только смертная казнь. Но Борис избегал проливать кровь. Старшего из Никитичей, Федора, который был главным претендентом на трон, заточили в монастырь. Вышло так, что монашеский куколь спас жизнь

Федору Романову, но отнял у него шансы на обладание троном.

Четверо младших братьев Федора были отправлены в ссылку в Поморье и Сибирь. Осужденных везли за тысячи верст в тяжких цепях, нередко в морозы, кормили скудной пищей. При таких условиях из младших Романовых уцелел лишь один Иван Никитич.

Когда Романовым удалось впоследствии основать новую династию, преданные им летописцы не пожалели красок, чтобы расписать злодейства Годунова и представить членов опальной семьи в ореоле мученичества. Из летописей драматические эпизоды перекочевали на страницы исторических и литературных произведений. Один из героев трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» осудил весь режим и образ правления Годунова словами:

> …Он правит нами,
> Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
> Что пользы в том, что явных казней нет…..
> Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
> Нас каждый день опала ожидает,
> Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,
> А там – в глуши голодна смерть иль петля.

В действительности правление Годунова весьма мало напоминало правление царя Ивана. Даже в самые критические моменты Борис не прибегал к резне, а его опалы были непродолжительны. История Романовых может служить тому примером. Через несколько месяцев после суда Борис распорядился смягчить режим заключения опальных, вернул из ссылки Ивана Романовича и нарядил следствие по поводу жестокого обращения приставов с больным Василием Романовым. Детям Федора Никитича и вдове Александра Никитича разрешили покинуть белозерскую ссылку и уехать в одну из родовых вотчин. Родня Романовых, князья Иван Черкасский и Сицкие, получила полное прощение и вернулась на службу. Старца Филарета Романова царь велел содержать в Антониево-Сийском монастыре так, чтобы ему «не было нужи».

Суд над Романовым бросил тень на князя Бориса Лыкова, женатого на родной сестре Федора Никитича. Борис Годунов не подвергал Лыкова прямой опале, но при первом подходящем случае послал его на воеводство в пограничную крепость Белгород.

Едва положение Лыковых пошатнулось, энергичная Мария Пожарская решила затеять с ними тяжбу. Будучи боярыней

царевны Ксении, Мария предъявила счет княгине Лыковой, служившей в том же чине у царицы Марии Годуновой. Женщинам не положено было судиться между собой, и Мария поручила защиту фамильной чести своему сыну. В октябре 1602 года Дмитрий предъявил иск «в материно место» княгине Лыковой. Стольник рисковал тем, что его выдадут Лыковым, предки которых еще при Грозном сидели в Боярской думе. Но времена переменились.

Царь Борис оказал милость Пожарскому, велев боярам рассудить его с Лыковым. На суде князь Дмитрий избрал необычный путь защиты фамильной чести. Он ссылался на то, что его прапрапрадед был старшим сыном удельного князя, от младших сыновей которого пошли бояре Стародубские, Ряполовские и прочие. С помощью блестящего родословия «младшей» братии князь Дмитрий и пытался доказать свое превосходство над Лыковым. Второй аргумент Пожарского состоял в том, что честь дворянину дается по царской милости. «Коли надо мной, холопом государя, – говорил он, – милость царская воссияла, и я по его царской милости такой же стольник, как и он, Борис Лыков, – и то дело чтется царским милосердием, и в чести живут (дворяне) и в бесчестье».

Аргументы Пожарского не произвели впечатления на бояр, и суд остался «невершеным». Но Борис Лыков не простил Пожарскому унижения и несколько лет спустя подал царю Василию Шуйскому извет на него. «Прежде, при царе Борисе, – писал Лыков, – князь Дмитрий Пожарский доводил на меня царю Борису многие затейные доводы, будто я, сходясь с Голицыным и со князем Татевым, про него, про Бориса, рассуждаю и умышляю всякое зло; за эти затейные доводы царь Борис и царица Марья на мою мать и на меня положили опалу и стали гнет держать без сыску». При Шуйском знать охотно ссылалась на преследования со стороны Годунова. Однако Борис Лыков преувеличивал, говоря о своей опале. Если Лыковы чем и навлекли на себя немилость царя Бориса, так это своей к нему враждой.

Глава 4
ВЕЛИКИЙ ГОЛОД

В начале XVII века Россию постигло разорение, которое современники рассматривали как наказание за грехи. Историки придавали первостепенное значение неблагоприятным социально-экономическим условиям, пока не взялись за изучение колебаний климата. Оказалось, что самое крупное похолодание в Европе на протяжении последнего тысячелетия произошло именно в начале XVII века. В различных концах континента – от Франции до России – наблюдались одни и те же явления: резко сократилась продолжительность теплых летних сезонов, наступило время сильных морозов и обильных снегопадов. В результате некоторые районы Европы с наиболее суровым климатом пережили подлинную аграрную катастрофу.

Лето 1601 года выдалось в России на редкость холодным. Солнце робко проглядывало из-за туч. Длительные дожди не дали хлебам вызреть. Морозы грянули необыкновенно рано и погубили урожай. По весне на озимых полях рожь либо вовсе не прорастала, либо давала вялые и редкие всходы. Земледелец, выбиваясь из сил, с надеждой взирал на небо. Все было тщетно. Новый урожай, от которого зависели благополучие и самая жизнь селянина, был начисто погублен холодом в 1602 году. Из века в век русская деревня переживала два-три больших неурожая каждые десять-пятнадцать лет. Пока голодные годы перемежались с урожайными, крестьяне кое-как справлялись с бедой. Два неурожая подряд вели к непоправимому несчастью.

К 1602 году у населения иссякли все запасы продовольствия. Чтобы утолить муки голода, люди употребляли в пищу древесную кору и траву. Собаки и кошки были выловлены и съедены. Голодная смерть стала косить народ по всей стране. Трупы валялись по дорогам. Датские послы, покидая Москву в феврале 1603 года, своими глазами видели огромные братские могилы у самых стен столицы. В окрестностях города появилось множество хищников, привлеченных трупным запахом. Волки сбивались в огромные стаи, и по ночам их вой не давал спать посадским людям. На улицах города появились лисы. Их стреляли во рву у стен Кремля.

За годы голода в трех московских богадельнях на больших братских кладбищах похоронили более 120 тысяч трупов. Умирали в огромном числе неимущие горожане и холопы.

Годунов с первых дней оценил страшную опасность и всеми

средствами пытался бороться с ней. В некоторых городах он ввел единые цены на хлеб, составлявшие половину рыночной цены. Посадская община в Соль-Вычегодске отбирала запасы хлеба у богатых людей, расплачиваясь с ними по твердым ценам. Скупщиков хлеба приказано было бить кнутом, а за возобновление спекуляции сажать в тюрьму. Меры против хлебной спекуляции на городских рынках носили общегосударственный характер. Власти обратились к бедствующему населению с особым воззванием. Они старались успокоить недовольных и убедить всех и каждого, что царь Борис правит землею справедливо, «всем людям к тишине, к покою и льготе», что он по своему милосердию оберегает их во всем, «сыскивая» «всем всего народа людям полезная», чтобы было «во всех землях изобилование, житие немятежное и неповредимый покой у всех ровно».

Казна не жалела средств на борьбу с голодом. В Смоленск Годунов отправил только в одну посылку 40 тысяч рублей для раздачи посадским людям. В столице он велел раздать нуждающимся еще большие суммы денег, а кроме того, организовал общественные работы, чтобы прокормить население. Но денежные раздачи не достигали цели. Деньги теряли цену. Казенная копейка не могла более пропитать семью и даже одного человека. Между тем слухи о царской милостыне распространились по стране, и народ толпами хлынул в столицу, отчего голод там усилился. Борис провел розыск хлебных запасов по всей стране и приказал продавать народу зерно из царских житниц. Запасы истощились довольно быстро. Немало хлеба, проданного по твердым ценам, попало в руки хлебных скупщиков. Царь пытался бороться с хлебной спекуляцией и даже велел казнить нескольких столичных пекарей, мошенничавших на выпечке хлеба. Но все это мало помогало.

Меры Годунова могли бы иметь успех при кратковременном голоде. Второй неурожай свел на нет все его усилия. Монастыри и бояре поспешили надежнее припрятать имевшиеся у них запасы зерна. Сам патриарх Иов подал пример всем остальным, отказавшись расстаться с хлебными излишками. Правительство пыталось проводить реквизиции хлеба, но ему недоставало твердости и последовательности. Царь не осмелился идти на серьезный конфликт с богатейшими из своих подданных. Попытки обуздать бешеную спекуляцию торговцев также не удались.

Борис благотворил посадам, чтобы сохранить основной источник поступлений денег в казну. Крестьянство же было обречено на голод. Даже в дворцовых волостях, фактической

вотчине Годуновых, дело ограничилось продажей крестьянам «старого» хлеба в долг по кабальным распискам. Не обладая материальными резервами, чтобы прокормить деревню, власти пытались использовать социальные рычаги. Многие годы закрепощенные крестьяне жили надеждами на государевы выходные лета. 28 ноября 1601 года страна узнала о восстановлении сроком на год крестьянского выхода в Юрьев день. Указ объяснял крестьянам, сколь милостив к ним «великий государь», который «пожаловал во всем своем государстве от налога и от продажи велел крестьянам давати выход».

Годунов постарался оградить интересы знати, князей церкви, столичного дворянства. Их крестьяне не получили права на выход и оставались крепостными. Юрьев день не был возобновлен в пределах Московского уезда и на государственных черносошных землях. Борис не желал восстанавливать против себя московских помещиков, постоянно обретавшихся в столице. Что касается черносошных земель, они служили важнейшим источником казенных доходов, и власти старались сохранить черносошных крестьян на их старых наделах.

Помещики всеми силами противились любым уступкам в пользу крепостных крестьян. Сопротивление дворян достигло таких масштабов, что царь Борис при повторном издании указа о возобновлении Юрьева дня включил в него пункт, ограждавший крестьян от помещичьего насилия и грабежа. «Насильно бы дети боярские крестьян за собой не держали, – значилось в указе, – и продаж им никоторых не делали, а кто начнет крестьян грабить и из-за себя не выпускать, и тем от нас быть в великой опале». Словесные угрозы не могли испугать дворян, коль скоро дело касалось их доходов. О серьезных же санкциях против дворянства правительство и не помышляло.

Крестьяне восприняли указы о возобновлении Юрьева дня как возврат к воле. Имея пустые житницы, они перестали вносить последние крохи в счет податей и оброков. Неповиновение голодающей деревни испугало власть имущих. В 1603 году правительство отказалось от всех сделанных ранее уступок и упразднило Юрьев день окончательно и бесповоротно. Надежды крестьян рухнули и уступили место ожесточению.

Многочисленные помещичьи холопы оказались в столь же трудном положении, что и крестьяне. Господа гнали их со двора, чтобы избавиться от лишних ртов. Холопы не получали при этом вольной. Лишившиеся пропитания люди заполонили все пути и дороги. Самые решительные из них стали вооружаться. Голодные мужики и холопы нападали на дворянские усадьбы, грабили господ на большой дороге, уходили в леса. В стране возгоралось

пламя гражданской войны. «Разбои» появились в непосредственной близости от стен столицы. Царь Борис поручил борьбу с ними окольничему Бутурлину, одному из лучших воевод Ливонской войны. Бутурлин разослал дворянские отряды против «разбоев» в Коломну, Волоколамск, Можайск, Вязьму, Медынь, Ржев, Белую и другие уезды.

С мая 1603 года москвичи стали свидетелями невиданных военных приготовлений. Борис Годунов разделил столицу на двенадцать округов и вверил их попечению бояр и окольничих. Окольничий Иван Басманов охранял порядок на окраине «в деревянном городе». Осенью он отправился в поход на «разбоев», подбиравшихся к столице с запада. Воеводам прочих округов царь велел оставаться на месте. Он опасался восстания столичной бедноты. В бою с правительственными войсками «разбои» проявили упорство и смелость. Иван Басманов погиб, но мятежники потерпели поражение, их вождь Хлопко был взят в плен и повешен.

Волнения охватили многие уезды страны. «Разбои» казались неуловимыми. Они появлялись повсюду. В Москве власти вскоре поняли, что с помощью одних только военных мер им не удастся справиться с повстанческим движением. 16 августа 1603 года царь Борис посулил свободу кабальным людям, не получавшим пропитания от своих господ в годы голода. Восставшим холопам предлагали сложить оружие и явиться в Москву для получения отпускных в Приказе холопьего суда. Таким путем власти рассчитывали внести раскол в среду мятежников. Их расчеты оправдались, по крайней мере отчасти. К концу 1603 года мятеж пошел на убыль.

Не только крестьяне и холопы, но и мелкие землевладельцы испытали нужду в годы великого голода. Некто Калистрат Осорьин составил историю жизни своей матери Ульяны, ее «хождения по мукам» в бедственные годы. Ульяна рано лишилась мужа и десять лет вдовела. Будучи владелицей нескольких деревень, она жила в изобилии и довольстве, пока не наступил голод. Благополучие семьи рухнуло; и в доме «великое было оскудение пищи, потому что не выросло всеянное в землю жито, а кони ее и рогатый скот поколели». Не в пример другим помещикам вдова не разогнала челядь. Чтобы прокормить дворню и раздать милостыню нищим крестьянам, она продала оставшийся скот и прочее имущество вплоть до одежды и посуды. Полученные деньги быстро разошлись, и вдова дошла «до последней нищеты, так что в доме ее ни одного зерна жита не осталось». Тогда она покинула свое муромское село вместе с его голодными обитателями и уехала в нижегородскую вотчину. Там

в житницах хранились еще некоторые запасы хлеба. Но их хватило ненадолго, и тогда в доме воцарилась «великая нищета». Помещица собрала холопов и объявила, что распускает их на все четыре стороны. Никто из челяди не выразил радости. Запоздалая милость грозила им голодной смертью. Сколько ни старалась Ульяна, ей не удалось поддержать мир в барском доме. Среди неописуемых бедствий рушились привычные отношения. Кабальные люди решительно отказывались повиноваться своим господам и мстили им за свои старые обиды. Старший сын Ульяны Осорьиной был зарезан собственным холопом. Что ни день, дворовые умирали голодной смертью. Чтобы избежать гибели, Осорьина велела собирать лебеду и печь лепешки из древесной коры, лебеды и муки.

Пожарские обладали большим достатком, нежели Осорьины. Но и на их долю выпали немалые испытания. Владельцы мугреевской усадьбы растеряли почти всю свою дворню. Некоторые из их кабальных холопов разбрелись, другие померли. В деревнях появилось множество заколоченных крестьянских изб. Княжие житницы и ледники были опустошены. Чтобы прокормить семью, пришлось прирезать весь скот и птицу. Марии Пожарской не удалось уберечь даже лошадей.

Тем временем началась война. В Литве появился самозванец, собравший войско и вторгшийся в пределы России. Дмитрий Пожарский получил приказ явиться в полки. Когда Пожарский прибыл в столицу и получил двадцать рублей годового жалованья, он позаботился прежде всего о приобретении боевого коня. В Конюшенном приказе ему предложили приличного иноходца. За него пришлось заплатить двенадцать рублей.

Подобно прочим дворянам, Пожарский был озадачен вестью о появлении на границе «законного государя», назвавшегося сыном Грозного. Тем не менее он без колебаний отправился на войну, чтобы защитить власть Годунова, занявшего трон в силу земского избрания.

Война стала важной вехой в жизни Пожарского. Среди испытаний военного времени окончательно сформировались такие черты его характера, как решительность, редкое хладнокровие и непоколебимая верность воинскому долгу.

Глава 5
ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

О царевиче Дмитрии Угличском забыли вскоре после того, как прах его был предан земле. Но едва царь Федор умер и бояре стали оспаривать друг у друга корону, в народе пронесся слух о чудесном спасении законного наследника из династии Грозного.

В Москве объявили, что под личиной самозваного царевича скрывается молодой галичский дворянин Юрий Богданович Отрепьев, принявший после пострижения в монастырь имя Григория. До побега в Литву чернец Григорий жил в Чудове монастыре в Кремле.

Собрав показания родственников Отрепьева, Посольский приказ сочинил своего рода назидательную новеллу о беспутном дворянском сынке, которого пороки подвели под монастырь. «Юшка Отрепьев, – значилось в этой новелле, – когда был он в миру, и тогда он по своему злодейству отца своего не слушал, впал в ересь, и воровал, крал, играл в зернь и бражничал, и бегал от отца много раз, и, заворовавшись, постригся в чернецы». Все эти сведения царские гонцы огласили на приеме в королевском дворце в Кракове.

Иную версию услышал венский двор. В личном послании австрийскому императору Борис писал о беглом монахе следующее: Юшка Отрепьев «был в холопах у дворянина нашего у Михаила Романова и, будучи у него, учал воровати, и Михайло за его воровство велел его збити з двора$7

При царе Василии Шуйском Посольский приказ составил новое жизнеописание Отрепьева. В нем сказано было, что Юшка Отрепьев «был в холопах у бояр у Микитиных детей Романовича и у князя Бориса Черкасского и, заворовавшись, постригся в чернецы». Посольский приказ признал теперь, что Отрепьев был связан по крайней мере с двумя знатнейшими боярскими фамилиями – с Никитичами – Романовыми и с их шурином Черкасским. Службу Отрепьева у бояр романовского круга можно считать подлинным историческим фактом.

Какую же роль сыграл этот факт в биографии авантюриста? Современники обошли этот вопрос молчанием. И только один летописец, живший в царствование первых Романовых, пренебрег осторожностью и приоткрыл краешек завесы. «Гришка Отрепьев, – повествует он, – утаился в страхе перед царем Борисом, который воздвиг гонение на великих бояр и послал в заточение Федора Никитича Романова с братьею, тако же и князя Бориса

Канбулатовича. Гришка же ко князю Борису в его благодатный дом часто приходил и от князя честь принимал, что и навлекло на него гнев царя Бориса. Лукавый юноша вскоре бежал, утаившись от царя во един монастырь, где и постригся».

Сколь бы осторожным ни был летописец, он весьма прозрачно намекнул на подлинные причины пострижения авантюриста. Отрепьев вынужден был уйти в монастырь в связи с крушением Романовых.

Точно известно, что чудовский монах Григорий бежал в Литву в феврале 1602 года. В кремлевской обители он пробыл примерно год. Отсюда следует, что в Чудове Отрепьев водворился в начале 1601 года, а принял монашество незадолго до того, в 1600 году. Как раз в этом году Борис «воздвиг» гонение на Романовых и Черкасских.

Можно указать еще на одно загадочное совпадение. Именно в 1600 году по всей России распространилась молва о чудесном спасении царевича Дмитрия. Она-то и подсказала Отрепьеву его будущую роль.

Современники помнили, что Юшка остался после отца своего «млад зело» и что воспитывала его мать. От нее мальчик научился читать божественное писание. На этом возможности домашнего обучения были исчерпаны, и дворянского недоросля послали в Москву «на учение грамоте».

Только ранние посольские наказы изображали юного Отрепьева беспутным негодяем. При Шуйском такие отзывы были забыты, а во времена Романовых писатели не скрывали удивления по поводу необыкновенных способностей юноши, но притом высказывали благочестивое подозрение, не вступил ли он в союз с нечистой силой. Учение давалось Отрепьеву с поразительной легкостью, и в непродолжительное время он стал «зело грамоте горазд».

Бедность и худородство не позволяли Юрию Отрепьеву рассчитывать на блестящую карьеру при царском дворе, и он поступил в свиту к Михаилу Романову.

Романовы давно знали семью Отрепьевых. Родовое гнездо Отрепьевых располагалось на Монзе, притоке Костромы. Там же находилась знаменитая костромская вотчина Романовых – село Домнино.

Царские дьяки называли Юрия Отрепьева боярским холопом. Но их слова нельзя принимать всерьез. Юшка служил Михаилу Романову скорее всего как добровольный слуга. Иначе как мог он перейти во двор к Черкасскому?

На государевой службе Отрепьевы подвизались в роли стрелецких командиров. В боярской свите они могли

рассчитывать на самые высокие посты. Однако опала, постигшая романовский кружок в ноябре 1600 года, едва не погубила молодого дворянина. Под стенами романовского подворья произошло форменное сражение. Вооруженная свита оказала отчаянное сопротивление Борисовым стрельцам. Страх перед виселицей привел Отрепьева в монастырь. Двадцатилетний дворянин, полный надежд, сил и энергии, должен был покинуть свет, забыть свое мирское имя. Отныне он стал смиренным монахом Григорием. «Чернец поневоле» тяготился монашеским одеянием. Столица притягивала его своими соблазнами, и скоро он покинул провинциальную глушь.

В Москве в Чудове монастыре доживал свои дни дед Юшки Замятая. Протекция открыла перед скромным иноком двери столичного монастыря. Чудовский архимандрит Пафнутий взял Григория, снисходя к его «бедности и сиротству». Сначала Григорий жил с дедом. Затем архимандрит перевел его к себе в келью и поручил ему сложить похвалу московским чудотворцам. Отрепьев успешно справился с этим поручением, и с этого момента начался его стремительный взлет.

Григорий жил в монахах без году неделю, тем не менее Пафнутий произвел его в дьяконы. Роль келейника архимандрита не удовлетворила Отрепьева. Он нашел себе более влиятельного покровителя в лице патриарха Иова. Переселившись на патриарший двор, Григорий стал переписывать книги и сочинять каноны. Его рвение было вознаграждено. Своим приятелям чернец говорил: «Патриарх, видя мое досужество, начал брать меня с собою наверх в царскую думу, и в славу я вошел великую». Фраза Отрепьева насчет его великой славы не была простым хвастовством.

Потерпев катастрофу на службе у Романовых, Отрепьев поразительно быстро приспособился к новым условиям жизни. Юному честолюбцу помогли выдвинуться не подвиги аскетизма, а необыкновенная восприимчивость к учению. В течение месяцев он усваивал то, на что другие тратили жизнь.

Служба у патриарха не удовлетворила чернеца. Он покинул Кремль и бежал в Литву. В Москве сравнительно рано дознались, что Отрепьев ушел за рубеж не один, а в сопровождении двух монахов – Варлаама и Мисаила. Зима 1602 года была на исходе. Голод в Москве усиливался со дня на день. По этой причине трое приятелей поспешили с отъездом из столицы.

Монахи наняли подводу до Волхова, а оттуда перебрались в Новгород-Северский. В течение трех недель бродячие монахи собирали деньги на строительство некоего захолустного тверского монастыря. Затем с собранным серебром они бежали в

Литву.

Вопреки легендам никто не пытался задержать Отрепьева на границе. Беглецы миновали рубеж без всяких приключений. Проведя три недели в Киево-Печерском монастыре, друзья отправились к Константину Острожскому, хлебосольному православному магнату. Из городка Острога бродячие монахи отправились на богомолье в Дерманский монастырь, находившийся во владениях Острожского. Тут-то Гришка и покинул своих спутников. По словам Варлаама, он сбежал в Гощу, а оттуда в Брачин, имение Адама Вишневецкого.

Брачин был тем самым местечком, где Лжедмитрий сделал свои первые самостоятельные шаги. Адам Вишневецкий взял неведомого самозванца под свое покровительство. Король Сигизмунд потребовал от магната отчет, и тот велел записать на бумагу россказни претендента на русский трон. Первое «интервью» самозванца, сохранившееся в королевском архиве, напоминало наивную сказку. Обманщик утверждал, будто его (царевича) спас некий добрый воспитатель. (Имя ему он придумать не мог.) Воспитатель неведомым образом узнал о злодейском замысле Бориса и в роковую ночь положил в постельку угличского князя другого мальчика его же возраста. Младенца зарезали, а лицо его покрылось свинцово-серым цветом, из-за чего мать-царица, явившись в спальню, не заметила подмены и поверила, что убит ее сын.

После смерти воспитателя, продолжал свой рассказ самозванец, его приютила некая дворянская семья, а затем по совету безымянного друга он ради безопасности стал вести монашескую жизнь и как монах обошел Московию. Эти сведения полностью совпадали с биографией Григория Отрепьева.

В Литве «царевич» был у всех на виду. Чтобы не прослыть явным лжецом, он изложил историю своих зарубежных скитаний, не отступая от фактов. Он признался, что явился в Литву в монашеской рясе, и точно описал весь свой путь от московского рубежа до Брачина. Графически путь самозванца можно было бы изобразить в виде причудливо изломанной кривой. И эта кривая целиком и полностью совпадала с путем Григория Отрепьева, описанным его спутником Варлаамом.

Биографические сведения, относящиеся к Отрепьеву и самозванцу «царевичу», совпадают по очень многим важным пунктам. Будучи в Остроге, Григорий и его спутники снискали расположение владельца этого местечка князя Константина. Он подарил им книгу, отпечатанную в острожской типографии, с такой надписью: «Лета от сотворения мира 7110 (1602. – Р. С.) месяца августа в 14-й день эту книгу дал нам Григорию з братею

$7

Отрепьев впервые открыл свое «царское имя» монахам Киево-Печерского монастыря. Те указали самозванцу на дверь. Православный князь Острожский тоже выставил Гришку за ворота, едва тот заикнулся о своем царском происхождении. Зато авантюрист нашел влиятельного покровителя в лице католика Адама Вишневецкого.

После перехода границы Отрепьев несколько раз ездил к запорожским казакам и просил их помочь ему в борьбе с «узурпатором» Борисом. Сечь бурлила. Буйная вольница давно точила сабли на московского царя. Многие готовы были откликнуться на призыв самозванца.

Государство, притеснявшее вольных казаков, должно было пожать плоды собственных усилий. К «царевичу» прибыли гонцы с вольного Дона. Они заявили, что войско Донское примет участие в войне с обидчиком «царевича» Годуновым. Самозванец немедленно послал на Дон свой штандарт – красное знамя с черным орлом. Его посланцы выработали затем «союзный договор» с казачьим войском.

Продолжительный голод и начавшиеся волнения поставили династию Годуновых на край гибели. Между тем царь Борис все чаще болел, и его смерти можно было ждать со дня на день. Отрепьев уловил чутьем, сколь огромные возможности открывает перед ним сложившаяся ситуация. Ему представлялась возможность возглавить выступление угнетенных низов, но самозванец предпочел сговор с врагами России.

Юрий Отрепьев принадлежал к тому же поколению, что и Дмитрий Пожарский. Но эти люди были антиподами по своим жизненным принципам, нравственности и устремлениям. Неуемное честолюбие и жажда власти побудили Отрепьева пренебречь высшими интересами родины. Одаренный редкими способностями, самозванец употребил их во зло своей стране. Служба на барском подворье, а затем в штате у патриарха помогли Отрепьеву выработать жизненное кредо. Никто не знает, в самом ли деле боярский послужилец был уверен в своем царственном происхождении. Ясно лишь одно. Будучи обделен судьбой, юный авантюрист задумал взять от жизни все, что можно, невзирая на цену, которую он предоставлял платить другим. Оказавшись за рубежом, Отрепьев, не задумываясь, использовал в своих целях военно-политические затруднения Русского государства.

Перемирие с Польшей не обеспечило стране безопасности западных границ. Король Сигизмунд III лелеял планы широкой экспансии на востоке. Он оказал энергичную поддержку

Лжедмитрию I и заключил с ним тайный договор. Взамен самых неопределенных обещаний самозванец обязался отдать ему плодородную Чернигово-Северскую землю. Семье Мнишков, своим непосредственным покровителям, Отрепьев обещал передать Новгород и Псков. Лжедмитрий, не задумываясь, перекраивал русские границы, лишь бы удовлетворить своих кредиторов.

Сигизмунд III готов был ринуться в военную авантюру. Он приказал арестовать главу Посольского приказа Афанасия Власьева, возвращавшегося из Копенгагена в Москву, а затем предложил гетману Яну Замойскому возглавить поход коронной армии на восток. Но Замойский отклонил его предложение. Планы короля не встретили одобрения ни в сенате, ни среди шляхты.

Наемное воинство под знаменами самозванца жаждало лишь одного – пограбить и нажиться. Воевода Януш Острожский следовал за армией Лжедмитрия I по пятам до рубежа, чтобы предотвратить насилия и мародерство. Не желая допустить «царя» в Киев, Острожский велел угнать все суда и паромы с киевских переправ. Лжедмитрию пришлось довольствоваться менее удобными переправами, из-за чего его армия задержалась у Днепра на несколько дней.

13 октября 1604 года самозванец перешел русскую границу и подошел к черниговскому местечку Моравску. Жители сдались ему без боя. Ободренные успехом, казаки помчались к Чернигову. Гарцуя у самой крепостной стены, они звали черниговцев переходить на сторону истинного царя Дмитрия. Воевода Иван Татев отогнал их прочь пушечными выстрелами. Но гарнизон перестал ему повиноваться. В городе вспыхнуло восстание. Татев был связан. Воспользовавшись смятением, казаки ворвались в Чернигов. Наемники ничего не сделали для овладения крепостью, но тотчас потребовали себе вознаграждение. Лжедмитрий I мог лишиться наемного войска: он начал войну, вовсе не имея денег. Ему помогла счастливая случайность – в воеводской казне нашлась изрядная сумма. Самозванец поспешил раздать деньги «рыцарству» и тем на время успокоил их.

Борис Годунов, получив известие о появлении «вора», послал в Чернигов воеводу Петра Басманова с 350 московскими стрельцами. Отряд немного не успел дойти до города, как получил весть о его сдаче. Тогда Басманов засел в Новгороде-Северском, сжег деревянный посад и приготовил крепость к обороне. Под его началом собралось немногим более тысячи ратных людей.

Лжедмитрий I подошел к городу 10 ноября и тотчас отрядил

своих послов для переговоров с жителями. Их встретили выстрелами. Московские стрельцы кричали со стен крепости: «Ах вы, такие-сякие дети, вы с вором приехали на наши деньги!» Обстрел города из небольших полевых орудий не дал результатов. Тогда охотники из числа гусар спешились и с криками устремились к крепости. Град пуль быстро отрезвил их. С наступлением ночи воинство самозванца возобновило приступ. В темноте казаки завалили ров хворостом и соломой и подожгли. Пламя подступило к деревянным стенам крепости. Но стены все же не загорелись. С полуночи до рассвета люди Лжедмитрия I пытались взять крепость штурмом, но ничего не добились. Никогда прежде не нюхавший пороху, Отрепьев отчаянно трусил. Однако вскоре произошли события, ободрившие его.

Весть о восстании в Чернигове взволновала умы во всей северской округе. Едва в окрестностях Путивля появились фуражиры самозванца, в городе вспыхнул мятеж. Окольничий Михаил Салтыков, прибывший в Путивль с подкреплением, оказался слишком нерасторопным. Изменники напали на него врасплох и, связав по рукам и ногам, увезли в лагерь Отрепьева. Стрелецкие сотни, приведенные Салтыковым, сопротивлялись три дня, а потом принуждены были сложить оружие.

Примеру Путивля последовали жители Рыльска и Севска. Восстали жители обширной Комарицкой волости. Кое-как вооружившись, они явились в Севск и захватили тамошних воевод. Обнаружилась «шатость» и в осажденном Новгороде-Северском. 50 человек выскользнули ночью из крепости и перешли на сторону «истинного царя». К началу декабря власть Лжедмитрия I признал Курск, а затем и Кромы.

Будучи за рубежом, Отрепьев многократно посылал в северские города письма и прокламации. Он звал своих «подданных» к восстанию против узурпатора Бориса и сулил им лучшее будущее. Население еще не пришло в себя после страшного трехлетнего голода, и «царек» коварно обещал «все православное христианство в тишине и в покое и в благоденственном житие учинить». Социальные мотивы были чужды Отрепьеву, и он ни разу не намекнул на возможность восстановления старинного Юрьева дня. Зато он писал об общем благоденствии. Сколь бы неопределенными ни были обещания самозванца, черный люд охотно им верил.

Прошел лишь год с тех пор, как правительство разгромило многочисленные отряды, подбиравшиеся с разных сторон к Москве. Спасаясь от голода и виселицы, «разбои» толпами бежали на северскую Украину. Этот плодородный край избежал полного разорения, и отсюда можно было уйти в казачьи станицы либо за

кордон. «Злодейственные гады», как их именовали дворянские писатели, вновь взялись за оружие, едва Лжедмитрий пересек границу.

Борис Годунов сосредоточил почти всю свою армию в Брянске. Он придавал непомерно большое значение воинственным заявлениям короля Сигизмунда III и ждал удара на Смоленск. Прошло много времени, прежде чем Борис убедился в том, что Речь Посполитая не собирается нападать на Россию. Тогда-то армия боярина Мстиславского, покинув Брянск, выступила против самозванца. В ночь на 19 декабря 1604 года полки подошли вплотную к лагерю Лжедмитрия возле Новгорода-Северского. На другой день две армии выстроились друг против друга в полном боевом облачении, но до сражения дело не дошло. Самозванец хитрил и старался оттянуть битву переговорами. Мстиславский обладал огромным перевесом в силах. Но к Новгороду-Северскому со всех сторон шли подкрепления, и боярин решил дождаться их, чтобы действовать наверняка. Бездеятельность годуновских воевод прибавила смелости главнокомандующему самозванца Юрию Мнишку и его ротмистрам. Они решили рискнуть. 21 декабря казаки отразили вылазку из осажденной крепости, после чего роты наемников одна за другой атаковали правый фланг армии Мстиславского. Не получив вовремя помощи других воевод, полк, подвергшийся атаке, стал отступать. Следуя за ним, гусары развернули фронт и ворвались с тыла в ставку Мстиславского. Большой золотой стяг, укрепленный на нескольких повозках подле шатра главнокомандующего, манил их как магнит. Никто не ждал нападения.

Мстиславский оторопел, не зная, что предпринять. Гусары сбили его с коня и нанесли удары в голову. Несколько всадников, спешившись, подрубили древко и захватили стяг. Но тут прибежали стрельцы, выручившие незадачливого главнокомандующего. Налет имел плачевный для нападавших исход. Кто успел вовремя поворотить коня, спасся. Прочие гусары вместе с их капитаном попали в плен.

Стычка длилась два-три часа и не привела к генеральному сражению. Воеводы, смущенные ранением Мстиславского, отвели полки к ближнему лесу и стали укреплять позиции. Самозванец, потеряв 120 человек, не предпринимал новых атак. В его лагере назревал мятеж. Наемное «рыцарство» окружило шатер «царька» и потребовало денег за одержанную победу. Ночью Отрепьев по совету Мнишка роздал наличность самой преданной из рот. Наутро об этом знали все. Громко проклиная «царька», наемники стали сворачивать шатры и покидать лагерь. Самозванец пришел

в отчаяние. Он умолял рыцарей, бросался на колени перед ними. В ответ он слышал площадную брань. Наемники сорвали с его плеч дорогую соболью шубу. Лжедмитрию пришлось постыдно бежать. Следом неслись крики: «Ей-ей, быть тебе на московском колу!»

Наемная армия распалась, не выдержав тягот двухмесячного похода. Покинутый «рыцарством», Отрепьев 1 января 1605 года бежал из-под Новгорода-Северского. Его «главнокомандующий» Юрий Мнишек уехал в Польшу. Убитый неудачей самозванец простился с нареченным тестем и после нескольких дней блужданий повернул на восток, чтобы перезимовать в богатой Комарицкой волости. Без особой охоты «царек» стал формировать из комарицких крестьян вооруженные отряды. Дворцовая волость принадлежала царю Борису и его семье. «Измена» волости смутила верноподданных. Едва ли не с тех далеких времен стала гулять по деревням и весям знаменитая «Комарицкая»:

Ах ты, сукин сын, комарицкий мужик!
Не хотел ты свойму барину служить.

Лжедмитрию удалось набрать в свою армию несколько тысяч комаричей. Войско самозванца на глазах меняло свой облик. Теперь в нем преобладали донские казаки и мужики. На помощь прибыли четыре тысячи запорожцев.

Между тем Мстиславский неспешно продвигался следом за самозванцем, отправляя к царю гонца за гонцом с просьбой о новых подкреплениях. Борис ничего не жалел и выслал на помощь Мстиславскому князя Василия Шуйского с царскими стольниками и московскими дворянами – цветом столичной знати.

21 января 1605 года Мстиславский и Шуйский дали бой Отрепьеву в Комарицкой волости подле села Добрыничи. «Царек» пытался повторить маневр, удавшийся ему в недавнем бою. Его конница напустилась на правый фланг царской рати и вышла к Добрыничам. Но там путь ей преградили стрельцы. Не выдержав огня, всадники обратились в беспорядочное бегство. Полки двинулись вперед. Некоторое сопротивление им оказали казаки, имевшие при себе пушки. Но и они были опрокинуты. Отрепьев пытался приостановить бегство и зарубил нескольких беглецов. На него никто не обращал больше внимания. Конь под ним был ранен, и «вор» едва не попал в руки воевод. Наемники думали лишь о себе. Но кто-то из русских отдал самозванцу своего коня и спас его от верного плена.

Дворянская конница гнала бегущих на пространстве в восемь

верст. После боя воеводы велели подобрать убитых. В наспех вырытые могилы сбросили одиннадцать с половиной тысяч трупов. В руки Мстиславского попали пятнадцать знамен самозванца и вся его артиллерия.

Потеряв многих сотоварищей, запорожцы решили рассчитаться за мертвых с «царьком». Они едва не перехватили его на пути к Рославлю. Но кто-то предупредил Отрепьева, и тот успел ускакать в Путивль. Там его покинули последние наемники. Самозванец пытался уйти за рубеж вместе с ними. Путивляне помешали ему и даже пригрозили, что за малодушие выдадут его Борису, чтобы избыть вину и заслужить прощение.

Если бы воеводы организовали энергичное преследование, они могли бы быстро занять Рыльск и Путивль и захватить в плен «вора». Но они задержались под Рыльском и дали самозванцу время оправиться от поражения. В Рыльске засели изменивший Борису князь Яков Роща Долгорукий с четырьмя сотнями стрельцов и казаков. Мстиславский не смог полностью прервать сношения гарнизона с Путивлем. Присланный самозванцем отряд проскользнул между полками и проник в крепость.

Две недели воеводы бомбардировали Рыльск, а затем поступили так же, как Лжедмитрий I после неудачной осады Новгорода-Северского. Они отступили к Севску и стали лагерем посреди Комарицкой волости. Там они надеялись пополнить запасы продовольствия и переждать последние морозы в рубленых избах у комаричей. Однако волость была опустошена самозванцем. Оказавшись без припасов, Мстиславский созвал военный совет и, к общему удовольствию, объявил о роспуске дворян по домам на отдых.

У некоторых современников явилось подозрение, что решение о роспуске полков подсказано было тайной изменой. Но едва ли такое подозрение имело основу. Мстиславскому пришлось действовать в среде враждебного ему населения. Несмотря на поражение Лжедмитрия, восстание ширилось.

Сторонники «царька» прочно удерживали в своих руках крепость Кромы в тылу у Мстиславского. Главная коммуникация царской армии была перерезана, что затрудняло подвоз продовольствия из Москвы. Воевода Федор Шереметев много недель осаждал Кромы без всякого успеха. Знатные воеводы не обладали особыми военными талантами, но им нельзя было отказать в здравом смысле. Они знали, сколь мало дворянское ополчение пригодно к зимней кампании, и пытались предотвратить его распад.

Царю Борису казалась чудовищной сама мысль о роспуске армии. Он учинил Мстиславскому разнос и категорически

запретил распускать полки. Сколько бы ни «кручинился» царь на нерасторопных воевод за отступление от Рыльска и Путивля, даже он не считал возможным предпринять немедленное наступление. Прошли считаные дни, и Мстиславский получил приказ отступить на северо-восток, к Кромам. Туда предполагалось доставить артиллерию из Москвы, предназначавшуюся для осады Путивля.

Приказ о выступлении вызвал возмущение в полках. Вместо долгожданного отдыха ратникам предстояло пережить весну в полевых условиях. По пути к Кромам многие дворяне самовольно разъехались по домам.

4 марта 1605 года Мстиславский соединился с Шереметевым в окрестностях Кром. Крепость имела двойную линию укреплений – внутренний острог и внешний «город». Стены и башни были выстроены из прочного дуба лет за десять до осады. Небольшой город располагался на высоком косогоре подле реки. Кругом простирались болота. Наверх вела единственная узкая тропа. Удачное местоположение делало крепость неуязвимой.

Обороной Кром руководил донской атаман Карела. Он был невелик ростом, но имел крепкое телосложение. Даже среди казаков выделялся своей отчаянной храбростью. Все его тело было покрыто рубцами от бесчисленных ран. Карела явился к Отрепьеву в Самбор и с тех пор не покидал его. Оказавшись в осаде с ничтожными силами, атаман слал в Путивль гонца за гонцом с просьбой о помощи. Самозванец ценил Карелу и понимал, сколь важно удержать Кромы. После некоторых колебаний он послал на выручку Кареле пятьсот донских казаков и путивльских ратников – добрую половину оставшихся у него сил. Отряд шел на восток днем и ночью. Никто не смог предупредить Мстиславского о передвижении неприятеля. В осадный лагерь под Кромы ежедневно прибывали подкрепления, и караулы приняли казаков самозванца за своих. Свою ошибку они заметили слишком поздно. Карела предпринял вылазку из крепости и очистил путь для отряда, прибывшего из Путивля.

Воеводы подняли на ноги весь лагерь. Батареи забросали крепость ядрами. Там вспыхнул пожар. С наступлением ночи стрельцы подтащили хворост к внешней стене и зажгли башни и срубы. Казаки покинули горящие стены и укрылись в цитадели. Ратники воеводы Михаила Салтыкова взобрались на городской вал и залегли среди дымящихся развалин. Но закрепиться там им не удалось. Казаки обстреливали их сверху с цитадели и предпринимали атаки одну за другой. Чтобы спасти своих людей от полного истребления, Салтыков свел их с вала, не дожидаясь приказа Мстиславского.

Поражение Салтыкова подорвало моральный дух

осаждавших. Воеводы обстреливали крепость, не жалея пороха. Но никто не спешил предпринять новый кровопролитный штурм.

После многих бомбардировок в Кромах сгорело все, что могло гореть. Не только внешний город, но и цитадель была разрушена до основания. На месте, где проходили дубовые стены, осталась одна обуглившаяся земляная осыпь. Но казаки не пали духом. Под внутренним обводом вала они устроили себе жилища – земляные норы, вал покрыли лабиринтом глубоких траншей. При обстреле они отсиживались в лазах и норах, а затем проворно бежали в окопы и встречали атакующих градом пуль. Казаки сражались с яростью обреченных. Карела предпринимал частые вылазки из крепости. Когда он был ранен, вылазки прекратились. Казаки не только свыклись со своим отчаянным положением, но и нашли способы досадить воеводам. В сумерках на вал взбиралась толстая-претолстая маркитантка, обладавшая не только могучим сложением, но и зычным голосом. Она честила воевод последними словами и выделывала такое, от чего в изумление приходили бывалые воины.

В середине марта посланцы Путивля повезли письма Лжедмитрия к донским, волжским, яицким и терским казакам. Донцы оказали самозванцу услугу, взявшись проводить его людей к властителям Большой Ногайской орды. И Годунов пытался заключить союз с ордой. Он прислал в дар хану Иштереку драгоценное оружие и велел сказать, что этим оружием он поразит врагов России. Иштерек не внял его советам и вместе с донцами принес присягу Лжедмитрию. Ногайцы получили приказ перенести свои кочевья к Цареву-Борисову. Восставшие казаки должны были собраться севернее – в районе крепости Ливны. Пункт этот они выбрали не случайно. В марте 1605 года главный посольский дьяк заявлял в Москве, что город Ливны пришел «в шатость».

Военные и дипломатические неудачи обескуражили царя Бориса. Давний советник царя конюший Дмитрий Годунов умер, и его место занял Семен Годунов. Возглавив тайное сыскное ведомство, Семен Годунов наводнил столицу своими соглядатаями. Годунов стал принимать любые доносы холопов на господ. Доносчиков возводили в дворянство и награждали поместьями. От бесчисленных доносов, утверждали очевидцы, в царстве началось великое брожение. Недовольство низов вело к тому, что агитация в пользу «доброго» царя распространялась повсюду, словно поветрие.

Власти оценили опасность, когда в лагере самозванца появились комарицкие мужики. Царь послал в Севск воеводу Плещеева с конюхами, псарями и прочей дворцовой челядью. Они

подвергли Комарицкую волость неслыханно жестокому разгрому. Мужчин вешали за ноги, жгли и расстреливали из луков, женщин и детей топили. Многих крестьян псари увели пленниками в Москву и там продали в холопство.

Весть о враждебных действиях донских казаков побудила власти направить на Дон дворянина Петра Хрущева. Десятью годами раньше Борис пытался поставить его атаманом над всем донским войском, но тогда донцы выпроводили его из Раздор. На этот раз казачий круг арестовал царского дворянина и отослал его к Лжедмитрию, еще находившемуся в то время в Польше. Доходили слухи, что в Москве у самозванца немало тайных приверженцев. Известные дьяки Смирной Васильев и Меньшой Булгаков пили его здоровье на пиру в своих домах. Холопы донесли на них, и царь, по словам Хрущева, велел умертвить Васильева в тюрьме и утопить Булгакова. Впрочем, слухи о жестоком наказании дьяков оказались беспочвенными. Булгаков продолжал службу в Казенном приказе несколько месяцев спустя после своей мнимой гибели. Васильев оставался в приказе Большого дворца и благополучно пережил четырех царей.

В действительности государство, безжалостное к низам, щадило дворянскую кровь. Годунов снисходительно относился к тем, кто проявлял «шатость». Он знал, что делал. Верхи настороженно отнеслись к самозваному «царьку».

Прежде деятельный и энергичный, Борис в конце жизни заперся в кремлевском дворце, перепоручив дела Семену Годунову. Пораженный тяжкой болезнью, он быстро терял силы.

13 апреля 1605 года Борис скоропостижно умер в своем кремлевском дворце. Передавали, будто он из малодушия принял яд. Но то были пустые слухи. Находившийся при особе царя Я. Маржерет засвидетельствовал, что причиной смерти был апоплексический удар. Таким образом, в могилу царя свел давний недуг.

Незадолго до кончины Годунов решил вверить командование армией любимому воеводе П. Ф. Басманову, отличившемуся в первой кампании против самозванца. Молодой и не слишком знатный воевода призван был сыграть роль спасителя династии. Последующие события показали, что Борис допустил роковой просчет.

Эхо войны прокатилось по всей стране. В Нижнем Новгороде Кузьма Минин продолжал торговать в своей лавке. Но теперь ему чаще приходилось иметь дело со сборщиками податей. Война требовала денег, и казна обложила посадское население новыми поборами.

Столкновения на литовском рубеже круто изменили ход жизни Дмитрия Пожарского. В боях с отрядами самозванца Пожарский получил боевое крещение. Ратная служба с ее стихией опасности и риска пришлась ему по душе, и он не жалел сил, выполняя поручения воевод. Князь Дмитрий стойко переносил невзгоды зимней кампании. На всю жизнь запомнил он свой путь в заснеженных полях, стычки с гусарами, долгие вечера у костра, стужу землянок. Глядя на бывалых воинов, Пожарский учился постигать основы ратного искусства. Но пока ни он сам, ни его сотоварищи даже не догадывались, какое славное будущее ждет его впереди.

Глава 6
ВЗРЫВ

После кончины Бориса Боярская дума и население столицы принесли присягу на имя наследника Федора Годунова и его матери. Казна раздала населению много денег на помин души Бориса, на самом же деле, чтобы успокоить население столицы. По традиции новый царь объявил общую амнистию. Опальные в немалом числе вернулись в столицу из ссылки. Среди других в Москве объявился удельный князь Иван Воротынский, которого Борис чуть ли не двадцать лет держал в провинции.

Федор Годунов получил превосходное для своего времени образование и как соправитель отца давно приобщился к делам государства. И все же у шестнадцатилетнего юноши было совсем мало шансов удержаться на троне. Родня Бориса, заполнившая думу, не пользовалась ни популярностью, ни авторитетом. В трудный час подле Федора не оказалось никого, кто мог бы твердой рукой повести корабль в бушующем море. Власть грозила выскользнуть из неокрепших рук в любой момент. В годуновской семье царили страх и растерянность. Текст присяги не оставлял ни малейших сомнений на этот счет. С голоса царицы Марии Скуратовой Семен Годунов составил непомерно длинный перечень обязательств, ограждающих безопасность царской семьи.

Реальная угроза благополучию царской семьи исходила от самозванца. Но составители присяги не обладали мужеством и постарались не касаться темы, казавшейся им слишком опасной. В течение двух лет патриарх и власти метали молнии на голову еретика и расстриги Гришки Отрепьева. Незадолго до смерти Бориса в Москве стало известно о том, что Лжедмитрий I представил жителям Путивля монаха, клятвенно подтвердившего, что он и есть истинный Григорий Отрепьев. Монах был много старше Гришки. Но разобраться в новом маскараде еще не успели. Введя в игру новую фигуру – Лжеотрепьева, самозванец добился бесспорного успеха в борьбе за умы. В Москве не знали, что думать. Замешательство царило даже среди советчиков Федора Борисовича. Вместо того чтобы следовать раз принятой линии обличения самозванца, Семен Годунов и царица решили вовсе не упоминать в «записи» имени Отрепьева. Присяга обязывала подданных не приставать к безымянному вору, «что называется князем Дмитрием Углицким», к нему не отъезжать и не желать видеть его на Московском государстве.

Составители присяги свели на нет все достижения

официальной пропаганды. По столице стали распространяться самые невероятные слухи. Упорно толковали, будто Борис покончил с собой в страхе перед «сыном Грозного». Несмотря на то, что на всех дорогах появились заставы и без лишних слов вешали гонцов Лжедмитрия I, лазутчики продолжали проникать в столицу и доставлять воровские прокламации. Народ не желал больше молчать. Большая толпа горожан собралась под окнами царского дворца. Из толпы кричали о том, что надо вернуть из ссылки старую царицу Марию Нагую и перед всем народом расспросить, жив ли ее сын или нет. Новая царица Мария Скуратова соглашалась вернуть в Москву опальных дворян, но о возвращении Нагой не хотела и слышать.

Посад вышел из повиновения, и власти ничего не могли поделать с ним. Бояре Шуйский и Мстиславский, отозванные из армии, поначалу старались держаться в тени и не обнаруживали никакого желания прийти на помощь Федору Годунову. Лишь после того как волнения в народе приобрели угрожающий характер, они забили тревогу. Князь Василий Шуйский вышел к народу и поклялся, что он своими руками уложил в гроб тело князя Дмитрия и предал его земле в Угличе. Не в пример Годуновым Шуйский не преминул упомянуть о расстриге Гришке, наученном самим дьяволом и ниспосланном стране в наказание за грехи.

Обращение Шуйского произвело впечатление. Волнения в столице на время утихли. Однако мятеж на южной окраине государства разрастался.

Русское общество было давно подточено изнутри глубоким социальным конфликтом. Испокон веку русский крестьянин мог покинуть землевладельца в Юрьев день и по первому санному пути уехать прочь, на поиски лучшей доли. Юрьев день был для обездоленных светом в окошке. Пока нормы Юрьева дня сохраняли силу, крестьянин не числился крепостным феодала, даже будучи зависимым от него. На пороге Смуты в отношениях между главными классами феодального общества произошли драматические перемены. Дворяне упразднили Юрьев день и обрекли народ на неволю.

Крестьяне, холопы, посадские люди толпами бежали на южные окраины и пополняли там вольные казачьи станицы. Выступив на стороне самозванца с оружием в руках, они рассчитывали вернуться на Русь вольными людьми. В движение пришла вся масса казаков. Их отряды продвигались на север по всем дорогам и шляхам. Недавно выстроенные крепости, разбросанные по степному пространству на большом удалении друг от друга, не могли противостоять их напору. Служилые

казаки из состава гарнизонов не выражали желания биться с восставшими и первыми переходили на их сторону.

Некогда Борис Годунов предпринял попытку посадить своих воевод в столице донских казаков городке Раздоры. Когда это ему не удалось, он приказал построить крепость Царев-Борисов. Правительство направило в новый город отборные стрелецкие части из Москвы. Но служба на дальней степной окраине тяготила стрельцов, надолго оторванных от семей и промыслов в столице. С появлением «истинного» Дмитрия у стрельцов возникла надежда на скорое возвращение домой в Москву.

Восстание казаков и стрельцов в Цареве-Борисове привело к крушению всей системы обороны южной границы. Власть самозванца признали Оскол, Валуйки, Воронеж, Белгород, позже Елец и Ливны. Впоследствии правительство прямо заявляло, что «в северских городах стрельцы смуту учинили». Пятьсот стрельцов в кумачовых кафтанах отправились из Царева-Борисова в Путивль и встречены были с подобающими почестями. Своих воевод восставшие приводили к «царьку» связанными.

Войско самозванца напоминало многоголовую гидру. На месте отрубленных голов у нее тотчас вырастали новые. Прошло четыре месяца с тех пор, как воеводы полностью уничтожили его рать. Теперь в Путивле стояла новая армия, насчитывающая до десяти тысяч человек.

Тем временем правительственная армия под стенами Кром таяла. Разбитый в болотистой местности лагерь был залит вешними водами. Вслед за тем в полках открылась эпидемия мыта – так называли тогда дизентерию. Дисциплина в годуновской армии держалась, пока дворянское ополчение громило казаков и комарицких мужиков. Неудачи и бездеятельность деморализовали войско. Едва в лагере узнали о смерти Бориса, множество столичных дворян не мешкая уехали прочь под предлогом царского погребения.

После смерти Бориса, писали дьяки Разрядного приказа, под Кромами осталось «немного бояр и с ними только ратные люди северских городов, стрельцы, казаки и чорные люди». Дьяки не избежали преувеличения. В лагере оставалось немало дворян из Рязани, Тулы, Каширы, Алексина и даже из далекого Новгорода. Но поредевшие дворянские отряды со всех сторон окружала многочисленная мужицкая посоха, обслуживавшая артиллерию. В условиях углублявшегося брожения перемены в составе армии неизбежно готовили почву для ее разложения.

При военном лагере возникло торжище. Каждый день окрестные и дальние крестьяне и торговые люди везли на продажу продукты питания и разные товары. Вместе с ними на

торг беспрепятственно проникали лазутчики из Путивля с воровскими прокламациями. Чем больше ратники в сермягах заполоняли лагерь, тем успешнее шла агитация в пользу новоявленного Дмитрия. Брожение затронуло мелкий служилый люд из северских городов. Недовольные поддерживали тайные сношения и с Карелой в Кромах, и с Путивлем. Появилось множество перебежчиков. Количество их увеличилось после смерти Бориса. Молодой арзамасец сын боярский Бахметев первым прискакал из полков в Путивль и сообщил Отрепьеву о кончине царя в Москве.

Московские власти спешили. Четыре дня спустя после кончины Годунова под Кромы прибыли новгородский митрополит Исидор, новый главнокомандующий князь Михаил Катырев и Петр Басманов. Они без особых затруднений привели полки к присяге на верность наследнику престола царевичу Федору. Но сама по себе присяга оставалась не более чем формальным актом. Горячие головы торопились нанести удар Годуновым до того, как коронация упрочит положение нареченного царя.

Земские дворяне не забыли того, что Годуновы получили трон благодаря их поддержке. Семилетнее правление Бориса не оправдало надежд многих из них. Едва взойдя на царство, Годунов выступил поборником местнических порядков, что прочно закрывало путь к воеводским постам и государственным должностям для худородных служилых людей. Новый царь на два года восстановил Юрьев день, что грозило нанести смертельный удар благополучию мелкопоместных дворян. Особое негодование вызывало то, что действие годуновского указа распространялось лишь на провинциальные поместные земли, тогда как знать и столичное дворянство не понесли никакого ущерба.

Служилые люди едва начали приходить в себя после жестокого трехлетнего голода. А между тем затянувшаяся военная кампания грозила свести на нет все их усилия. В отсутствие землевладельцев дела в поместьях шли вкривь и вкось. Помещики просили об отпуске. Но воеводы отказывали им, ссылаясь на царский наказ.

В такой обстановке недовольные составили заговор. Душою заговора стал рязанский дворянин Прокофий Ляпунов, впоследствии один из героев освободительной борьбы русского народа.

Ляпуновы происходили из провинциальных дворян, пользовавшихся некоторой известностью за пределами Рязанской земли. Их имя не раз упоминалось в московской летописи. Тотчас после смерти Грозного они присоединились к выступлению столичных посадских людей против Богдана Бельского,

пытавшегося возродить в стране опричные порядки. Московское восстание привело к отставке Бельского. Когда на вольных казачьих окраинах появились первые признаки брожения, Борис Годунов воспретил посылать туда продовольствие и прочие товары. Ляпуновы ослушались наказа, за что и поплатились.

Подобно Дмитрию Пожарскому, дворянин Прокофий Ляпунов получил первое боевое крещение в период войны с самозванцем. Ко времени осады Кром он успел приобрести репутацию храброго воина и завоевал популярность среди дворян. Именно это позволило ему выступить от имени всех, кто был недоволен властью Годунова. Прокофий Ляпунов и его братья, находившиеся вместе с ним под Кромами, стали главными инициаторами антиправительственного заговора. Поначалу число дворян, подготовлявших вместе с Прокофием переворот, было невелико. Тем не менее заговор таил в себе огромную опасность для царствующего дома. В лагере под Кромами собралось множество казаков и стрельцов, а также отбывавших повинность «посошных» крестьян. Война надоела им еще больше, чем дворянам. Многие из них связывали надежды на перемены к лучшему с именем доброго Дмитрия.

Братья Ляпуновы уклонились от общей присяги. Выждав несколько дней, они собрали в укромном месте единомышленников и «втайне вору крест целовали».

Незадолго до кончины Борис Годунов решил отозвать из полков Мстиславского и Шуйского. Он был недоволен их нерешительными и безуспешными действиями. Все свои надежды Годуновы возлагали на героя новгород-северской обороны Петра Басманова. Царь одарил его без меры и, по слухам, обещал ему руку царевны Ксении. Молодой воевода поклялся, что доставит самозванца в Москву живым или мертвым или погибнет на поле брани сам. Формально Басманов получил пост помощника нового главнокомандующего боярина князя Михаила Катырева-Ростовского. Фактически же Годуновы передали армию ему.

Катырев и Басманов покинули Москву уже после смерти Бориса. Обеспокоенный слухами о ненадежности воевод, Семен Годунов послал вдогонку Басманову приказ о назначении на один из высших постов в армии своего зятя боярина Андрея Телятевского. Сам того не желая, Семен Годунов разжег местнические страсти среди верных воевод. После блистательного взлета в опричнине Басмановы—Плещеевы надолго сошли со сцены, и лишь жестокая борьба могла возродить былую честь фамилии. Басманова оскорбило назначение Телятевского. Выслушав новую воеводскую роспись, он пал на стол и плакал навзрыд почти что час. Придя в себя, он

заявил боярам: «Семен выдал меня зятю своему Телятевскому в холопы, и я не хочу жив быть, смерть приму лучше того позору».

Явившись в лагерь, Басманов очень скоро убедился в том, что армия деморализована и неспособна к наступательным действиям. Преданность его трону заколебалась.

В лагере под Кромами царили тревога и неуверенность. Среди бела дня лазутчики из Путивля разбрасывали «воровские» прокламации. На многих из них стояли имена адресатов. Лжедмитрий «великодушно» объявил прощение всем воеводам, действовавшим против него. Он усиленно звал Мстиславского послужить истинному царю. Удельный князь не отвечал на любезные письма.

Знать проявляла куда больше недоверия к самозваному царю, нежели низы. Бояр пугали казаки и комаричи, окружавшие мнимого сына Грозного. С одинаковым недоверием они относились и к иезуитам, ни на шаг не отступавшим от Лжедмитрия. Но их отношение к «вору» стало меняться с тех пор, как в лагере самозванца появилась московская знать. Восставшие стрельцы и казаки усердно вязали воевод и волокли их к «Дмитрию». Но тот и не думал казнить «изменников». К удивлению народа, «царь» осыпал милостями своих знатных пленников. Двое из них, князь Борис Лыков и князь Татев, стали вскоре преданными слугами самозванца. Искусный лицедей Отрепьев пустил в ход все свое обаяние, чтобы расположить к себе дворян. В беседах с ними он охотно обсуждал проекты будущего устройства Русского государства. Отцы-иезуиты подслушали эти беседы и послали в Вильно подробные отчеты о них.

В Путивле князья Лыков и Татев оказали расстриге неоценимую услугу. Недовольные воеводы, оставлявшие без ответа листы «вора», откликнулись на обращение своей же «братии». Трон Годунова шатался и трещал. Предвидя близкую развязку, бояре готовы были вступить в торг с Лжедмитрием.

По утверждению иезуитов, заговорщики заключили секретное соглашение с «царем» из Путивля. Они будто бы обещали «истинному» Дмитрию престол на тех условиях, что православная вера останется нерушимой, государь будет править самодержавно, но дарует русским вольности, которыми пользуется польское шляхетство; заняв трон, царь не будет жаловать боярских чинов иноземцам и не назначит их в Боярскую думу, но волен допускать их к своему двору, а кроме того, иноверцы смогут строить церкви в Москве.

Прибегнув к посредничеству Лыкова и других своих «доброхотов», самозванец постарался рассеять опасения бояр.

Привилегии и вольности шляхетства, заявлял он, будут не только сохранены, но и расширены; уступки же в пользу иноземцев католиков будут незначительными.

Голицыны не без колебаний примкнули к заговору Ляпунова. В самый последний момент они отклонили сомнительную честь открыто возглавить мятеж в пользу беглого монаха. Накануне выступления бояре Голицыны договорились с Ляпуновым, что на другой день мятежники для вида свяжут их вместе с верными московскому царю воеводами.

Князь Василий Голицын умело использовал распри между верными царю Федору воеводами. Играя на самолюбии Басманова, он втянул его в антиправительственный заговор. Басманов доводился Голицыну родственником и с детства пользовался покровительством его семьи. Теперь он подчинялся авторитету Голицыных.

Заговорщики посвятили в свои планы воевод Путивля и Кром. Лжедмитрий тотчас направил к Кромам почти все наличные силы – тысячу казаков, пятьсот запорожцев и около пятисот поляков. Отряд самозванца держался на почтительном расстоянии от царской рати. Но его воеводы пустили в ход хитрость. Они подослали в русский лагерь гонца с ложной вестью о подходе сорокатысячного польского войска.

Седьмого мая 1605 года кучка заговорщиков подняла мятеж. Выступление началось около четырех часов пополуночи, когда лагерь был объят глубоким сном. По сигналу казаки Карелы напали на караулы и захватили мост, по которому проходила дорога в крепость. В тот же миг сторонники Ляпунова подожгли в нескольких местах лагерные постройки. Сам Ляпунов с рязанцами бросился к Разрядным шатрам, поднял с постели бояр Ивана Годунова, Михаила Салтыкова и арестовал их. Начало было многообещающим, но до полного успеха было далеко. Заговорщикам не удалось захватить верных царю воевод Катырева и Телятевского. Отряд немцев-наемников, наспех построившись возле своего знамени, объявил о верности присяге. Боярин Телятевский прочно удерживал в своих руках артиллерийские позиции. Мятеж в расположении десятитысячной армии казался безрассудной авантюрой. Верные воеводы без труда раздавили бы его, если бы армия не вышла у них из повиновения. События в лагере развивались с той же неумолимой последовательностью, что и события в северских и южных городах. Клич «За царя Дмитрия!» подхватили многие казаки, «посоха», мелкие служилые люди. Сторонники «доброго» царя стали пробиваться к мосту, чтобы быть поближе к Кромам. Вскоре на мосту собралось столько народа, что наплавной мост стал тонуть и много людей

попадало в воду. Телятевский мог повернуть пушки в сторону моста и несколькими выстрелами рассеять толпу. Но на батареях поднялась такая же суматоха, как и повсюду. Телятевского больше не слушали. По словам современников, «никто (в лагере. – Р. С.) не знал, кто был врагом, кто другом; один бежал в одну сторону, другой – в другую, и вертелись, как пыль, вздымаемая вихрем». Дворяне, наспех набросив на себя одежду, запрягали лошадей и спешили покинуть лагерь.

Катыреву и Телятевскому не удалось организовать отпор мятежникам. Басманов оказался расторопнее их. Он бросился к немцам-наемникам и закричал, чтобы они сложили оружие. Немцы колебались. Но, так как их командир фон Розен сам состоял в заговоре, отряд дрогнул и прекратил сопротивление. Телятевскому пришлось бежать с батарей. Появление казаков из Кром усугубило общую панику. Горстка казаков тонула среди десятитысячной рати, но никто не оказал им сопротивления.

Годуновской армии больше не существовало. Ратники из замосковных и северских городов, успевшие покинуть лагерь, стремились поскорее вернуться в родные места.

Как только весть о мятеже достигла Путивля, самозванец немедленно выслал к Кромам князя Бориса Лыкова. 10 мая Лыков привел к присяге всех, кто оставался еще в лагере. Лжедмитрий сделал то, чего с нетерпением ждали дворяне. Он приказал распустить рать на отдых по домам на две-три недели. Лишь наиболее надежные части получили распоряжение выступить в поход на Москву и ждать «царя» под Орлом. Отрепьев выступил из Путивля на Москву 14 мая. В пути к нему присоединился один из главных руководителей боярского заговора Иван Голицын с отрядом конницы. Угодливость Голицына не имела предела. Он клялся в вечной верности истинному сыну Грозного, просил его немедленно идти в Москву и возложить на себя древнюю отцовскую корону.

Несколько позже в ставку Лжедмитрия явились Петр Басманов и Михаил Салтыков, а затем Василий Голицын и Шереметев. Не слишком доверяя вчерашним годуновским воеводам, самозванец отклонил приглашение явиться в лагерь собственной персоной и велел сдавшимся полкам идти перед собой в Орел. Даже после соединения с ними в Орле Отрепьев размещал свою ставку не ближе чем в двух верстах от бывшей годуновской рати. Польские наемники ни на шаг не отходили от «царской» особы. По ночам 100 воинов несли караул подле его шатра. Из предосторожности самозванец отдал распоряжение боярам идти в Орел без артиллерии. В брошенном лагере остались огромные запасы военной амуниции и боеприпасов.

Иезуиты, прибывшие туда с Лжедмитрием, выражали удивление при виде множества пустых шатров и огромных осадных пушек с большим запасом ядер.

Стрельцы и казаки, распущенные из-под Кром, отправились по своим гарнизонам, «прельщая» по пути народ известиями о победе «царя». В лагере под Орлом Лжедмитрий учинил судилище над воеводами, приведенными к нему из разных городов. Боярина Ивана Годунова он велел бросить в темницу. Нашлись и другие воеводы, отказавшиеся целовать крест расстриге. Их под стражей отправили в Путивль и другие места.

Заняв Тулу, Отрепьев выслал на завоевание Москвы Петра Басманова с его ратниками. Басманову представился случай второй раз въехать в столицу триумфатором. Сначала Борис, а теперь «истинный» Дмитрий вручил ему судьбу трона.

Царь Федор послал в Серпухов своих стрельцов, и они отбили все попытки Басманова переправиться за Оку. Приведенные из-под Кром отряды продемонстрировали свою полную небоеспособность. Лжедмитрию пришлось отозвать Басманова в лагерь под Тулу. Там он провел смотр и велел распустить по домам деморализованные части.

Официальные заявления об успехе под Серпуховом не произвели впечатления в столице. Население ждало появления Дмитрия с минуты на минуту. На третий день после серпуховского боя в Москве поднялась страшная паника. С криками «войска! войска!» толпы народа бежали по узким улицам, увлекая за собой встречных. Одни вооружались, другие готовы были отворить крепостные ворота «царю Дмитрию». Молодой Федор Годунов с матерью послали дворян из Кремля, чтобы узнать, что происходит. Но те вернулись назад, захваченные общей паникой. Понемногу смятение улеглось, и тогда бояре выехали на Красную площадь и обратились с речью к собравшемуся народу. Никто не мог сказать, с чего началось общее бегство. Для острастки власти схватили первых попавшихся под руку лиц и наказали их палками.

По заведенному обычаю бояре и дьяки каждый день съезжались во дворец, и самодержец выслушивал их доклады. Но отлаженный механизм управления полностью утратил действенность. Кремль все больше напоминал замок с привидениями. Дьяки писали указы, государю оказывали подобающие почести, но теперь все превратилось в игру, лишенную смысла. Правительство не могло более направлять ход событий. Одна за другой рвались нити, связывавшие верховную власть с обществом. Грозные зарницы, полыхавшие по всей южной окраине, теперь были видны из окон дворца.

Лжедмитрий послал к Москве верного Карелу. Обойдя Серпухов, атаман 30 мая остановился вблизи столицы. При виде казаков правительство на миг стряхнуло оцепенение. Бояре не желали пускать их в Кремль. Отправленные ими отряды ратников проследовали по столичным улицам к южным заставам. На стенах крепости установили пушки. Несколько сот донских казаков не представляли реальной угрозы для превосходно укрепленного города. Военная демонстрация, затеянная боярами, имела в виду не столько донцов, сколько московскую бедноту.

Растерянные и смущенные, люди воспринимали успехи Лжедмитрия как чудо. Само Провидение вело «истинного» царя к его древней столице. Очевидное бессилие Годуновых ободрило недовольных. Брожение в столице подошло к последней черте.

Карела расположился табором у самых стен столицы и выжидал, предоставив действовать агитаторам Лжедмитрия. 1 июня 1605 года агенты самозванца Гаврила Пушкин и Наум Плещеев явились в Красное Село, богатый и многолюдный пригород столицы, собрали там большую толпу и повели ее в Москву. Годуновы узнали о их появлении с запозданием. Царь Федор выслал стражу, чтобы схватить посланцев самозванца. Но сладить с народом стража не смогла. Столичные жители сбегались со всех сторон и вскоре запрудили всю площадь перед Кремлем. Они теснились повсюду – у Фроловских ворот, на паперти Василия Блаженного, в торговых рядах. С Лобного места Гаврила Пушкин и Наум Плещеев поочередно читали послание Лжедмитрия.

Прелестная грамота начиналась с обращения «царя Дмитрия» к «его» боярам Федору Мстиславскому, Василию и Дмитрию Шуйским, к большим дворянам, к лучшим, средним и, наконец, черным людям. Самозванец напоминал боярам, каким притеснениям, каким «мукам нестерпимым» и «разорению» они подвергались от Бориса. Купцам он адресовал строки насчет обременительности годуновских податей. В счет пошлин и платежей, значилось в прокламации, Борис отбирал у торговых людей едва не треть их имущества. В конце манифеста толпа услышала долгожданные обещания «благоденственного жития» для всех православных христиан.

Жители Москвы принимали обещания Лжедмитрия за чистую монету. Слишком сильны были вековечные мечты народа о добром и справедливом правлении. Голодный люд едва не восстал при приближении отрядов Хлопка в 1603 году. Теперь у порога столицы стоял «прирожденный, христианский, кроткий и милосердный государь». Как можно было не ответить на его призыв?

Испуганные и растерянные бояре Годуновы боялись показаться народу. Верный им патриарх Иов пытался собрать преданных людей в Успенском соборе и с их помощью утихомирить толпу. Но его никто не слушал. Бояре, выехавшие из Фроловских ворот, вели себя более чем двусмысленно. Опасаясь грабежа, они старались сдержать посад, но никто из них не сказал ни слова в защиту династии.

Посреди людского моря Гаврила Пушкин скоро стушевался. Его место занял Богдан Бельский. Опричный любимец Грозного, хорошо известный столице, выступил с открытым призывом к мятежу.

Широко распространившиеся в народе настроения недовольства имели глубокие социальные корни. Низы негодовали на обременительные царские подати, на притеснения со стороны власть имущих, на неправый суд приказных. Настал момент, когда они обрушили весь свой гнев на голову тех, кто олицетворял в их глазах неправедную власть.

Вооружившись чем попало, горожане ворвались в кремлевские ворота и принялись громить царский дворец. Восставшие захватили патриарха в Успенском соборе, а затем побежали к тюрьмам и выпустили на волю всех заключенных. Вскоре восстание охватило весь посад. Годуновы держали многочисленную стражу на своих дворах с частоколом и коваными воротами. Но страх парализовал их волю. Они не оказали никакого сопротивления нападавшим. Повстанцы разгромили дворцы Годуновых и их родни – Сабуровых и Вельяминовых, а также некоторых дьяков. Дело обошлось без кровопролития.

Царскую семью выволокли из дворца на площадь и держали там довольно долго. Вдова царица рвала на себе волосы и, громко рыдая, умоляла народ пощадить жизнь ее сыну. Толпа явно не могла прийти к единодушному мнению, что делать с попавшим в ее руки царем. Наконец посадские отвели Федора Годунова и его ближних на старый Борисов двор, только что основательно разгромленный.

Враги Годуновых спешили использовать падение династии, чтобы захватить бразды правления в свои руки. Больше других шумел Богдан Бельский. Он заявил о своих правах на власть в качестве «опекуна Дмитрия» и его «спасителя». Знаменитый опричник спешил вновь утвердиться в Кремле. Он собрал разбежавшихся стрелецких командиров и велел им расставить караулы подле ворот. Распоряжение оказалось нелишним. Посреди ночи в городе ударили в набат, и толпа поднятых с постели горожан вновь собралась у ворот Кремля.

Распространился слух, будто сторонники Годуновых приготовили 400 лошадей и намерены увезти из столицы царскую семью. Убедившись в том, что Федор Годунов попрежнему сидит под стражей, посадские люди разошлись по домам.

Народное выступление покончило с властью Годуновых. Низы готовы были благословить «истинного» сына Грозного. Однако Боярская дума не спешила с изъявлением покорности самозванцу. Лишь 3 июня 1605 года Иван Воротынский повез в Тулу «повинную грамоту». Чтобы очистить столицу от родни низложенного царя, бояре отправили в Тулу вместе с Воротынским Андрея Телятевского, Сабуровых и Вельяминовых. Самозванец, ждавший главных бояр, был взбешен. На торжественном приеме он постарался унизить посланцев думы и допустил их к руке после атамана Смаги Чертенского, прибывшего с Дона. В шатре казаки ругали и бесчестили московскую знать. Более всего досталось зятю Семена Годунова Телятевскому. Его избили и еле живого бросили в тюрьму.

Петр Басманов спешил свести счеты с недругами. По его навету Сабуровы и Вельяминовы были ограблены донага и посажены в тюрьму.

Выступая из Тулы в Москву, Лжедмитрий дал почетные назначения кромским заговорщикам. Князь Василий Голицын и Борис Лыков повели в поход большой полк, Татев – сторожевой полк. Иван Голицын и Михаил Салтыков сопровождали Отрепьева в чине дворовых воевод.

Голицын и Лыков с донельзя поредевшими «полками» дошли до Серпухова и там сделали длительную остановку. Стараниями Бельского в Серпухове все было готово для приема высокого гостя. На живописных зеленых лугах раскинулся диковинный палаточный городок, издали похожий на настоящую каменную крепость. По краям «крепости» высились башни. Четверо ворот вели внутрь городка, где раскинулся огромный царский шатер. Прошло семь лет с тех пор, как в этих шатрах пировал нареченный на царство Борис Годунов. Теперь настал черед Гришки Отрепьева.

В огромном столовом шатре, дивно украшенном изнутри золотым шитьем, самозванец потчевал пятьсот гостей. Кого только не было тут! И великородная московская знать, и вольный донской атаман, и наемный сброд, готовый продать свой меч тому, кто больше заплатит. Новый властитель угощал всех по-царски. Бельский прислал в Серпухов кремлевских поваров и ключников с припасами из дворцовых погребов.

В лагере под Серпуховом самозванец принял главу думы князя Федора Мстиславского. Князь Василий Шуйский, давно уже

пользовавшийся большим влиянием, чем Мстиславский, не удостоил нового государя визитом. Поглощенный своими делами, он послал к Лжедмитрию своего брата, князя Дмитрия Шуйского.

Готовясь вступить в Москву, Лжедмитрий решил убрать со своего пути последние преграды. Он назначил управлять Москвой князя Василия Голицына, путивльского «боярина» Василия Мосальского и «печатника» Богдана Сутупова. Петр Басманов сопровождал их с отрядом от Серпухова до Москвы. Новые правители, приняв ключи от Кремля из рук Бельского, начали с того, что низложили главу церкви. Патриарху велели явиться в Успенский собор в полном парадном облачении и там содрали с него митру и мантию, отняли драгоценный посох. Престарелый Иов плакал навзрыд. Из собора его вывели в простой монашеской рясе и, бросив в телегу, увезли в заточение в Богородицкий монастырь. Там в опричные времена начался его стремительный взлет. Теперь он вернулся в Старицу простым монахом. Так Отрепьев отплатил недавнему благодетелю, со свитой которого он впервые переступил порог думы в Москве. Иов слишком хорошо знал приметы Отрепьева, и тот спешил избавиться от него.

16 июня Лжедмитрий покинул Серпухов и в течение трех дней оставался в селе Коломенском у самых стен Москвы. Там он объявил, что не вступит в царствующий град, пока жив Федор Годунов. Голицын и Мосальский не ждали повторного приказа. Через четыре дня после разорения Борисовой могилы Голицын вместе с несколькими подручными явился в тюрьму, где содержались низложенный царь Федор и его мать. Вдова Бориса обмерла от страха и не оказала сопротивления. Федор Годунов отбивался с редким упорством и мужеством. Четверо палачей долго выкручивали ему руки, стараясь набросить петлю на шею. Наконец они задушили его и расступились, бросив на полу мертвое тело.

Когда дело было сделано, Голицын послал за посадскими людьми и объявил им, будто вдова Бориса и ее сын со страху отравились, а Ксению отрава не взяла, и она ожила. Посадским издали показали трупы членов царской фамилии.

Слухи о смерти Годуновых распространились по городу. Болыпая толпа горожан собралась в Кремле. Голицын принужден был выйти на крыльцо, и ему вновь пришлось объясняться с «миром». Собравшиеся выслушали речь боярина в безмолвии. Народ сохранил жизнь низвергнутому царю. Бояре не пощадили его.

Ксения Годунова избежала смерти, но ее ждал позор. Несчастный конец Годунова свел на нет все успехи семьи

Пожарских. Главная боярыня Ксении Мария Пожарская была изгнана из дворца. Ее придворная карьера оборвалась, что немедленно отразилось на благополучии всей семьи.

Со смертью царя Федора Борисовича первая «выборная» династия, получившая власть из рук Земского собора, пала. Для князя Дмитрия Пожарского, участвовавшего в избрании Годуновых, их падение явилось жестоким испытанием. В сознании Пожарского служение земле – «земщине» и верность долгу были неразделимы. Поэтому князь Дмитрий не покидал лагерь «земского» законного государя. Среди общего замешательства и измены Дмитрий Пожарский не нарушил присяги Годуновым.

Глава 7
ОТРЕПЬЕВ НА ТРОНЕ

Бояре не для того избавились от Годуновых, чтобы безропотно передать корону безвестному проходимцу. «Принцы крови» Шуйские не забыли того, что их предки превосходили знатностью предков самого Грозного. Отрепьев так и не дождался к себе на поклон старшего Шуйского. Князь Василий спешил. Короткое междуцарствие предоставило ему счастливый шанс завладеть короной. Для этого ему надо было не допустить Лжедмитрия в Кремль. Доброхоты Отрепьева подслушали беседу Шуйского с одним москвичом. «Черт это, а не настоящий царевич! – сказал боярин. – Ты сам знаешь, что настоящий царевич мертв; не царевич это, но расстрига и изменник». Шуйские имели много приверженцев в Боярской думе. Но они прекрасно понимали, что в наступившую смутную пору верх возьмет тот, кто сможет повести за собой столичное население. Неудивительно, что Василий постарался привлечь на свою сторону вождей посада. Он посвятил в свой план знаменитого строителя Федора Коня, многих горожан, стрельцов и приходских священников.

Самозванец был крайне встревожен тем, что со смертью Федора Годунова агитация против него не только не стихла, но, напротив, приобрела широкий размах. При вступлении в Москву 20 июня он принял все необходимые меры предосторожности. Люди Отрепьева тщательно осмотрели весь путь от Коломенского до Кремля. Подле самозванца ехали знатные бояре. Весь царский поезд плотной стеной окружали отряды наемников и казаков. Вооруженную свиту бояр поместили в хвост колонны вместе с дворянами. По приказу самозванца строй московских дворян и ратников был распущен, едва кортеж стал приближаться к Кремлю.

Узкие городские улочки были забиты жителями. Чтобы лучше разглядеть процессию, люди забирались на заборы, крыши домов и даже на колокольни. Сидя верхом на лошади, Отрепьев двигался среди людского моря. Приветственные крики толпы и колокольный звон катились за ним подобно валу.

Царский «поезд» задержался у храма Василия Блаженного. В тот же миг ворота Кремля раскрылись, и из них медленно вышла процессия с крестами и иконами. Во главе процессии шли епископы в митрах и мантиях, сверкавших золотом и жемчугом. Отрепьев спешился и, дождавшись митрополита, приложился к

кресту. Но торжество было испорчено свитой самозванца. Гусары, выстроившись полукругом поротно, что есть мочи трубили в трубы и били в литавры.

С площади Отрепьев поспешил в кремлевские соборы и оттуда во дворец. Польские роты стояли в строю со знаменами подле самого крыльца, пока самозванец не скрылся во внутренних покоях. Парадный зал заполнили бояре.

С «прародительского» трона Лжедмитрий обратился с речью к знати. Обливаясь горючими слезами, он поведал собравшимся историю своего чудесного спасения. Кто-кто, а бояре-то знали истинную цену его небылиц. Но лица их выражали деланое почтение. Все склонились ниц перед самодержцем.

Каким бы лицедеем ни был Отрепьев, нервы его с трудом выдерживали напряжение. Опасаясь за свою безопасность, он сменил всю кремлевскую стражу, едва вступил во дворец. Казаки и наемники стали подле всех выходов из крепости с заряженными пищалями.

Отрепьев знал, какую власть над умами имеет православная церковь, и спешил уладить свои взаимоотношения со священным собором. Следуя приказу самозванца, отцы церкви объявили о низложении Иова «по старости и близорукости» и избрали главой церкви Игнатия. Среди московского духовенства Игнатий пользовался дурной репутацией как «муж грубый, пьяница и пакостник». Он прибыл с Кипра при Борисе Годунове и за три года управления порученной ему рязанской епархией успел основательно скомпрометировать себя. Когда рязанские дворяне «всем городом» изменили в пользу самозванца, Игнатий последовал их примеру. Он первым прибыл в лагерь Отрепьева и сопровождал его при вступлении в Москву. Новый патриарх стал служить Лжедмитрию верой и правдой.

Урегулировать отношения с боярством оказалось труднее. Почти два месяца, прошедшие после мятежа под Кромами, путивльские советники Лжедмитрия готовили почву к соглашению с боярским руководством в Москве. В конце концов они окончательно договорились о распределении мест и должностей. Московская знать добилась того, что самозванец признал своими «сенаторами» всех, кто получил боярство из рук Бориса. Изгнанию из думы подлежали лишь члены свергнутой династии да их прямая родня – Сабуровы и Вельяминовы.

Лжедмитрий щедро наградил всех участников заговора в лагере под Кромами. Однако с первых же дней правления ему пришлось столкнуться с мощной боярской оппозицией, которую возглавили Шуйские. Враги самозванца действовали без всякой осторожности, и приверженцам нового «царя» понадобилось

несколько дней, чтобы распутать нити возникшего заговора.

На третий день после торжественного въезда в столицу Отрепьев отдал приказ об аресте мятежников. Если бы вина Шуйских обнаружилась раньше, с ними расправились бы тем же способом, что и с Федором Годуновым. Но с некоторых пор самозванец был связан договором с боярами, и ему приходилось решать дела совместно с «сенаторами». По настоянию «сената» Шуйских предали соборному суду. Собор осудил главу заговора Василия Шуйского на смертную казнь. Однако после вынесения приговора бояре и духовенство сделали все, чтобы спасти осужденного. Отрепьев не решился идти против их воли. На четвертый день после суда Василия Шуйского вывели на площадь для казни. Палач содрал с него одежду и занес топор над головой. Но в последний момент боярину объявили о помиловании. Ни один из предшественников Отрепьева на троне не решал дела без участия Боярской думы. Самозванец, усевшись на престол, не изменил этого порядка. Отмена казни Шуйского явилась первым успехом думы. Приручение пришельца началось.

Круг советников, настаивавших на жестких мерах в отношении бояр-заговорщиков, потерпел поражение. Последствия этого факта не замедлили сказаться. Богдану Бельскому пришлось покинуть столицу и удалиться на воеводство в Новгород.

Для думы подлинным бельмом в глазу были казаки на улицах столицы. Бояре не могли успокоиться, пока вольные донские атаманы несли караулы подле особы царя. По их настоянию казачьи повстанческие отряды были удалены из Кремля, а затем и из столицы.

Еще в Туле самозванец вспомнил о своей мнимой матери Марии-Марфе Нагой и пытался использовать ее имя, чтобы добиться присяги от городов. По примеру Годунова он велел целовать крест себе и вдовствующей инокине-царице разом. Имя вдовы Грозного Марфы Нагой на всякий случай писали первым. Водворившись в Кремле, самозванец тайно послал к Марфе своего постельничего Семена Шапкина. Впоследствии толковали, будто инокиня согласилась признать самозванца своим сыном, потому что постельничий грозил ее убить. Но это более чем сомнительно. Шапкин приходился Марфе родней и постарался уладить дело по-родственному, с помощью обещаний и подарков. Вдова не заставила долго себя упрашивать. Она готова была заплатить любую цену, лишь бы вырваться из монастырской тюрьмы и вернуться к давно забытой роскоши и почету.

В середине июля Лжедмитрий с толпой бояр и под охраной польских наемников выехал в село Тайнинское. В поле под

Тайнинским вдова Грозного, выйдя из дорожной кареты, впервые увидела человека, нисколько не похожего на ее сына. Отрепьев преодолел минутное замешательство и искусно сыграл свою роль. Он соскочил с седла и бросился к ногам «матери». Той волей-неволей пришлось разыграть свою часть комедии. На другой день вдова с «сыном» въехали в столицу. Толпы народа провожали кортеж от заставы до дворца. Демонстрируя сыновнюю покорность, Отрепьев слез с коня и, сняв шапку, шел пешком подле кареты царицы. Подле Успенского собора Лжедмитрий раздал народу щедрую милостыню. На присутствующих сцена свидания вдовы Грозного с вновь обретенным сыном произвела сильное впечатление. У многих на глаза навертывались слезы.

Три дня спустя после прибытия царицы Марфы Отрепьев короновался на царство. После воцарения Лжедмитрий щедро наградил бояр и дворян, сложил на десять лет подати с жителей Северской земли. Следуя воле Боярской думы, он распустил затем всю свою наемную гвардию, приведенную из-за литовского рубежа. Однако Сигизмунд III вскоре напомнил своему ставленнику о секретных соглашениях, подписанных в Польше. Опасаясь разоблачения, Лжедмитрий не решился прямо отказаться от обязательств о передаче королю пограничных русских земель, но стал предлагать ему вместо городов деньги. Чтобы усыпить подозрения бояр, Отрепьев объявил себя императором и затеял шумный спор с Сигизмундом III из-за титулов. Все это делалось для отвода глаз. Тайный католик, Лжедмитрий откровенно объяснил мотивы своих действий посланцу Ватикана. «Пронесся слух, – сказал он, – что я обещал уступить несколько областей польскому королю. Крайне необходимо категорически опровергнуть это. Вот почему я настаиваю на моих титулах».

Сигизмунд был не на шутку раздосадован дерзостью своего ставленника. Их взаимоотношения окончательно испортились после того, как Лжедмитрий установил тайные связи с польской шляхтой, возглавившей оппозицию королю. Вожди оппозиции обещали самозванцу польскую корону, и тот клюнул на приманку. Сигизмунд пришел в исступление, когда ему донесли об этом. Согласно полученной в Кракове информации московский властитель тайно обещал оппозиции сто тысяч флоринов и помощь войсками.

В марте 1606 года правительство Речи Посполитой обнародовало известные ему факты. Литовский канцлер объявил членам сейма в Варшаве, что враги короля предлагали царю Дмитрию польскую корону и ныне поддерживают с ним тайные сношения.

Не закончив одной авантюры, самозванец очертя голову бросился в другую. Низложение Сигизмунда было бы для него подарком судьбы. Отрепьев не мог отдать королю русские земли, но не мог и отказаться от выполнения секретного договора. Он был загнан в угол. Детронизация Сигизмунда разом разрешила бы все его затруднения.

Бояре мигом оценили ситуацию и стали домогаться союза с польским королем. Они готовы были заплатить любую цену за то, чтобы согнать расстригу с древнего московского трона. Тщетно самозванец пытался порвать все нити, связывавшие его с прошлым. Слишком многим в Москве известна была его характерная внешность. Слишком могущественные силы заинтересованы были в его разоблачении. Отрепьеву приходилось придумывать всевозможные уловки, чтобы вновь и вновь доказывать свое истинно царское происхождение. Одна из таких уловок и погубила его.

Благословение мнимой матери царицы Марфы помогло Лжедмитрию овладеть умами. Но «семейное» согласие оказалось на редкость хрупким. Когда толки о самозванстве возобновились, царь задумал устроить новую инсценировку, чтобы воочию доказать народу, будто в Угличе погиб некий поповский сын, а вовсе не царевич. Отрепьев распорядился разорить могилу царевича Дмитрия в Угличе, а труп ребенка удалить из церкви прочь. Расстрига оказался плохим психологом. Его намерения оскорбили Марфу Нагую до глубины души. Она не захотела допустить надругательства над прахом единственного сына. Отрепьев стоял на своем. Тогда Марфа обратилась за помощью к боярам. Те поспешили отговорить Лжедмитрия от задуманного им дела. Но они оказали услугу Марфе отнюдь не бескорыстно. Бояре сдернули с ее лица маску любящей матери и сделали ее орудием своих интриг. Вдова Грозного помогла заговорщикам установить контакт с польским двором.

Польский гетман Жолкевский сообщил в своих записках, что Марфа Нагая через шведа Петра Петрея подала королю весть о самозванстве царя. Бояре выбрали Петрея потому, что он был лично известен Сигизмунду III и находился на царской службе в Москве. При свидании с королем Петрей заявил, что Лжедмитрий «не тот, за кого себя выдает», и привел факты, доказывавшие самозванство царя. Швед рассказал королю о признании царицы Марфы, а также сослался на мнение посла Гонсевского, только что вернувшегося из Москвы и «имевшего такие же правдивые и достоверные сведения о Гришке, как и сам Петрей». Петрей имел свидание с королем в первых числах декабря 1605 года, когда король праздновал свадьбу с Констанцией. Сам Сигизмунд

подтвердил, что именно в дни его свадьбы московские бояре вступили с ним в переговоры насчет свержения Отрепьева. Вскоре после Петрея в Краков прибыл царский гонец Иван Безобразов. Он должен был вручить Сигизмунду III грамоты московского царя. Кроме официального поручения, ему предстояло выполнить секретное задание. Это задание он получил от бояр, тайных врагов Лжедмитрия. Любая огласка могла привести на эшафот и гонца, и его покровителей.

Безобразов был принят в королевском дворце и от имени своего государя испросил у Сигизмунда III «опасную» грамоту на проезд в Польшу московских послов. Грамота была вскоре изготовлена, но гонец, следуя инструкции, отказался ее принять из-за того, что в ней пропущен был императорский титул «Дмитрия». Перед отъездом московит, улучив момент, дал знать королю, что имеет особое поручение к нему от бояр Шуйских и Голицыных. Король доверил дело пану Гонсевскому. Его свидание с Безобразовым было окружено глубокой тайной. Но ближайшие советники Сигизмунда получили своевременную информацию о переговорах. Гетман Станислав Жолкевский поведал о них миру в своих мемуарах. Устами Безобразова московские вельможи извещали короля о намерении избавиться от обманщика и предлагали царский трон сыну Сигизмунда Владиславу. Гонец говорил о царе в таких выражениях, которые поразили Гонсевского. Он пенял на то, что король дал Москве в цари человека низкого и легкомысленного, жаловался на жестокость Лжедмитрия, его распутство и пристрастие к роскоши, и под конец заключил, что обманщик не достоин Московского царства.

Иван Осечка Безобразов не имел нужды прибегать к околичностям и дипломатии по той простой причине, что бояре-заговорщики еще раньше установили прямой контакт с королем и успели оказать ему важную услугу. Они предупредили его, что царь метит на польский трон.

В заговоре против Отрепьева участвовали лица, пользовавшиеся его полным доверием, – Василий Голицын, Мария Нагая, Михаил Татищев и другие думные люди. Через надежных людей заговорщики исподтишка вели агитацию против Лжедмитрия, распускали убийственную для него молву. Одновременно организовали целую серию покушений на Отрепьева. Напуганный покушениями, Отрепьев набрал себе новую дворцовую стражу из немцев-наемников. Иноземная стража охраняла внутренние покои дворца и сопровождала государя всюду, куда бы он ни поехал.

Отрепьев не имел возможности навербовать в Москве сколько-нибудь значительное число наемников. Когда события

приобрели опасный поворот, ему пришлось вспомнить о своем первом «главнокомандующем» Юрии Мнишке и его дочери Марине.

Водворившись в Москве, бывший чернец стремился наверстать упущенное время. В компании с Басмановым и неким Молчановым он предавался безудержному разврату. Царь не щадил ни замужних женщин, ни пригожих девиц и монахинь, приглянувшихся ему. Его клевреты не жалели денег. Когда же деньги не помогали, пускали в ход угрозы и насилие. Во дворце было множество потайных дверей. Женщин приводили под покровом ночи, и они исчезали в лабиринтах дворца.

Наиболее скандальную известность приобрела связь Отрепьева с Ксенией Годуновой. Лишившись отца, а затем матери, Ксения оказалась на девичьей половине дома князя Мосальского. Вместе с другими трофеями царевна стала добычей самозванца. Царь Борис нежно любил дочь и постарался дать ей хорошее воспитание. Ксению научили «писанию книжному» и чтению. Она получила музыкальное образование. Страшась за будущее дочери, Борис повсюду искал для нее жениха. Его послы вели переговоры в Лондоне, Вене и Грузии. В Москву был приглашен сначала шведский принц Густав, а затем датский герцог Иоганн.

Несчастная судьба Ксении пробудила сочувствие к ней народа. При жизни Годуновой в Москве был записан «плач», полный жалости к погубленной сироте.

Сплачется мала птичка, белая пелепелка:
Ох-ти мне молодой горевати!
Сплачется на Москве царевна:
Ох-ти мне молодой горевати!
Что едет к Москве изменник,
Ино Гришка Отрепьев расстрига,
Что хочет меня полонити,
А полонив меня, хочет постричи,
Чернеческий чин наложити!
Да хочет теремы ломати,
Меня хочет, царевну, поимати,
А на Устюжну на Железную отослати,
Меня хочет, царевну, постричи,
А в решетчатый ад засадити.
Ино ох-ти мне горевати:
Как мне в темну келью ступати?

Ксении минуло двадцать. Она засиделась в девках. А ведь

царевна была завидной невестой. Современников восхищали скромность царевны и чинность ее речей. Судя по их описаниям, она была настоящей русской красавицей – пригожей, белолицей и румяной. Ее густые волосы падали на плечи, большие черные глаза сияли.

Подле стройной Ксении Отрепьев казался маленьким уродцем. Приземистый, гораздо ниже среднего роста, он был непропорционально широк в плечах, почти без талии, с короткой бычьей шеей. Руки его отличались редкой силой и имели неодинаковую длину. В чертах его лица сквозили грубость и сила. Облик самозванца вовсе был лишен царского величия. Признаком мужества люди XVI века почитали бороду. Лжедмитрий был вроде скопца. На его круглом бабьем лице не росли ни борода, ни усы. Зато его украшали несколько бородавок. Самая большая из них располагалась подле толстого носа, похожего на башмак. Угрюмый, тяжелый взгляд маленьких глаз дополнял гнетущее впечатление.

Лишь после того как трон Лжедмитрия закачался, он вспомнил об оставленной в Польше невесте и стал торопить Мнишков со свадьбой.

Марина Мнишек не обладала ни красотой, ни женским обаянием. Живописцы, щедро оплаченные самборскими владельцами, немало постарались над тем, чтобы приукрасить ее внешность. Но и на парадном портрете лицо будущей царицы выглядело не слишком привлекательным. Тонкие губы, обличавшие гордость и мстительность, вытянутое лицо, расширяющееся книзу, слишком длинный нос, не очень густые черные волосы, тщедушное тело и крошечный рост очень мало отвечали тогдашним представлениям о красоте. Подобно отцу, Мнишек обладала склонностью к авантюре, а в своей страсти к роскоши и мотовству она даже превзошла отца. В чувстве Марины к Отрепьеву тщеславие переплеталось с расчетом.

Юрий Мнишек надоедал Отрепьеву докучливыми просьбами насчет денег, но не спешил ехать в Москву.

Он не считал положение будущего зятя достаточно прочным. Взявшись за подготовку свадьбы дочери, старый Мнишек потребовал, чтобы царь порвал связь с Ксенией Годуновой. «Поелику, – писал он, – известная царевна, Борисова дочь, близко вас находится, благоволите, вняв совету благоразумных людей, от себя ее отдалить». Самозванец не стал перечить тестю и пожертвовал красавицей Ксенией. Царевну постригли в монашки и спрятали от света в глухом монастыре на Белоозере.

Посланцы Лжедмитрия отвезли в Самбор двести тысяч злотых. Эти деньги предназначались не только на покрытие

долгов Юрия Мнишка и приготовления к свадьбе. Отрепьев просил тестя как можно скорее навербовать для него солдат и поспешить с ними в Москву.

Второго мая 1606 года царская невеста со свитой прибыла в Москву. Жители не могли отделаться от впечатления, что в их город вступила армия, а не свадебная процессия. Впереди следовала пехота с ружьями. За ней ехали всадники с копьями и мечами, с ног до головы закованные в железные панцири. По улицам Москвы горделиво гарцевали гусары, ветераны московского похода. За каретой Марины следовали шляхтичи в нарядных платьях. Их сопровождали толпы вооруженных слуг. За войском следовал обоз. Гостям услужливо показали дворы, где им предстояло остановиться. Обозные повозки одна за другой исчезали в боковых переулочках и за воротами дворов. Москвичи были окончательно сбиты с толку, когда прислуга принялась разгружать скарб. Вместе с сундучками и узлами гайдуки выносили из фур ружья и охапками вносили их наверх.

Лжедмитрий чувствовал, как почва уходит из-под ног, и инстинктивно ждал спасения от тех, кто некогда помог ему расправить крылья и взлететь. Старый «главнокомандующий» Юрий Мнишек и рыцарство были вновь подле него. Доносы насчет измены поступали со всех сторон, и Отрепьеву не приходилось выбирать. Он пытался повторить рискованную игру, в которой ставкой были его власть и самая жизнь.

Жизнь русского двора стала напоминать фантастический сон, полный чудесных превращений и кошмаров. Даже искушенные жизнью старые царедворцы испытывали легкое головокружение при виде лицедея на троне. О чем думал и что чувствовал тогда Пожарский, никто не знает. Следуя своим жизненным правилам, князь Дмитрий старался держаться в стороне от придворных интриг. Никому из бояр-заговорщиков и в голову не пришло посвятить его в планы переворота.

Нижегородскому посадскому человеку Кузьме Минину не довелось видеть Отрепьева. Подобно другим жителям Нижнего, он был поражен сначала вестями о воцарении «Дмитрия», а затем тайными пересудами о его самозванстве. Князь Дмитрий Пожарский не только видел Лжедмитрия, но и общался с ним во дворце. На торжественных приемах в честь иноземных послов и гостей стольник Пожарский выполнял почетные поручения. Он потчевал послов яствами и напитками и сидел за одним столом с гостями. При дворе знали, что в присутствии иноземцев князь Дмитрий не уронит своего достоинства.

При царе Борисе Пожарский пытался местничать со стольником Борисом Лыковым. Предав Годуновых, Лыков

совершил быструю карьеру. Лжедмитрий сделал его своим кравчим, а затем и боярином. Сомнительными были пути тех, кого приблизил к себе новый государь. Князь Иван Хворостинин вошел в его покои в качестве фаворита. Не успев как следует освоиться с латинской премудростью и заморским обхождением, Хворостинин проникся бесконечным презрением к родной стране. «Люди здешние все глупые, и жить не с кем», – будет жаловаться он в своих записках, вспоминая об избранном кружке самозванца, где ему довелось блистать так недолго. Пожарский не завидовал лаврам фаворита и никогда не разделял его образа мыслей.

Глава 8
В СЕТЯХ ЗАГОВОРА

Еще при Грозном российское дворянство устами Ивана Пересветова заявило о своих нуждах и требованиях. Отрепьев сознавал значение военно-служилого сословия и старался снискать его симпатии. Даже обличители мерзкого еретика изумлялись его любви к «воинству». В своем дворце Лжедмитрий не раз громогласно заявлял, что по примеру отца он рад жаловать «воинский чин», ибо «все государи славны воинами и рыцарями (дворянами): ими они держатся, ими государство расширяется, они – врагам гроза».

Советники Лжедмитрия, подытожившие казенные траты, утверждали, что за первые шесть месяцев тот истратил семь с половиной миллионов злотых. На русские деньги это составляло более двух миллионов рублей. Пытаясь найти опору непосредственно в дворянской массе, самозванец задумал расширить выборно-представительные органы дворян. Борис Годунов приглашал на избирательный Земский собор назначенных им самим представителей провинциального дворянства. Отрепьев попытался установить прямой контакт с выборными представителями уездов. Чтобы полностью учесть интересы уездных дворян, он велел им выбрать и прислать в Москву своих представителей «с челобитными о поместном верстании и денежном жалованье». Выборные представители получили право отдать свои челобитные непосредственно государю, царю Дмитрию Ивановичу.

Лжедмитрий разрабатывал планы большой войны против турок и татар. Российское дворянство с воодушевлением поддержало его замыслы. Продвижение на юг должно было обезопасить владения южных помещиков от продолжавшихся нападений кочевников и давало им надежду на новые пожалования. С помощью своего союзника – войска Донского – Отрепьев рассчитывал быстро овладеть Азовом. Падение Азова привело бы к изгнанию турок с Дона и перерезало бы широким клином татарские владения в Крыму и на Северном Кавказе. Опорной базой азовского похода стала крепость Елец. Туда из Москвы доставили осадную и полевую артиллерию, там создали склады с огромным количеством военного снаряжения и продовольствия. С весны 1606 года подготовка к походу вступила в решающую фазу. С разных концов страны к Ельцу шли отряды ратных людей. Замыслам самозванца, однако, не суждено было

исполниться.

Жалованье дворянам и подготовка к войне опустошили государеву казну. Столкнувшись с финансовыми затруднениями, Отрепьев решил поправить свои дела за счет церкви. Он взял три тысячи рублей у Иосифо-Волоколамского монастыря, пять тысяч рублей – у Кирилло-Белозерского монастыря и тридцать тысяч – в Троице-Сергиевой обители. То было лишь начало. Скудеющие дворяне с жадностью взирали на несметные богатства монастырей. В кругу советников-протестантов Отрепьев охотно обсуждал проекты частичной секуляризации доходов церкви и обращения их на нужды казны и дворянства. До поры до времени церковники прощали самозванцу его подозрительные связи с католиками и протестантами. Но посягательство на их кошелек оказалось для них поистине непосильным испытанием.

Помолвка царя с Мариной Мнишек подлила масла в огонь. Фанатики честили царскую невесту как еретичку и язычницу. Они требовали вторичного крещения польской «девки». Но патриарх Игнатий не поддержал их. В угоду царю льстивый грек согласился ограничиться церемонией миропомазания, которая должна была сойти за отречение от католичества. Лжедмитрию удалось сломить сопротивление духовенства. 10 января 1606 года близкие к нему иезуиты сообщили, что противники царского брака подверглись наказанию, но никто из них не предан казни.

Свадьба Лжедмитрия дала новую пищу для агитации против него. Дело дошло до того, что юродивая старица Елена стала предсказывать царю смерть на брачном пиру. Лжедмитрию тотчас сообщили о ее пророчестве. Но он посмеялся над ним.

Разоблачение надвигалось неотвратимо. О самозванстве царя толковали как враги, так и друзья. Отрепьев не мог положиться даже на ветеранов. Некогда изменники братья Хрипуновы, сбежавшие в Литву, первыми «вызнали» в беглом монахе государева сына. После воцарения Лжедмитрия Хрипунов вернулся в Россию. На границе он встретил давнего знакомого капитана Боршу, проделавшего с царевичем путь от Путивля до Москвы. Взяв с Борши клятву насчет молчания, Хрипунов сообщил ему, что в Москве уже дознались, что царь не истинный Дмитрий, и скоро с ним поступят как с самозванцем.

Лжедмитрий еще сидел на троне, а его знатные противники готовы были перессориться из-за того, кто наследует его корону. Из дипломатических соображений бояре готовы были преподнести шапку Мономаха Владиславу. Кандидатура принца призвана была предотвратить раскол, который неизбежно привел бы к крушению заговора. Но католический принц удовлетворял далеко не всех московитов. Противники Владислава вспомнили о

царе Симеоне Бекбулатовиче, некогда посаженном на московский трон по воле самого Грозного. Толки насчет Симеона достигли дворца, и Отрепьев счел благоразумным покончить с мирской карьерой крещеного хана. 25 марта 1606 года Симеона постригли в монахи и увезли под стражей в Кириллов монастырь на Белоозеро.

В московском войске числилось пять тысяч стрельцов. Командовал ими верный царю Петр Басманов. Стрельцы несли охрану Кремля, и пока они сохраняли преданность царю, заговорщики не могли рассчитывать на успех. Однако к началу марта 1606 года среди кремлевских стрельцов замечена была «шатость». Многие открыто толковали, что царь не истинный Дмитрий. Когда разговоры дошли до слуха Басманова, тот тайно учинил большой розыск и арестовал семь человек – организаторов смуты. Самозванец устроил показательный суд над ними и выдал осужденных на расправу их же товарищам.

Обстановка в Кремле накалилась до предела. В начале апреля во дворце произошел характерный эпизод. На званом пиру Отрепьев потчевал бояр изысканными блюдами. Среди других яств на стол подали жареную телятину, употребление которой было запрещено церковью. Василий Шуйский стал потихоньку пенять царю на нарушение церковных правил. Государь оборвал его. Но тут в спор вмешался Михаил Татищев, который считался любимцем царя. Отец Татищева верно служил Грозному, за что получил в опричнине чин думного дворянина. Михаил не оказал особых услуг Лжедмитрию, но тот возвел его в окольничие, невзирая на его худородство. Татищев грубо выбранил государя за приверженность к нечистой пище. В наказание за такую дерзость Отрепьев велел сослать Татищева в Вятку и содержать в тюрьме в колодках, «потаив имя его». Конфискованный двор окольничего он отдал одному из приехавших шляхтичей.

Расправа с Татищевым смутила заговорщиков, и они сделали все, чтобы вызволить сообщника. Через своего «братанича» Петра Басманова Василий Голицын и прочие бояре настойчиво просили государя простить Татищева. За ревнителя благочестия заступилась вся дума. Лжедмитрию пришлось отменить свой приказ и без промедления вернуть крамольника в Москву. Инцидент с Татищевым обнаружил полную зависимость Отрепьева от Боярской думы.

Прибытие Мнишка с воинством ободрило Лжедмитрия. Но успех связан был с такими политическими издержками, которые далеко перекрыли военные выгоды. Брак Отрепьева с Мариной, заключенный вопреки воле духовенства, окончательно осложнил положение. Царскую свадьбу предполагалось отпраздновать в

воскресенье 4 мая 1606 года. Но в назначенный день свадьба не состоялась. В глубокой тайне жених просил у папы Римского разрешения на миропомазание и причащение Марины по православному обряду. Без подобного акта Мнишек не могла стать московской царицей. Ватикан отвечал царю решительным отказом. Попав в трудное положение, Отрепьев решил соединить церемонию свадьбы и коронацию воедино. Сложный обряд понадобился самозванцу, чтобы не раздражать ни православных, ни католиков. Московское духовенство и дума согласились исполнить его волю лишь после долгих препирательств и споров.

Свадьбу сыграли 8 мая во дворце. Поутру молодых привели в столовую избу, где придворный протопоп Федор торжественно обручил их, после чего чету проводили в Успенский собор. Патриарх короновал католическую невесту царской короной и совершил миропомазание, но царица не взяла причастия, как того требовала утвержденная думой процедура.

Отказ Марины принять причастие возмутил православных. Едва коронация кончилась, как дьяки под разными предлогами выставили послов и иноземцев из церкви и заперли двери за их спиной. Сразу после этого патриарх обвенчал царя с Мнишек по православному обряду. Невзирая на запрет Ватикана, Марина приняла православное причастие без тени смущения или колебания. Вероотступничество не слишком тревожило Мнишек. Куда больше ее занимал тщеславный вопрос: хороша ли она в русском платье, в которое обрядили ее по настоянию бояр?

Вельможи давно уже знали, что за птица был их государь. Но они все еще усердно разыгрывали свои роли. Стоило Гришке кивком подать знак Василию Шуйскому, и тот раболепно склонялся к трону, чтобы удобнее устроить на скамеечке его ноги, не достававшие до пола. Могущество монарха было, однако, призрачно. Историческая драма все больше напоминала фарс. Бояре свысока взирали на низкорослую пару, не имевшую и тени законных прав на престол и тщившихся изобразить величие. Хотя образа висели невысоко, молодые не могли приложиться к ним, и слугам пришлось расставить скамеечки для них под иконами.

Правление Отрепьева не принесло народу перемен к лучшему. Весной 1606 года столичный посад был вновь охвачен брожением. Действуя в интересах дворян, Отрепьев далек был от мысли о восстановлении права крестьянского выхода в Юрьев день. В годы голода немало крепостных крестьян искали спасения на плодородных степных окраинах. При Лжедмитрии дума разработала закон, определявший судьбу этих беглецов. Те, кто бежал в дальние места от крайней нужды и бедности, получили разрешение не возвращаться к старым землевладельцам. Закон не

предусматривал освобождения беглых. Он лишь закреплял их в крестьянстве либо в холопстве за новыми землевладельцами. Таким образом, речь шла об уступке не крепостным крестьянам, а состоятельным дворянам преимущественно южных уездов, которые успели привлечь на свои земли чужих крестьян. Законы Лжедмитрия подтвердили старые постановления о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян.

Новый взрыв социальной борьбы оказался неизбежным. Тихий Дон на время успокоился. Но замутился Терек. Там собрались в большом числе вольные казаки, беглые крепостные и холопы, обманутые в своих ожиданиях. В далекой Москве «доброго» царя вновь окружили злые советники – лихие бояре, и казакам приходилось думать о себе самим. Триста терских казаков задумали посадить на трон нового государя. Мысль о своем казачьем «царе» подали товарищам казаки из беглых боярских послужильцев-холопов. Выбор пал на двух молодых казаков – Илейку с муромского посада и Митьку, сына астраханского стрельца. Митька отговорился тем, что никогда не бывал в Москве. Илейка жил там в прислуге у подьячего несколько месяцев. Как «бывалому» столичному жителю, ему пришлось взять на себя роль царевича. Он принял имя Петра, сына царя Федора Ивановича. Едва новый самозванец прибыл с Терека в Поволжье, «черный» люд толпами стал стекаться к нему со всех сторон. Повстанцы заняли три волжских городка и забрали найденные там пушки. Они упорно продвигались вверх по Волге на север, громя по пути купеческие караваны. Вскоре под знаменами Петра собралось до четырех тысяч человек. Казачьи атаманы, руководившие действиями «царевича», писали в Москву грозные письма, требуя передачи трона сыну последнего законного царя Федора Ивановича.

Когда положение Лжедмитрия в столице стало отчаянным, он вспомнил о своих давних союзниках из народа. Незадолго до своей гибели он тайно послал на Волгу доверенного дворянина Третьяка Юрлова. Гонец должен был повидать «царевича» Петра и передать казакам приказ «итти к Москве наспех». Однако «царевич» Петр шел на Москву, чтобы занять трон… Обращение Лжедмитрия не осталось секретом для бояр и побудило их спешить с исполнением своих планов.

Прибытие иноземных войск не стабилизировало, а накалило обстановку в Москве. Многочисленное посадское население, годом ранее свергшее Годунова ради Лжедмитрия, теперь угрожало посаженному им самим царю. Через неделю после царской свадьбы в Москве произошли крупные народные волнения. Солдат Вишневецкого избил посадского человека и

скрылся за воротами. Народ осадил двор и потребовал от Вишневецкого выдачи виновного. К ночи подле двора собралось до четырех тысяч человек. Посадские грозились разнести хоромы в щепы и разошлись лишь под утро.

Народное возмущение застало Лжедмитрия врасплох. Он удвоил караулы в Кремле и поднял по тревоге несколько тысяч стрельцов. Польские роты бодрствовали всю ночь, не выпуская из рук оружия. Время от времени они палили в воздух, надеясь удержать москвичей от выступления.

На другой день в Москве воцарилась зловещая тишина. Торговцы отказывались продавать иноземцам порох и свинец. Самозванец получал предостережения со всех сторон. Немцы-наемники несколько раз подбрасывали в его покои подметные письма с предостережениями. Наконец, во дворец явился Юрий Мнишек со множеством доносов в руках. Царь отвечал, что среди его народа никто не имеет что сказать против государя, а если бы он, царь, что заметил, то в его власти «и всех в один день лишить жизни».

Самонадеянность самозванца не могла скрыть от окружающих его подлинных чувств. В дни свадебных пиршеств он был угрюм и подавлен, по временам им овладевало раздражение. Отрепьев знал о существовании заговора, но не подозревал, что в предательстве повинны его любимцы, которые бессовестно пресмыкались у его ног и старались усыпить все его подозрения. Лжедмитрий оказался в положении загнанного зверя.

Заговорщики следили за каждым шагом самозванца и каждое его распоряжение обращали против него самого. 12–13 мая Лжедмитрий велел вывезти за крепостные ворота пушки и приготовить крепость, чтобы потешить гостей пушечной стрельбой и военными играми. Заговорщики тотчас распустили слух, будто на играх «литва» готовится перебить бояр. Боярская агитация имела успех. Вечером 14 мая волнения в городе возобновились. Заговорщики призвали к оружию всех своих сторонников. Но войска Лжедмитрия своевременно приготовились к отпору. В последний момент Шуйские и Голицыны пошли на попятную и отменили приказ о выступлении. На другой день царь по совету Басманова и Мнишков распорядился взять под стражу нескольких человек. Охрана Кремля получила приказ не церемониться с подозрительными. В ночь на 16 мая трое неизвестных, прокравшихся в Кремль, были убиты на месте, трое других замучены на пытке.

После переворота по всей Москве рассказывали, как дьяк Тимофей Осипов решил пострадать за православие и, явившись во дворец, в лицо обличил царя как еретика и самозванца. Эту

легенду, призванную освятить мятеж авторитетом человека почти что святой жизни, сочинили сами заговорщики. По словам Маржерета, Осипова схватили после того, как раскрылись тайные замыслы мятежников. Дьяка пытали в присутствии Басманова. Осипов понимал, что выбраться живым из застенка ему не удастся, и проявлял редкую стойкость.

Подвешенный на дыбу, он не переставая твердил, что на троне сидит проклятый еретик Гришка Отрепьев.

В руках властей оказался человек, посвященный во все тайны заговора. Медлить дальше было нельзя.

Наступил день 17 мая. По обыкновению Отрепьев встал на заре. Басманов, ночевавший во внутренних покоях, доложил, что ночь прошла спокойно. На Красном крыльце государя поджидал дьяк Афанасий Власьев. Поговорив с ним, Лжедмитрий ушел в покои, не заметив ничего подозрительного.

Между тем толпа заговорщиков – до 200 вооруженных дворян – уже двигалась к Кремлю. Бояре приурочили свои действия к моменту, когда во дворце происходила смена караула. Командир первой роты копейщиков Яков Маржерет был болен и не явился во дворец. По слухам, он примкнул к заговору и сам приказал отвести от царских покоев внешнюю охрану. Во внутренних помещениях осталось не более 30 гвардейцев. Стрельцы, караулившие Фроловские ворота, знали в лицо Василия Шуйского и Голицына. Они не выказали тревоги при их приближении. Нападение заговорщиков застало стрельцов врасплох. Они бежали, не оказав сопротивления. Завладев воротами, Шуйский и Голицын велели бить в колокола, чтобы поднять на ноги посад. Не полагаясь на сообщников, Василий Шуйский во весь опор поскакал через Красную площадь к торговым рядам. Горожане спозаранку спешили за покупками, и на рынке собралась уже немалая толпа. По приказу Шуйского ударили в набат в Ильинской церкви. Заслышав набат, Лжедмитрий послал Басманова спросить, что значит этот шум. Дмитрий Шуйский и другие бояре, с утра не спускавшие глаз с самозванца, отвечали ему, что в городе, верно, начался пожар.

Между тем звон нарастал, разливаясь по всему городу. Раздавались крики: «Горит Кремль! В Кремль, в Кремль!» Горожане со всех сторон спешили на Красную площадь. Шум поднял на ноги не одних только противников самозванца. Схвативши оружие, ко дворцу бросилась «литва». Роты, стоявшие поблизости от Кремля, выступили в боевом порядке с развернутыми знаменами. Лихая атака еще могла выручить самозванца из беды. Но бояре успели предупредить опасность. Они обратились к народу, призывая его бить поганых «латынян» и

постоять за православную веру. С площади во все стороны поскакали гонцы, кричавшие во всю глотку: «Братья, поляки хотят убить царя и бояр, не пускайте их в Кремль!» Призывы бояр пали на подготовленную почву. Толпа бросилась на шляхтичей и их челядь. Улицы, ведущие к Кремлю, были завалены бревнами и рогатками. Разбушевавшаяся стихия парализовала попытки «литвы» оказать помощь гибнущему Лжедмитрию. Наемные роты свернули знамена и отступили в свои казармы.

На площади перед дворцом дело близилось к развязке. Лжедмитрий, напуганный шумом, вторично выслал Басманова из покоев. Вернувшись, тот сообщил, что толпа требует к себе царя. Самозванец не отважился выйти на крыльцо. С бердышом в руках он высунулся в окно и, потрясая оружием, крикнул: «Я вам не Борис!» С площади в окно несколько раз выстрелили, и он поспешно отошел от окна.

Басманов пытался спасти положение. Выйдя на Красное крыльцо, где собрались бояре, именем царя он просил народ успокоиться и разойтись. Наступил критический момент. Многие люди прибежали ко дворцу, чтобы спасать царя от поляков. Тут же находилось немало стрельцов, готовых послушать своего командира. Заговорщики заметили в толпе неуверенность и поспешили положить конец затянувшейся игре. Подойдя сзади к Басманову, Татищев ударил его кинжалом. Другие заговорщики сбросили дергающееся тело с крыльца на площадь. Расправа послужила началом к штурму дворца. Толпа ворвалась в сени и обезоружила копейщиков. Отрепьев заперся во внутренних покоях с 15 немцами. Шум нарастал. Дверь трещала под ударами нападающих. Самозванец рвал на себе волосы. Наконец он бросил оружие и бежал. Подле покоев Марины Отрепьев успел крикнуть: «Сердце мое, измена!» Струсивший царь даже не пытался спасти жену. Воспользовавшись потайным ходом, он пробрался из дворца в Каменные палаты на «взрубе». Глухой дворик под окнами палат был пуст, и Отрепьев впопыхах прыгнул из окошка вниз. Обычно ловкий, он на этот раз упал на землю мешком и вывихнул ногу.

Неподалеку от Каменных палат стрельцы несли караульную службу. Заслышав крики Отрепьева, они прибежали на помощь, бережно подняв с земли беспомощного царя, унесли его со двора в здание. Между тем мятежники, не обнаружив Лжедмитрия во дворце, принялись искать его по всему Кремлю. Вскоре им удалось обнаружить убежище беглеца. Самозванец обещал стрельцам золотые горы за свое спасение. Когда заговорщики попытались схватить царя, стрельцы открыли пальбу и отразили их. Но силы были слишком неравны. Толпа запрудила весь двор, а затем ворвалась в покои. Стрельцы сложили оружие.

Попав в руки врагов, Отрепьев понял, что ему конец. И все же он продолжал отчаянно цепляться за жизнь. Глядя с земли на окружавшие его знакомые лица, самозванец униженно молил дать ему свидание с матерью или отвести на Лобное место, чтобы он мог покаяться перед всем народом. Мятежники были неумолимы. Один из братьев Голицыных отнял у Гришки последнюю надежду на спасение. Он объявил толпе, что Марфа Нагая давно отреклась от лжецаря и не считает его своим сыном. Слова Голицына положили конец колебаниям. Дворяне содрали с поверженного самодержца царское платье. Оттеснив прочь стрельцов, они окружили плотным кольцом скорчившуюся на полу фигурку. Те, что стояли ближе к Гришке, награждали его тумаками. Те, кому не удавалось протиснуться поближе, осыпали его бранью. «Таких царей у меня хватает дома на конюшне!»; «Кто ты такой, сукин сын?» – кричали они наперебой. Василий Шуйский разъезжал по площади верхом на коне и призывал людей подойти поближе и «потешиться над вором».

Заговорщики опасались выпустить Отрепьева из рук и поспешили убить его там же в палате. Сын боярский Григорий Валуев подошел к нему вплотную и выстрелил в него из пищали. Дворянин Иван Воейков нанес саблей удар по голове. Около часу дня все было кончено. Труп Отрепьева поволокли ко дворцу Марфы Нагой. Народ вызвал вдову Грозного для объяснений. Нагая в страхе отреклась от мнимого сына и назвала убитого вором.

Наемники не оправдали возлагавшихся на них надежд. Некогда они покинули Лжедмитрия близ границы в самый трудный час. В Москве они проявили не больше желания умереть за того, кто платил им деньги. Некоторые шляхтичи, впрочем, пытались пробиться во дворец. Они подверглись избиению. Заодно толпа чинила расправу над чужеземцами, случайно оказавшимися на улице. Беспорядки спровоцировали бояре-заговорщики. Им помогли монахи. Осажденные в своих домах поляки наблюдали из окон за суетой монахинь. Старицы проворно сновали в толпе и то и дело кричали: «Бей поганых!»

За рубежом толковали, будто в дни восстания в Москве погибло до двух тысяч человек. Несколько поляков, очевидцев мятежа, внесли в свои дневники именные списки убитых. Сопоставление этих списков позволяет установить, что жертвами выступления стали 20 шляхтичей, близких к самозванцу, и около 400 слуг и челядинцев.

Гонсевский и его свита почти не потерпели ущерба. Василий Шуйский и другие заговорщики позаботились о том, чтобы уберечь посла и его свиту от ярости народной. Сразу после

переворота они прислали войска для охраны посольского двора.

Как только самозванец был убит, бояре поспешили прекратить кровопролитие и навести порядок на улицах столицы.

В дни своего недолгого царства Отрепьев щедро жаловал чины и деньги своим любимцам. Худородный дворянин выбивался в бояре и дворецкие, мелкий дьяк становился хранителем государственной печати. К чести Пожарского, он покинул дворец самозванца в том же чине, в котором вошел в него. Кратковременное правление Лжедмитрия ничего не переменило в его жизни. Князь Дмитрий чурался тех, кто способствовал торжеству самозванца и кто затем безжалостно отделался от него.

Глава 9
ИВАН БОЛОТНИКОВ

После убийства самозванца бояре приказали выбросить его труп за ворота на площадь, а сами, затворившись в Кремле от народа, совещались всю ночь. Наутро они объявили о низложении главы церкви патриарха Игнатия. Незадолго до переворота православные люди с Украины прислали к патриарху некоего львовского мещанина с грамотами. Гонец уведомил патриарха, что царь является тайным католиком. После гибели Лжедмитрия грамоты попали в руки бояр и были использованы думой для низложения патриарха. Боярская дума так же хорошо знала о вероотступничестве Отрепьева, как и глава церкви. Но отвечать за все пришлось одному Игнатию. На него бояре переложили вину за коронацию Лжедмитрия и Марины Мнишек. Грека с позором свели с патриаршего двора и заточили в Чудов монастырь.

Опасаясь народных волнений в стране, бояре спешили завершить дело избрания нового царя в течение одного-двух дней. При жизни Лжедмитрия заговорщики обещали корону польскому королевичу Владиславу. Бесчинства наемного войска, приведенного Мнишком, и последовавшие затем народные волнения привели к тому, что вопрос о передаче трона иноверному королевичу отпал сам собой. Ситуация претерпела разительную перемену, и боярам нетрудно было отказаться от своих обещаний Сигизмунду. Борьба с оппозицией поглощала все силы короля, и Москве не приходилось опасаться вооруженного вмешательства извне.

Решение избрать государя из московской знати положило конец единодушию думы, достигнутому в дни переворота. Слишком многие желали заполучить себе корону. Среди бояр начались распри, которым не видно было конца. Шуйский, Мстиславский, Романовы, Голицыны наперебой вербовали себе сторонников в думе и среди столичного населения. Дворяне поддерживали тех, к кому вхожи были в дома и кто их жаловал.

Правящие верхи не прочь были созвать Земский собор и пригласить на «царское избрание» представителей провинции. Положение в столице, однако, оставалось угрожающим, и боярам пришлось отказаться от своих намерений. Народ не выпускал из рук оружия. Кого бы ни избрала дума, ее ставленник не удержал бы власть без общего согласия. Обращение к народу оказалось неизбежным.

На третий день после переворота, едва члены думы съехались

в Кремль, как по всему городу ударили в колокола. Скоро народ запрудил всю Красную площадь. Во дворце собрался импровизированный Земский собор. В его деятельности участвовали Боярская дума, духовенство, многие столичные дворяне, гости и торговые люди. Собор утвердил в качестве кандидатов на трон двух старших и знатнейших членов думы – князя Федора Мстиславского и князя Василия Шуйского. Окончательное решение думные чины предоставили всему православному народу. Взойдя на Лобное место, руководители собора представили населению намеченных кандидатов.

Мстиславский не был популярен в столице. Толпа промолчала, когда дьяк объявил его имя. Кандидатуру Шуйского народ встретил одобрительными возгласами. Это и решило исход дела. Наблюдавший за церемонией Конрад Буссов писал, что Шуйский стал царем по воле немногих бояр и князей и всех этих купцов, сапожников и прочих жителей Москвы. Шуйские в самом деле поддерживали давние связи с верхами московского посада и пользовались определенной популярностью в народе. При расстриге князь Василий едва не лишился головы как поборник православия. С крестом в руках он поднял толпу на еретика в день переворота.

С Лобного места бояре и посадские люди отвели князя Василия в кремлевский Успенский собор. Митрополит Крутицкий нарек его на царство и отслужил молебен по этому случаю.

У Василия Шуйского были сложные отношения с Боярской думой. Не прошло и года с тех пор, как бояре осудили его на смертную казнь. Многие из них боялись мести с его стороны. Чтобы заручиться поддержкой большинства в думе, нареченному царю пришлось составить особый документ – крестоцеловальную запись. Самодержец под присягой обязался без истинного суда с участием бояр не казнить дворян и не отнимать у их жен и детей вотчин и пожитков. По своему усмотрению царь мог «по суду и по сыску» приговорить к смертной казни черных людей – гостей и торговцев. Но и в этом случае он не должен был забирать имущество у семьи казненного. Шуйский обещал не слушать наветы, строго наказывать лжесвидетелей и доносчиков, судить всех истинно и по справедливости.

Обстановка в столице оставалась после переворота тревожной и неопределенной. Даже после наречения Шуйского бояре пользовались большей властью, нежели сам царь. Знать спешила выдвинуть проекты, клонившиеся к ограничению самодержавной формы правления.

Среди церковников царил такой же разлад, как и среди бояр. Положение усугублялось тем, что церковь лишилась главы.

Давний покровитель Отрепьева Пафнутий, покинув чудовскую келью, стал митрополитом Крутицким. Он сыграл не последнюю роль в разоблачении самозванца и заговоре против него. Теперь он рассчитывал разделить с Шуйским плоды успеха. Именно Пафнутий нарек князя Василия на царство. По чину руководить подобной церемонией могли лишь старшие иерархи – новгородский либо ростовский митрополит. Когда после избрания царя дума и священный собор начали совещаться насчет избрания патриарха, сторонники Шуйского оказались в трудном положении. Им не удалось привести на патриарший престол Пафнутия. Не прошла также и кандидатура Гермогена, самого рьяного из противников Лжедмитрия. Большинство голосов на соборе неожиданно получил Филарет, в миру боярин Федор Никитич Романов, пользовавшийся до того полным доверием Отрепьева.

Почему дума и князья церкви оказывали предпочтение деятелям умеренного толка вроде Мстиславского и Романова, проявлявших безусловную лояльность по отношению к Лжедмитрию? Ответ на этот вопрос напрашивается сам собой. В Боярской думе оставалось еще слишком много людей, всецело обязанных карьерой Отрепьеву. Они получили из его рук чины, не соответствовавшие их породе и службе. Естественно, что они боялись за свое положение и избегали крутых перемен.

Руководители переворота, захватив Отрепьева, могли организовать суд над ним с тем, чтобы полностью обличить его в самозванстве. Но они предпочли убить его. Три дня обезображенный труп Отрепьева валялся у торга на Красной площади. С утра и до ночи подле него толпилось множество людей. Труп царя таскали с места на место, уродовали и пинали, плевали на него. После трехдневного «позора» Отрепьева увезли за город и, бросив в яму, пригвоздили колом к земле, чтобы «чародей» никогда не мог восстать из мертвых.

Убиение двух государей и самодержцев всего лишь за год – такого в русской истории еще не случалось. Было от чего прийти в изумление подданным российской короны. Смущенные умы тотчас приметили множество зловещих «знамений», предвещавших новые беды. Передавали, будто на могиле поверженного Лжедмитрия по ночам зажигались огни, слышалось дивное пение и творились другие диковинные вещи. В ночь после гибели Отрепьева неожиданно грянул мороз, державшийся целую неделю. На полях померзли хлеба, пожухла трава и листья на деревьях. Испуганные люди объяснили беду вмешательством сверхъестественных сил. Оборотень давал о себе знать с того света, наколдовав похолодание.

Сторонники Лжедмитрия распускали по городу слухи, крайне неблагоприятные для Василия Шуйского. В первое воскресенье после его наречения неизвестные лица на рассвете прибили на многие дома листы с известием о том, что Дмитрий жив и сам Бог вторично укрыл его от изменников. Прокламации вызвали смятение в народе. Красную площадь вновь запрудили толпы москвичей. Они требовали к себе бояр для объяснений. Бояре вышли на Лобное место и поклялись, что Бог покарал лжецаря расстригу Отрепьева, а мощи истинного царевича Дмитрия все скоро смогут увидеть своими глазами.

Василий Шуйский заблаговременно послал в Углич за телом царевича Дмитрия только что нареченного в патриархи Филарета Романова. Вместе с ним в угличскую комиссию вошли Петр Шереметев и некоторые другие лица, противившиеся избранию на царство Шуйского. Предоставив пост главы церкви митрополиту Филарету, царь Василий рассчитывал привлечь на свою сторону всех Романовых и их влиятельную родню. Фаворит Лжедмитрия Иван Хворостинин отправился на покаяние в монастырь. Чин кравчего Василий Шуйский передал племяннику Филарета Ивану Черкасскому. Однако новый царь напрасно расточал милости боярам романовского круга. Переворот воскресил в душе Федора Романова прежние честолюбивые мечты. Бывший боярин не помышлял о сложении духовного сана и возвращении в мир. Расстриги пользовались на Руси самой дурной славой. Но у Филарета был девятилетний сын Михаил. Он имел основание занять трон в качестве племянника последнего законного царя Федора. Боярская дума отвергла кандидатуру малолетнего Романова. Но о возможности его избрания народ толковал по всей стране. В конце мая в Нарве немцы со слов русских говорили, что управлять Москвой будет не иначе как один из Романовичей.

Федор Никитич обладал слишком нетерпеливым характером. Он с головой окунулся в интриги, едва попав в патриархи. Когда власти стали доискиваться, откуда взялись подметные письма, следы привели на двор к Романовым. Оказалось, что злоумышленники приносили листы не кому иному, как Филарету Романову.

За вторичное воскрешение тени Дмитрия взялись люди, принадлежавшие к ближайшему окружению убитого. Тут были и его слуга Хвали-бога, не признавший в убитом государя, и секретарь Станислав Бучинский, рассказывавший сказки о двойнике царя, и повар Мнишков, и некоторые другие лица польского происхождения. Но почти все они находились под стражей и ничего не могли бы сделать, если бы не

покровительство влиятельных русских вельмож.

Власти пытались в корне пресечь зловредные слухи о чудесном спасении «истинного Дмитрия». Для этого они затеяли новое представление с трупом Отрепьева. Тело извлекли из могилы и на глазах у горожан провезли в открытой повозке через всю столицу. Последним земным пристанищем Гришки стала деревня Котлы. Туда самозванец велел перевезти Гуляй-город, готовясь к последним потехам. Москвичи называли расписной Гуляй-город чудищем ада. Деревянные стены крепостицы были сломаны. Из обломков сложили костер и на нем сожгли тело Отрепьева. Пепел от костра развеяли по ветру.

В день «казни» тела самозванца пришла весть о том, что в Угличе патриарх и бояре открыли мощи истинного Дмитрия. С согласия Марфы Нагой власти постановили перевезти его прах в Архангельский собор.

Василий Шуйский был озабочен тем, чтобы изобразить действия заговорщиков как вынужденный акт. Секретаря Яна Бучинского угрозами вынудили дать ложные показания, будто Лжедмитрий собирался с помощью наемников перебить всех бояр, но опоздал с осуществлением плана всего на один день. «Речи» Бучинского тотчас были доведены до общего сведения, как и секретные договоры Отрепьева с Мнишек, его переписка с Ватиканом и другие документы, захваченные в тайнике в царских покоях.

При огромном стечении народа дьяки зачитали обвинительные статьи против самозванца с объяснением причин его убийства. Поборники запоздалого правосудия утверждали, будто перед смертью убитый признался, что он беглый чернец Гришка Отрепьев, а Нагие тогда же подтвердили это. Отрепьева обвиняли в том, что он был чернокнижник и еретик, думал разорить православную веру, опустошил казну, предавался разврату, занимал деньги у святых монастырей, покровительствовал самозваному царевичу Петру.

Официальные заявления не достигли цели. Вера в доброго царя оказалась столь же живучей, как и ненависть к лихим боярам. Опасаясь происков бояр и народных волнений, Василий Шуйский решил короноваться, не медля ни дня. Предшественники царя Василия надевали шапку Мономаха месяц спустя после наречения. Даже самозванец не осмелился нарушить традицию. Шуйский ждал менее двух недель. Корону на его голову мог возложить только патриарх. Но царь Василий имел случай убедиться в том, что Филарет тайно интригует против него вместе с прочими его врагами. Он не стал дожидаться возвращения Романова из Углича и венчался на царство 1 июня.

Вместо патриарха в соборе священнодействовал новгородский митрополит Исидор. Вновь по всей столице звонили в колокола, но торжества прошли без веселья и блеска.

Дворяне, успевшие в немалом числе съехаться в Москву, были жестоко разочарованы. И Борис, и Лжедмитрий пожаловали их двойным годовым окладом при вступлении на трон. Шуйский не нашел денег в казне. Получив многочисленные дары от бояр и епископов по случаю воцарения, он не смог отдариться как следует.

Предполагалось, что торжества по случаю обретения мощей царевича Дмитрия послужат прологом к коронации. Из-за спешки эти замыслы остались неисполненными. Патриарх привез тело из Углича с опозданием в два дня. Царь и бояре отправились пешком в поле, чтобы встретить мощи за городом. Их сопровождали попы и большая толпа горожан. Марфе Нагой довелось в последний раз увидать сына, вернее – то, что осталось от него. Потрясенная страшным видением, Нагая не смогла произнести слов, которых от нее ждали. Чтобы спасти положение, царь Василий сам возгласил, что привезенный труп и есть мощи Дмитрия. Ни молчание царицы, ни речь Шуйского не тронули толпу. Все живо помнили встречу Марфы с «живым сыном». И Шуйский, и Нагая слишком много лгали и лицедействовали, чтобы можно было поверить им снова.

Едва Шуйский произнес нужные слова, носилки поспешно закрыли. Процессия, после некоторой заминки, развернулась и проследовала по городским улицам в Кремль до врат Архангельского собора. В собор были допущены только главнейшие бояре да епископы.

Обретение мощей царевича Дмитрия не привело к желаемым результатам, в народе по-прежнему царило беспокойство. Передавали, будто недовольные намеревались забросать Василия Шуйского камнями на улицах города. Ночью неизвестные люди пометили крестами дворы изменных бояр и поляков. Прошел слух, будто сам государь велел предать меченые дома разграблению. Слух был ложным. Василий Шуйский поспешил удвоить стражу подле двора польских послов «для безопасности от народа». Меры предосторожности оказались нелишними. Подле «крещеных» дворов народ толпился и шумел, подобно пчелиному рою. Рассеять его удалось лишь с большим трудом.

Волнения достигли апогея 15 июня в воскресенье. Многотысячная толпа с оружием и дрекольем собралась у Лобного места против кремлевских ворот и потребовала царя для объяснений. Шуйский шел к обедне, когда ему сообщили об опасности. Со всех сторон ко дворцу бежали люди, непонятным

образом просочившиеся в Кремль. Окруженный со всех сторон, царь Василий не мог сдержать слез, бросил царский посох и объявил боярам, что отказывается от власти, если он им неугоден. «Если так, – воскликнул он, – выбирайте, кого хотите!» Теснившиеся подле придворные выразили царю свою преданность и просили наказать виновных. Шуйский не дал себя долго упрашивать и с видимой поспешностью принял жезл, который подали ему услужливые руки.

Начальник дворцовой стражи Маржерет, находившийся весь день подле государя, пережил много неприятных минут. Если бы Шуйский вышел на площадь, писал позже Маржерет, ему не миновать бы участи Лжедмитрия. Бояре несколько раз выходили к толпе и Христом Богом заклинали посадских разойтись. Время шло, и толпа стала редеть. К ночи на Красной площади никого не осталось. Стража приметила тех, кто шумел больше всех. Их вскоре же схватили, заманив в западню. Несколько дней спустя вожаков мятежного посада били кнутом и сослали в ссылку.

Царь Василий использовал случай, чтобы отделаться от оппозиции в Боярской думе.

Под предлогом борьбы с крамолой он удалил из Москвы многих лиц, выступавших против его избрания. Нареченный патриарх Филарет Романов был согнан с патриаршего двора. Многие недавние любимцы Лжедмитрия лишились титулов и отбыли в изгнание – в пограничные крепости и башкирские степи.

Низшее духовенство, близкое по своему положению к посадским людям, оказалось вовлеченным в массовые движения. «Взбесились тогда многие священники и иноки, – повествует один церковный автор, – и чин священства с себя свергли и много крови христианской пролили». Покончить с разбродом в собственных рядах мог лишь пастырь, обладавший твердым характером и решительностью. По этой причине царь и бояре, отделавшись от Филарета, поставили в патриархи казанского митрополита Гермогена. Нового святителя многие считали даже излишне крутым в «словесах» и деяниях. Гермоген, не щадя живота, боролся с крамолой «священного чина». Он наказывал «бешеных» проклятиями и запрещениями, но проклятия не слишком помогали. В стране неумолимо поднималась волна новых восстаний.

Члены Боярской думы не желали расставаться с землями, полученными от самозванца. Они постановили признать законными все его пожалования. Решение не распространялось на опальных и на мелкую сошку. «Приятель» самозванца Михаил Молчанов был обвинен в «воровстве» и чернокнижии. Его подняли на дыбу и отделали кнутом так, что он едва дышал. Но у

Молчанова были во дворце свои люди. Они выкрали несколько лучших скакунов с царской конюшни и помогли ему бежать. В пути к нему присоединился князь Григорий Шаховской, сосланный на воеводство в Путивль. Сначала Молчанов трусил, ожидая погони. Но затем осмелел и, покидая постоялый двор, дал понять хозяевам, что он сопровождает некую высокую особу. Добравшись до границы, Молчанов во всеуслышание заявил, будто помог спастись царю Дмитрию. Не желая вторично отведать дыбы, беглец ушел в Литву. Григорий Шаховской, оставшись в Путивле, скоро убедился в том, что население Северского края возбуждено до крайних пределов и готово восстать против боярского царя. Шаховскому не терпелось посчитаться с Василием Шуйским, и он объявил путивлянам, что истинный Дмитрий жив, а Шуйский готовит расправу с ними за их преданность законному царю. В Путивле все было готово для нового восстания. Тщетно Василий Шуйский обещал путивлянам «держать их в своем царском жалованье свыше прежнего». Тщетно приглашал их прислать в Москву трех-четырех лучших людей с челобитьем о их нуждах. Путивльские казаки и служилые люди вторую весну не пахали государеву десятинную пашню, а горожане и мужики из дворцовой Комарицкой волости пользовались податными льготами, полученными от Лжедмитрия. От нового царя никто не ждал добра.

Тучи гражданской войны, нависшие над страной, еще более сгустились. Дворянство успело оценить выгоды крепостного режима, расширившего их власть над крестьянством до невиданных ранее пределов. Но крестьяне не желали мириться с возмутительными новшествами. Справедливость, традиция и обычай были на их стороне. Право крестьянского перехода существовало веками. Отменив Юрьев день, дворяне преступили закон и справедливость. Мольбы и просьбы были бесполезны. Социальный взрыв давно назрел. И хотя Лжедмитрий I много обещал, но мало сделал, монархические иллюзии не покидали деревню. Если истинный царь, считали крестьяне, не дал им обещанной воли, то это значит, что ему помешали лихие бояре. Убиение царя от бояр служило лучшим тому доказательством. Царь стал жертвой той самой злой силы, от которой страдал и народ. Природные господа на поверку оказались государевыми изменниками.

Восстание против Василия Шуйского получило грозный размах по той причине, что в нем слились разнородные социальные потоки. В провинции многие служилые люди, не видевшие своими глазами убитого Отрепьева, поверили слухам о спасении законного государя. Поместное дворянство давно

почувствовало свою силу и рвалось к рычагам власти. Лжедмитрий во время своего кратковременного царствования инстинктивно чувствовал это и афишировал свою особую заботу о «воинском чине». Он вызывал из уездов дворянских представителей, чтобы лучше знать их нужды, не жалел казны для служилых людей. Опасались, что с устранением «сына Грозного» продворянскому курсу придет конец. Таковы были причины самого широкого участия в антиправительственном мятеже служилых и ратных людей всей южной окраины от Путивля до Тулы и Рязани.

В Путивле мятежное войско возглавил мелкий помещик Истома Пашков, служивший прежде стрелецким сотником в Веневе неподалеку от Тулы. В Рязанщине выступил Прокофий Ляпунов. Дворяне, стрельцы, казаки, посадские люди стекались под знамена Пашкова и Ляпунова из разных уездов.

В Осколе восставшие убили преданного Шуйскому воеводу Бутурлина, в Борисове-городе – Сабурова. Из Ливен окольничий Шеин едва «утек душой и телом». В руках разрозненных повстанческих отрядов оказались Астрахань и некоторые другие поволжские города.

В июле 1606 года Москва напоминала вооруженный лагерь. Солдаты вкатывали на башни орудия и готовили крепость к осаде. Ежедневно в столицу прибывали отряды ратников. Власти пытались скрыть от народа правду насчет восстания, охватившего юг России. Царь Василий велел объявить, будто Москве угрожает нападение крымского хана. Но очень скоро столичное население узнало правду. Московский гарнизон готовился биться не с татарами, а с восставшим народом. 20 июля на улицах столицы появились новые подметные письма от «Дмитрия». Царские полки получили приказ подавить силой восстание в южных городах. Главным пунктом борьбы вскоре стала небольшая степная крепость Елец.

Подготовляя поход на Азов, Лжедмитрий отправил в Елец много пушек, запасы амуниции и продовольствия. Василий Шуйский пытался склонить восставший гарнизон на свою сторону. Марфа Нагая прислала в крепость брата, чтобы обличить самозванство убитого царя. Но уговоры не помогли. Тогда Шуйский послал к Ельцу воеводу Воротынского с ратью.

Движение в пользу «доброго Дмитрия» вновь возглавили жители Путивля. Понимая значение Ельца, путивляне собрали ополчение и направили его к осажденной крепости. Возглавил восстание Истома Пашков. Он окружил лагерь Воротынского, а затем наголову разбил его пятитысячную рать.

Между тем Путивль рассылал во все стороны гонцов. Призыв

к восстанию не остался гласом вопиющего в пустыне. В Путивль прибыл с Украины атаман Иван Исаевич Болотников с большим отрядом запорожских казаков. Как и Истома Пашков, Болотников происходил из среды мелких детей боярских. Судьба послала ему много суровых испытаний. Нужда загнала его в кабалу на боярский двор. Но он не смирился с холопской долей и бежал к вольным казакам на дикое поле. Там счастье окончательно изменило ему. Татары захватили его в плен и продали на невольничьем рынке в Турции. Несколько лет Болотников плавал на турецких галерах, прикованный цепями к скамье. Гребцов-невольников выручили моряки из Западной Европы, захватившие галеру в бою. После скитаний Болотников попал к украинским казакам и сражался под польскими знаменами против турок в Венгрии. Казаки оценили храбрость и распорядительность недавнего невольника и выбрали его атаманом. После заключения мира с турками отряд Болотникова вернулся на Украину. По дороге атаман заехал в Самбор и виделся там с человеком, которого ему представили как спасшегося «царя Дмитрия». Обитатели самборского замка не прочь были возродить самозванческую интригу. Они дали приют Михаилу Молчанову и помогли ему мистифицировать Болотникова. Мнимый Дмитрий снабдил атамана письмами на имя Шаховского и запечатал их печатью, украденной из кремлевского дворца.

К началу осени Болотников с запорожцами добрался до Путивля. Жители заставляли его вновь и вновь рассказывать о свидании с «добрым Дмитрием» в Польше. Восстание получило новый мощный импульс. Посадские люди провозгласили Болотникова «большим воеводой». Костяк его армии составляли люди, не обученные военному делу, но одушевленные идеей борьбы за справедливость. Из Путивля повстанческая армия выступила через Комарицкую волость к Кромам. Многие крестьяне, наспех вооружившись дубинами и топорами, последовали за атаманом.

Армии Болотникова еще предстояло приобрести боевой опыт. Пока же она терпела неудачи в стычках с царскими воеводами. Защитники Кром признали власть Дмитрия, и у стен города немедленно появились правительственные войска. Болотников пытался прорваться на помощь восставшим. Оба войска бились с ожесточением, пролилось много крови. Исход боя оставался неопределенным. Но в царской армии нарастал разброд. Новгородские и псковские дворяне потянулись в родные края. Воевод обескуражил разгром Воротынского у стен Ельца. Опасаясь завязнуть под Кромами на всю осень, бояре отступили к Орлу. Но там вскоре обнаружилась «шатость». Восстание в Орле

привело к окончательному распаду рати. Не встречая более сопротивления, Болотников предпринял наступление на Калугу. Царь Василий выслал навстречу ему своего брата Ивана Шуйского с полками и артиллерией. 23 сентября 1606 года Иван Шуйский дал бой повстанцам и помешал им переправиться за реку Угру. Войско Болотникова потеряло много людей. Но царские воеводы не сумели использовать свой успех. Повстанцы снеслись с калужанами. В приокских городах «стала смута», и Ивану Шуйскому пришлось отступить к Москве.

После остановки в Серпухове Болотников предпринял наступление на Москву, но был разгромлен воеводой Скопиным-Шуйским на реке Пахре.

Дворянское войско одерживало верх над болотниковцами. Но моральный перевес был на стороне восставших. Невзирая на то, что наступила глубокая осень и дороги покрылись непролазной грязью, воины Болотникова продвигались вперед. Они вновь и вновь вступали в бой с хорошо вооруженной дворянской конницей. Неудачи следовали одна за другой, но после каждой неудачи Болотников делал новый бросок к Москве. Будучи принужден отступить с поля боя, он не опускал рук, но действовал с удесятеренной энергией, приводил в порядок свою расстроенную рать, формировал новые отряды.

По пути к столице болотниковцы громили дворянские гнезда, делили имущество. В городах над «изменниками» – дворянами учиняли всенародные судилища. Набатный звон созывал все население на площадь к «раскату» – самой высокой городской башне. Осужденного выводили наверх и после оглашения его имени и вины спрашивали народ, как с ним поступить. Народ либо прощал жертву, либо требовал смертной казни. И тогда дворянина сбрасывали с башни в ров.

Насилия, сопровождавшие выступления масс, внушали страх дворянам, участвовавшим в восстании. Отряд служилых людей Истомы Пашкова, нанеся поражение Воротынскому, имел возможность идти от Ельца прямым путем на Тулу и Москву. Но он предпочитал вести свою особую войну, отдельно от Болотникова. От Ельца Пашков направился на север, затем свернул к Ряжску и ушел на Рязанщину. В Рязани Прокофий Ляпунов успел собрать вокруг себя значительные силы. Младший рязанский воевода Григорий Сунбулов, находившийся с отрядом служилых людей в районе Тулы, объявил о своем присоединении к повстанцам. Он вернулся в родной город и объединился с Ляпуновым.

Восставшим дворянам была чужда тяга к социальным переменам. Своей главной целью они считали свержение царя-

боярина и возвращение к власти законного государя. Дворянские предводители Пашков, Ляпунов, Сунбулов щадили попавших в плен помещиков – сторонников Василия Шуйского. Их без дальних слов отсылали в Путивль, где появления «Дмитрия» ждали со дня на день.

Пробыв некоторое время на Рязанщине, Истома Пашков занял Коломну, а затем вместе с Ляпуновым начал решительное наступление на Москву. Царь Василий выслал навстречу ему все свои полки во главе с боярами Мстиславским, Воротынским, Голицыными. На помощь к боярам поспешил Михаил Скопин, ранее действовавший против Болотникова. Царским воеводам недоставало единодушия. Их разъединяло тайное соперничество. Мстиславский и Голицын в душе не расстались с мечтами о троне и без всякого воодушевления защищали дело Шуйских. Среди дворян многие помнили о благодеяниях только что свергнутого царя и не питали особых симпатий к новому государю. Среди нараставшей смуты неокрепшая власть Шуйского колебалась, как тростник на ветру.

Рать Мстиславского обладала численным превосходством. Тем не менее она не выдержала столкновения с повстанческой армией. Пашков и Ляпунов атаковали царских воевод на коломенской дороге в селе Троицком и обратили их в бегство. Было захвачено в плен несколько тысяч царских дворян и ратников. Их наказали кнутом и распустили по домам.

28 октября 1606 года Пашков утвердился в селе Коломенском у стен столицы. После 1 ноября с ним соединился Болотников. Численность повстанческой армии возросла до 20 тысяч человек. В лагере восставших сразу возник раздор. Истома Пашков добился наибольших военных успехов и потому надеялся сохранить за собой руководство армией. Однако Болотников предъявил патент «большого воеводы», полученный им от самого «Дмитрия». Писаные бумаги сами по себе, однако, не имели решающего значения. Вождем повстанческой армии мог стать лишь тот, кого поддерживали вооруженные массы. К Михайлову дню (8 ноября) Пашков покинул Коломенское и с отрядом в пятьсот дворян ушел в Котлы.

Шуйский потерял армию, и его падения ждали со дня на день. Восстание в южных уездах лишило столицу дешевого хлеба. Народ роптал. «Государь не люб боярам и всей земле, – толковали люди, – между боярами и землей рознь великая, а у царя нет ни казны, ни служилых людей». Бояре втайне помышляли о том, чтобы «ссадить» Шуйского. Пашков считал возможным договориться с ними и требовал лишь выдачи братьев Шуйских как главных зачинщиков мятежа против законного царя.

Повстанцы делали ставку на переворот в столице. Они могли рассчитывать здесь на поддержку «меньших» людей. Совсем недавно Москву сотрясали народные выступления. Однако в критические ноябрьские дни власть имущим удалось удержать низы от восстания. Проявив обычную изворотливость, Шуйский нашел выход из, казалось бы, безвыходного положения. Он отобрал преданных ему посадских людей и послал их в качестве представителей Москвы в стан восставших. Представители посада обещали сдать город без боя при условии, что повстанцы покажут им спасшегося «Дмитрия». Болотников отнесся к их словам с излишней доверчивостью. Вместо решительных действий он слал гонцов в Путивль и настойчиво просил ускорить возвращение «Дмитрия» в Россию. Никакого Дмитрия не было и в помине, и обращения Болотникова звучали как глас вопиющего в пустыне.

Бояре перехитрили народ. Они выиграли время и дождались подхода подкреплений. Депутация, прибывшая в лагерь восставших, использовала момент, чтобы разведать силы болотниковцев и завязать тайные переговоры с дворянами, чувствовавшими себя неуютно в стане восставшего народа. Такие выдающиеся вожди дворян, как Ляпунов, при всей их ненависти к Шуйскому стали подумывать о примирении с ним. Обстоятельства властно толкали их на этот путь. Церковь помогала царю воздействовать на колеблющихся. Патриарх Гермоген стращал «лучших людей» тем, что «шпыни» побьют их и разделят между собой их имущество, их жен и детей. Принимая во внимание огромный авторитет Ляпунова, Шуйский решил пожаловать ему чин думного дворянина, хотя члены семьи Ляпуновых никогда не заседали в Боярской думе. Таким путем Шуйскому удалось привлечь Прокофия на свою сторону.

В середине ноября Болотников попытался штурмовать Москву с юга. Бояре знали о направлении атаки и приготовились к отпору. В разгар боя Ляпунов с пятью сотнями конных рязанских дворян перешел на сторону царских воевод. Повстанцам пришлось отступить.

Под знаменами Болотникова собрались десятки тысяч вооруженных повстанцев. Приток сил в его лагерь не прекращался ни на один день. Волны мятежа залили огромные пространства от западных границ до Среднего и Нижнего Поволжья. Однако именно в момент наивысшего подъема выявились слабые стороны движения. Повстанцы так и не смогли овладеть Москвой.

Через полторы недели после неудачного боя Болотников выслал отряд в Красное Село, чтобы в дальнейшем полностью окружить Москву. Но дворяне, находившиеся в лагере

восставших, успели предупредить об этом Шуйского, и тот воспользовался разъединением сил повстанческой армии. Болотников вступил в бой с воеводами, но был отброшен к Коломенскому.

В конце ноября в Москву прибыл отряд смоленских дворян. Теперь правительство располагало достаточными силами, чтобы решиться на генеральное сражение. Все наличные силы царь подчинил двадцатилетнему племяннику Скопину, в верности которого не сомневался. 2 декабря 1606 года Скопин вступил в бой с повстанцами на поле возле деревни Котлы. Истома Пашков со служилыми людьми в разгар сечи повернул оружие против болотниковцев. Скопин воспользовался замешательством и довершил разгром Болотникова. Повстанцы отступили к Коломенскому и стали укреплять лагерь. Они не считали свое дело проигранным. Царские воеводы подвезли артиллерию из Москвы и три дня обстреливали болотниковцев в Коломенском. На четвертый день они заняли село. Но Болотников вырвался из кольца и с горсткой воинов ушел в Калугу. Поражение основных сил в Коломенском решило судьбу казаков, осажденных в их таборах в Заборье. Казаки вынуждены были сложить оружие. Царь Василий жестоко расправился с пленными холопами. Каждую ночь их сотнями отводили к Москве-реке, били дубинками по голове и спускали под лед.

Поражение под Москвой не сломило повстанцев. В Калуге вокруг Болотникова собрались новые силы. Болотниковцы успели укрепить Калугу. Они вбили частокол по всему валу, вычистили рвы у стен крепости. Дмитрию Шуйскому не удалось ворваться в Калугу. Более того, он потерпел сокрушительное поражение от Болотникова в двухдневном сражении 11–12 декабря. Спустя несколько дней к Калуге подошел Иван Шуйский, возобновивший осаду города. Привезенная из Москвы тяжелая артиллерия бомбардировала деревянную крепость днем и ночью. Царские ратники засыпали ров и придвинули вплотную к стенам «примет» из хвороста и дров. Болотниковцы прорыли под землею галерею и взорвали на воздух «примет» с находившимися там воинами. В стане братьев Шуйских началась страшная паника. Смелая вылазка из крепости довершила успех восставших. В руки Болотникова попала вся осадная артиллерия и много добычи.

Еще при жизни Лжедмитрия I «царевич» Петр объединил повстанческие отряды в Нижнем Поволжье и возглавил поход на Москву. Узнав о гибели «государя», Петр укрылся «в поле» у донских казаков. Весть об осаде Москвы Болотниковым придала новые силы повстанческому движению на южных окраинах государства. «Царевич» Петр привел в Путивль около четырех

тысяч вольных казаков, беглых холопов и крестьян. Слияние главных очагов движения привело к тому, что пожар гражданской войны запылал с новой силой.

В Путивле князю Григорию Шаховскому пришлось уступить руководство казачьему кругу, образовавшемуся подле самозваного царевича Петра. Путивль стал подлинной голгофой для дворян. Прежде их содержали там под стражей в ожидании суда «истинного» Дмитрия. Теперь их казнили именем «истинного» Петра.

Власти Путивля искали помощь повсюду, где только возможно. В путивльском лагере появился Иван Сторовский с литовскими воинскими людьми. Двое ротмистров взялись за формирование польских рот в помощь русским повстанцам.

Между тем царь Василий Шуйский безуспешно пытался завоевать симпатии столичного населения. Сначала он потревожил прах Дмитрия Углицкого. Потом в ход пошли трупы Годуновых. По решению думы и духовенства их извлекли из ямы в ограде убогого Варсонофьева монастыря и отправили для торжественного захоронения в Троице-Сергиев монастырь. Двадцать троицких монахов пронесли их останки по улицам столицы. В траурной процессии участвовали бояре. Они отдали последний долг свергнутой династии. Ксения Годунова, облаченная в черное монашеское платье, шла за гробом отца, рыдая и громко жалуясь на свою несчастную судьбу. Затея имела определенный политический смысл. Обличение злодейства «Дмитрия» укрепляло позиции нового царя.

В обстановке гражданской войны правящие верхи волейневолей должны были объединиться вокруг трона. Бояре вызвали из Старицы низложенного Иова и 16 февраля 1607 года передали на рассмотрение двух патриархов и священного собора утвержденную грамоту об избрании на трон Василия Шуйского. Составители грамоты взялись доказать, что Василий Шуйский был таким же законно избранным царем, как Борис и Федор Годуновы, тогда как Лжедмитрий завладел троном как узурпатор и самозванец.

20 февраля 1607 года бояре собрали на Красной площади весь столичный народ – «из сотен и слобод посадских и мастеровых и прочих людей мужского пола». Гости и торговые люди были затем приглашены в Кремль, в Успенский собор. После богослужения представители посада просили прощения у патриарха Иова за то, что некогда «всем миром» низложили его. Иов отпустил посаду «грех» восстания против Годуновых и заклинал не нарушать верности новому самодержцу.

В дни осады Болотникова в Калуге царь Василий издал указ о

продлении срока сыска беглых крепостных крестьян до пятнадцати лет. Землевладельцы с энтузиазмом приветствовали такую меру. Сознавая силу восставших, Шуйский пытался расколоть их ряды. Его указ от 7 марта 1607 года обещал свободу тем «добровольным» холопам, которых господа закабалили насильно.

Пока восставшие использовали имя доброго царя как лозунг, их руки были развязаны. С появлением «царевича» Петра ситуация стала меняться. Ко двору мнимого царевича потянулись титулованные авантюристы. По иронии судьбы главным боярином нового самозванца стал боярин князь Андрей Телятевский, которому Болотников служил некогда в качестве холопа. Восстание застало Телятевского на воеводстве в Чернигове, и выбирать ему не приходилось.

Из Путивля «царевич» Петр перешел в Тулу. Воротынский был послан в Тулу, чтобы захватить самозванца. Но на его пути встал боярин Телятевский, и знатный воевода едва унес ноги. Возглавив отряд донских и запорожских казаков, Телятевский пошел на выручку к осажденной Калуге. Истома Пашков пытался остановить его. Сражаясь в рядах повстанцев, веневский сотник не знал поражений. Под Калугой Пашков был разгромлен наголову и позорно бежал с поля боя. Болотников использовал победу Телятевского. Он предпринял вылазку из Калуги и вынудил к отступлению братьев царя.

Телятевский не пошел в Калугу на соединение со своим бывшим холопом, а поспешно возвратился в Тулу. Туда же под защиту каменного кремля перешел со своим поредевшим войском и Болотников.

В мае 1607 года Шуйский, собрав огромную рать, лично возглавил поход на Тулу. Четыре месяца повстанцы успешно обороняли город, совершали дерзкие вылазки и громили дворян. Осаждавшие не могли взять Тулу силой. Тогда они выстроили запруду на реке Упе и затопили осажденный город. Среди бояр «царевича» Петра начался разброд. Восставшие упрятали в тюрьму Григория Шаховского. Болотников убеждал население не сдавать крепость до последней возможности. «Если вам нечем будет питаться, – говорил он тулякам, – я отдам вам на съедение свой труп». Но положение в городе становилось все более отчаянным. Запасы продовольствия, уцелевшие после наводнения, были съедены. Смерть принялась косить войска и население.

Чтобы спасти жизнь уцелевшим ратным людям, Болотников решил прекратить сопротивление. Шуйский клятвенно обещал не причинять вреда сдавшимся тульским сидельцам.

10 октября 1607 года Тула открыла ворота перед царскими воеводами. Василий Шуйский распустил пленных по домам. Однако многие из повстанцев были удержаны в его лагере, а затем разосланы в заточение по городам. «Царевича» Петра увезли в Москву и там казнили, а Болотникова отправили в ссылку в Каргополь. В пути дворяне грозили пленнику тем, что закуют его в цепи и затравят. Тот гордо отвечал: «Я скоро вас самих буду заковывать и в медвежью шкуру зашивать». Что касается его отношения к «доброму» царю Дмитрию, оно претерпело перемены. В течение многих месяцев Болотников обращался с настойчивыми призывами о помощи к тому, кто вручил ему командование повстанческой армией. В Туле он понял наконец, что мнимый Дмитрий бросил его на произвол судьбы. И Болотников признал всенародно, что не может сказать точно, истинный или мнимый царь тот человек, которому он присягнул в Самборе.

Дворянам Болотников внушал страх даже в заточении. В итоге царь Василий приказал сначала ослепить его, а несколько позже – «посадить в воду».

Властям удалось удержать от выступления столичный посад. В стороне от восстания остались Новгород Великий, Казань, Смоленск и некоторые другие крупные города.

В нижегородской округе от царя Василия Шуйского отпали лишь небольшие города Арзамас, Алатырь, Свияжск и Муром. В составе повстанческих отрядов там сражались дворяне, боярские холопы, казаки, мордва и черемисы. Все свои усилия они направили на то, чтобы овладеть центром края – Нижним Новгородом. Повстанцы окружили город со всех сторон. Людей, пытавшихся проникнуть в крепость либо покинуть ее, они захватывали и отправляли на расправу в Путивль.

Посадское население Нижнего Новгорода не поддержало восстания. Город имел первоклассные укрепления. Кузьма Минин, можно полагать, принимал деятельное участие в обороне города вместе с другими посадскими людьми. Ему и его семье пришлось пережить осадное время. Продолжалось оно не слишком долго. Как только Болотников потерпел поражение под Москвой, отряды повстанцев отхлынули от стен Нижнего.

Источники не сохранили никаких фактов из биографии Пожарского, относящихся ко времени воцарения Шуйского. Можно лишь заключить, что смена династии положила конец и без того более чем скромным успехам князя Дмитрия. Царь Василий и не подумал вернуть Марию Пожарскую ко двору.

Подобно самозванцу, Шуйский щедро жаловал дворянам

придворные чины, чтобы надежнее привязать их к трону. В прежнее время в стольниках служило не более трех десятков людей. Попав в их число, Пожарский оказался в окружении знати. На службе у царя Василия числилось более 120 стольников. Тут были не одни аристократы, но и малознатные дворяне вроде Полевых, Измайловых, Мещерских. В сохранившемся списке стольников 1606–1607 годов имя Пожарского отсутствует. Поскольку конец списка утрачен, можно предположить, что князь Дмитрий попал в самый конец списка. По традиции стольников записывали в перечне в строгом соответствии с их «породой» и местническим положением. При Борисе Годунове получение почетной дворцовой должности открыло перед Пожарским блестящие перспективы. При Шуйском ему пришлось проститься с былыми надеждами.

Полоса неудач и унижений Пожарского совпала по времени с подъемом гражданской войны в России. Многие сверстники князя Дмитрия отличились в войне с Болотниковым и были щедро награждены Шуйским. Пожарский не принадлежал к их числу.

Глава 10
ТУШИНСКИЙ ЛАГЕРЬ

Восставшее население Северщины в течение года ждало «исхода» доброго царя из Польши. Путивль, Стародуб и другие города не раз посылали за кордон людей на поиски Дмитрия. Нужен был царь, и он появился.

В мае 1607 года жители Стародуба могли видеть на улице трех пришельцев. Тот, кто был одет побогаче, именовал себя Андреем Нагим, родственником московского государя. Его сопровождали двое русских людей – Григорий Кашинец и Алешка Рукин, московский подьячий. Прибывшие сообщили стародубцам захватывающую новость. Они будто бы пришли с рубежа от самого Дмитрия, и государя следует ждать со дня на день. Время шло, а обещанный царь все не появлялся. Из осажденной Тулы Болотников прислал в Стародуб расторопного казачьего атамана Ивана Заруцкого. Скоро повстанцам надоело ждать, и они взяли к пытке Алешку Рукина. На пытке подьячий повинился в обмане и объявил о том, что истинный царь давно уже находится в Стародубе и, опасаясь происков своих врагов, именует себя Нагим. Пьеса была разыграна как по нотам, и голоса сомневавшихся потонули в общем энтузиазме. 12 июня Стародуб присягнул на верность Лжедмитрию II.

Со всех сторон под знамена нового самозванца стали собираться стрельцы, казаки, посадский люд. Повстанцы искали помощь за рубежом. На их призывы откликнулись белорусы и украинцы. В Белоруссии некто пан Меховецкий успел навербовать в «царское» войско несколько тысяч человек. Большой отряд запорожских казаков присоединился к Лжедмитрию II уже после выступления его в поход поблизости от Карачева. Города, к которым подходило войско, приветствовали долгожданного «Дмитрия». Самозванец повсюду раструбил о том, что идет на выручку Болотникову к осажденной Туле. До Тулы было рукой подать. Передовые повстанческие отряды заняли Епифань на ближних подступах к осажденной крепости. Но гарнизон Тулы, оказавшись в отчаянном положении, не смог дождаться подкреплений. Заняв Тулу, царь Василий без промедления отпраздновал окончание военной кампании и распустил уставшее войско по домам. Он недооценил стойкость восставших. Царские воеводы ничего не могли поделать с Калугой, которую оборонял крупный отряд болотниковцев. Тогда Шуйский велел выпустить из тюрем и вооружить казаков, взятых в плен под стенами

Москвы. Командовать ими царь поручил атаману Юрию Беззубцеву, одному из главных сподвижников Болотникова. Беззубцев должен был не мешкая идти к Калуге и склонить гарнизон крепости к сдаче. Шуйский не мог быть спокоен, пока болотниковцы удерживали в своих руках Калугу. Но он слишком плохо рассчитал свои действия. Едва лишь приставы привели четырехтысячный казачий отряд под Калугу, в осадном лагере возникла смута. Бояре не могли добиться повиновения от вчерашних повстанцев. Дело дошло до вооруженных стычек между казаками и дворянами. Бросив артиллерию, воеводы бежали в Москву. Казаки передали пушки защитникам Калуги, а сами ушли на запад на соединение с «Дмитрием».

В трудный час неудач самозванец показал себя человеком малодушным и ничтожным. Весть о падении Тулы привела его к убеждению, что все пропало и надо поскорее уносить ноги из России. Из Болхова самозванец бежал к Путивлю. Отступление привело к быстрому распаду армии. Запорожские казаки ушли за кордон. В своем паническом бегстве Лжедмитрий II достиг Комарицкой волости, но тут его задержали наемные войска, прибывшие из-за рубежа.

На большой дороге в Комарицкой волости Лжедмитрий II встретил пана Тышкевича, а затем пана Валявского, набравших на «царскую службу» 1800 человек пехоты и конницы. Вскоре к самозванцу вернулись ушедшие было казаки. Ободренный царек вторично напал на Брянск, потерпел неудачу и отступил на зимовку в Орел. Правительство Шуйского не смогло выделить достаточно сил для разгрома «стародубского вора». В Москве не оценили своевременно угрозы, исходившей от нового самозванца.

В течение зимы силы Лжедмитрия II значительно возросли. Толпами и поодиночке к нему со всех концов страны пробирались повстанцы из разбитых армий Болотникова. Волны мятежа, отхлынув от центра, вновь затопили юго-западные окраины государства. Местные служилые люди, помещики, поначалу поддерживавшие «вора», скоро уразумели, куда дует ветер, и, наспех пристроив семьи, тайком пробирались к царю Василию. Вскоре в Москве собралось более тысячи дворян из северских городов. Чтобы покончить с дворянской изменой, самозванец пустил в ход меры, подсказанные ему болотниковцами. Он объявил о конфискации поместий у дворян, бежавших в Москву, и обратился с особым воззванием к холопам и крепостным «изменников». Пусть они идут в лагерь истинного Дмитрия, пусть они присягнут на верность ему и служат с оружием в руках, тогда, вещал самозванец, он пожалует им поместья их господ, а если в поместьях остались помещицы или их дочки, холопы могут

жениться на них.

Призывы Лжедмитрия II возымели действие. В селах «рабы» стали чинить насилие над дворянами, побивали и гнали их приказчиков, делили имущество. Дьяки самозванца выдали грамоты на владение конфискованными поместьями некоторым рыльским и курским крестьянам.

Никто не знал, кем был новый самозванец. Правительство Шуйского именовало его стародубским вором. Люди, принадлежавшие к окружению Лжедмитрия II, считали, что по происхождению своему он был «московитом», но долго жил в Белоруссии. Самозванец умел читать и писать по-русски и по-польски. Современников поражала его редкая осведомленность в делах Лжедмитрия I. Иезуиты объясняли ее тем, что он служил писцом при особе первого самозванца, а после его гибели бежал в Литву. По словам иезуитов, писца звали Богданом и в его жилах текла иудейская кровь. Русские власти со временем официально подтвердили версию о еврейском происхождении Лжедмитрия II. Любопытные подробности сообщили о «воре» его советники. Князь Дмитрий Мосальский под пыткой показал: «Который-де вор называется царем Дмитрием, и тот-де вор с Москвы с Арбату от Знамения Пречистыя из-за конюшен попов сын Митка, а отпущал-де его с Москвы князь Василий Мосальский за пять ден до расстригина убийства». Мосальские принадлежали к ближайшему окружению нового самозванца. Но им не довелось наблюдать начало его карьеры. Познакомившись с ним в Тушине, они заподозрили, что новый самозванец происходил из духовного чина. Московские летописцы придерживались того же мнения. Они называли «вора» поповским сыном на том основании, что он «круг церковной весь знал». Самое удачное следствие о самозванце произвел безвестный белорусский священник, живший в окрестностях Могилева и наблюдавший его первые шаги.

Вкратце его рассказ сводился к следующему: «Дмитрий» наперед учил грамоте детей в доме у попа в Шклове, затем перешел под Могилев в село к попу Федору. И летом и зимой учитель носил одну и ту же баранью шапку и плохонький потрепанный кожушок. Чтобы заработать на жизнь, он ходил к Никольскому попу в Могилев и за грошовую плату колол ему дрова и носил воду. Шкловский грамотей не отличался благонравием. Однажды поп Федор застал его со своей женой. В бешенстве священник высек учителя розгами и выгнал его вон из своего дома. Грамотей дошел до крайней нужды. Ему пришлось ночевать под забором на могилевских улицах. Там его и заприметили несколько предприимчивых шляхтичей, прежде

служивших Лжедмитрию I.

Пан Зеретинский высказал мысль, что мелкорослый бродяга может сойти за убитого московского царя. Пан Меховецкий подхватил эту мысль и перевел дело на практическую почву. В душе учителя боролись трусость и угодливость. Участь первого самозванца пугала его, и он бежал из Могилева. Его вскоре обнаружили и посадили под стражу. Могилевские покровители вызволили его из тюрьмы, и на этот раз бродяга оказался более сговорчивым. Новоиспеченного «царька» проводили до Поповой горы, откуда было рукой подать до московского рубежа. Перед тем как пустить самозванца гулять по свету, покровители постарались связать его обязательствами. «От своего царского пресветлого имени» «Дмитрий» дал обширную запись пану Зеретинскому и товарищам его.

Самозванческую интригу охотно поддержала мелкая шляхта. Сигизмунду III удалось подавить мятеж в Польше, и он распустил своих наемников. Многие из них, не получив денег, кормились в королевских имениях. В Восточной Белоруссии эти доблестные солдаты объедали местное население не хуже саранчи. Оказавшись «без работы», обедневшая шляхта искала, кому бы продать оружие. Пан Меховецкий охотно принимал их на службу в «царское» войско. С тех пор как Лжедмитрия II признали многие русские города и его дело стало на твердую почву, повышенный интерес к самозванческой интриге стала проявлять польско-литовская знать. Зашевелились магнаты и шляхта, некогда поддержавшие Отрепьева.

Князь Роман Ружинский взял в долг деньги и нанял большой отряд гусар. Лжедмитрий II и его покровитель Меховецкий испытали неприятные минуты, когда узнали о появлении Ружинского в окрестностях Орла. Самозванец не желал принимать его к себе на службу. Но Ружинского это нисколько не интересовало. В апреле 1608 года он прибыл в лагерь Лжедмитрия II и совершил там своего рода переворот. Войсковое собрание сместило Меховецкого и объявило его вне закона. Новым гетманом солдаты выкрикнули Ружинского. Собрание вызвало к себе самозванца и категорически потребовало выдачи противников нового гетмана. Когда Лжедмитрий II попытался перечить, поднялся страшный шум. Одни кричали ему в лицо: «Схватить его, негодяя!» Другие требовали немедленно предать его смерти.

Взбунтовавшееся наемное войско окружило двор Лжедмитрия II. Шкловский бродяга пытался заглушить страх водкой. Он пьянствовал всю ночь напролет. Тем временем его конюший Адам Вишневецкий хлопотал о примирении с Ружинским. Самозванцу

пришлось испить чашу унижения до дна. Едва царек протрезвел, его немедленно повели в польское «коло» и там заставили принести извинение наемникам. Смена «хозяев» в орловском лагере имела важные последствия. Болотниковцы, пользовавшиеся прежде большим влиянием в лагере самозванца, стали утрачивать одну позицию за другой. Следом за польскими магнатами и шляхтой в окружении Лжедмитрия II появились русские бояре.

Весна близилась к концу, и армия самозванца возобновила наступление на Москву. Царь Василий послал навстречу вору брата Дмитрия с 30-тысячной ратью. Встреча произошла под Болховом. Двухдневное сражение закончилось поражением Шуйского. Отряды Лжедмитрия захватили множество пушек и большой обоз с провиантом.

Чтобы удержать при себе польские отряды, самозванец после битвы заключил с ними новое соглашение. Он обязался поделить с ними все сокровища, которые достанутся ему при вступлении на царский трон. Народ, приветствовавший нового «истинного» Дмитрия, понятия не имел о договоре, заключенном за его спиной.

Царь Василий отозвал из полков брата Дмитрия и назначил вместо него племянника Михаила Скопина. Князь Михаил рассчитывал разгромить вора на ближних подступах к Москве. Но он не смог осуществить свой замысел. В его войске открылась измена. Несколько знатных князей составили заговор в пользу Лжедмитрия II. Скопин отступил в Москву и арестовал там заговорщиков.

В июне 1608 года армия самозванца разбила лагерь в Тушине. Скопин расположился на Ходынке против Тушина. Царь Василий с двором занял позиции на Пресне. Появление польских отрядов в армии самозванца вызвало тревогу в Кремле. Русские власти развили лихорадочную деятельность, стремясь предотвратить военный конфликт с Речью Посполитой. Царь Василий поспешил закончить мирные переговоры с польскими послами и обещал им немедленно отпустить на родину Мнишков и других поляков, задержанных в Москве после убийства Отрепьева. Послы в принципе согласились на то, чтобы немедленно отозвать из России все военные силы, сражавшиеся на стороне самозванца. На радостях Шуйский известил Ружинского о близком мире и пообещал заплатить его наемникам «заслуженные» у вора деньги, как только те покинут тушинский лагерь.

Царь Василий оказался близоруким дипломатом. В течение двух недель его воеводы стояли на месте, не предпринимая

никаких действий. В полках распространилась уверенность в том, что война вот-вот кончится. Гетман Ружинский использовал беспечность воевод и на рассвете 25 июня нанес внезапный удар войску Скопина. Царские полки в беспорядке отступили. Тушинцы пытались ворваться на их плечах в Москву, но были отброшены стрельцами. Ружинский намеревался отдать приказ об общем отходе. Но воеводы не решились преследовать его отступавшие отряды. Три дня спустя царские воеводы наголову разгромили войско пана Лисовского, пытавшееся ворваться в столицу с юга.

Правительство Речи Посполитой не участвовало в подготовке могилевского самозванца. Тщетно Лжедмитрий II домогался заключения «союзного» договора с королем и высказывал готовность идти на любые уступки. Наиболее дальновидные политики Польши решительно возражали против вмешательства во внутренние дела Русского государства. Сигизмунд III следовал их советам, ибо он не успел еще забыть о своей неудаче с Отрепьевым и не покончил с выступлением оппозиции внутри страны. Легкие победы Лжедмитрия II, однако, лишили его благоразумия. Король отдал приказ готовить войска для немедленного занятия русских крепостей Чернигова и Новгорода-Северского. Завоевательные планы Сигизмунда III не встретили поддержки в польских правящих кругах. Коронный гетман Станислав Жолкевский указывал на неподготовленность королевской армии к большой войне. Сигизмунду пришлось отложить осуществление своих намерений. Но он выискивал повод, чтобы вмешаться в русские дела. С его благословения крупный литовский магнат Ян Петр Сапега набрал войско в несколько тысяч воинов и вторгся в пределы России.

В Москве царь Василий продиктовал польским послам условия мира. Послы, томившиеся в России в течение двух лет, подписали документ, чтобы получить разрешение вернуться на родину. Мирный договор оказался не более чем клочком бумаги. Вторжение Сапеги разом перечеркнуло его. Тем не менее Василий Шуйский во исполнение договора освободил семью Мнишков. По приезде из ярославской ссылки в Москву старый Мнишек дал клятву Шуйскому, что никогда не признает своим зятем нового самозванца, и обещал всячески содействовать прекращению войны. Но он лгал, лгал беззастенчиво. В секретных письмах старый интриган убеждал короля, что истинный царь Дмитрий спасся, и заклинал оказать ему вооруженную помощь. Мнишки делали все, чтобы раздуть пожар новой войны.

Многие люди, хорошо знавшие Лжедмитрия I, спешили предостеречь Марину Мнишек насчет того, что тушинский царек

вовсе не похож на ее мужа. Подобные предупреждения нисколько не смущали «московскую царицу». Через верных людей она уведомила тушинского вора, что собирается приехать к нему в качестве законной жены. Мнишки дали слово, что покинут пределы Московии. Власти снарядили отряд, чтобы проводить их до рубежа. Почти месяц путешествовала Марина по глухим проселкам, прежде чем ее карета достигла границы. Все это время Мнишки тайно сносились с самозванцем. Подле самой границы пан Юрий с дочерью по условному сигналу покинули расположение конвоя. В тот же миг тушинский отряд напал на конвойных и обратил их в бегство.

В начале сентября «царица» в сопровождении польских отрядов прибыла в окрестности Тушина. В пути один молодой польский дворянин из рыцарских побуждений пытался в последний раз предупредить Марину о ждавшем ее обмане. Он был немедленно выдан Лжедмитрию II и по его приказу посажен живым на кол посреди лагеря.

Самозванца тревожила близкая встреча с «женой», и он сказался больным. Вместо него к Мнишкам выехал Ружинский. Он увез Юрия Мнишка в Тушино, чтобы возможно скорее договориться с ним об условиях признания нового самозванца. Прожженный интриган и глазом не моргнул при виде обманщика, вовсе не похожего на Отрепьева. Он готов был стать гетманом нового «царька» и распорядителем всех его дел и доходов. Ружинский грубо покончил с его честолюбивыми мечтами. Он сразу указал царскому «тестю» его истинное место. Три дня гетманы и самозванец препирались между собой. Наконец они сумели столковаться. Старый Мнишек согласился отдать дочь безымянному проходимцу за круглую сумму. Сделка облечена была в форму жалованной грамоты. Лжедмитрий II обязался выплатить Мнишку миллион злотых. Юрий пытался оградить честь дочери, а заодно и собственный кошелек. Лжедмитрий мог стать фактическим супругом Марины лишь после занятия трона, а соответственно, и после выплаты денег. На другой день после завершения трудных переговоров самозванец тайком навестил Марину в лагере Яна Сапеги. Вульгарная внешность претендента произвела на Марину отталкивающее впечатление. Но ради короны она готова была на все. Не прошло и недели, как Марина торжественно въехала в Тушино и блестяще разыграла роль любящей жены, обретшей чудесно спасшегося супруга. Ее взор изображал нежность и восхищение, она лила слезы и клонилась к ногам проходимца.

Мнишек настаивал на точном исполнении пунктов заключенного им соглашения. Но Марина ослушалась отца.

Палатка Лжедмитрия II стояла на виду у всего лагеря, и «супруга» понимала, что ее раздельная жизнь с мужем сразу вызовет нежелательные толки в лагере и разоблачит самозванство «царька». К великому негодованию отца и братьев, Марина стала невенчанной сожительницей Лжедмитрия II. Обманутый в своих ожиданиях, Юрий Мнишек покинул лагерь.

Комедия, разыгранная Лжедмитрием II и Мариной, не могла ввести в заблуждение дворян и наемников, хорошо знавших первого самозванца. Но она произвела впечатление на простой народ. Весть о встрече коронованной государыни с истинным Дмитрием разнеслась по всей стране. Поражение армий Шуйского и осада Москвы привели к тому, что затухавшее пламя гражданской войны вспыхнуло с новой силой. В Пскове городская беднота арестовала воевод и признала власть Лжедмитрия II. Успехи самозванца с воодушевлением приветствовала Астрахань, ставшая очагом сопротивления Шуйскому с момента гибели Отрепьева. За оружие вновь взялись нерусские народности Поволжья. Отряды тушинцев не встретили сопротивления в замосковных городах. Власть Лжедмитрия II признали Переяславль-Залесский и Ярославль, Кострома, Балахна и Вологда. При поддержке городских низов тушинские отряды заняли Ростов, Владимир, Суздаль, Муром и Арзамас. С разных концов страны в Тушино спешили отряды посадских людей, мужиков и казаков. Их волна неизбежно захлестнула бы собой подмосковный лагерь, если бы наемное воинство не диктовало тут своих законов.

Слухи о поразительных успехах самозванца облетели Литву и Польшу. Толпы искателей приключений и авантюристов спешили в стан воскресшего московского «царя» и пополняли его наемное иноземное войско. Опираясь на наемников, гетман Ружинский окончательно захватил власть в стане самозванца. Торжество чуждых инородных сил стало полным, когда на службу к самозванцу явился Ян Сапега с отборным войском. Гетман Ружинский поспешил заключить с ним полюбовную сделку. Кондотьеры, смертельно ненавидевшие друг друга, встретились на пиру и за чашей вина поклялись не мешать друг другу. В знак дружбы они обменялись саблями и тут же разделили московские земли на сферы влияния. Ружинский сохранял власть в Тушине и южных городах. Сапега взялся добыть мечом Троице-Сергиев монастырь и города к северу от Москвы.

Наемное воинство откровенно презирало «царька», но оно не могло обойтись без него. Мнимые права самозванца на царство служили единственным оправданием затеянного им вторжения. Творя насилия и грабежи, «рыцарство» повсюду трубило, что его

единственная цель – восстановление на троне законного государя, свергнутого московскими боярами.

Личность Лжедмитрия II мало что значила сама по себе. Каким бы ничтожным и безликим ни казался тушинский вор, важен был не он сам, а его имя. В глазах простых людей он оставался тем самым добрым государем Дмитрием, с именем которого болотниковцы сражались против боярского царя.

Отряды повстанцев, примкнувшие к самозванцу в Стародубе и Орле, последовали за ним в Тушино. С ними были и их вожди. На улицах тушинской столицы можно было видеть таких прославленных болотниковских атаманов, как Юрий Беззубцев. Заслуги Беззубцева перед повстанческим движением были исключительно велики. Но в тушинском лагере он занял совсем не то положение, какое прежде занимал в стане Болотникова. Ключевой фигурой тушинского лагеря стал Иван Мартынович Заруцкий. Некоторыми чертами судьба Заруцкого напоминала судьбу Болотникова. Оба испили горькую чашу неволи и рабства. Сын тернопольского мещанина Заруцкий, будучи мальчиком, попал в плен к крымским татарам. В летний зной и зимнюю стужу русские невольники трудились на господина, не разгибая спины. Возмужав среди невзгод, пленник, рискуя жизнью, бежал к казакам на вольный Дон. Вместе с донцами он служил в армии первого самозванца, а потом вместе с Болотниковым осаждал Москву.

Иван Болотников заметил и оценил незаурядные способности донского атамана. Когда осажденной Туле грозила смертельная опасность и только незамедлительная помощь извне могла спасти повстанческую армию, Болотников поручил ему ответственную миссию. Заруцкий должен был выбраться из кольца окружения и отправиться на литовский кордон, чтобы любой ценой отыскать Дмитрия и привести новое войско на выручку Тулы.

Нежданно-негаданно Заруцкий стал свидетелем появления Лжедмитрия II в Стародубе. Посланец Болотникова оказал самозванцу немалую услугу, «вызнав» в нем подлинного царя. Заруцкий пользовался уже некоторой известностью в северских городах, и Лжедмитрий II даже оказал ему честь, вызвав на бой в шуточном рыцарском турнире.

Казаки и прочие повстанцы с недоверием встретили в своем лагере пана Ружинского с его гусарами. Под командованием Заруцкого к тому времени находилось много тысяч донских и запорожских казаков. Сила была на стороне Заруцкого. Он мог воспрепятствовать пленению «царька», однако предпочел найти общий язык с новым гетманом. В Тушине Заруцкий, встав во главе Казачьего приказа, своевременно подавлял все проявления

недовольства в казачьей армии и фактически стал орудием чужеродных элементов, добившихся господства в лагере самозванца. Атаман отлично ладил как со вновь появившимся боярским окружением Лжедмитрия, так и с ротмистрами Ружинского.

Смена руководства сопровождалась скрытой борьбой. Самозванец боялся оттолкнуть от себя дворян и велел повесить «царевича» Ивана-Августа и нескольких других мужицких «царевичей», прибывших в Тушино из Поволжья.

В польском стане тушинские бояре чувствовали себя в полной безопасности. Наемное воинство надежно защищало их от народного гнева. При дворе царька первенствовали Романовы и Салтыковы. Ростовский митрополит Филарет Романов попал к тушинцам в плен, но быстро прижился в их лагере. Лжедмитрий II вернул ему утраченный сан патриарха. Подле Филарета сплотилась вся его «перелетевшая» в Тушино родня – Троекуровы, Сицкие, Черкасские. Тушинскую думу возглавляли родовитый боярин Михайло Салтыков и князь Дмитрий Трубецкой. Под крылом самозванца нашли приют любимцы Отрепьева Михайло Молчанов, Богдан Сутупов, «слуга и боярин» князь Григорий Шаховской.

Видное место в тушинской думе занял Заруцкий. Лжедмитрий II щедро вознаградил его за отступничество. В нарушение всяких традиций царек возвел вчерашнего вольного казака прямо в бояре и пожаловал ему вотчины и поместья. Тушинская знать скрепя сердце приняла его в свою среду. Гетман Жолкевский, прекрасно осведомленный насчет дел самозванца, считал Заруцкого одним из подлинных руководителей тушинского лагеря. Вождь наемного войска гетман Ружинский редко бывал трезвым и не вникал в дела. Зато Заруцкий расставлял и проверял стражу, высылал дозоры, заботился о сборе подкреплений и через лазутчиков выведывал о передвижениях неприятелей.

Когда зима дала знать о себе первыми морозами, наемники гурьбой отправились в окрестные деревни. Выбрав избу побогаче, они выгоняли ее обитателей на холод, разбирали срубы и перевозили их в лагерь. Солдаты отбирали у населения все, что желали. Они навезли в Тушино столько продуктов, что их некуда было девать.

В грамотах к населению самозванец не скупился на обещания. Он сулил народу освобождение от царских податей и прочие милости. Население верило «царю» Дмитрию. Жители Ярославля отправили в Тушино огромную казну и обозы с продовольствием. Они обещали снарядить также тысячу

всадников. Но пыл ярославцев поостыл, когда тушинцы обложили их дополнительными поборами и конфисковали у торговых людей их товары. То, что оставалось после солдат Ружинского, реквизировали в свою пользу воины Сапеги.

Овладев Ярославлем, тушинцы предприняли настойчивые попытки захватить Нижний Новгород и открыть себе пути в Нижнее Поволжье. Эмиссары Лжедмитрия II утвердились в Балахне, под самым боком у нижегородцев. Они не теряли надежды возмутить нижегородский посад против Шуйского. На стороне «доброго царя» выступили также восставшие нерусские народности. Город был окружен со всех сторон. Сношения с Москвой оказались прерванными. Но, предоставленные самим себе, нижегородцы не поддавались страху или унынию. Власть в городе перешла в руки общесословного земского совета. В нем участвовали воевода Александр Репнин, дворяне, старосты и все земские люди. В своей деятельности совет опирался на влиятельную посадскую общину. Нижний Новгород вскоре стал центром сопротивления тушинскому наступлению.

Нижегородцы разгромили отряд, подошедший из Балахны, и очистили от воров уезд. Их успехи встревожили Лжедмитрия II. Тушинский царек направил к Нижнему князя Семена Вяземского с приказом наказать непокорный город. Нижегородцы не испугались угрозы. Они разгромили подошедшие силы, а злополучного воеводу Вяземского захватили в плен и повесили на городской площади. В начале 1609 года нижегородский воевода Алябьев занял Муром и добился перехода на свою сторону города Владимира. Но он не располагал достаточными силами для дальнейшего продвижения к Москве.

Источники сохранили совсем немного подробностей насчет самоотверженной борьбы Нижнего Новгорода против тушинцев. Нижегородские власти принимали решения и писали приговоры от имени воевод и «посадских всяких людей». Но они ни разу не удосужились назвать членов посадского совета по имени. Принимая во внимание авторитет Минина, его характер и темперамент, можно с уверенностью предположить, что он не оставался в стороне от общественных дел и вместе с другими земскими людьми участвовал в обороне города. Борьба против тушинцев стала для Кузьмы своего рода подготовительной школой, ступенькой к его деятельности в земском освободительном движении.

Война с тушинским лагерем явилась важной вехой также и в жизни Пожарского. Князь Дмитрий оставался в Москве в то время, как отряды Лжедмитрия II предприняли попытку окружить столицу кольцом блокады. Гетман Ружинский перерезал пути,

соединявшие столицу с южными и западными областями. Ян Сапега осадил Троице-Сергиев монастырь и взял под контроль пути в Замосковье и на север. Свободной оставалась лишь коломенская дорога. По ней шли в Москву обозы с рязанским хлебом и отряды ратных людей. Осенью 1608 года тушинцы дважды пытались захватить Коломну, чтобы перерезать рязанскую дорогу. Местный воевода Пушкин запросил помощь из столицы. Царь Василий послал к нему на выручку князя Дмитрия Пожарского с небольшим отрядом ратных людей. В таких условиях князь Дмитрий в тридцать лет получил свой первый воеводский чин. Коломенский воевода Иван Пушкин встретил Пожарского холодно. Он отказался подчиниться худородному князю, прежде не служившему в воеводском чине. Князю Дмитрию пришлось рассчитывать только на свои силы. Он не стал ждать неприятеля под защитой крепостных стен, а выступил навстречу ему. Обнаружив «литовских людей» в селе Высоцком в 30 верстах от Коломны, Пожарский на утренней заре атаковал их и разгромил наголову. В руки воеводы попало много пленных и обоз с казной и продовольствием.

В бою под Коломной впервые обнаружилось военное дарование Пожарского. В столичных верхах его успех, однако, не был оценен должным образом. Пожарский мог выиграть столкновение с неприятелем, но у него не было шансов на успех в местническом споре. Коломенский воевода Иван Пушкин, хотя и вернулся в Москву без славы, тотчас стал судиться с Пожарским. Бояре устроили им очную ставку и выслушали стороны, но дело так и не решили.

Пожарский подвергся местническим нападкам сразу с нескольких сторон. Боярин Лыков давно затаил на него злобу и использовал первый подвернувшийся случай, чтобы свести с ним счеты. Попутно Лыков взялся доказать царю, что Пожарские были давними недоброжелателями и лиходеями всему роду Шуйских. При Годуновых, писал Лыков, Мария Пожарская подвела боярыню Скопину, поставив в известность двор о «злых словах», сказанных боярыней по адресу царицы Марии Годуновой и ее дочери Ксении. С помощью подобных наветов князь Лыков пытался положить конец карьере Пожарского. Его происки, однако, не увенчались успехом.

Победа князя Дмитрия под Коломной не имела решающего значения. Но среди сплошных поражений и неудач она блеснула подобно огоньку в ночной тьме. Столичное население вполне оценило эту победу позже, когда Москва лишилась рязанского хлеба.

Глава 11
ВТОРЖЕНИЕ

Лжедмитрий II старался любыми средствами привлечь на свою сторону столичную знать. Тушинские бояре тайно переписывались со своей родней в Москве. До Тушина было рукой подать, и многие дворяне бежали туда в поисках богатства и чести. Лжедмитрий жаловал перебежчиков и выдавал им грамоты на владение землей. Щедрый на бумаге, царек не имел денег, чтобы хорошо платить столичным дворянам. Обманутые в своих надеждах, беглецы возвращались в Москву. Случалось, что «тушинские перелеты» по нескольку раз переходили от царя к царьку и обратно.

Царь Василий Шуйский охотно слушал доносчиков, но старался не раздражать сильных людей и не казнил «перелетов», а использовал их покаяния для обличения самозванца. С изменниками помельче царь не церемонился. Их топили в прорубях по ночам, чтобы не вызывать лишних толков.

25 февраля 1609 года противники Шуйского предприняли попытку дворцового переворота. С толпой вооруженных сообщников они проникли в Кремль и ворвались в зал заседания Боярской думы. Заговорщики потребовали низложения глупого, непотребного и нечестивого царя. Опасаясь насилия, члены думы не слишком спорили с мятежниками.

Когда толпа двинулась из дворца на площадь, они воспользовались суматохой и разбежались по своим дворам. Лишь один Василий Голицын не последовал их примеру и отправился на площадь. По пути толпа захватила патриарха Гермогена и поволокла его на Лобное место. Патриарх пытался сопротивляться насилию, но его толкали в спину, швыряли в него грязью и громко поносили.

Несмотря на старания заговорщиков, им не удалось спровоцировать восстание столичного посада. Пока мятежники шумели на площади, царь успел вызвать отряды верных ему войск из лагеря на Ходынке. Когда заговорщики бросились к царской резиденции, чтобы арестовать Шуйского, момент был упущен. Василий затворился во дворце и велел передать, что по своей воле ни за что не покинет царство. Толпа стала расходиться, и участникам неудавшегося переворота пришлось спешно покинуть Москву.

Наступила весна 1609 года. Она принесла новые испытания столичному люду. Тушинцы осадили Коломну и полностью

блокировали Москву. Голодная смерть косила неимущее городское население. Каждый день с улиц убирали сотни трупов. Голодающие не раз собирались под окнами дворца и требовали царя к себе для объяснений.

Недовольные пытались использовать кризис, чтобы организовать новый заговор против Шуйского. Заговорщики думали убить царя перед Пасхой во время торжественного шествия с «ослятем». Они рассчитывали на поддержку многих столичных дворян и торговых людей. Но один из участников заговора, Василий Бутурлин, выдал Шуйскому их замыслы, и дело вновь провалилось.

Успехи самозванца достигли высшей точки, а затем наступил неизбежный спад. Тушинский вор подчинил себе огромную территорию. Но его режим все больше утрачивал поддержку со стороны народа. Гетман Ружинский и его ротмистры отбросили всякие церемонии и распоряжались во владениях царька, как в завоеванной стране. Они не домогались ни думных чинов, ни вотчин. Им довольно было реальной власти. Как и повсюду, наемников всерьез интересовала только звонкая монета. Самозванец не мог оплатить им «заслуженных денег» и выдавал грамоты на кормление и сбор налогов. Рос долг самозванца, росли его траты. Обеспокоенные этим, шляхтичи избрали комиссию из десяти человек (децемвиры), которая установила жесткий контроль за финансами тушинского царька. Без ее ведома ни Лжедмитрий, ни Марина не могли более тратить денежных средств. Распоряжения гетмана и децемвиров были обязательными для всех, включая тушинских бояр.

Без поддержки низов самозванец никогда бы не добился успеха. Но настроения угнетенных стали меняться, когда выяснилось, что за спиной царька стоят захватчики. Вера в «доброго» Дмитрия заколебалась. На собственном опыте народ убеждался в том, что власть литовских людей и тушинских воевод означала насилия, бесчинства и тяжкие поборы. Ружинский и Сапега расквартировали свои войска по всему Замосковью. Воинские люди забирали у крестьян лошадей, подчистую вывозили из деревень хлеб и фураж. Любое сопротивление грабежу жестоко подавлялось.

Насилия и притеснения вызывали отпор в народной среде. Массы поднимались на борьбу против захватчиков. В Вологде тушинское владычество не продержалось и несколько недель. Вслед за Вологдой восстали Галич и Кострома, Двинской край и Поморье. Получив поддержку от царских воевод, городские ополчения очистили Поволжье и в апреле—мае 1609 года отбросили отряд Лисовского прочь от Ярославля.

Царь Шуйский, запертый в Москве, как в клетке, не мог использовать волну народного подъема. Его правительство глубоко скомпрометировало себя кровавой борьбой против восставшего народа. Не доверяя собственному народу и утратив опору в ближайшем окружении, царь Василий все больше уповал на поддержку иноземных сил.

Три года шведский король Карл IX слал в Москву гонцов с предложениями о военной помощи. На самом деле он лишь искал повод для вмешательства во внутренние дела Русского государства. Старания шведского правительства наконец увенчались успехом. Василий Шуйский направил в Новгород племянника Михаила Скопина и поручил ему заключить союзный договор со Швецией. 28 февраля 1609 года Скопин подписал текст соглашения. Король обязался поставить России наемное войско. Взамен он потребовал от русских территориальных уступок. Скопин пошел на уступки и обязался передать шведам крепость Корелу с уездом. Соглашение нанесло ущерб территориальной целостности и национальному достоинству России. Оно вызвало возмущение жителей Карельского уезда. Договор носил неравноправный характер. Царь Василий рассчитывал на помощь обученной и закаленной в боях шведской армии. Однако Карл IX не желал бросать в огонь войны свои полки. Он рассчитывал разгромить поляков в России, не затрачивая больших средств. Его вербовщики обшарили задворки всей Европы. Они нанимали немцев, французов, англичан, шотландцев и как можно скорее переправляли их на русскую границу, где они переходили на полное содержание царской казны. Шуйский платил наемникам баснословные суммы.

10 мая 1609 года Скопин покинул Новгород. С ним были до трех тысяч русских воинов и 15-тысячный шведский корпус. Под Тверью Скопин разгромил выступивших навстречу ему тушинцев. Наемники тотчас потребовали у него вознаграждения. Последствия нетрудно было предвидеть. Воевода давно истратил предоставленную ему казну и не смог удовлетворить солдат. Наемный сброд немедленно взбунтовался и повернул к границе. По пути ландскнехты творили насилия и грабежи. В армии Скопина осталось триста шведов.

Не шведская помощь, а народное движение привело к успеху наступление Скопина. Отряды воинских людей стекались к нему со всех сторон. В Торжке воеводу ждала трехтысячная смоленская рать. Вслед за тем в его армию влились отряды из Ярославля, Костромы и поморских городов. Численность полков Скопина возросла до пятнадцати тысяч человек.

К северу or Москвы главным центром сопротивления

интервентам оставался Троице-Сергиев монастырь. Гетман Ян Сапега тщетно осаждал лавру в течение шестнадцати месяцев. Монастырь был окружен высокими башнями и мощными стенами. Стрельцы, служки и крестьяне мужественно отражали все приступы врага. Окрестное население постоянно помогало защитникам крепости людьми и продовольствием. Приближение армии Скопина вызвало тревогу в стане под Троицей. Сапега попытался разгромить воеводу в районе Калязина, но потерпел поражение в ходе двухдневного сражения 18–19 августа 1609 года. Успех Скопина не привел к решительному перелому в ходе военных действий из-за того, что международное положение России катастрофически ухудшилось. Страна подверглась нападению со стороны крымских татар, а потом интервенции со стороны Речи Посполитой.

После своей коронации Шуйский направил в Крым посла с тем, чтобы возобновить мирные отношения с ханом. Но посол был захвачен повстанцами и казнен в Путивле. Восстание в южных городах надолго прервало русско-крымские дипломатические сношения. С весны 1609 года крымская орда пришла в движение. В июле наследник хана Джанибек с многотысячным войском вторгся в русские пределы. Прежде татары, проведя грабительский набег, быстро уходили в степи. На этот раз они продвигались к Москве не спеша, сжигая по пути села и забирая в полон русское население. Разгромив Тарусу, крымцы перешли Оку. Их отряды появились в окрестностях Серпухова, Коломны и Боровска.

Положение в Москве было неустойчивым, и Шуйский попытался скрыть от народа правду о крымском вторжении. В грамотах к городам он объявил, будто татары прибыли на Русь как союзники, чтобы помочь против короля. Ложь не принесла ожидаемых выгод. Население Коломны и прочих разоренных мест громко проклинало царя, призвавшего «поганых» и тем погубившего собственную землю.

Ружинский окопался в Тушине у самых стен столицы. Ян Сапега удерживал позиции под Троице-Сергиевым монастырем. Крымские татары подбирались к Москве с юга. В такой ситуации Сигизмунд III и его окружение решили перейти к открытой интервенции против Русского государства. Найти внешний повод к войне не составляло труда. Таким поводом стало русско-шведское сближение. Сигизмунд III занял польский трон, будучи наследником шведской короны. После смерти отца шведского короля Юхана III он наследовал его титул. Но личная уния между Речью Посполитой и Швецией продержалась недолго. Карл IX совершил переворот. Началась польско-шведская война из-за

Ливонии. Сигизмунд считал дядю узурпатором и надеялся вернуть себе шведский трон. Союз между Карлом IX и московским царем нанес удар династическим претензиям Сигизмунда, и он, не колеблясь, принес государственные интересы Польши в угоду навязчивой идее. Увязнув в войне с Россией, Речь Посполитая не смогла противостоять наступлению шведов в Ливонии. Господство Швеции на Балтике нанесло огромный ущерб интересам и России, и Польши. Такими были отдаленные последствия политики Сигизмунда III.

Завоевательные планы короля и его стремление к неограниченной власти вызвали сопротивление в польском обществе. Чтобы убедить общественное мнение в необходимости московской войны, Сигизмунду пришлось прибегнуть к услугам публицистов. Некто Павел Пальчевский напечатал сочинение с призывом к немедленному завоеванию России. Шляхта, по его словам, освоит плодородные русские земли с такой же легкостью, с какой испанские конкистадоры колонизовали Новый Свет. В завоеванной стране будут созданы военные колонии наподобие римских. Люди, жаждущие земель, приобретут в России обширные владения. Русским дворянам можно оставить лишь небольшие поместья. Русское государство надо подчинить римской церкви. Русские – христиане лишь по названию. На них следует идти крестовым походом.

Сигизмунд III лелеял планы грандиозных завоеваний, но у него явно недоставало средств к их осуществлению. Шляхта отнеслась к планам крестового похода без всякого восторга. Король не решился вынести вопрос о войне с Россией на обсуждение государственного сейма. Подготовку к войне вели втайне. Никто не выражал так много сомнений и опасений по поводу затеянной авантюры, как коронный гетман Жолкевский. Он не разделял сумасбродных идей насчет колонизации России и высказывался за соглашение с русской знатью и за унию двух государств. Польские послы, вернувшиеся из Москвы, уверяли короля, будто знатные бояре готовы передать ему царский трон и заключить династическую унию.

Литовский канцлер Лев Сапега советовал королю начать с завоевания Смоленска. Он утверждал, что крепость сама откроет ворота, стоит постучать в них. В сентябре 1609 года отряды Льва Сапеги подошли к Смоленску. Несколько дней спустя к нему присоединился Сигизмунд III. Королевская рать под Смоленском насчитывала немногим более 12 тысяч человек. В ней было больше кавалерии, чем пехоты, и не более полутора десятка пушек. Сигизмунд III готовился к легкой военной прогулке, но никак не к осаде первоклассной крепости.

Смоленск служил ключевым пунктом всей русской обороны на западе. В правление Бориса Годунова город был обнесен новыми мощными каменными стенами. Строительством их руководил зодчий Федор Конь. Годунов сравнивал новую крепость с драгоценным ожерельем, которое будет охранять землю Русскую. Смоленские стены имели протяженность в пять километров, а их толщина превышала пять метров. В состав смоленского гарнизона входило не менее 1500 стрельцов. С началом военных действий воевода призвал к оружию посадских людей. Днем и ночью караулы на стенах крепости несли около двух тысяч горожан, вооруженных ружьями или саблями. В Смоленске было без малого 1200 дворян. Таким образом, гарнизон русской крепости был весьма значительным. Со времен войны с первым самозванцем московское командование сосредоточило в Смоленске значительные запасы продовольствия и пороха.

Затеяв поход на Смоленск, Сигизмунд III особым универсалом объявил, что он сжалился над гибнущим Русским государством и только потому идет оборонять русских людей. Король повелевал смолянам отворить крепость и встретить его хлебом-солью. Жители Смоленска отвечали, что скорее сложат свои головы, чем поклонятся ему. Началась беспримерная 20-месячная оборона города.

Король приказал штурмовать Смоленск с двух сторон. С запада удар должна была нанести немецкая наемная пехота, с востока – польские и венгерские отряды, которым предстояло взорвать городские ворота и ворваться внутрь крепости.

Штурм начался в ночь на 25 сентября 1609 года. Взорвав пороховой заряд, наемники разрушили Авраамиевские ворота. Но сломить сопротивление защитников города они не смогли. Наступление было отбито.

Следующей ночью немцы возобновили штурм и захватили деревянный острог, примыкавший к каменной крепости. Через день поляки попытались овладеть Фроловскими и Пятницкими воротами, но были отброшены.

Трехдневный штурм не принес успеха Сигизмунду, и он приказал подвергнуть город методическому обстрелу. Выстрелы из легких орудий сеяли смерть и разрушения, но не могли причинить больших повреждений городским укреплениям. Осаждавшие подвели мину под крепостную стену. Но минная война закончилась для них неудачей. С помощью «слухов» (специально вырытых подземных галерей) русские каждый раз обнаруживали вражеские подкопы и взрывали их контрминами.

В Смоленске собралось множество беженцев. С риском для

жизни окрестные крестьяне проникали в крепость даже после начала осады. С конца октября осажденные стали испытывать недостаток в продуктах питания. Цены на городских рынках резко повысились. Трудности не поколебали мужества смолян. Все население города было расписано по крепостным стенам и несло караульную службу днем и ночью. Обороной умело руководил воевода Михаил Борисович Шеин. Он требовал от всех соблюдения строжайшей дисциплины. 7 ноября он собрал в Разрядной избе всех посадских старост и велел объявить на всех перекрестках, по всем слободам и улицам, чтобы «те люди, которым по росписи велено быть на городе (на крепостной стене. – Р. С.) со всяким боем, и те б люди стояли все сполна по своим местам со всяким боем безотступно с великим бережением по смотру, а ково по росписи на городе не будет, и тому быти казнену смертью».

С помощью своих русских приспешников Сигизмунд пытался склонить смолян к сдаче. Но те с презрением отвергли все их призывы. Осажденные тревожили неприятельский лагерь частыми вылазками. Средь бела дня кучка храбрецов переправилась из Смоленска за Днепр, захватила вражеский штандарт и благополучно вернулась назад.

Тем временем армия Скопина продолжала медленно продвигаться к Москве, очищая от тушинцев и польских людей замосковные волости и города. Соперничавшие гетманы Ружинский и Ян Сапега осознали опасность и решили объединить силы. Они предприняли наступление на Александровскую слободу, занятую воеводой, но потерпели неудачу.

Несмотря на успехи Скопина, Москва по-прежнему испытывала затруднения с продовольствием. Враги ушли изпод стен Коломны, но пан Млоцкий и атаман Сальков продолжали хозяйничать на коломенской дороге. Царь Василий поручил боярину Мосальскому собрать продовольствие в южных уездах и доставить его в Москву. Боярин выполнил лишь первую половину задания. По пути в столицу Млоцкий подстерег его и наголову разгромил. Огромный обоз так и не добрался до Москвы.

Используя неожиданный успех, атаман Сальков приблизился к предместьям столицы. Шуйский спешно выслал против него думного дворянина Сукина, но тот ничего не мог поделать с «ворами». Царю пришлось назначить нового воеводу – князя Дмитрия Пожарского. К тому времени Сальков со своим отрядом перешел на владимирскую дорогу. Тут и нагнал его князь Дмитрий. Бой продолжался много часов и закончился решительной победой Пожарского. Отряд Салькова перестал существовать. Сам атаман через несколько дней явился к царю с

повинной. С ним пришли 30 человек, бежавших вместе с ним с поля боя. Разгром Салькова улучшил положение с продовольствием в столице.

Царь Василий наградил многих дворян чином стольника. Не все они оправдали его доверие. Некоторые переметнулись в Тушино к самозванцу. Пожарский оставался верен присяге, и Шуйский должен был наконец обратить на него внимание. Победа на владимирской дороге закрепила за Пожарским репутацию храброго и энергичного воеводы. Трудная пора осталась позади, и князь Дмитрий вернул себе положение, утраченное после падения Бориса Годунова. Если в дни восстания Болотникова дьяки писали его имя в конце списка, насчитывавшего более ста лиц, то в списке стольников 1610 года он числился тринадцатым. То был большой успех. Прошло немного времени, и князь Пожарский получил назначение на воеводство в Зарайск.

Крепость Зарайск располагалась к югу от Коломны на самом рубеже между Рязанской и Московской землями. В отличие от окрестных крепостей Зарайск не утратил военного значения, и потому в XVI веке здесь был воздвигнут каменный кремль. В связи с начавшимися вторжениями крымских татар Зарайск приобрел значение важного стратегического пункта. Степняки издавна использовали дорогу на Зарайск для вторжений в центральные уезды России. Предвидя неизбежность нового нападения татар, московское командование и направило в Зарайск Пожарского, отлично зарекомендовавшего себя на поле брани. По местническим меркам назначение в захолустный городок было не слишком почетным. Но князя Дмитрия это нисколько не смущало.

Царь Василий отметил службу Пожарского земельным пожалованием. В июле 1609 года князь Дмитрий получил поместье в Суздальском уезде. В жалованной грамоте подробно перечислялись заслуги стольника. «Князь Дмитрий Михайлович, будучи на Москве в осаде – значилось в грамоте, – против врагов стоял крепко и мужественно, и к царю Василию и к Московскому государству многую службу и дородство показал, голод и во всем оскудение и всякую осадную нужду терпел многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо безо всякия шатости».

Пожарский получил от казны село Нижний Ландех с двадцатью деревнями, семью починками и двенадцатью пустошами. Его новые владения раскинулись на большом пространстве вдоль живописных берегов речушки Ландех. Суздальский край издавна славился своими плодородными

опольями. Крестьяне сделали их подлинной житницей Замосковского края. Но великий голод не прошел бесследно для Суздальщины. Пожарский получил сотни десятин пашни, но значительная часть ее давно не обрабатывалась и лежала перелогом. Трудное время переживала страна, истерзанная трехлетним голодом и кровавой войной. Но худшее было впереди.

Глава 12
ВОЕННОЕ КРУШЕНИЕ

Владения Лжедмитрия II стремительно сокращались. Его люди сдавали город за городом. Неудачи посеяли раздор в тушинском лагере. Боярская дума «вора» раскололась. Одни ее члены вели тайные переговоры с Шуйским, другие искали спасения в лагере интервентов под Смоленском.

Ландскнехты не прочь были вернуться на королевскую службу. Помехой им была лишь алчность. По их расчетам, Лжедмитрий II задолжал им от четырех до семи миллионов рублей. Наемное воинство и слышать не желало об отказе от «заслуженных» миллионов. В конце 1609 года самозванец вместе с Мариной уныло наблюдал из окошка избы за своим «рыцарством», торжественно встречавшим послов Сигизмунда III. Послы не удостоили царька даже визитом вежливости. Тушинские ротмистры и шляхта утверждали, будто они, служа «Дмитрию», служили Сигизмунду, отстаивали его интересы в войне с Россией. Поэтому они требовали, чтобы королевская казна оплатила их «труды», и тогда они немедленно отправятся в лагерь под Смоленск. Сигизмунд не имел лишних миллионов в казне, и переговоры зашли в тупик. Если что-нибудь и спасло на время царька, так это его долги.

Лжедмитрий не знал, на что решиться. Среди общей измены он вспомнил о своем давнем покровителе Меховецком. Пана тайно вызвали во дворец, и он долго беседовал с глазу на глаз с самозванцем. Узнав об этом, Ружинский пришел в бешенство. Он ворвался в царские покоя и зарубил Меховецкого на глазах у перепуганного «государя». На другой день Лжедмитрий пытался обжаловать действия гетмана перед войском. Но Ружинский пригрозил, что велит обезглавить и самого царька. Тогда Лжедмитрий призвал к себе другого благодетеля, Адама Вишневецкого. Друзья заперлись в избе и запили горькую. Но Ружинский положил конец затянувшейся попойке. Он выставил дверь и стал бить палкой пьяного пана Адама, пока палка не сломалась в его руке. Мигом протрезвевший самозванец спрятался в клети подле дворца.

Дела в тушинском лагере шли вкривь и вкось. Ружинский не в силах был держать свое воинство в повиновении. Чувствуя приближение конца, он что ни день напивался допьяна. Гетман и прежде не церемонился с царьком. Теперь он обращался с ним как с ненужным хламом. Лжедмитрию перестали давать лошадей

и воспретили прогулки. Однако ему удалось обмануть стражу.

Население предместий тушинской столицы продолжало верить в «справедливое» дело «Дмитрия». Оно укрыло царька, когда тому удалось покинуть дворец. Наемники несли усиленные караулы на заставах, окружавших лагерь со всех сторон. Вечером к южной заставе подъехали казаки с телегой, груженной тесом. Не усмотрев ничего подозрительного, солдаты пропустили их. Они не знали, что на дне повозки лежал, съежившись в комок, московский «самодержец». Он был завален дранкой, поверх которой сидел дюжий казак.

Едва по лагерю распространилась весть об исчезновении «Дмитрия», как наемники бросились грабить царскую избу, растащили имущество и регалии самозванца. Королевские послы держали своих солдат под ружьем. Их обоз подвергся обыску. Подозревали, что труп Лжедмитрия спрятан в посольских повозках. Пан Тышкевич обвинил Ружинского в том, что тот либо пленил, либо умертвил царька. Его отряд открыл огонь по палаткам Ружинского и попытался захватить войсковой обоз. Люди гетмана, отстреливаясь, отступили.

Вскоре в Тушине узнали, что царек жив и находится в Калуге. Гонцы привезли его воззвание к войску. Лжедмитрий II извещал наемников о том, что Ружинский вместе с боярином Салтыковым явно покушались на его жизнь, и требовал отстранения гетмана.

В минуту опасности Лжедмитрий II поступил с Мариной совершенно так же, как и Отрепьев. Брошенная мужем на произвол судьбы, Мнишек тщетно хлопотала о спасении своего призрачного трона. Гордая «царица» обходила шатры и старалась тронуть одних солдат слезами, других – своими женскими прелестями. Она «распутно проводила ночи с солдатами в их палатках, забыв стыд и добродетель» – так писал в своем дневнике ее собственный дворецкий. Старания Мнишек не привели к успеху, и она бежала в Калугу.

Разнородные силы, с трудом уживавшиеся в одном стане, пришли в открытое столкновение после исчезновения Лжедмитрия. Низы инстинктивно чувствовали, какую угрозу для страны таит в себе соглашение с завоевателями, осадившими Смоленск. Иноземные наемники готовились перейти на службу к Сигизмунду. Казаки не желали следовать их примеру и намеревались пойти за «добрым государем» в Калугу. Тщетно Заруцкий звал их в королевский лагерь. Рядовые казаки отказывались повиноваться ему. Атаман давно спелся с гетманом Ружинским и тушинскими боярами. И теперь он продолжал преданно служить им. Столкнувшись с неповиновением, он попытался силой удержать казаков в лагере. Стычки закончились

не в пользу Заруцкого. Более двух тысяч донцов миновали тушинские заставы и с развернутыми знаменами двинулись по направлению к Калуге. Заруцкий привык добиваться своего, сколько бы крови это ни стоило. Он бросился в палатку к Ружинскому. Гетман вывел в поле конницу и вероломно напал на отходивших пеших казаков. Дорого заплатили повстанцы за свои ошибки. Они устлали своими трупами дорогу от Тушина до Калуги. Однако наемникам вскоре же пришлось пожать плоды учиненной ими бойни. Кровопролитие ускорило размежевание сил внутри тушинского лагеря. Патриотические силы решительно рвали с теми, кто открыто перешел в лагерь интервентов.

Сопротивление врагу возглавил ближайший соратник Болотникова атаман Юрий Беззубцев. Пану Млоцкому, стоявшему в Серпухове, пришлось первому оплатить счет. Жители Серпухова подняли восстание. Казаки Беззубцева, не желавшие переходить на королевскую службу, поддержали их. Отряд Млоцкого подвергся поголовному истреблению. Народные восстания произошли и в нескольких других городах, оставшихся верными Лжедмитрию II.

В хаосе гражданской войны давно спутались привычные пути-дороги. Заброшенные судьбой в тушинский лагерь люди оказались поистине в трагическом положении. Им не было места в стане тех, кто свирепо усмирил восстание Болотникова. Им поневоле пришлось идти за своим «царем» в Калугу. Но вор более всего боялся остаться без иноземных ландскнехтов. В Калуге он окружил себя немецкими наемниками. Порвав с Ружинским, царек обратился за помощью к Яну Сапеге и добился его поддержки.

К великому неудовольствию, многие казаки увидели, что их «государь» усердно возрождает старый тушинский лагерь. Пресытившись войной, многие из донцов теряли веру в благополучный исход восстания. Они толпами покидали Калугу и возвращались в свои станицы.

Королевские послы использовали развал тушинского лагеря и попытались заключить соглашение с тушинскими боярами и дворянами, отказавшимися последовать за самозванцем в Калугу. Пригласив к себе «патриарха» Филарета Романова, Михаила Салтыкова и других тушинцев, послы стали убеждать их, будто король пришел в Россию с единственной целью взять страну под свою защиту и избавить ее от тирании. Неслыханное лицемерие не смутило тушинцев. Они заявили, что готовы передать русский трон королевичу Владиславу. Филарет и Салтыков плакали, целуя адресованные им королевские грамоты.

Некогда Василий Шуйский, стремясь избавиться от первого

самозванца, предложил московский трон сыну Сигизмунда. Тушинцы возродили его проект, чтобы избавиться от самого Шуйского. Идея унии России и Речи Посполитой, имевшая ряд преимуществ в мирных условиях, приобрела зловещий оттенок в обстановке интервенции. Тысячи вражеских солдат осаждали Смоленск, разоряли русские города и села. Надеяться на то, что избрание польского королевича на московский трон положит конец иноземному вторжению, было чистым безумием.

«Патриарх» Филарет Романов взял на себя функции главы тушинского правительства. С его согласия и благословения под Смоленск выехали полномочные тушинские послы боярин Михаил Салтыков, думные люди Плещеев, Молчанов, Федор Андронов и другие. В течение двух недель они вели переговоры с королевскими чиновниками. Итогом переговоров явилось соглашение от 4 февраля 1610 года, определившее порядок передачи царского трона польскому претенденту.

Русские статьи соглашения предусматривали, что будущий царь Владислав Жигимонтович «произволит» принять православную веру и будет коронован московским патриархом по православному обряду.

Тушинские «статьи и просьбы» отражали стремление русских людей сохранить в неизменном виде государственный и сословный строй Московской Руси. Статьи обязывали Владислава оберегать православие в России, сохранять в неприкосновенности имущество и права духовенства и светских чинов, отправлять суд и собирать подати «по старине». Следуя традиции, Владислав должен был управлять страной вместе с Боярской думой и священным собором.

Немало авантюристов искало при дворе тушинского царька почестей и богатства. Эти люди, вынесенные наверх временем, старались удержать свое высокое положение, порвав с вором. Они сыграли свою роль при заключении смоленского договора. Но объяснить содержание договора лишь их мелкими, эгоистическими расчетами все же невозможно. В статьях договора можно уловить выражение тех общественных настроений, которые привели немалое число дворян в повстанческий лагерь и удерживали их там в течение долгого времени.

Составители смоленских статей проявляли осторожную заботу о разоренных дворянах и настоятельно предлагали Владиславу жаловать людей «меньших станов», сообразуясь с их заслугами, а не породой.

Подобные предложения отвечали чаяниям мелких дворян, изверившихся в возможности изменить порядок вещей в стане Шуйских, где «породе» придавали большее значение, нежели

личным заслугам и способностям дворянина.

Другой пункт смоленского договора предусматривал, что при изменении русских законов Владислав будет советоваться с Боярской думой и «землей» и «то вольно будет боярам и всей земле». Дворяне выступали в защиту земских учреждений едва ли не с момента возникновения соборов, расширивших для них возможности участия в управлении государством. Уездные служилые люди считали, что именно им принадлежит право говорить от имени «всей земли».

Смоленский договор разрешал русским людям свободно ездить в христианские земли для науки. Разрешение имело в виду тех дворян и приказных, которые пожелали бы получить образование за рубежом. Вместе с тем договор предусматривал незыблемость крепостнических порядков в России. Статьи договора обязывали Владислава «крестьянам на Руси выхода не давать», «холопам боярским воли не давать, а служити им по крепостям». Вопрос о будущем вольных казаков оставался открытым.

Заключение смоленского договора стало своего рода вехой в развитии внутриполитического кризиса. Часть дворян, утратившая надежду на возможность заменить на троне «боярского царя» дворянским, решила добиться своих целей путем заключения личной унии с Речью Посполитой.

Политические расчеты сторонников унии были в значительной мере иллюзорными. Король Сигизмунд не представил тушинцам никаких реальных гарантий выполнения договора. Впрочем, надобности в таких гарантиях не было: правительство Филарета Романова и Салтыкова распалось на другой день после подписания соглашения. Салтыков и прочие «послы» остались в королевском обозе под Смоленском и превратились в прислужников иноземных завоевателей. Король использовал договор, чтобы завуалировать истинные цели затеянной им войны и облегчить себе завоевание пограничных земель.

Смоленский договор окончательно осложнил и без того запутанную обстановку в России. Рядом с двумя царями – законным в Москве и воровским в Калуге – появилась, подобно миражу в пустыне, фигура третьего царя – Владислава Жигимонтовича. Действуя от его имени, Сигизмунд щедро жаловал тушинцев русскими землями, не принадлежавшими ему. В смоленском договоре король усматривал верное средство к «полному овладению Московским царством». Однако даже он отдавал себе отчет в том, что военная обстановка не слишком благоприятствует осуществлению его блистательных замыслов.

Осада Смоленска длилась уже более полугода. Королевская армия несла потери, но не могла принудить русский гарнизон к сдаче. Отряды Ружинского и Яна Сапеги не сумели удержаться под Москвой. После кровопролитных боев с войсками Скопина Ян Сапега отступил из-под стен Троице-Сергиева монастыря к литовскому рубежу. Ружинский сжег тушинский лагерь и ушел к Волоку-Ламскому.

В марте 1610 года столичное население устроило торжественную встречу Михаилу Скопину и его армии. Осадное время осталось позади. Освободитель Москвы князь Скопин приобрел исключительную популярность. Дворяне не верили в неудачливого князя Василия и все больше уповали на энергию и авторитет его племянника. Прокопий Ляпунов первым вслух выразил мысль, которая у многих была на уме. В письме к Скопину он писал о царе Василии со многими укоризнами, зато молодого воеводу «здравствовал» и звал на царство.

Скопин не одобрял планов дворцового переворота и велел арестовать посланцев Ляпунова, но затем отпустил их. Соглядатаи царя, однако, пронюхали обо всем. Донос пал на подготовленную почву. Столица оказала поистине царский прием Скопину, что усилило подозрения Шуйского. Оставшись наедине с племянником, царь Василий попытался объясниться с ним начистоту. В пылу семейной ссоры Скопин будто бы посоветовал дяде оставить трон, чтобы земля избрала другого царя, способного объединить истерзанную междоусобием страну. Братья царя подлили масла в огонь. Они не скрывали ненависти к освободителю Москвы. Спесивый и высокомерный Дмитрий Шуйский надеялся занять трон после смерти бездетного царя Василия. Успехи Скопина грозили расстроить его планы. Стоя на городском валу и наблюдая торжественный въезд Скопина, Дмитрий не удержался и воскликнул: «Вот идет мой соперник!»

Боярская Москва усердно чествовала героя. Что ни день его звали на новый пир. Скопин никому не отказывал, и его покладистость обернулась для него большой бедой. В доме Воротынского вино лилось рекой. Гости пили полные кубки во здравие воеводы. Неожиданно виновник торжества почувствовал себя дурно. Из носа у него хлынула кровь. Слуги поспешно унесли боярина домой. Две недели больной метался в жару и бредил. Затем он скончался.

В то время ему было двадцать три года.

Необъяснимая смерть молодого воеводы посеяла в народе сомнения. По всей столице шептали, будто Скопина отравила его тетка Екатерина Скуратова-Шуйская, бросившая яд в его чашу. Царь Василий лил слезы над гробом племянника.

Смерть Скопина роковым образом сказалась на положении дел в армии и стране. Его место тотчас занял Дмитрий Шуйский, рожденный, как говорили современники, не для доблести, а к позору русской армии. Назначение Дмитрия вызвало негодование как высших офицеров, так и рядовых ратников. Царь Василий не забыл о фатальных неудачах Дмитрия, но у него не было выбора. Одни только братья не вызывали у него подозрений в измене. Прочие бояре давно лишились его доверия.

Вместе со Скопиным в Москву прибыл шведский полководец Яков Делагарди. Дело близилось к решающему столкновению. Швеция слала в Россию новые подкрепления. В Москве к Делагарди присоединился отряд в тысячу пятьсот человек. С севера на помощь спешил генерал Горн с двумя тысячами солдат. Карл IX отправил в Россию двух своих лучших полководцев. При них находилось до десяти тысяч солдат – значительная часть военных сил Швеции.

С наступлением летних дней московское командование после многих хлопот собрало дворянское ополчение и довело численность армии до тридцати тысяч человек. Сподвижник Скопина Валуев с шеститысячным войском освободил Можайск и прошел по большой смоленской дороге до Царева Займища. Тут он поставил острог и стал ждать подхода главных сил.

Польский гетман Жолкевский воспользовался разделением сил противника и решил упредить наступление союзных войск к Смоленску. После упорного боя он потеснил Валуева и окружил его в острожке. Дмитрий Шуйский и Делагарди выступили на помощь Валуеву. К вечеру 23 июня их войска расположились на ночлег у села Клушино. На другой день союзники решили атаковать поляков и освободить из осады острожек Валуева, находившийся в двенадцати верстах.

Русская и шведская армии далеко превосходили по численности войско польское. Но Жолкевскому удалось пополнить свои силы за счет тушинцев. К нему присоединился Заруцкий с донцами и Иван Салтыков с ратниками. Гетман решил нанести союзникам неожиданный удар. Оставив пехоту у валуевского острожка, он сделал с конницей ночной переход и 24 июня перед рассветом вышел к Клушину. Валуев мог в любой момент обрушиться на поляков с тыла. Но Жолкевский не боялся риска.

Союзники знали о малочисленности противника и проявляли редкую беспечность. Они не позаботились выслать сторожевое охранение на смоленскую дорогу. Шведский главнокомандующий Яков Делагарди весь вечер допоздна пировал в шатре у Дмитрия Шуйского и хвастливо обещал ему пленить гетмана.

Русские и шведы расположились на ночлег несколько поодаль друг от друга. В предрассветные часы их лагеря еще были объяты сном, как вдруг показались польские разъезды. Гетман застал союзников врасплох. Но атаковать их с ходу ему все же не удалось. В ночной тьме армия Жолкевского растянулась на узких лесных дорогах, пушки увязли в болоте. Прошло более часа, прежде чем польская конница подтянулась к месту боя.

Разбуженный лагерь союзников огласился криками и конским ржанием. Русские и шведы успели вооружиться. Оба войска выдвинулись вперед и заняли оборону каждый впереди своего лагеря. Единственным прикрытием для пехоты служили длинные плетни, перегораживавшие крестьянское поле. Они мешали неприятельской кавалерии развернуться для атаки до тех пор, пока полякам не удалось проделать в них большие проходы. Яростный бой кипел теперь со всех сторон. На полях под Клушином, казалось, сошлись «двунадесять языцев». Слова команды, брань и проклятия звучали едва не на всех европейских языках – на русском, польском, шведском, немецком, литовском, татарском, английском, французском, финском, шотландском. В течение нескольких часов польские гусары упорно атаковали и наконец добились видимого успеха. В сражении был ранен воевода передового полка Василий Бутурлин.

На левом фланге дрогнул полк князя Андрея Голицына. Главный воевода Дмитрий Шуйский еще мог изменить ход боя, бросив в атаку большой полк. Но он предпочел укрыться в своем наскоро укрепленном лагере. Не получив помощи от Шуйского, полк Голицына в беспорядке отступил к ближнему лесу.

На правом фланге шведская пехота вела беглый огонь, отстреливаясь из-за плетня от наседавшей конницы противника. Но тут поляки подвезли две пушки и обстреляли пехоту. Наемники поспешно покинули ненадежное укрытие и отступили к своему лагерю. Часть солдат бежала к лесу. Боевые порядки союзников оказались расчлененными. Что еще хуже – шведские командиры Делагарди и Горн покинули свою пехоту и с конным отрядом отступили в лагерь Шуйского.

Натиск польской кавалерии стал ослабевать, и союзники попытались перехватить инициативу. Отряд конных мушкетеров, англичан и французов, проскакал через клушинские поля навстречу врагу. Мушкетеры дали залп и повернули коней, чтобы пропустить вперед вторую шеренгу. Но поляки не дали им перестроиться и ударили по ним палашами. Мушкетеры смешались и бросились назад. На их плечах гусары ворвались в лагерь Шуйского. Пушкари и стрельцы не решились открыть огонь, опасаясь задеть своих. Промчавшись во весь опор через

лагерь, гусары продолжали преследование, пока не устали их кони. На обратном пути лагерь встретил их выстрелами, и им пришлось пробираться окольной дорогой.

Князь Шуйский «устоял» в обозе. К нему присоединился Андрей Голицын с ратными людьми, которых удалось собрать в лесу. Более пяти тысяч стрельцов и ратных людей готовились к последнему бою. При них находилось восемнадцать полевых орудий. Дмитрий Шуйский сохранил достаточные силы для атаки, но он медлил и выжидал.

В сражении настала долгая пауза. Исход боя не определился окончательно. Польская конница понесла большие потери, и ей нужен был отдых. Гусары, переломав свои копья, спешились, расположились за пригорком. Без пехоты гетман не мог атаковать русский лагерь, ощетинившийся жерлами орудий. Он подумал о том, что его коннице трудно будет добраться и до шведской пехоты. Внезапно ему доложили о появлении перебежчиков.

Наемные войска всегда отличались ненадежностью. Делагарди с трудом удерживал в повиновении свое разноязычное воинство. Накануне битвы солдаты едва не взбунтовались, требуя денег. Швед получил от царя огромную казну, но откладывал расчет, ожидая, что в бою его армия сильно поредеет. Жадность шведского главнокомандующего обернулась против него самого. В отсутствие Делагарди и Горна наемная армия подняла бунт. Оценив ситуацию, Жолкевский послал в шведский лагерь племянника для заключения договора. Первыми на сторону врага перешли французские наемники. Затем заколебался отряд немецких ландскнехтов, стоявший в резерве. Узнав о переговорах, Дмитрий Шуйский прислал к немцам Гаврилу Пушкина с обещанием неслыханного вознаграждения.

Спохватились наконец и шведские военачальники. Вернувшись в свой лагерь, они попытались прекратить мятеж. Но дело зашло слишком далеко. Стремясь спасти шведскую армию от полного распада, Делагарди предал союзников. Посреди клушинского поля он съехался с Жолкевским, чтобы заключить с ним перемирие отдельно от русских. Тем временем половина его рот прошла мимо главнокомандующего и присоединилась к полякам. Делагарди бросился в свой обоз и стал раздавать шведам деньги, присланные ему накануне царем. Английские и французские наемники потребовали своей доли и едва не перебили шведских командиров. Не получив денег, они разграбили повозки Делагарди, а затем бросились к русскому обозу и учинили там грабеж.

Шведская армия перестала существовать. Король Карл IX рвал на себе волосы, узнав о катастрофе. Распад союзной

шведской армии роковым образом сказался на судьбе русских войск. Дмитрий Шуйский отдал приказ об отходе. Отступление превратилось в беспорядочное бегство. Ратники спешили укрыться в окрестных лесах. В полной панике Дмитрий Шуйский гнал коня, пока не увяз в болоте. Бросив коня, трусливый воевода едва выбрался из трясины. В Можайск он явился без армии. С недоумением разглядывали встречные богато одетого всадника, который голыми пятками ударял в бока тощую крестьянскую клячу, пытаясь заставить ее прибавить ходу. Некоторые узнавали в нем царского брата и торопливо кланялись.

Не получая вестей от Дмитрия Шуйского, Валуев на третий день после сражения произвел вылазку из острога. Весть о гибели русской армии поколебала стойкость осажденных. Гетман прислал к Валуеву Ивана Салтыкова. Этот тушинец клятвенно обещал, что король снимет осаду со Смоленска и вернет русским все порубежные города, едва страна признает Владислава своим царем. Валуев поддался на уговоры и заявил о признании смоленского соглашения.

Гетман Жолкевский имел теперь под своими знаменами казаков Заруцкого и воинов Валуева – многотысячную русскую рать. Он рассчитывал склонить на свою сторону Яна Сапегу. Но наемники Сапеги, не получив от короля денег, ушли в Калугу к самозванцу.

Военное положение России ухудшалось со дня на день. Получив поддержку от Сапеги, Лжедмитрий возобновил наступление на Москву и занял Серпухов. Армия Жолкевского вступила в Вязьму и приближалась к русской столице с запада.

Царь Василий пытался найти помощь в Крыму. По его призыву на Русь прибыл Кантемир-мурза с десятью тысячами всадников. Крымцы прошли мимо Тулы и устремились к Оке. Шуйский выслал навстречу Кантемир-мурзе гонца с богатыми дарами.

Положение в Подмосковье было угрожающим. Среди общей измены Шуйский не сразу нашел человека, которому можно было поручить охрану высланной на Оку казны. Миссия требовала безусловной верности присяге, мужества и хладнокровия. В конце концов Шуйский доверил дело Дмитрию Пожарскому.

Князь Пожарский выполнил трудное поручение и благополучно провел обоз из Москвы до самых татарских станов.

Следом за Пожарским на Оку прибыл князь Лыков с четырьмя сотнями стрельцов. Кантемир-мурза по прозвищу Кровавый меч благосклонно выслушал царские «речи» и принял великие дары. Но он успел оценить ситуацию, сложившуюся в Подмосковье. Не желая ввязываться в борьбу с тушинцами и поляками,

вероломные союзники повернули оружие против войск Шуйского и разогнали отряд Лыкова. Сапега довершил дело, а Кантемир-мурза с Оки ушел в степи.

Поражения сыпались на голову Шуйского одно за другим. После Клушина он остался без армии. Царь приказал вновь собрать дворянское ополчение и готовить столицу к осаде. Но дни династии были уже сочтены. Народ отвернулся от Шуйских, считая их дело проигранным. Столичные жители, собравшись большими толпами под окнами дворца, кричали Шуйскому: «Ты нам не государь!» Испуганный царь не смел показываться на людях.

Напрасно самодержец посылал гонцов в провинцию, требуя от воевод подкреплений. Рязанские дворяне, помогавшие царю высидеть в осаде против Лжедмитрия II, отказали ему в поддержке.

Дворянство составляло самую глубокую и массовую опору царской власти. Разброд среди дворян имел роковые для Шуйского последствия. Давний противник царя Василия Шуйского Прокофий Ляпунов раньше других уловил общее настроение. Смена непопулярной династии казалась ему лучшим выходом из положения. Как всегда, Ляпунов пустил в ход всю свою энергию, чтобы добиться поставленной цели. Оп начал с того, что отправил своих гонцов к князю Василию Голицыну в Москву. Вождь рязанских дворян не забыл того, что в лагере под Кромами именно поддержка Голицына помогла ему одолеть Годуновых. Еще раньше Ляпунов попытался вовлечь в заговор против Шуйского Дмитрия Пожарского. Он прислал к нему в Зарайск племянника Федора с грамотой. Пожарский понимал опасность, которая таилась в планах дворцового переворота в разгар иноземного вторжения. Он наотрез отказался поддержать заговор, отослал грамоту Ляпунова в Москву и затребовал себе подкреплений.

Известие о наступлении Лжедмитрия вызвало восстание в Коломне и Кашире. Меньшие люди и казаки заявили о поддержке «законного» царя. Коломничи увлекли за собой жителей Зарайска. Но воеводой в Зарайске был князь Дмитрий Пожарский, а с ним шутки были плохи. Пожарский укрылся в каменной крепости и отказался подчиниться «миру». В крепости хранились все запасы продовольствия, и в ней зажиточные горожане держали свои ценности. Непреклонность воеводы внесла в их ряды разброд. Пожарский выждал, когда волнения улеглись, и заключил соглашение с представителями посада. Суть договора весьма точно выражала политическое кредо Пожарского: «Будет на Московском царстве по-старому царь Василий, ему и служити, а

будет хто иной, и тому также служити». Пожарский готов был служить царю Василию Шуйскому, пока тот оставался главой государства. Но высшим принципом для него было служение не лицу, а государству Российскому.

Зарайский воевода действовал смело и энергично, чтобы спасти столицу от надвигавшейся опасности. Он послал воинских людей в Коломну и добился того, что коломничи, одумавшись, отложились от «вора». Военное положение столицы несколько улучшилось. Но Шуйского могло спасти разве что чудо. Крушение надвигалось неотвратимо.

Глава 13
СЕМИБОЯРЩИНА

Безрадостными были последние дни царствования Василия Шуйского. С того момента, как он утратил поддержку вождей Боярской думы и столичного населения, власть его стала призрачной. Тушинские бояре не могли договориться с московскими, пока выступали в пользу самозванца. Все переменилось с тех пор, как тушинское правительство подписало смоленский договор. Кандидатура Владислава казалась одинаково приемлемой как для главы думы князя Федора Мстиславского, так и для главы тушинского правительства Филарета Романова. Филарет был одним из подлинных вдохновителей соглашения с Сигизмундом III. Он выехал из Тушина с последними польскими отрядами, с тем чтобы найти пристанище в королевских обозах под Смоленском. Но ему не удалось благополучно добраться до места назначения. Войска Валуева пленили его после боя под Волоколамском и отправили в Москву.

Царь Василий не осмелился судить «воровского» патриарха и опрометчиво разрешил ему остаться в столице. Патриарх Гермоген поспешил объявить Романова жертвой Лжедмитрия и признал его право на прежний сан ростовского митрополита. Филарет, не чаявший такого приема, вскоре обрел прежнюю самоуверенность и стал не покладая рук трудиться над возрождением влияния романовского круга. При поддержке больших бояр – братии и племянников – Филарет вскоре стал, по словам очевидца, «большой властью под патриархом». В его лице Шуйские приобрели самого опасного врага.

Пропольская партия в Москве остерегалась открыто провозглашать свои цели. Мстиславский и Романовы отдавали себе отчет в том, что народ не желает видеть на троне иноземного королевича. Инициативу свержения Шуйского взяла на себя не партия Владислава, а сторонники Голицына. Среди русских претендентов на трон Василий Васильевич Голицын был самой влиятельной фигурой. Князь Василий давно протягивал руки к короне. Он казнил царя Федора Годунова, затем руководил расправой с Лжедмитрием. Теперь настала очередь Шуйского. Голицын отбросил прежнюю осторожность, когда убедился в поддержке провинции. Из Рязани Прокофий Ляпунов прислал к Голицыну и к своему брату Захару Ляпунову некоего Олешку Пешкова с просьбой поспешить. В осадные годы в Москве жило

много рязанских дворян. Они охотно поддержали выступление против Шуйского.

16 июля в окрестности Москвы прибыл Лжедмитрий II с тремя тысячами казаков. Царька сопровождали воровской боярин князь Дмитрий Трубецкой и другие тушинцы, удержавшиеся при нем. Не располагая силами для штурма столицы, Трубецкой и его соратники прибегли к хитрости. Они предложили столичному населению «ссадить» несчастливого царя Василия и притворно обещали поступить аналогичным образом с тушинским царьком. После этого, заявили они, все смогут выбрать сообща нового государя и тем положить конец братоубийственной войне. Василий Голицын и его друзья поддержали тушинскую агитацию. Она служила лучшим оправданием для задуманного ими переворота. Противники Шуйского решили действовать без промедления.

17 июля Иван Никитич Салтыков, Захар Ляпунов и другие заговорщики собрали на Красной площади внушительную толпу и обратились к посаду с призывом свергнуть царя, принесшего стране бесконечные беды. Опасаясь противодействия Гермогена, мятежники ворвались в патриарший дом и захватили его. Заложниками в руках толпы стали бояре, которых искали повсюду и тащили на Лобное место. Помня о предыдущих неудачах, заговорщики не стали штурмовать царский дворец, а все внимание обратили на армию. Последнее слово принадлежало вооруженной силе. Для отражения самозванца командование сосредоточило полки в Замоскворечье. Туда-то и повели толпу Салтыков и Ляпунов. Престарелого патриарха волокли, не давая ему отдышаться. С бояр не спускали глаз.

В военном лагере за Серпуховскими воротами открылся своего рода Земский собор с участием думы, высшего духовенства и восставшего народа. За низложение Василия Шуйского высказались Голицыны, Мстиславский, Филарет Романов. Патриарх Гермоген пытался защищать Шуйских, но его не стали слушать. Немногие бояре осмелились противиться общему требованию.

Для переговоров с Шуйским собор направил в Кремль Воротынского и Федора Шереметева, а также патриарха со всем священным собором. Посланцы постарались добром уговорить царя покинуть трон. Свояк князь Воротынский обещал «промыслить» ему особое удельное княжество со столицей в Нижнем Новгороде. Василий не слушал увещеваний и не желал расставаться с царским посохом. Тогда его силой свели из дворца на старый двор. Братьям царя запретили показываться в думе, затем взяли под стражу.

Низложив царя, собор направил гонцов в лагерь Лжедмитрия подле Данилова монастыря. Многие члены собора полагали, что калужские бояре тут же свергнут своего царька и вместе со всей землей приступят к выборам общего государя. Их ждало жестокое разочарование. Князь Дмитрий Трубецкой и прочие тушинцы предложили москвичам открыть столичные ворота перед истинным государем.

Иллюзии рассеялись. Наступила минута общего замешательства. Партия Шуйских преодолела растерянность и попыталась восстановить утраченные позиции. Патриарх обратился к народу с воззванием, моля вернуть на престол старого царя. Начальник Стрелецкого приказа Иван Шуйский через верных людей пытался склонить дворцовых стрельцов к тому, чтобы совершить контрпереворот.

Тогда заговорщики решили довести дело до конца. Вместе с Захаром Ляпуновым в их «совете» участвовали думный дворянин Гаврила Пушкин и множество уездных дворян. На этот раз заговорщики обошлись без обращения к Земскому собору. Более того, они не постеснялись нарушить только что принятые соборные решения. Собрав немногих стрельцов и толпу москвичей, они явились на двор Шуйского, прихватив с собой некоего чудовского чернеца. Дворяне держали бившегося в их руках самодержца, пока монах совершал обряд пострижения. «Инока Варлаама» тут же вытащили из хором и в крытой повозке отвезли в Чудов монастырь, где к нему приставили стражу.

В самый день переворота Захарий Ляпунов с рязанцами стали «в голос говорить, чтобы князя Василия Голицына на государстве поставити». Но заговорщики просчитались. Боярская дума во главе с Федором Мстиславским категорически воспротивилась избранию Голицына. Пропольская партия в думе имела возможность провалить неугодного ей претендента, но она не осмелилась выдвинуть своего кандидата. Переворот внес в ее ряды шатания и разброд. Филарет уловил настроения столичного населения и, отвернувшись от Владислава, предпринял попытку усадить на трон своего четырнадцатилетнего сына Михаила. В глазах современников Михаил имел наибольшие права на трон как двоюродный племянник последнего законного царя – Федора Ивановича. Романовым удалось добиться некоторой поддержки в среде столичного населения. Патриарх Гермоген, настаивавший на избрании царя из русских людей, готов был встать на их сторону.

Никто из претендентов не добился поддержки большинства в думе и на Земском соборе. Члены собора помнили, что Василий Шуйский был избран без участия провинции, отчего многие

называли его узурпатором. Они не желали повторять прежних ошибок и постановили отменить выборы до времени, когда в столицу съедутся представители всей земли. В провинцию помчались гонцы с наказом выбирать из всех чинов по человеку для участия в избирательном соборе.

По давней традиции дума выделяла в период междуцарствия особую комиссию из своего состава для управления страной. Следуя обычаю, Земский собор поручил дела – впредь до съезда представителей провинции – семи избранным боярам. Так образовалась знаменитая московская семибоярщина. В нее вошли Федор Мстиславский, Иван Воротынский, Василий Голицын, Иван Романов, Федор Шереметев, Андрей Трубецкой и Борис Лыков.

Дворяне, приказные люди, стрельцы, казаки, гости и черные люди немедленно принесли присягу на верность временному боярскому правительству. Со своей стороны, бояре обязались «стоять» за Московское государство и подготовить избрание нового царя «всей земли».

Не прошло и недели, как военное положение столицы резко ухудшилось. По старой смоленской дороге к Москве подошел Жолкевский. Поляки разбили свой лагерь на Хорошевских лугах. Коронный гетман затеял переговоры разом и с московскими боярами, и с тушинцами. Бояр он просил присоединиться к смоленскому договору и присягнуть Владиславу, а самозванцу предлагал общими силами штурмовать Москву.

Семибоярщина послала к Жолкевскому маловажного чиновника с наказом тянуть время и не допускать объединения двух неприятельских армий. Бояре напрасно пытались перехитрить гетмана. В конце концов Мстиславскому самому пришлось отправиться в его лагерь для переговоров. По случайному совпадению Лжедмитрий запалил столичные предместья и попытался ворваться в Замоскворечье в то самое время, когда Мстиславский вел с Жолкевским переговоры. Ян Сапега с литовскими людьми штурмовал Серпуховские ворота. Поляки из войска Жолкевского не спешили подать помощь «своим». Зато русские «союзники» коронного гетмана снялись с места и бросились на помощь москвичам. Не спросясь Жолкевского, Валуев атаковал Сапегу и погнал его прочь от Серпуховских ворот. Событие это произвело на столицу большое впечатление. Бездарный глава семибоярщины тут же приписал успех своим дипломатическим стараниям. Ощутив почву под ногами, пропольская партия провела через думу решение не избирать на государство никого из московских бояр. Путь к избранию Владислава и миру с поляками оказался теперь расчищен.

Предложения насчет унии между Россией и Речью Посполитой обсуждались Боярской думой еще при царе Федоре и Борисе Годунове. Дума поначалу отвергла их. Но затем отношение к унии стало меняться. Шуйский обнаружил неспособность справиться с народными движениями, и знать искала выход в союзе с правящими верхами Речи Посполитой. С избранием Владислава на трон бояре, как им казалось, смогут опереться на королевскую армию ради наведения порядка в стране. Мстиславский и многие другие влиятельные бояре мечтали получить такие же привилегии, которыми пользовались польские магнаты.

Сторонники унии добились поддержки Земского собора главным образом потому, что выступали в роли миротворцев. Дворянам бесконечно надоела война, и они верили, что с помощью росчерка пера можно положить конец и иноземному вторжению, и внутренним междоусобицам.

В своих манифестах Сигизмунд обещал прибавить русским дворянам вольностей и избавить их от тиранических порядков. Подобные посулы нисколько не прельщали московитов. Куда больше их волновал вопрос о землях и крестьянах. Дворянские представители имели численное преобладание в Земском соборе. Им суждено было принять окончательное решение. Не желая передоверять дело семибоярщине, дворяне постановили взять переговоры с Жолкевским в свои руки. В польский лагерь явилось, как прикинул гетман, около пятисот человек дворян, стольников и детей боярских. Соборные представители отправились на переговоры едва ли не в полном составе. От имени дворян речь держал князь Черкасский. Жолкевский ответил на все его вопросы. Он не жалел обещаний, и его речи произвели благоприятное впечатление на московский собор. Посреди заседания ему шепнули о прибытии гонца. Гетман прервал переговоры и испросил себе день на размышления.

Король прислал из-под Смоленска инструкции, которые грозили свести на нет московские переговоры. Гетман получил приказ вести дело так, чтобы Москва присягнула Сигизмунду и его сыну разом. Смоленский договор был заключен в то время, когда армии Скопина повсюду теснили польские отряды и окружение короля подумывало о том, как бы скорее закончить бесславную войну. Победы Жолкевского и свержение Шуйских решительно изменили ситуацию. Сигизмунд готов был порвать соглашение об избрании Владислава и занять московский трон по праву завоевателя. Жолкевский возражал против нарушения соглашений с русскими. После всех одержанных побед он надеялся, что его линия на заключение унии вновь одержит верх.

Поэтому он скрыл содержание королевских инструкций от бояр и решил продолжить переговоры. Многие причины заставляли его спешить. Гетман не имел денег, чтобы оплатить войско. Наемники требовали платы и в любой момент могли выйти из повиновения. Семибоярщина соглашалась оказать Жолкевскому финансовую помощь, но лишь после подписания договора. В довершение бед в армии Жолкевского начался разброд. Валуев поднял оружие против самозванца. Но еще раньше донские казаки вышли из повиновения гетману и соединились с казаками Лжедмитрия.

Некогда атаман Заруцкий помешал донцам уйти из Тушина в Калугу и увел отряд в три тысячи сабель к Сигизмунду. Оказавшись в лагере интервентов, казаки ополчились на своего вождя. Атаман призвал на помощь королевских солдат и силой подавил волнения. Он помог Жолкевскому разгромить армию Шуйского и вместе с ним прибыл в окрестности Москвы. Заруцкий ждал наград, но его постигло жестокое разочарование. Патриарх Гермоген и Мстиславский легко отпустили грехи своей заблудшей братии – Романову, Салтыковым и прочим тушинцам. Но они категорически отказались допустить в свою среду казачьего боярина и вчерашнего болотниковца Заруцкого. В их глазах он оставался подлинным исчадием ада, живым напоминанием о временах крестьянского восстания. Бывшие тушинские царедворцы, еще недавно заискивавшие перед атаманом, поспешно отвернулись от него. Иван Михайлович Салтыков жестоко осмеял казака, когда тот в качестве боярина заикнулся о своих местнических правах. Ссора с Салтыковым развеяла в прах честолюбивые мечты атамана. Он пытался найти поддержку у Жолкевского, но гетман не желал раздражать боярское правительство и легко пожертвовал своим союзником. Не видя иного выхода, Заруцкий, как азартный игрок, вновь сделал ставку на Лжедмитрия II. В лагере самозванца его приняли с распростертыми объятиями. Зато в московских верхах исчезновение казаков из лагеря Жолкевского вызвало вздох облегчения. Последние преграды к соглашению с гетманом пали.

16 августа 1610 года Мстиславский, Филарет Романов, Василий Голицын и соборные чины привезли гетману окончательный текст соглашения. На другой день посланцы Жолкевского Валуев и Салтыков явились в Кремль и зачитали народу текст согласованного договора. Московские чины тут же прошли в Успенский собор и принесли присягу. Из Кремля бояре, служилые люди и население направились на Новодевичье поле, где их ждали Жолкевский и его полковники. По замечанию гетмана, на поле собралось более десяти тысяч русских. В

присутствии народа русские и польские вожди торжественно утвердили договор. Среди членов московского собора единодушия не было и в помине. Вследствие того боярское правительство не решилось передать договор им на подпись. Мстиславский, Голицын и Шереметев запечатали документ своими печатями, двое думных дьяков поставили на них подписи. Тем дело и ограничилось.

Московский договор был плодом компромисса, который не мог удовлетворить ни одну из сторон. Боярская дума и патриарх не допускали и мысли о том, что на православном царстве утвердится католический государь. Жолкевский считал абсурдной перспективу крещения королевича, но согласился на коронацию Владислава по православному обряду.

Предпринимая поход в Россию, король обещал папе Римскому распространить истинную веру на эту варварскую страну. Гермоген категорически возражал против любых уступок в пользу католичества и даже предлагал ввести смертную казнь для тех русских, которые «похотят малоумием своим» принять папскую веру после воцарения Владислава. Соответствующий пункт был внесен в текст московского договора. Для короля он был так же неприемлем, как и требование о принятии Владиславом православия.

Московское соглашение подтвердило незыблемость традиционной русско-польской границы. Именем Сигизмунда Жолкевский подтвердил обязательство очистить после коронации Владислава все порубежные русские города, занятые королевскими войсками. Однако в вопросе о прекращении военных действий стороны не достигли ясности. С начала интервенции главным пунктом борьбы стал Смоленск. Соглашение о передаче трона Владиславу и нерушимости русских границ, казалось бы, автоматически влекло за собой прекращение осады крепости. Однако Жолкевский категорически отверг представления бояр на этот счет. Гетман знал, что Сигизмунд задался целью присоединить Смоленск к коронным владениям и никогда не отступит от поставленной цели. Поэтому он лишь обещал, что будет просить короля прекратить бомбардировку и осадные работы под Смоленском. Бояре удовлетворились неопределенными словесными обещаниями и согласились на компромисс, равнозначный предательству. Гарнизон и население Смоленска изнемогали в неравной борьбе. Боярское правительство, подписав договор, фактически бросило их на произвол судьбы.

В основу московского договора легло соглашение, заключенное тушинскими послами в лагере под Смоленском.

Бояре внесли некоторые изменения в старый договор. Из него были исключены статьи о пожаловании людей «меньших станов» за их заслуги, о свободном выезде дворян за рубеж для получения образования. Смоленский договор отчетливо показал недовольство провинциальных служилых людей засильем столичной знати. В новом документе это настроение не получило отражения.

Семибоярщина не заручилась окончательным согласием претендента и его отца. Тем не менее она отдала приказ о немедленной присяге царю Владиславу. Текст присяги заключал в себе два пункта. Согласно первому Москва должна была немедленно направить послов к Сигизмунду с просьбой отпустить на царство Владислава. К этому пункту был прибавлен второй – с клятвой верности Владиславу – царю «всея Руси». В спешке боярские правители утратили не только осторожность, но и здравый смысл. Семибоярщина не учла того, что ее кандидат не обладал популярностью в народе.

Московский договор поставил людей перед трудным выбором: покориться ли лихим боярам с их чужестранным принцем, либо предпочесть истинно православного Дмитрия? Миф о добром сыне Грозного вновь стал овладевать воображением народа. Боярские правители напоминали человека, увязшего в трясине. Чем судорожнее они цеплялись за власть, тем глубже погружались в пучину. Объявив об избрании Владислава, верхи окончательно оттолкнули от себя народ. Свидетели московских событий единодушно утверждали, что черный народ всячески противился намерению бояр возвести на трон королевича. В обычных условиях дума, опираясь на волю Земского собора, без больших затруднений решила бы вопрос о престолонаследии по своему усмотрению. Низы не имели представителей на соборах. Но в обстановке гражданской войны и интервенции влияние народа неизмеримо возросло.

Болыпая часть столичного населения не приняла участия в шествии на Новодевичье поле, устроенном боярами. На другой день после присяги рядовая братия Симонова монастыря послала нескольких монахов к царьку с поклоном. Прошло еще два дня, и множество московского народа, не желая присягать католическому государю, покинуло столицу и перебралось в лагерь самозванца.

Провинция имела еще больше оснований негодовать на семибоярщину, чем столица. Правители попрали приговор Земского собора и не стали ждать съезда выборных от всей земли. Они избрали государя без участия страны. Последствия не заставили себя ждать. В августе произошли волнения в Твери и

Владимире, Ростове, Суздале и Галиче. Черный люд из этих городов прислал своих представителей с челобитьем к Лжедмитрию II.

Избрание Владислава благоприятствовало сплочению верхов. Целой толпой явились в Москву бывшие тушинцы, давно перешедшие на королевскую службу. Настороженно встречало их население столицы, не забывшее голодных «осадных» лет. Все ждали, что скажет глава церкви, ярый противник тушинского лагеря. Настал день, когда Михаилу Салтыкову пришлось отправиться в Успенский собор за патриаршим благословением. Гермоген учинил строгий допрос и тут же простил ему все грехи, снисходя к его слезному и умильному покаянию.

Примеру Салтыкова последовали многие дворяне, до последнего момента державшиеся за Лжедмитрия II. Они также вернулись в Москву и принесли присягу Владиславу. Но чем больше дворян покидало калужский лагерь, тем больше сторонников приобретал Лжедмитрий II среди городской бедноты и холопов.

Страна вновь стояла на пороге взрыва. Страх перед назревавшим восстанием и погнал бояр в стан интервентов. Московский договор заключал один бескомпромиссный пункт, который в глазах бояр был едва ли не самым важным. По их настоянию Жолкевский принял на себя обязательство промышлять над воровскими таборами до тех пор, пока вор не будет убит или взят в плен, а его лагерь перестанет существовать, после чего земля в тишине станет. После воцарения Владислава предстояло решить вопрос о самом существовании вольных казаков.

На рассвете 27 августа Жолкевский окружил лагерь самозванца в селе Коломенском. Мстиславский с полками поддержал его наступление. Гетман предъявил ультиматум Яну Сапеге, но тот отказался покинуть царька. Не желая проливать кровь соотечественников, Жолкевский вместо атаки вступил в переговоры с вором. Именем Сигизмунда он обещал передать ему во владение Самбор, если он не будет мешать королевским делам в России. Самозванец отклонил предложение и, выскользнув из Коломенского, укрылся в близлежащем Никольском монастыре.

Бояре сосредоточили в поле у Коломенской заставы пятнадцать тысяч воинов. Не надеясь на свои силы, они вновь призвали на помощь Жолкевского. Гетман потребовал, чтобы ему разрешили провести войска кратчайшим путем через Москву. Едва наступила ночь, стража распахнула крепостные ворота. Пройдя по пустынным улицам, войска Жолкевского соединились с ратью Мстиславского и направились к Никольскому монастырю.

Кто-то заблаговременно предупредил вора, и он до рассвета бежал в Калугу. Польские войска вернулись в свой лагерь, пройдя через крепость вторично.

Жолкевский информировал бояр о том, что войско Яна Сапеги окончательно покинет царька, если ему будут заплачены деньги. Мстиславский с готовностью откликнулся на обращение. Получив три тысячи рублей, сапежинцы покинули окрестности Москвы. Гетман вел ловкую дипломатическую игру. Польские части отличались значительно большей надежностью, нежели «немцы», перебежавшие к Жолкевскому под Клушином. Боярские правители с тревогой взирали на тех, кто еще недавно предал их. Гетман дал понять боярам, что охотно распустит сброд, едва лишь сможет расплатиться с ним. Мстиславский с товарищами вновь клюнули на удочку и предоставили ему крупные субсидии. Жолкевский преодолел кризис, угрожавший развалом его армии, и расплатился с наемниками. Отобрав 800 самых боеспособных солдат, он отправил прочь 2500 клушинских перебежчиков – немцев, англичан, французов. Численность его армии сократилась до шести-семи тысяч человек.

После принесения присяги Владиславу Москва снарядила великих послов к королю, чтобы в его лагере под Смоленском завершить мирные переговоры. Посредством долгих уговоров и лести Жолкевский убедил Голицына и Романова взять на себя исполнение мирной миссии. Гетман откровенно признался, что он преднамеренно удалил из Москвы этих лиц. Филарет Романов продолжал выступать рьяным защитником своего детища – смоленского соглашения. Но после низложения Шуйского его не покидала надежда видеть на троне сына Михаила. Жолкевский подумывал о том, чтобы отослать к королю Михаила Романова, но тот был слишком мал, чтобы включать его в посольство. Потому гетман и решил направить под Смоленск Филарета, чтобы иметь в своих руках заложника. Голицын был для Владислава еще более опасным соперником, чем малолетний Михаил. Понятно, почему Жолкевский не желал оставлять его в Москве.

С послами под Смоленск выехало около пятидесяти человек. Они представляли все чины или палаты Земского собора. От православного духовенства к королю отправились, кроме Филарета, несколько столичных игуменов и старцев. Думу представляли вместе с Голицыным окольничий Мезецкий, думный дворянин Сукин и двое думных дьяков. Служилую курию представляли московские дворяне, стольники и выборные дворяне из Смоленска, Новгорода, Рязани, Ярославля, Костромы и двух десятков более мелких городов. Стрелецкий гарнизон

Москвы представляли голова Иван Козлов и семеро стрельцов, столичный посад – богатый гость Иван Кошурин, портной мастер, ювелир и трое других торговых людей. С послами выехали из Москвы многие лица, сыгравшие выдающуюся роль в недавнем перевороте. Среди них был Захар Ляпунов.

Москвичи целовали крест иноверному королевичу в надежде на немедленное прекращение войны. Но мир все не приходил на исстрадавшуюся землю. Московские послы слали с дороги неутешительные вести. Королевские войска продолжали грабить и жечь русские села и деревни, как будто московского договора вовсе и не было. Козельск подвергся дикому погрому. В пепел обратился Калязин монастырь. В Москве стало известно, что Сигизмунд готовится сам занять русский трон. Король не пользовался популярностью даже у своих подданных в Речи Посполитой. Москвичам было ненавистно самое его имя.

Боярское правительство не смогло дать стране ни мира, ни династии. И народ отвернулся от него окончательно. Всяк, кто побывал в Москве в те тревожные дни, мог наблюдать это своими глазами.

Знать пировала в кремлевском дворце с королевскими ротмистрами, а за окнами дворца «чернь» волновалась и грозила боярам расправой. Королевские приспешники слали под Смоленск донос за доносом. Москвичи, утверждали они, замышляют поддаться вору со всей столицей, другие сами желают стать господами, и вообще все они бунтовщики. Гетман Жолкевский считал опасность восстания в Москве вполне реальной. Склонная к возмущению московская чернь, писал гетман, в любой момент может призвать на помощь Лжедмитрия. Справедливость слов Жолкевского полностью подтвердил монах Авраамий Палицын, участник тогдашних московских событий. В ту пору, отметил Палицын в своих воспоминаниях, многие из столичных жителей стали «прямить» калужскому вору и тайно ссылаться с его людьми.

По иронии судьбы вчерашние тушинцы Михаил Салтыков с товарищами громче всех кричали об опасности переворота в пользу Лжедмитрия II. Они сознательно пугали столичную знать тем, что чернь того и гляди перебьет власть имущих и отдаст Москву вору. Ссылаясь на опасность народного восстания, Салтыков требовал немедленного введения в Москву солдат гетмана.

Вожди семибоярщины обладали достаточным политическим опытом и не закрывали глаза на опасность иноземного вмешательства. Заключая договор с Жолкевским, они старались не допустить вступления королевских войск в столицу. Солдаты

Жолкевского согласно договору могли посещать Москву по особому разрешению и притом группами не более двадцати человек. Бояре сами же нарушили подписанный ими договор, когда призрак переворота вселил ужас в их души.

Инициативу приглашения наемных войск в Кремль взяли на себя Мстиславский, Иван Романов и двое других бояр. Все вместе они располагали непрочным большинством в семибоярщине. Жолкевский прекрасно разбирался в мотивах, которыми руководствовались его новые союзники. Боярские правители, говорил он, страшились своего народа и желали под защитой его войск обезопасить себя от ярости низов.

Мстиславскому и его сообщникам не сразу удалось осуществить свои замыслы. Когда по их приглашению в Кремль явился полковник Гонсевский и русские приставы повели его осматривать места расквартирования рот, москвичи заподозрили неладное и ударили в набат. Вооружившись чем попало, народ бросился в Кремль. Попытка ввести в крепость иностранные войска была сорвана.

Королевская партия в Москве рано праздновала победу. Она не могла считать свой успех полным, пока в столице продолжал функционировать собор, низложивший Шуйского. Жолкевский понимал значение собора и постарался отослать самых влиятельных его членов с посольством под Смоленск.

Народное выступление на мгновение оживило силы угасавшего земского учреждения. Члены собора попытались стряхнуть оцепенение и оказать противодействие планам Мстиславского.

Патриарх Гермоген пригласил к себе двух членов семибоярщины – Андрея Голицына и Ивана Воротынского – и при их содействии созвал на своем подворье чиновных людей – дворян и приказных. Патриарх дважды посылал за Мстиславским и прочими начальными боярами, но те отговаривались занятостью. Выведенный из терпения, он пригрозил, что вместе с толпой сам явится в думу. Лишь тогда Мстиславский с товарищами прибыли на собор.

По словам Жолкевского, у Гермогена собралось великое множество людей, не столько из простого народа, сколько из дворян и служилых людей. Дворяне, забыв о дипломатическом этикете, бранили гетмана за многочисленные нарушения заключенного договора. Вопреки соглашению, говорили они с возмущением, Жолкевский раздает поместья по своему произволу, не считаясь с правами собственности. Он желает царствовать на Москве! Он намерен ввести в город свои войска! – заявляли земские представители.

Мстиславский лишний раз обнаружил перед всеми свою никчемность. С миной оскорбленной добродетели он вновь и вновь твердил, что никогда еще в жизни не нарушал присяги и теперь готов умереть за царя Владислава.

Гермоген более всего негодовал на то, что польское командование не выполнило обязательств относительно истребления таборов и пленения Лжедмитрия II. Дворянское большинство всецело разделяло его чувства. Жолкевский не оправдал их ожиданий. Однако на соборе у него нашлись защитники. Особенно усердствовал Иван Никитич Романов. Если гетман отойдет от столицы, говорил он, то боярам придется идти за ним, чтобы спастись от черни.

Доброжелатели успели уведомить о соборе Гонсевского, помощника Жолкевского, через своего агента князя Василия Черкасского. Гонсевский клятвенно заверил членов собора, что польское командование завтра же пошлет свои роты против Калуги, если только московские воеводы поддержат их наступление. Заверения Гонсевского были лживыми от первого до последнего слова. Вместо похода на Калугу он завершал последние приготовления к занятию Москвы. Мстиславский громко повторил ложь Гонсевского и заставил замолчать Гермогена.

Воспользовавшись паузой, бояре объявили об окончании прений и сделали суровое внушение инициаторам собора.

Патриарху, говорили они, следует смотреть за церковью и не вмешиваться в мирские дела, ибо никогда не было, чтобы попы вершили дела государства.

В трудное время брани и междоусобий многие духовные пастыри предпочитали оставаться в стороне от борьбы. Гермоген не принадлежал к их числу. Он выступил как патриот, возвысив голос против опасности иноземного вмешательства. Добившись возобновления деятельности Земского собора, патриарх пытался предотвратить занятие Кремля королевскими наемниками. Но его усилия не привели к успеху. Сказывалось то, что едва ли не половина членов собора, притом самых влиятельных, была удалена из Москвы. Патриарх Гермоген и другие патриотически настроенные члены Земского собора могли преодолеть сопротивление семибоярщины, если бы они прибегли к помощи той единственной силы, которая только и могла спасти положение. Такой силой были столичные низы, составлявшие массу московского населения. Однако патриарх и его сторонники слишком боялись низов, чтобы апеллировать к ним. Страх перед назревшим восстанием черни в пользу вора парализовал волю Земского собора и обрек все его усилия на неудачу.

После собора Мстиславский и Салтыков провели совещание с Гонсевским и тотчас же отдали приказ об аресте четырех патриотов, наиболее решительно отвергавших предательские планы. Спустя день бояре вызвали инициаторов Земского собора в ставку Жолкевского. Гетман был верен себе и старался успокоить земских представителей. Он оправдывался перед ними и уверял, что у него и в мыслях не было забрать из их рук дела управления. Жолкевский расточал медовые речи, предоставив «черную работу» Салтыкову. Вчерашний тушинец осыпал членов собора градом упреков. Он прямо обвинял их в мятеже против законного царя Владислава.

Многие участники собора отказались явиться к гетману. Боярские правители не оставили их в покое. Вкупе с Федором Шереметевым Михайла Салтыков по возвращении в Кремль принялся объезжать дворы. «Мятежников» вразумляли, грозили всевозможными карами и принуждали явиться к гетману с повинной. Боярин Андрей Голицын и патриарх Гермоген не противились более Мстиславскому. Голицын разъезжал по улицам вместе с Салтыковым и старался успокоить народ, чтобы предотвратить волнения и кровопролитие. Покончив с сопротивлением Земского собора, бояре убрали последние препоны к вступлению иноземных войск в Москву.

Наемные роты вошли внутрь крепости без барабанного боя, со свернутыми знаменами.

Московское великое посольство тем временем добралось до королевского лагеря под Смоленском. Оно привезло с собой дары для Владислава и его отца.

Сторонники унии между Россией и Речью Посполитой указывали на политические выгоды союза и настаивали на выполнении обязательств, взятых на себя Жолкевским. Но их голоса вскоре смолкли. Из Москвы поступали вести, от которых голова шла кругом. Бояре склонились к ногам Владислава. Продолжавшиеся междоусобицы окончательно подорвали мощь Русского государства. С боярским правительством можно было больше не считаться. В королевском окружении взяла верх партия войны, хотя ее вожди не одержали никаких побед.

Впустив врага в Москву, семибоярщина совершила акт национального предательства. Потоками крови заплатил за это предательство русский народ.

Глава 14
ВРАГ В СТОЛИЦЕ

Вслед за Москвой Владиславу присягнули многие провинциальные города. Воевода Дмитрий Пожарский привел к присяге жителей Зарайска, Ляпунов – население Рязани. Мирные иллюзии, порожденные московским договором, распространились по всей России.

Столичные верхи ждали, что Владислав прибудет в Москву без промедления, и готовились к его встрече. В приказах дельцы составили для молодого государя несколько росписей, которые давали представление о городах России, о государственном устройстве и дворянской службе, о финансовой системе государства и богатстве царской казны. Одна из росписей была специально посвящена русской национальной кухне. Однако московские приказные напрасно тратили чернила, стараясь прельстить Владислава богатством русских городов, сокровищами казны, прелестями дворцовой кухни и псовой охоты. Сигизмунд и не помышлял о том, чтобы отпустить сына в далекую Московию. Король рассчитывал на то, что, по праву завоевателя, он и сам сможет занять царский престол. Он раздавал своим русским приспешникам земли, вовсе не принадлежавшие ему, насаждал в приказах своих людей, брал деньги из московской казны.

Еще до заключения московского договора Сигизмунд III обещал щедро пожаловать Мстиславского за «прежнее к нам (королю) раденье» и учинить «выше всей братии его бояр». После того как Мстиславский помог Жолкевскому занять Москву, король вспомнил о своих обещаниях и 16 октября особым универсалом пожаловал ему высший чин слуги и конюшего. Такой титул до него носил лишь правитель Борис Годунов при царе Федоре. Вместе с новыми чинами удельный князь получил новые доходы и земли.

Сигизмунд III щедро отплатил предательство Михаила Салтыкова, отдав ему во владение Важскую землю. Его сыну он пожаловал боярство.

Доверенным лицом короля в Москве стал Федор Андронов. При Василии Шуйском этот проворовавшийся купец бежал в Тушино, присвоив партию казенного товара. Сигизмунд III сделал его главой Казенного приказа и хранителем царской сокровищницы.

Произошли немалые перемены в московской иерархии чинов. Начальник Стрелецкого приказа, стоявший прежде на ее низших

ступенях, теперь стал ключевой фигурой в правительстве. Отборные стрелецкие войска, насчитывавшие до семи тысяч человек, несли охрану Кремля и внешних стен города. Кто командовал стрелецким гарнизоном, тот чувствовал себя хозяином Кремля. Король заготовил указ о назначении начальником Стрелецкого приказа Ивана Михайловича Салтыкова. Но в Москве Жолкевский распорядился по-своему. С согласия Мстиславского и нескольких других членов семибоярщины он передал этот пост полковнику Александру Гонсевскому. Полковник получил при этом чин боярина и занял место в думе подле прирожденной русской знати.

Еще во времена Отрепьева Гонсевский вел тайные переговоры с Голицыными и Шуйскими, предложившими трон Владиславу. После гибели самозванца царь Василий два года держал посла Гонсевского в Москве в качестве почетного пленника. Посол имел возможность близко познакомиться с правящим боярским кругом и сойтись с некоторыми из его членов. Вторично оказавшись в Москве, Гонсевский не скупился на внешние знаки дружелюбия, но в душе продолжал считать русских заклятыми врагами.

Присягнув Владиславу, семибоярщина была принуждена взять на себя содержание королевских войск в Москве. Русские дворяне служили с поместий, поэтому казна тратила на них сравнительно немного денег. Ставки оплаты наемных солдат на Западе были куда выше. По словам Жолкевского, лишь за несколько месяцев бояре выдали его солдатам на харчи сто тысяч. Подобные траты быстро опустошили московскую казну, в которой после Отрепьева оставалось немного звонкой монеты. Тогда бояре роздали наемникам «в кормление» города. Каждая рота посылала в отведенные ей города своих фуражиров. Один польский офицер весьма красочно описал поведение солдат в Суздале и Костроме, доставшихся его роте. Наемники, писал он, ни в чем не знали меры и, не довольствуясь миролюбием москвитян, самовольно брали у них все, что кому нравилось, силой отнимали жен и дочерей у русских, не исключая знатные семьи.

Население громко роптало, и боярам пришлось отозвать ротных фуражиров из городов. Из сокровищницы стали изымать серебряные вещи и отправлять их на Денежный двор. Металлические вещи пускали в переплавку и били монету с именем Владислава. Вновь выпущенные деньги шли на оплату наемников.

Жолкевский старался любыми средствами предотвратить столкновения между королевскими отрядами и мирным населением. Хорошо зная нравы наемных солдат, он составил детально расписанный устав, грозивший суровым наказанием за

мародерство и насилие. На первых порах командование строго следило за его выполнением. Однако Жолкевский недолго пробыл в Москве. Встревоженный слухами о полной неудаче мирных переговоров в королевском лагере, гетман поспешил под Смоленск. Прощаясь с солдатами, он произнес: «Король не отпустит Владислава в Москву, если я немедленно не вернусь под Смоленск!»

Тотчас после подписания московского договора Мстиславский без ведома членов Земского собора обещал гетману отдать приказ Смоленску о прекращении сопротивления. По случаю отъезда Жолкевского из Москвы глава боярского правительства объявил о своей готовности пойти на новые уступки. «Пусть король приезжает в Москву вместе с сыном, – сказал он, – пусть он управляет Московским царством, пока Владислав не возмужает».

Позиция Мстиславского вызвала негодование даже среди членов семибоярщины. Патриарх Гермоген, бояре Андрей Голицын и Иван Воротынский не имели возможности вторично созвать Земский собор, чтобы опротестовать действия главы боярского правительства. Однако они не сидели сложа руки. Среди столичной знати многие поддерживали их.

Особое негодование в московских верхах вызывало то, что король щедро жаловал думные чины «худым людям», желая создать себе опору в русской столице.

В чине окольничего в Москву явился Михаил Молчанов, ближайший друг Отрепьева, деливший с ним интимные утехи. После гибели покровителя он выкрал царскую печать, а позже бежал из московской тюрьмы за рубеж. Следуя заведенному порядку, новоявленный окольничий отправился за благословением к патриарху Гермогену. Но тот с позором выгнал его из церкви, что нисколько не смутило авантюриста. Мстиславский принял его в думу, невзирая на протест патриарха.

Сигизмунд пожаловал думные чины заурядным дворянам братьям Ржевским. Когда один из них явился во дворец и представил королевскую грамоту для подтверждения своих полномочий, боярин Андрей Голицын не мог сдержать гнев и обрушился на Гонсевского с резкими упреками: «Большая кривда нам от вас, паны поляки, делается! Мы приняли Владислава государем, а он не приезжает. Листы к нам пишет король за своим именем, и под его титулом пожалования раздаются: люди худые с нами, великими людьми, равняются». Голицын открыто потребовал, чтобы Сигизмунд перестал вмешиваться в московские дела и скорее присылал в Москву сына. «В противном случае, – заявил он, – Москва будет считать себя свободной от присяги

Владиславу, и тогда мы будем помышлять о себе сами». Выступление Андрея Голицына поддержал князь Иван Воротынский.

Столкнувшись с серьезной оппозицией в московских верхах, Гонсевский пустил в ход интригу, чтобы принудить недовольных к молчанию. Воспользовавшись услугами Салтыкова и других своих пособников, он состряпал судебное дело против Гермогена и его единомышленников на основе ложных доносов некоего пленного казака из войска Лжедмитрия, холопа боярина Мстиславского и попа Харитона.

Власти обнародовали официальную версию, «раскрывавшую» планы заговора во всех деталях. Москвичи будто бы намеревались совершить переворот 19 октября за три часа до рассвета. Они вступили в сговор с серпуховским воеводой Федором Плещеевым, державшим сторону самозванца. Плещеев с казаками должен был ждать на Пахре условного сигнала. С первыми ударами колоколов мятежники должны были проникнуть через тайный подземный ход в Кремль, овладеть Водяными воротами и затем впустить в крепость воровские войска.

Поляков предполагалось перебить, кроме самых знатных, а князя Мстиславского «ограбить и в одной рубашке привести к вору».

Инициаторы процесса постарались убедить Мстиславского, что заговор был направлен против него лично, а заодно и против всех «лучших» столичных людей. Они объявили, что бунтовщики замыслили побить бояр, родовитых дворян и всех благонамеренных москвичей, не участвовавших в воровском совете, а жен и сестер убитых вместе со всем имуществом отдать холопам и казакам.

Гонсевскому нетрудно было заполучить сколько угодно доказательств подготовки восстания в Москве. Посланцы Лжедмитрия II почти открыто агитировали народ против иноверного царя Владислава. На рыночных площадях стражники не раз хватали смутьянов. Но толпа отбивала их силой. Правда заключалась в том, что ни патриарх, ни Голицыны с Воротынским не имели никакого отношения к назревавшему выступлению низов. И эта правда стала обнаруживаться, когда наступило время суда над главным свидетелем Харитоном. На пыточном дворе поп говорил то, что от него желали слышать. В думе же он неожиданно признался, что князья Голицыны ни в чем не виноваты, и он оклеветал их со страху. В зале поднялся сильный шум, и судьи поспешили закрыть заседание.

Организаторы процесса не заботились даже о внешнем соблюдении приличий. Боярин Андрей Голицын доказал на суде

свою полную невиновность. Но он внушал Гонсевскому наибольшие опасения. По этой причине его фактически лишили боярского чина и держали под домашним арестом до самой его смерти. Другой член семибоярщины, князь Иван Воротынский, не очистился от обвинений. Однако он был человеком покладистым, и после недолгого ареста его вернули в думу.

Гермоген принадлежал к числу самых решительных противников Лжедмитрия II и всего калужского лагеря. Никто не поверил тому, что он состоял в переписке с вором. Тем не менее суд вынес ему обвинительный приговор и постановил распустить штат служителей патриаршего дома.

Оппозиция внутри боярского правительства была сломлена раз и навсегда. Раскрытие мнимого заговора дало Гонсевскому удобный предлог к тому, чтобы ввести свои отряды в Кремль. Отныне на карауле у кремлевских ворот вместе со стрельцами стояли немцы-наемники. Ключи от ворот были переданы смешанной комиссии из представителей семибоярщины и польского командования. Пан московский староста использовал пост главы Стрелецкого приказа для того, чтобы расформировать русский гарнизон столицы. Он рассылал по городам стрелецкие отряды один за другим. «Этим способом, – откровенно писал в своем дневнике один из польских офицеров, – мы ослабили силы неприятеля».

Без поддержки семибоярщины малочисленный польский гарнизон не удержался бы в Москве и нескольких недель. Но время шло, и соотношение сил все больше менялось не в пользу русских. Приближение зимы благоприятствовало осуществлению планов Гонсевского. Дворяне привыкли зимовать в своих поместных усадьбах. Невзирая на тревожное положение в столице, они разъезжались по домам.

Королевские наемники хозяйничали в русской столице, но Смоленск по-прежнему стоял подобно несокрушимой твердыне на западных рубежах государства. Вот уже в течение года смоляне жили в условиях вражеской блокады. Самые тяжелые испытания осада принесла городским низам. На складах Смоленска хранились запасы, рассчитанные на длительное время. Но продукты распределялись среди населения неравномерно. Наибольшие пайки получали дворяне. Стрельцам причиталось меньше хлеба. Посадским людям и того меньше. Неимущие беженцы и крестьяне, в большом числе укрывшиеся в крепости, не имели права на жалованье из казенных житниц. Среди неимущих голод начался уже в первую осадную зиму. С наступлением лета город стал испытывать острую нужду в соли. Шеину пришлось ввести твердые цены на соль, а одновременно установить

контроль за хлебной торговлей. Голод среди беженцев сопровождался вспышками эпидемических заболеваний, косивших и горожан, и ратных людей.

Начиная с июля 1610 года усилились бомбардировки Смоленска. Поляки ввели в дело тяжелые осадные орудия, доставленные из Риги. Им удалось разрушить четырехугольную башню и проделать большие бреши в западной стене крепости. 19 июля противник пытался овладеть разбитой стеной. 11 августа штурм возобновили. Смоляне дрались с беззаветным мужеством и дважды отразили натиск штурмовых колонн.

Члены Земского собора, заключившие мирный договор в августе 1610 года, категорически отвергли все домогательства насчет сдачи Смоленска. Но за спиной собора Мстиславский заключил тайную сделку с Жолкевским. Едва договор был подписан, как он послал воеводе Шеину письменное и словесное распоряжение, чтобы тот немедленно прекратил всякое сопротивление и «добил королю челом». Смоленские воеводы давно ничего не делали без ведома и согласия чинов, ратных людей и посадской общины. Получив распоряжение от главы семибоярщины, Шеин назначил мирную делегацию, включавшую представителей от всех сословий.

Двухнедельные переговоры, имевшие место в королевском лагере в первой половине сентября, рассеяли всякие сомнения насчет истинных целей королевской дипломатии. Сенаторы потребовали от смоленской делегации безоговорочной капитуляции. «Жители города, – заявили они, – с давних пор принадлежали к владениям короны; они были и остаются подданными короля, поэтому им следует просить о помиловании».

Шеин созвал ратников и посадских людей на общий совет и представил им отчет о переговорах. Совет решительно отверг путь капитуляции. Он постановил признать избрание Владислава при условии, что король отведет войска от стен Смоленска, очистит захваченные земли и гарантирует неприкосновенность русских рубежей.

Королевские чиновники выбранили смоленских послов и пригрозили им смертью, если они еще раз осмелятся явиться к ним с подобными предложениями. В октябре Сигизмунд вновь попытался навязать Смоленску капитуляцию, используя на этот раз переговоры с московскими великими послами. Пугая бояр калужским вором, королевские чиновники предложили им следующий план: «Когда Смоленск прекратит сопротивление и присягнет Сигизмунду, его величество сам возглавит поход на Калугу, истребит вора и, успокоив Русское государство, вернется

в Польшу на сейм, где и решится вопрос об отпуске на царство Владислава».

Боярин Салтыков не раз советовал Сигизмунду распустить слухи о походе против Лжедмитрия II и под этим предлогом занять Москву крупными силами. Опасаясь подобного исхода дела, послы Василий Голицын и Филарет Романов просили короля не ходить к Калуге и заявили, что сами справятся с вором при помощи наемного войска, находящегося в Москве. Тщетно послы добивались выполнения условий мирного договора и отвода в Польшу отрядов, разорявших русские города и села. Сигизмунд и слышать не хотел об очищении захваченных русских земель, а овладение Смоленском стало для него вопросом личного престижа.

Обязательства насчет отпуска в Москву Владислава, принятые на себя Сигизмундом и подтвержденные московским договором Жолкевского, как оказалось, не имели никакой цены. Русские послы очень скоро уразумели это. Улучив момент, Филарет Романов начал было толковать с канцлером Львом Сапегой о принятии Владиславом православной веры. Но канцлер посмеялся ему в глаза. «Королевич крещен, – заявил он, – а другого крещения нигде не писано». Королевские чиновники пытались использовать московский процесс, чтобы опорочить князя Василия Голицына как изменника и пособника калужского вора. Но великий посол держался с большим достоинством и категорически отверг все обвинения.

Сокрушение оппозиции внутри семибоярщины позволило дипломатам короля занять более жесткую позицию на мирных переговорах. 18 ноября они предъявили послам ультиматум насчет немедленной сдачи Смоленска. Голицын просил разрешения посоветоваться с Филаретом Романовым, лежавшим в ту пору больным в своей палатке. После совета с Романовым Голицын вызвал к себе всех земских представителей – дворян, приказных, духовных лиц, стрельцов и московских посадских людей – и сообщил им об окончательной неудаче мирных переговоров. В вооруженном королевском лагере послы фактически стали заложниками. Но они не пали духом. После совещания члены собора постановили отстаивать почетные условия мира, чего бы им это ни стоило.

Королевские войска хозяйничали в столице России. Великородные бояре покорно выполняли распоряжения Сигизмунда. Но король не чувствовал себя хозяином положения, пока Смоленск отказывался признать власть завоевателей.

Чтобы окончательно поставить Россию на колени, надо было сокрушить Смоленск. 21 ноября 1610 года Сигизмунд возобновил

штурм непокорной крепости. Едва забрезжил рассвет, взрыв огромной силы потряс окрестности. Осела одна из башен, рухнула часть стены. Трижды неприятель врывался в город и трижды принужден был отступить. Кровопролитная битва за Смоленск возобновилась. Вновь звучали выстрелы, и на голову защитников города падали вражеские ядра. Гром пушек под Смоленском развеял в прах иллюзии русских людей, еще недавно возлагавших свои надежды на московский мирный договор.

Глава 15
В ЗЕМСКОМ ЛАГЕРЕ

Подвергнув гонению подлинных и мнимых сторонников Лжедмитрия II в Москве, войска боярского правительства при поддержке королевских рот предприняли наступление на калужский лагерь. Они изгнали казаков из Серпухова и Тулы и создали угрозу для Калуги. Самозванец потерял надежду удержаться в Калуге и стал готовиться к отступлению в Воронеж поближе к казачьим окраинам. Он велел укрепить тамошний острог и снабдить его большими запасами продовольствия. Одновременно он послал гонцов в Астрахань на тот случай, если Воронеж окажется для него ненадежным убежищем.

Прошло четыре года с тех пор, как астраханские посадские люди вместе с казачьей вольницей признали власть Дмитрия и отложились от Москвы. Социальная суть движения проявилась тут более отчетливо, чем во многих других городах. Астрахань прислала самые крупные подкрепления в армию Болотникова. В дальнейшем казацкие отряды из Астрахани постоянно пополняли войска Лжедмитрия II. По указке своих бояр тушинский вор казнил несколько самозваных царевичей из Астрахани. Но с тех пор утекло много воды, и лагерь самозванца вновь выглядел как подлинный казацкий табор. Лжедмитрий рассчитывал найти общий язык с руководителями астраханских повстанцев. Он сообщил им, что намерен вскоре выехать в Астрахань со всей своей семьей.

Боярское окружение, уцелевшее подле царька, становилось все более ненадежным. Некоторые из его придворных подверглись казни по подозрению в измене. Среди других лишился головы боярин Иван Годунов, романовская родня.

Недалекий и бесхарактерный, Лжедмитрий был лишь номинальным главой калужского лагеря. Подлинным вершителем дел при нем был атаман Заруцкий. В отличие от своего государя он не предавался унынию, а развернул энергичную войну с интервентами. Бывший гетман самозванца Ян Сапега расположил свои войска на зимние квартиры поблизости от Калуги. Король и семибоярщина отводили Сапеге роль ударной силы в борьбе с казацким лагерем. Заруцкий упредил врага. В конце ноября его войска напали на сапежинцев, а в начале декабря 1610 года нанесли им еще одно поражение.

Вступив в борьбу с недавними союзниками, Заруцкий вел ее решительно и беспощадно. Он ежедневно рассылал разъезды по

всем направлениям от Калуги. Интервенты давно чувствовали себя хозяевами Подмосковья. Им пришлось поплатиться за свою самоуверенность и беспечность. Казаки захватывали королевских дворян и солдат на зимних квартирах, везли их в Калугу и там топили. Та же участь постигла купцов, приехавших из Литвы и застигнутых на большой дороге. Калужский лагерь все больше втягивался в войну с интервентами. Чтобы покончить с Лжедмитрием II, были пущены в ход тайные средства. С согласия Сигизмунда в Калугу выехал служилый касимовский царь Ураз-Мухамед. Хан служил в Тушине, откуда перебрался под Смоленск. Однако его сын и жена находились в Калуге при особе самозванца. Ураз-Мухамед штурмовал Смоленск и показал себя усердным слугой короля. Поговаривали, что он поехал в Калугу, скучая по жене и сыну. Ураз-Мухамед мог открыто явиться в Калугу и встретил бы там отменный прием. Но он прокрался в калужский лагерь исподтишка, сохранив в тайне свое имя. Касимовские татары служили при воре телохранителями, и касимовский царь с их помощью мог при желании легко захватить Лжедмитрия и доставить его королю. Ураз-Мухамеду не повезло. Его опознали и после недолгого розыска казнили как королевского агента. Семью касимовского царька взяли под стражу. Арестовали и пятьдесят татар из охраны царька, но вскоре все они были освобождены. Этот просчет стоил самозванцу головы.

Погожим зимним утром 11 декабря 1610 года Лжедмитрий по обыкновению поехал на санях на прогулку за город. С ним были шут Петр Кошелев, двое слуг и человек 20 татар охраны. Когда вся компания отъехала на приличное расстояние от Калуги, начальник охраны Петр Урусов подступил вплотную к саням и разрядил в царька свое ружье, а затем для пущей верности отсек убитому голову.

Шут ускакал в Калугу и поднял тревогу. По всему городу зазвонили сполошные колокола. Посадские люди всем миром бросились в поле и за речкой Яченкой на пригорке у дорожного креста обнаружили нагое тело, «голова отсечена прочь». Труп перевезли в Кремль. Казаки принялись избивать «лучших» татарских мурз, мстя за смерть «государя».

Убийство Лжедмитрия явилось следствием заговора.

Ян Сапега, стянувший силы для борьбы с казаками, решил использовать момент, чтобы склонить калужан к сдаче. Он подошел к городу и попытался вступить в переговоры с «царицей» и боярами. Калужане воспротивились переговорам. Опасаясь измены, они заключили под стражу Марину Мнишек и усилили надзор за боярами.

Оказавшись под домашним арестом, Мнишек не оставляла надежды на помощь единоверцев. В литовский лагерь пробрался странник. В его корзине припрятана была восковая свеча. Свечу осторожно разломали, и оттуда выпала свернутая в трубку записка от Марины Мнишек. «Освободите, освободите, ради Бога! – писала Мнишек. – Мне осталось жить всего две недели. Спасите меня, спасите! Бог будет вам вечной наградой!»

Сапега не посмел штурмовать Калугу и отступил прочь. Опасность миновала, и низы поуспокоились. Никто не знал, что делать дальше. Самозванец никому не нужен был мертвым. Труп лежал в нетопленой церкви более месяца, и толпы жителей и приезжих ходили поглядеть на голову, отделенную от тела. После смерти Лжедмитрия II в его вещах нашли талмуд, письма и бумаги, писанные по-еврейски. Тотчас стали толковать насчет еврейского происхождения убитого царька.

Калужские тушинцы настойчиво искали соглашения с московскими. Боярское правительство направило в Калугу князя Юрия Трубецкого, чтобы привести тамошних жителей к присяге. Восставший мир не послушал Трубецкого. Калужане выбрали из своей среды земских представителей «из дворян и из атаманов и из казаков и изо всяких людей». Выборные люди выехали в Москву, чтобы ознакомиться с общим положением дел в государстве. Депутация вернулась с неутешительными новостями. Казаки и горожане видели иноземные наемные войска, распоряжавшиеся в Кремле, и негодующий народ, готовый восстать против притеснителей.

Возвращение выборных из Москвы покончило с колебаниями калужан. Невзирая на убеждения бояр, мир приговорил не признавать власть Владислава до тех пор, пока тот не прибудет в Москву и все польские войска не будут выведены из России. Посланец семибоярщины боярин Юрий Трубецкой едва спасся бегством. Восставшая Калуга вновь бросила вызов боярской Москве.

Тем временем Марина, со страхом ждавшая родов, благополучно разрешилась от бремени. В недобрый час явился на свет «воренок». Вдова Отрепьева жила с самозванцем невенчанной, так что сына ее многие считали зазорным младенцем. Марину честили на всех перекрестках. Как писали летописцы, она «воровала со многими». Поэтому современники лишь разводили руками, когда их спрашивали о подлинном отце ребенка.

Даже после смерти мужа Мнишек не рассталась с помыслами об основании новой московской династии. «Царица» давно позабыла о преданности папскому престолу и превратилась в

ревнительницу православия. После рождения ребенка она объявила казакам и всему населению Калуги, что отдает им сына, чтобы те крестили его в православную веру и воспитали по-своему. Обращение достигло цели.

Разрыв с Москвой и рождение «царевича» напомнили «миру» о непогребенном самозванце. Калужане торжественно похоронили тело Лжедмитрия II в церкви. Затем они «честно» крестили наследника, нарекли его царевичем Иваном. Движение, казалось бы, обрело свое знамя. Так думали многие из тех, кто присутствовал на похоронах и крестинах. Но иллюзии вскоре рассеялись. Сыну самозванца не суждено было сыграть в последующих событиях никакой роли. Народ остался равнодушным к новорожденному «царевичу».

Смерть Лжедмитрия II вызвала ликование в московских верхах. Но знать радовалась преждевременно. Возбуждение, царившее в столице, не только не улеглось, но усилилось. Суд над попом Харитоном и последовавшие затем гонения против посадских людей лишь осложнили обстановку. В Москве давно назревал социальный взрыв. Для пресечения недовольства боярское правительство использовало королевские войска. Вмешательство чужеродной силы придало конфликту новый характер и направление. Ненависть против лихих бояр не улеглась, но она все больше заслонялась чувством оскорбленного национального достоинства. Народу нестерпимо было видеть, как чужеземные завоеватели с благословения бояр распоряжаются в их стране.

Внешних поводов к раздору и конфликтам было более чем достаточно. Москва давно забыла о дешевом северском хлебе. Волнения в Рязанщине довершили беду. Цены на продовольствие стремительно поползли вверх. Жителям пришлось подтянуть пояса. Но наемники уже чувствовали себя хозяевами города и не желали мириться с дороговизной. Они либо навязывали московским торговцам свои цены, либо отбирали продукты силой. На рынках то и дело вспыхивали ссоры и драки, которые в любой момент могли перерасти в общее восстание. Не раз в городе раздавался призывный звон колоколов, и толпы возбужденных москвичей заполняли площадь.

С осадного времени пушки в большом числе установлены были на стенах Деревянного и Белого города. Немало их держали подле Земского двора под навесом. Власти распорядились перетащить пушки в Кремль и Китай-город. Туда же свезли все запасы пороха, изъятые из лавок и с селитряных дворов. Бояре боялись внутренних врагов больше, чем внешних. Отныне пушки, установленные в Кремле и Китайгороде, держали под прицелом

весь обширный московский посад.

Гусары Гонсевского патрулировали улицы и площади столицы. Всем русским запрещено было выходить из домов с наступлением темноты и до рассвета. Случалось, что жители, отправляясь поутру на рынок, натыкались на улицах на трупы иссеченных стрельцов либо посадских людей. Москвичи не оставались в долгу. По словам Гонсевского, они заманивали «литву» в глухие и тесные места на посаде и там избивали ее. Извозчики бросали пьяных наемников к себе в сани, отвозили на Москву-реку и топили. Фактически в столице шла необъявленная война.

Заключив союз с интервентами и отдав Москву во власть наемного войска, боярское правительство потеряло гораздо больше, чем приобрело. Пропасть между верхами и низами расширилась. Московский договор не дал стране мира, но связал ее по рукам и ногам. Интервенция приобретала все более опасные масштабы. Перспектива утраты национальной независимости вызвала глубокое беспокойство в стране.

В Москве патриотическое движение в дворянской среде возглавили Василий Бутурлин, Федор Погожий и некоторые другие лица, не принадлежавшие к знати. В октябре московский кружок установил контакты с Прокофием Ляпуновым в Рязани. Прокофий своевременно получил информацию о провале мирных переговоров в королевском лагере от своего брата Захария, участвовавшего в великом посольстве. Осознав опасность, Ляпунов тотчас обратился с личным письмом к московской семибоярщине; он запрашивал бояр, исполнит ли король условия договора и можно ли ждать приезда Владислава в Москву.

Вскоре Прокофий виделся с Василием Бутурлиным, приехавшим осенью в свое рязанское поместье. Через Бутурлина московские патриоты договорились с Ляпуновым насчет совместного выступления против интервентов.

Узнав о штурме Смоленска, Прокофий Ляпунов бросил открытый вызов боярскому правительству. Он прислал в Москву новое послание к боярам, составленное на этот раз в самых суровых выражениях. Вождь рязанских дворян обвинял короля в нарушении договора и призывал всех патриотов к войне против иноземных захватчиков. Ляпунов грозил боярам, что немедленно сам двинется походом на Москву ради освобождения православной столицы от иноверных латинян. Вскоре Ляпунов направил в столицу своего человека, чтобы договориться с Бутурлиным о совместных действиях. Однако бояре своевременно узнали о прибытии гонца из Рязани и задержали его. Бутурлин был немедленно арестован. Не выдержав пытки, он признался,

что замышлял поднять восстание в столице. Чтобы устрашить патриотов, Салтыков велел посадить слугу Ляпунова на кол. Бутурлина бросили в тюрьму.

Гонения не испугали москвичей. Неизвестные лица вскоре же составили и распространили по всей столице обширное воззвание, озаглавленное «Новая повесть о славном Российском царстве, о страданиях святейшего Гермогена и новых изменниках». «Из державцев земли, – писали авторы воззвания, – бояре стали ее губителями, променяли свое государское прирождение на худое рабское служение врагу; совсем наши благородные оглупели, а нас всех выдали». Изменникам боярам патриоты противопоставляли праведного патриарха Гермогена. Открытые выступления патриарха против предательства бояр снискали ему популярность. Авторы «Новой повести» пытались подкрепить свои призывы авторитетом Гермогена и обещали патриаршее благословение всем, кто станет на защиту родины. «Мужайтесь и вооружайтесь и совет между собой чините, как бы нам от всех врагов избыти. Время подвига пришло!» – писали патриоты.

Многие надеялись на то, что Гермоген возглавит нарождавшееся освободительное движение. Авторы прокламации разделяли эти надежды и в то же время видели затруднительность его положения. Призывая народ к оружию, они предупреждали своих единомышленников, что не следует ждать от патриарха действий, несовместимых с его саном. «Что стали, что оплошали? – значилось в „Новой повести“. – Али того ждете, чтобы вам сам великий тот столп (Гермоген. – Р. С.) своими устами повелел дерзнуть на врагов? Сами ведаете, его ли то дело повелевать на кровь дерзнути».

В период Смуты каждое русское сословие выдвинуло из своей среды выдающихся вождей. Духовенство дало России Гермогена. В период зарождения земского освободительного движения его горячие призывы в защиту национальной независимости сыграли важную роль. Патриарх был одушевлен стремлением отстоять чистоту православной веры от безбожных латинян. Ради этого он готов был пожертвовать всем. Но его официальное положение прочно привязывало его к боярскому лагерю. Мстиславский клялся в верности православию, и Гермоген поэтому не решился полностью и окончательно порвать с ним. Груз социальных предрассудков мешал патриарху оценить те перемены, которые происходили в реальной жизни. Калужский лагерь уже давно вел вооруженную борьбу против захватчиков. Но патриарх не желал иметь дела ни с калужскими казаками, ни с восставшими рязанцами. Трудность и неопределенность положения вели к

колебаниям и порождали непоследовательность в действиях Гермогена.

В разгар зимы в окрестностях Москвы появился большой казачий отряд во главе с атаманами Андреем Просовецким и Мишей Черкашениным, сторонниками Лжедмитрия II. Казаки были отозваны из-под Пскова в Калугу, но в пути узнали о гибели своего государя. Не зная, что предпринять, атаманы обратились за советом к Гермогену. Преследуя давнюю цель ликвидировать воровские таборы в Калуге, патриарх повелел Просовецкому и его казакам без промедления принести присягу на верность Владиславу. Наказ казакам он скрепил своей подписью и печатью.

Патриарх давно простил вчерашних тушинских бояр. Но он не желал вступать в союз со вчерашними воровскими казаками. Недоверие главы церкви к повстанцам доходило до того, что он отказывался видеть в них единоверцев. Молодой дворянин князь Иван Хворостинин записал слова, сказанные ему Гермогеном в Кремле. Со слезами на глазах старец обнял Хворостинина и молвил: «Говорят на меня враждотворцы наши, будто я поднимаю ратных и вооружаю ополчение странного сего и неединоверного воинства. Одна у меня ко всем речь: облекайтесь в пост и молитву!» Так говорил Гермоген о поднимающемся на борьбу земском воинстве.

Патриарх не сказал Хворостинину всей правды. В действительности он призывал соотечественников не только к посту и молитвам. В поступках Гермогена была своя логика. Следуя ей, он пришел к выводу: миссию борьбы за веру и отечество лучше всего возложить на города, население которых не участвовало ни в каких воровских выступлениях. Главным из таких городов был, без сомнения, Нижний Новгород. В глубокой тайне патриарх составил обширное послание к нижегородцам. Твердо и безоговорочно Гермоген объявил им, что как первосвященник он отныне освобождает всех русских людей от присяги Владиславу. Глава церкви заклинал нижегородцев не жалеть ни жизни, ни имущества для изгнания из страны неприятеля и защиты своей веры. «Латинский царь, – писал Гермоген, – навязан нам силой, он несет гибель стране, надо избрать себе царя свободно от рода русского!»

Бояре имели соглядатаев при патриаршем дворе и вызнали о письмах владыки. Получив донос от бояр, Гонсевский велел устроить засаду на дорогах, связывавших столицу с поволжскими городами. Дворянин Василий Чертов, взявшийся доставить патриаршую грамоту нижегородцам, был захвачен польскими разъездами неподалеку от заставы.

Московские патриоты действовали более успешно. Они

установили связи сначала с русскими людьми под Смоленском, а затем с Нижним Новгородом. После Клушинской битвы некоторые смоленские дворяне ради спасения своих поместий поступили на королевскую службу. Пребывание в осадном лагере под Смоленском принесло им жестокое разочарование. Иноземные захватчики разграбили их владения, увели в плен родных. Обиженные не могли добиться справедливости у Сигизмунда. Некоторые отправились в Литву, чтобы выручить пленников. О своих бедах смоленские дворяне подробно рассказывали в письмах в Москву. На основании писем москвичи составили целую обличительную повесть. В конце января 1611 года их гонец привез в Нижний Новгород повесть о страданиях смолян, а также обращение от имени всех московских жителей. Выступая от имени всего народа Московского государства, безвестные патриоты призывали нижегородцев не верить предателю боярину Салтыкову и выступить на борьбу против захватчиков.

Земское освободительное движение ширилось и крепло. Семибоярщина не могла справиться с восстанием в городах своими силами и просила Сигизмунда прислать новый контингент наемных войск. Занятые осадой королевские полки были прочно прикованы к Смоленску. Для действий под Москвой Сигизмунду пришлось использовать вспомогательные силы. Находившийся в его лагере атаман Андрей Наливайко с «черкасами» (запорожскими казаками) получил приказ напасть на калужские, тульские и рязанские места. Московские бояре немедленно выслали под Рязань воеводу Исака Сунбулова с отрядом ратных людей. Сунбулов должен был соединиться с запорожцами, разгромить силы Ляпунова и захватить его в плен.

26 декабря 1610 года атаман Андрей Наливайко сжег Алексин и стал угрожать Туле, где находился Заруцкий с отрядом казаков. Но запорожцы допустили просчет, разделив свои силы. Наливайко остался в тульских местах, тогда как другие атаманы ушли на Рязанщину и соединились там с Сунбуловым.

Центром восстания против бояр была Рязань. Местный посадский мир и уездные служилые люди первыми откликнулись на патриотический призыв Ляпунова. Но вожди восстания замешкались со сбором войска, не ожидая немедленного нападения. Посреди зимы Ляпунов уехал из Рязани в свое поместье на реке Проне. Агенты семибоярщины внимательно следили за каждым его шагом. Их донесения и побудили Сунбулова двинуться в пронские места. Ляпунова успели предупредить об опасности, и он укрылся в Пронске.

Старинный рязанский городок Пронск располагал

деревянной крепостью. К крепости примыкал острог, защищенный рвом и надолбами. Рядом раскинулось несколько стрелецких и казачьих слобод.

Ляпунов успел собрать для обороны Пронска около двухсот воинских людей. Ратники Сунбулова и запорожские казаки окружили Пронск со всех сторон и учинили городу «великую тесноту». Оказавшись в трудном положении, Прокофий Ляпунов разослал во все стороны призывы о помощи.

Первым на обращение откликнулся князь Дмитрий Пожарский, сидевший на воеводстве в Зарайске. Он выступил к Пронску, по пути присоединив к своему отряду коломичей и рязанцев. Внезапное появление в тылу значительного войска испугало Сунбулова, и он поспешно отступил, не приняв боя. Князь Дмитрий, вызволив Ляпунова из окружения, торжественно въехал в Рязань во главе объединенной рати. Народ восторженно приветствовал воинов. Местный архиепископ благословил Ляпунова и Пожарского на борьбу с иноземными завоевателями. Так родилось на свет первое Земское ополчение. Дмитрий Пожарский стоял у его колыбели.

Жители Зарайска торопили воеводу с возвращением. Отпустив коломичей, Пожарский простился с Ляпуновым и с невеликими людьми вернулся на воеводство. Сунбулову пришлось покинуть Рязанщину. На пути его лежал Зарайск. Не желая возвращаться в Москву с неутешительными вестями, Сунбулов решил напасть на Зарайск и наказать его воеводу и жителей за непокорность. Но он плохо рассчитал свои силы. Зарайск был укреплен гораздо лучше, чем Пронск, и его оборонял князь Дмитрий Пожарский.

Подойдя к Зарайску ночью, Сунбулов занял посад, прилегающий к крепости. Пожарский находился в каменном детинце. Там он мог выдержать любую осаду. Но воевода всегда предпочитал наступление. Едва забрезжил рассвет, его воины атаковали врага и при поддержке горожан изгнали его с посада. Сунбулов отступил в Москву, запорожцы – на границу.

Пожарский не посылал обличительных посланий боярскому правительству, но именно его распорядительность и энергия спасли дело. Победы Пожарского под Пронском и Зарайском окрылили восставших.

С гибелью тушинского вора, Лжедмитрия II, пали препоны на пути к объединению сил, которые вели вооруженную борьбу против иноземных захватчиков. Нападение Сунбулова и Наливайки послужило прологом к прямому военному сотрудничеству между Рязанью и Калугой. Пожарский разбил неприятеля в Зарайске. Иван Заруцкий вытеснил запорожцев из-

под Тулы. Земское движение добилось первых успехов.

Участие в восстании городов стало поворотным пунктом в жизни Пожарского. На собственном опыте князь Дмитрий Михайлович все больше убеждался в том, что лишь сплочение всех национальных сил и решительная борьба с завоевателями могут спасти Россию. В то время как большинство дворян либо сохраняли верность семибоярщине, либо, примкнув к земскому лагерю, старались отмежеваться от восставших низов, князь Дмитрий четко определил свой путь. Он бесповоротно примкнул к движению, которое все больше приобретало общенародный характер.

Глава 16
СОЖЖЕНИЕ МОСКВЫ

Восстание рязанцев явилось искрой, брошенной в пороховой погреб. Почва для взрыва была давно готова. На огромном пространстве от Северщины до Казани на востоке и Вологды на севере города один за другим заявляли о поддержке освободительного движения. Посадские миры собирали сходки и выносили постановление не признавать более власть боярского правительства, сотрудничавшего с интервентами. При мирном исходе дела руководство движением сохраняли местные воеводы. В ряде городов, например в Казани, власть бояр пала под напором восставшего народа.

Старинный центр Казанского царства – Казань располагалась на реке Казанке в нескольких километрах от Волги. К началу XVII века в городе был возведен новый каменный кремль. К тому времени население казанского посада и кремля состояло в большинстве из русских людей. В XVI веке сюда перевели ремесленников и торговых людей из Москвы, Рязани, Пскова, Костромы, Вологды и других городов. В Казани власти держали самый крупный стрелецкий гарнизон – три стрелецких приказа. Стрельцов и прочих служилых людей в городе было больше, чем посадских жителей. Дворяне по численности далеко уступали и тем и другим. Казанский мир в декабре 1610 года послал в Москву дьяка Евдокимова. Посланцу не удалось установить связи ни с Гермогеном, ни с подпольными кружками патриотов. Неудача Евдокимова имела тяжелые последствия. Казанский посад стал ориентироваться на калужский лагерь как единственную организованную силу, противостоявшую захватчикам. Рассказы дьяка о бедствиях столицы произвели на казанцев ошеломляющее впечатление и явились сигналом к восстанию. С оружием в руках казанцы поднялись против бояр и иноземных завоевателей. Не ведая о калужских событиях, казанские жители по требованию стрельцов и меньших людей принесли присягу на верность Лжедмитрию. Мир поклялся биться с литовскими людьми до смерти.

Местные воеводы оказались бессильны противиться водовороту событий. Их попытка подчинить стихию имела печальный исход. Знаменитый боярин Богдан Бельский, сидевший в Казани на воеводстве, был убит толпой.

В Муроме, Нижнем Новгороде, Ярославле, Владимире переворот произошел мирным путем. 24 января 1611 года

нижегородцы известили Ляпунова, что они решили по совету всей земли и благословению Гергомена тотчас идти освобождать Москву от богоотступников бояр и литовских людей. На помощь нижегородцам прибыл из Мурома воевода окольничий Василий Литвинов Мосальский с дворянами и казаками. Ляпунов поспешил прислать в Нижний целую миссию во главе со своей родней стряпчим Иваном Биркиным, чтобы выработать единый план действий.

В Ярославле местное дворянство преодолело колебания после того, как в город прибыл атаман Андрей Просовецкий с казаками. Знамя восстания подняли древние города Владимир и Суздаль.

Боярское правительство располагало внушительными силами до того, как Гонсевский начал рассылать части столичного гарнизона по городам. Когда же города восстали, у бояр не оказалось сил, чтобы покарать их. На исходе зимы они собрали несколько полков и направили их к Владимиру. Наступление имело двоякую задачу: помешать сбору отрядов ополчения на ближних подступах к Москве и обеспечить подвоз хлеба в столицу из суздальских деревень.

Владимирский воевода успел известить об опасности Прокофия Ляпунова, и тот послал отряд в тыл наступавшему из Москвы боярину Куракину.

11 февраля 1611 года Куракин попытался разгромить отряды Измайлова и Просовецкого неподалеку от Владимира. Но войска боярского правительства бились без воодушевления и бросились бежать после первой же неудачи. В пути они узнали о том, что рязанцы перерезали большой владимирский тракт и устроили засаду в районе Ундола. Беглецам пришлось спешно свернуть на север и пробираться проселками к Юрьевцу-Польскому.

Ляпунов не раз оповещал города о своем решении выступить к Москве, но каждый раз откладывал поход. Боярское правительство сумело удержать Коломну, направив туда воеводу с верными войсками. Превосходно укрепленный город Коломна преградил восставшим путь к столице. Руководители калужского лагеря еще 13–14 февраля 1611 года пригласили к себе рязанцев для выработки общих планов наступления на Москву и переговоров с Сапегой. Последствия калужского совещания тотчас дали себя знать. В окрестности Коломны прибыл бывший боярин самозванца Иван Плещеев с казаками. При поддержке местного населения казаки овладели Коломной. Узнав о падении Коломны, Ляпунов приказал отправить туда пушки и перевезти на повозках разборную деревянную крепость – гуляй-город.

Совместные действия калужских и рязанских отрядов обеспечили ополчению еще один крупный успех. Боярское

правительство удерживало Серпухов, пока там находились польские роты. Едва наемники покинули город, население поднялось на восстание. Заруцкий прислал в помощь восставшим своих казаков. Ляпунов направил туда пятьсот рязанских и вологодских стрельцов.

Закрепившись на ближних подступах к столице, Ляпунов обратился к городам с грамотами, в которых излагал план общего наступления в целях освобождения Москвы. Ополченцы из Владимира, Нижнего и Казани должны были идти в Коломну для соединения с рязанцами. Отрядам из Тулы, Калуги и северских городов предстояло начать наступление из Серпухова. Ляпунову не удалось осуществить разработанный план. Замосковные воеводы отклонили предложение о сборе сил в Коломне, что привело в дальнейшем к крупным неудачам. Воеводы с трудом преодолевали давнее недоверие к казацким таборам в Калуге. К тому же они опасались оставить свои города без защиты. Князь Куракин получил подкрепления из Москвы и держался между владимирской и переяславской дорогами. Лишь в марте 1611 года земские отряды из Переяславля разгромили авангарды Куракина и вынудили его отступить к Москве. Непосредственная угроза замосковным городам была ликвидирована.

Отказавшись от намерения объединить силы в Коломне, земские воеводы повели наступление на Москву каждый своим путем. Ляпунов выступил в поход 3 марта. Владимирский воевода Измайлов вместе с атаманом Просовецким, с нижегородцами и муромцами выступили в поход лишь неделю спустя. Ярославское и костромское ополчения задержались в Ростове едва ли не до середины марта.

В столице события развивались куда быстрее, чем рассчитывали ополченцы. Кризис надвигался неумолимо.

Еще в конце декабря 1610 года Мстиславский и Салтыков добились того, что послушная дума утвердила приговор о сдаче Смоленска вместе с новым наказом для великих послов. Семибоярщина предписывала Голицыну и Романову положиться во всем на волю короля.

Когда грамоты были готовы, бояре понесли их на подворье патриарха. Однако Гермоген категорически отказался скрепить боярский приговор своей подписью. По преданию, Салтыков стал бранить патриарха и даже угрожал ему ножом.

Под Смоленском послы Василий Голицын, Филарет Романов и члены Земского собора, ознакомившись с новыми инструкциями думы, заявили о своем несогласии с ними. Послам угрожали расправой. Но они твердо стояли на своем. Филарет заявил, что без санкции патриарха и воли Земского собора дума

не вправе менять ранее принятые решения. «Отправлены мы от патриарха, всего священного собора, от бояр, от всех чинов и всей земли, – сказал посол, – а эти грамоты писаны без согласия патриарха и без ведома всей земли: как же нам их слушать?»

Василий Голицын многократно извещал Гермогена, что Сигизмунд сам намерен занять русский трон, и ни в коем случае нельзя верить его обещаниям прислать в Москву сына. Разоблачения посла и непреклонная позиция, занятая главой церкви, произвели сильное впечатление на москвичей.

Опасаясь возрождения оппозиции в московских верхах, Гонсевский напустился на бояр. Явившись в думу, он потребовал применения самых суровых мер против «бунтовщиков» и немедленного их усмирения. В России, мрачно предрекал полковник, прольются потоки крови. Заканчивая свою речь, Гонсевский обрушился с яростными упреками на патриарха. Членам думы были предъявлены грамоты Гермогена с призывами к мятежу против Владислава. В критическую минуту патриарх сохранил самообладание. Он не стал отрицать подлинности предъявленных грамот, но твердо заявил, что он абсолютно непричастен к начавшемуся восстанию народа против бояр и Владислава. Патриарх был по-своему прав. Он не поддерживал никаких связей с главными центрами земского движения в Рязани и Калуге. Мстиславский и его окружение получили повод к тому, чтобы низложить Гермогена. Но они не воспользовались этой возможностью. Бояре опасались, что суд над популярным церковным деятелем скомпрометирует их самих в глазах народа. Приняв к сведению оправдания Гермогена, Боярская дума сохранила за ним пост главы церкви.

Влияние правительства Мстиславского неуклонно падало. В центральных кварталах столицы бояре еще чувствовали себя достаточно уверенно. Зато на окраинах население не скрывало вражды к ним. Кремль и Китай-город занимали совсем небольшую часть столичной территории. На вершине кремлевского холма располагались дворцовые постройки, соборы, митрополичий дом, два монастыря, двор Мстиславского и некоторых других бояр. На «подоле», под горой, стояли дома приказных и служилых людей. Кремль служил средоточием верховной власти. Китай-город был главным торговым центром столицы. Дворы тут стояли один подле другого. Жили в них, помимо дворян, состоятельные горожане, преимущественно купцы. Значительное пространство занимали торговые ряды и обширные склады.

Подавляющая часть московского населения обитала за пределами Кремля и Китай-города – в Белом и Земляном городах,

раскинувшихся на огромном пространстве. Английский посол Флетчер писал в конце XVI века: «Москва намного более Лондона».

Территория внутри городского вала была заселена к началу XVII века неравномерно. На запад от Кремля раскинулась слабозаселенная местность, изрезанная оврагами. Ее называли Чертольем, и там располагались государевы конюшни. Против Кремля за Москвой-рекой раскинулись царские сады. Полоса от садов в Замоскворечье до Чертолья, а также пространство между Арбатом и Дмитровкой относились к числу наименее заселенных районов столицы.

В ремесленных и торговых кварталах плотность населения была весьма высока. Возле пушечного двора за Лубянкой, на Большой и Малой Бронной жили многочисленные столичные оружейники со своими семьями. По всей столице разбросаны были кузницы. Но за Яузой кузнецы жили целой слободкой. Кадашевскую слободу в Замоскворечье населяли столичные ткачи. Преимущественно в Белом городе располагались обширные стрелецкие слободы. Кварталы, густо заселенные ремесленниками и городской беднотой, а также стрелецкие слободы стали главными очагами брожения в столице.

Никто не знал в точности, какой была общая численность московского населения. Современники называли различные цифры: от тридцати до ста тысяч.

Приближалось Вербное воскресенье. Этот церковный праздник неизменно собирал в столице множество народа из окрестных сел и деревень. Гонсевский боялся чрезмерного скопления народа в Москве и требовал запрещения обычного в этот день шествия. Мстиславский не решился исполнить его волю. Он боялся усугубить возмущение горожан и прослыть слугой безбожных еретиков.

17 марта наступило Вербное воскресенье. Под праздничный перезвон сотен больших и малых колоколов Гермоген выехал из ворот Кремля во главе праздничной процессии. Обычно сам царь шел пешком и вел под уздцы осла, на котором гордо восседал владыка. На этот раз осла под Гермогеном вел дворянин, которому бояре поручили исполнять обязанности отсутствовавшего Владислава.

Красочная процессия напомнила москвичам старое, безмятежное время. Ничто, казалось бы, не изменилось. Двадцать нарядных дворян шли перед патриархом и устилали его путь дорогой тканью. За ослятью везли сани с древом, обвешанным яблоками. Сидевшие в санях певчие мальчики распевали псалмы. Следом шло духовенство с крестами и иконами, бояре и весь

народ. Москвичи по привычке поздравляли друг друга. Однако на их лицах не было и тени радостного умиления. Не мир, а вражда и ненависть витали над столицей.

В Кремле и Китай-городе конные и пешие роты наемников стояли в полной боевой готовности с оружием в руках. Бояре и столичная знать взирали на них с надеждой. Лишившись поддержки народа и растеряв войска, они видели в наемном воинстве последнее прибежище и надежду. Глубокая граница незримо разделила город. Власть имущие уверенно чувствовали себя лишь в Кремле да в Китай-городе. На обширном посаде в Белом городе и в предместьях их встретили с ненавистью. Народ не скрывал своих подлинных чувств к безбожной «литве» и ее пособникам-боярам. В этот день в Кремле дело обошлось без инцидентов. Зато в Белом городе произошли стычки.

Толпа празднично одетых горожан запрудила узкие улочки на Кулишках, как вдруг из городских ворот на улицу выехал обоз. Вооруженная прислуга принялась расталкивать москвичей, расчищая путь для саней. Посадские мужики не стали чиниться с иноземными гостями и пустили в ход колья. Обозная прислуга побросала повозки и бросилась бежать. К месту происшествия прибыли посланцы бояр. Но их встретили бранью и презрением, и они поспешили ретироваться.

К марту 1611 года недовольный столичный люд не сомневался более в том, что боярское правительство доживает свои последние дни. Со всех сторон к Москве двигались отряды земского ополчения. Патриоты деятельно готовили восстание в самой столице. Они незаметно стягивали в город воинские силы, доставляли оружие. Глухими переулками по ночам возвращались в Москву стрельцы. Горожане охотно прятали их в безопасных местах. Переодевшись в городское платье, ратные люди терялись в уличной толпе и беспрепятственно проникали внутрь крепостных укреплений.

Боярское правительство сознавало, что восстание на посаде может вспыхнуть в любой момент. Поэтому оно издало указ об изъятии у москвичей оружия. Гонсевский помог претворить этот указ в жизнь. Его солдаты отбирали у посадских не только пищали и сабли, но и топоры и ножи. Тех, кто нарушал запрет, ждала смертная казнь. На городских заставах стража тщательно обыскивала обозы. Нередко она находила в телегах под мешками хлеба длинноствольные пищали и сабли. Оружие забирали и свозили в Кремль, а возниц топили в реке. Казни, однако, не помогали.

С утра 19 марта Мстиславский, Салтыков и Гонсевский стали готовить внутренние крепости к боевым действиям. Солдаты

свозили отовсюду орудия и устанавливали их на стенах Кремля и Китай-города. Меньшой люд не скупился на брань и насмешки в адрес солдат. Один из ротмистров, руководивший установкой пушек возле Водяных ворот, распорядился привлечь к работам извозчиков, наблюдавших за солдатами издали. Извозчики понимали, на кого обрушат огонь пушки, и отказались помочь солдатам. Наемники ухватили нескольких мужиков за шиворот. Началась потасовка. Извозчики ловко орудовали оглоблями, но не могли оборониться от сабель и мушкетов. Много русских было убито на месте.

Кремлевские часовые дали знать о происшествии Гонсевскому. Не дослушав обедни, тот выскочил из Фроловских ворот на площадь и попытался положить конец драке. Но, увидев множество убитых москвичей, он махнул рукой и, по словам польского очевидца, предоставил наемникам «докончить начатое дело». Стычка вскоре превратилась в общее побоище. В Кремле запели трубы. Роты в боевом порядке атаковали безоружную толпу. Наемники кололи и рубили всех, кто попадался им на пути.

Резня в Китай-городе вызвала возмущение русского населения. В Белом и Земляном городе, по всему Замоскворечью много тысяч москвичей взялись за оружие. Стрельцы поддержали восстание посада.

Наемные роты получили приказ занять Белый город. Однако тут они с первых шагов натолкнулись на организованное сопротивление. Стоило вражеским солдатам показаться на улице, как москвичи в мгновение ока воздвигали на их пути баррикады. От мала до велика все брались за работу. Со дворов тащили вязанки с дровами, выбрасывали бочки, столы, лавки. Конница наталкивалась на завалы и останавливалась. Улочки были узкие, и пока одни старались достать всадников шестами из-за изгороди и осыпали градом камней, другие стреляли с крыш и из окон. В нескольких местах жители раздобыли пушки и установили их посредине улиц. Конные роты были вынуждены отступить в Китай-город и Кремль. Их место заступили отряды немецких наемников, чья жестокость не знала предела. Когда солдаты Якова Маржерета вернулись после побоища в Кремль, они похожи были на мясников, с ног до головы покрытых кровью москвичей.

Московское восстание вписало едва ли не самую трагическую страницу в историю московской смуты. Несмотря на то, что бояре давно ждали народных выступлений и готовились их подавить, события застали их врасплох. Прошло совсем немного времени, и бояре, преодолев замешательство, полностью солидаризировались с Гонсевским и стали деятельно помогать

ему. На совещании у Гонсевского члены думы громко бранили людей без роду и племени, решившихся на бунт. Высшее духовенство разделяло их негодование. Епископ Арсений, ставший одним из главных руководителей церкви при семибоярщине, усердно убеждал полковника, что посадские мужики «ударили в набат без воли бояр и священнослужителей».

Столичные дворяне боялись черни куда больше, чем иноземных солдат. Они живо представляли картину народной расправы: смерть боярина Петра Шереметева в Пскове, боярина Богдана Бельского в Казани. Торжество низов, считали они, приведет к окончательному крушению порядка в государстве.

В Москве находились сотни видных дворян. Лишь некоторые из них стали в ряды сражающегося народа. В эту плеяду вошли князь Дмитрий Пожарский, Иван Матвеевич Бутурлин и Иван Колтовский. Трудно сказать, как оказался в Москве Пожарский. После выступления на стороне Ляпунова он, естественно, не мог рассчитывать на снисхождение Салтыкова и Гонсевского. Воевода мог переждать трудные времена в безопасном месте – крепости Зарайске, но он рвался туда, где назревали решающие военные события. Сомнительно, чтобы такой трезвый человек, каким был Пожарский, стал рисковать головой, чтобы повидать в Москве своих близких. В столице было голодно, и дворянские семьи предпочитали провести зиму в сельских усадьбах. Так что к семье князь Дмитрий поехал бы в Мугреево, а не в столицу. Остается предположить, что зарайский воевода, будучи одним из вождей земского ополчения, прибыл в Москву для подготовки восстания. Если бы атака ополчения была поддержана восстанием внутри города, судьба боярского правительства была бы решена. Спровоцированное наемниками выступление спутало все планы патриотов.

19 марта с утра Пожарский был на Сретенке подле Лубянки в своих хоромах. Когда в Китай-городе позвонили в колокола, он бросился со своими людьми на улицу. Мгновенно оценив обстановку, воевода отправился в стрелецкую слободу, стоявшую неподалеку. Собрав стрельцов и посадских людей, Пожарский дал бой наемникам, показавшимся на Сретенке возле Введенской церкви. Вслед за тем он послал своих людей на Трубу, где располагался Пушкарский двор. Пушкари тотчас пришли на подмогу и привезли с собой несколько легких пушек. Встреченные орудийными выстрелами наемники отступили по Сретенке к Китай-городу.

Повсюду в разных концах посада главными узлами сопротивления стали стрелецкие слободы. Против Ильинских ворот стрельцы нашли руководителя в лице Ивана Бутурлина.

Попытки Гонсевского прорваться в восточные кварталы Белого города провалились. Бутурлин дал отпор врагу на Кулишках и не пропустил врага к Яузским воротам. Стрелецкие слободы на Тверской улице встали несокрушимой преградой на пути рот, пытавшихся пробиться в западные кварталы. Наемники не дошли до Тверских ворот и, неся потери, повернули вспять.

В Замоскворечье сопротивление возглавил Иван Колтовский. Повстанцы воздвигли высокие баррикады подле самого наплавного моста и с них обстреляли Водяные ворота Кремля.

За оружие взялись тысячи москвичей. Их гнев и ярость грозили смести с пути все преграды. Наемники потерпели решительную неудачу в Белом городе. Теснимые со всех сторон, они отступили в Китай-город. «Видя, что исход битвы сомнителен, – доносил Гонсевский королю, – я велел поджечь Замоскворечье и Белый город в нескольких пунктах». Русские летописцы уточняют, что решение поджечь Москву подсказали Гонсевскому Салтыков и его товарищи.

Предатели бояре помогали врагу советом и делом. Михайла Салтыков руководил боем с повстанцами в том месте, где располагалось его подворье. Когда патриоты стали одолевать, боярин велел холопам сжечь дом, чтобы нажитое им богатство не досталось никому. Начался пожар. Повстанцы были принуждены отступить. Оценив «успех» Салтыкова, Гонсевский велел запалить весь посад. Солдатам не сразу удалось выполнить его приказ.

В тот год казалось, что зима никогда не кончится. Сильные морозы продержались до конца марта. Москва-река была покрыта ледяным панцирем, повсюду лежал снег. Холодное солнце не прогрело промерзшие бревна изгородей и построек. Солдаты Гонсевского с факелами в руках пытались поджечь срубы, но у них ничего не выходило. Как писал в дневнике один из факельщиков, каждую постройку они зажигали по многу раз, но все тщетно, дома не загорались. Автор дневника выражал наивную уверенность в том, что «огонь был заколдован». В конце концов усилия поджигателей дали результат. В нескольких местах над посадом показались столбы дыма. Вскоре огонь охватил целые кварталы. Москвичи прекратили бой и все усилия сосредоточили на том, чтобы потушить разгоравшийся огонь. Пронзительно кричали женщины, потерявшие в толчее детей. Кто пытался выгнать скотину, кто тащил пожитки из огня.

Пожар помог Гонсевскому сломить сопротивление москвичей на Кулишках и возле Тверских ворот. Ветер гнал пламя вглубь Белого города. Следом за огненным валом по сгоревшим кварталам шли вражеские солдаты. Лишь на Лубянке врагу не удалось осуществить свой дьявольский замысел. Верный себе,

Пожарский непрерывно атаковал неприятеля, пока не «втоптал» его в Китай-город. Наемники не смели высунуть нос из-за крепостной стены. Прилегавшие к Сретенке кварталы были спасены от огня.

Всю ночь в городе, не замолкая ни на минуту, гудели колокола и слышен был боевой клич москвичей. Патриоты послали в Коломну и Серпухов за помощью. Земские воеводы немедленно откликнулись на призыв. Иван Плещеев наспех отправился к Москве из Коломны с казаками, коломичами и рязанцами. По пути к нему присоединился Федор Смердов-Плещеев. Федор служил окольничим у самозванца. Бояре подозревали его в заговоре с москвичами еще в то время, когда он сидел воеводой в Серпухове.

Отряды ополчения вступили в Замоскворечье, когда на город опустилась ночная мгла. Весть об их прибытии мгновенно облетела столицу и вызвала взрыв энтузиазма. Всю ночь восставшие готовились к тому, чтобы с рассветом возобновить бой. Отряды ратников стягивались на Сретенку и в Чертолье. Под самыми стенами Кремля, у Чертольских ворот, собралось около тысячи стрельцов. Жители помогли им перегородить площадь баррикадами. Над баррикадами реяли хоругви.

Далеко за полночь Гонсевский созвал в Кремле военный совет. На нем присутствовали многие знатные московские дворяне. Члены боярского правительства получали вести из разных концов города и были лучше осведомлены насчет истинного положения дел, нежели польское командование. На военном совете они настойчиво рекомендовали Гонсевскому бросить все силы в Замоскворечье, чтобы прорвать кольцо восставших предместий и очистить путь для королевских войск, подходивших из района Можайска.

Ночь прошла без сна. Едва забрезжил день, наемная стража распахнула ворота Китай-города. Из ворот выехали бояре в окружении слуг. Защитники баррикад приготовились стрелять, но потом опустили пищали, увидев, что с боярами не было ни «литвы», ни немцев. Приблизившись к завалам, Мстиславский с товарищами принялись упрашивать москвичей прекратить сопротивление и немедленно сложить оружие. Их слова потонули в негодующих криках толпы. Посадские отпускали такие выражения по адресу изменников, что те предпочли поскорее убраться. Вдогонку им полетели пули.

Боярам была отведена незавидная роль. Они должны были отвлечь внимание патриотов. Пока Мстиславский вел переговоры с народом, отряды немцев наемников, продвигаясь по льду Москвы-реки, зашли в тыл стрельцам, оборонявшим Чертолье, и

зажгли кварталы, примыкавшие к баррикадам. Отрезанные от своих стеной огня стрельцы бились с немцами насмерть, однако удержать позиции им не удалось.

Следуя совету бояр, Гонсевский приказал солдатам запалить Замоскворечье. Близился полдень, когда дозорные заметили с колокольни Ивана Великого конницу, подходившую к городу с запада. Полк Струся не смог пробиться в Москву: москвичи захлопнули ворота Деревянного города перед самым носом у гусар. На выручку Струсю пришли факельщики Гонсевского. С помощью изменников они скрытно пробрались к стенам Деревянного города и зажгли их изнутри. Бревенчатый частокол запылал в нескольких местах. Со стен огонь перекинулся на прилегавшие кварталы Земляного города. Полк Струся получил возможность прорваться в центр города и соединиться с силами Гонсевского.

В первый день восстания пожар испепелил лишь небольшую часть города. На другой день погода выдалась ветреная, что облегчило поджигателям их дело. «Никому из нас, – писал в дневнике один поручик, – не удалось в тот день подраться с неприятелем; пламя пожирало дома один за другим, раздуваемое жестоким ветром, оно гнало русских, а мы потихоньку подвигались за ними, беспрестанно усиливая огонь, и только вечером возвратились в Кремль».

Отступая перед огненной стихией, отряды ополчения вместе с населением ушли из Замоскворечья. Не опасаясь более удара с юга, Гонсевский возобновил попытку разгромить силы повстанцев в Белом городе. На Кулишках его солдаты быстро продвинулись вперед. Но на Сретенке интервентам преподали жестокий урок.

С утра москвичи успели выстроить на Сретенке подле Введенской церкви укрепленный острожек. Пожарский искусно руководил его обороной в течение дня. Наличие очага сопротивления в Белом городе обеспокоило польское командование, и оно направило сюда подкрепления из других кварталов города. Силы оказались неравными. Наемники ворвались внутрь острожка. Большинство его защитников погибло. Под ударами вражеских сабель упал на землю князь Пожарский. Его тяжело ранили в голову. Кровь залила ему глаза. Патриоты не бросили своего командира. Едва живого, его вынесли с поля боя, уложили на дно возка и увезли в безопасное место. Оттуда князя Дмитрия переправили в Троице-Сергиев монастырь под защиту крепких монастырских стен.

Москва горела несколько дней. Ночью в Кремле было светло как днем. Посад пылал на огромном пространстве, куда доставал взгляд. Вид гибнущего города напоминал современникам геенну

огненную. С треском валились наземь здания, и к небу вздымались огненные смерчи. На четвертый день невредимой осталась примерно треть города. Гонсевский получил известие о появлении сил ополчения на владимирской дороге. Опасаясь, что сопротивление москвичей возобновится, он выслал из Кремля новые команды поджигателей. Интервенты принялись жечь восточные кварталы города, чтобы помешать ополчению утвердиться там.

Освободительная армия вступила в предместья столицы после полудня 21 марта. Впереди следовал атаман Просовецкий с казаками. За ним шли полки Измайлова, Мосальского и Репнина. Ожидая подхода главных сил ополчения с юга, Измайлов с товарищами решили закрепиться в семи верстах от восточных ворот столицы, занятых интервентами. Ополченцы стали поспешно строить здесь укрепления. Но не успели довершить начатое дело.

Ляпунову не удалось организовать одновременное наступление на Москву, и Гонсевский умело использовал разобщенность русских. Он направил против Измайлова почти все наличные силы. Отряды владимирцев, нижегородцев и муромцев были немногочисленны. Предоставленные самим себе, они не смогли противостоять превосходящим силам противника.

При поддержке полка Струся иноземные роты обратили в бегство дворянскую конницу и захватили недостроенный острожек. Небольшой отряд ополченцев с боем отступил к церкви, одиноко стоявшей в поле за острожком. На помощь ему спешили повстанцы – «пешая Москва». Бой разгорелся с новой силой. Затворившись в церкви, ратники и москвичи отбивались от врага, пока не были истреблены все до одного. В руки врага попали знамена ополчения, пушки и обоз. Гонсевский сетовал на то, что ночь помешала его ротам довершить разгром русских. Кавалеристы ссылались на глубокий снег. На самом деле наемники постарались возможно скорее закончить бой и вернуться под защиту крепостных стен, потому что восстание в Москве могло возобновиться в любой момент.

Гонсевский использовал случай, чтобы отделаться от неугодных ему лиц. Боярин Андрей Голицын, находившийся под домашним арестом, был жестоко убит. Патриарха Гермогена бросили в темницу. Гонсевский не прочь был расправиться и с ним. Но влиятельные члены семибоярщины настояли на том, чтобы перевести узника на подворье Кирилло-Белозерского монастыря в Кремле. Там его сторожили польские приставы. Патриарха можно было низложить лишь после соборного суда над ним. Бояре не имели ни времени, ни охоты устраивать

публичное разбирательство. Они ограничились тем, что отняли у Гермогена возможность какой бы то ни было деятельности, не снимая с него сана. Управление делами церкви дума передала греку Арсению, носившему архиепископский сан, но не имевшему архиепископства. Жестокость завоевателей принесла гибель многим тысячам мирных жителей. Судьба не пощадила состоятельных горожан, оставшихся в стороне от освободительной борьбы. Многие из них лишились имущества, а некоторые и жизни. Наемники врывались в богатые дома и забирали все, что попадалось под руку. Сопротивлявшихся побивали на месте.

Резня, учиненная в Китай-городе, прекратилась, как только наемники получили отпор в Белом городе. Московский летописец засвидетельствовал, что иноплеменные «всех людей (русских) побиша в Кремле да в Китае», а «в Белом городе мало людей побиша».

Солдаты жадно взирали на богатства «царствующего града», который они рассматривали как свою законную добычу. Они лишь ждали случая, чтобы заняться грабежом. В первый же день восстания они разгромили сотни лавок и мастерских в Китай-городе. Ландскнехт Конрад Буссов, находившийся в Москве, не без хвастовства заметил, что солдаты захватили в тот вечер «огромную и превосходную добычу золотом, серебром, драгоценными каменьями».

Обширный город за два-три дня превратился в груду развалин и пепла. Бесконечный ряд обгорелых печных труб обозначал места, где еще вчера располагались человеческие жилища. Тысячи москвичей, лишившись крова и имущества, разошлись во все стороны. От множества черных фигур не видно было снега на подмосковных полях. Некоторые жители, едва спасшиеся от огня, остались в одних рубахах, босые. В открытом поле на ветру многие из них замерзли в первую же ночь.

Прошло несколько дней, и в обширном городе, покинутом населением, началась подлинная вакханалия грабежей. Никакая сила не могла удержать наемников в их казармах. С утра они отправлялись за добычей и к вечеру возвращались с мешками награбленного. На пожарище они разрывали подвалы в поисках спрятанного добра и винных погребов. Захваченное имущество распродавалось в полковых манежах. В храме Василия Блаженного и других церквах мародеры забрали всю золотую и серебряную утварь, сорвали оклады с икон, разломали раки чудотворцев. Не довольствуясь Белым городом, шайки мародеров в ночное время принялись грабить Кремль. Караулам пришлось применить оружие, чтобы унять их.

Захватчики удержали Москву, но бесславной была их победа. Грабежи окончательно деморализовали наемное воинство. Среди дымящихся развалин и неубранных трупов творили победители свой чудовищный пир. Вино лилось рекой. Бахвалясь богатством, пьяные наемники закладывали в ружья мелкие жемчужины и палили из окон в случайных прохожих.

Сожжение Москвы потрясло ум и душу народа. Тысячи беженцев разошлись в разные концы страны с нищенской сумой. Из их уст люди узнавали подробности неслыханной трагедии.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ОСВОБОЖДЕНИЕ

Глава 17
НАД БЕЗДНОЙ

Март был на исходе, но по дорогам Подмосковья крестьяне еще продолжали ездить на санях.

По последнему зимнему пути шли к Москве земские отряды. Не позднее 23 марта в предместья Москвы прибыл Прокофий Ляпунов с рязанцами. Заруцкий с казаками и Трубецкой со служилыми людьми запоздали, но ненадолго. Их задержало то, что на недалеком расстоянии от Калуги стоял Ян Сапега. Наемное войско хорошо отдохнуло на зимних квартирах и завершило приготовления к летней кампании. Сапежинцы предлагали союз ополчению, но требовали непомерное вознаграждение. Заруцкий достаточно хорошо знал истинную цену нового союзника. Сапега мог в любой момент нанести удар по калужскому лагерю с тыла.

Подготавливая наступление на Москву, города старались подбодрить друг друга и внушить противнику преувеличенные представления о своих силах. Ляпунов широко оповестил страну о том, что на помощь ему идет сорокатысячная рать. Поляки отчасти поверили его воззваниям. Они полагали, что Ляпунов привел под Москву восемьдесят тысяч воинов. По их подсчетам, Заруцкому удалось собрать пятьдесят тысяч человек, а Измайлову и Просовецкому – пятнадцать тысяч, в целом же ополчение насчитывало более ста тысяч воинов. Подобные цифры отличались абсолютной недостоверностью. Засевшим в Кремле наемникам казалось, что их осадили несметные полчища. Шведы располагали более точной информацией. Посланец Ляпунова доверительно сообщил им, что состав ополчения под Москвой не превышает шести тысяч человек.

Число воинских людей в ополчении было совсем невелико. Но едва они подошли к городу, в их лагерь стали стекаться со всех сторон москвичи, оставшиеся на пожарище и в уцелевших слободах. Население искало спасения в земском ополчении. Благодаря притоку жителей лагерь осаждавших казался необозримым. Но то была обманчивая видимость.

Гонсевскому удалось замирить Москву лишь на несколько дней. Его приставы отправились в разные концы столицы и стали приводить к присяге москвичей, сложивших оружие. Как только население узнало о приближении земских воевод, оно вновь поднялось на борьбу. Приставы едва смогли унести ноги.

В южных предместьях боярскому правительству не удалось восстановить свою власть даже на время. Отряды повстанцев

вместе с воеводой Федором Плещеевым прочно удерживали в своих руках Симонов монастырь. Измайлов и Просовецкий после неудачного боя ушли к Андроньеву монастырю, а затем соединились с Плещеевым у стен Симонова монастыря. Отряды Заруцкого разбили лагерь поблизости от Николо-Угрешского монастыря, там, где река Угреша впадала в Москву-реку. Монастырь служил прибежищем Лжедмитрию II в дни его последнего похода на Москву. Четырнадцать километров отделяли монастырь от крепостных стен.

27 марта Гонсевский вывел свои войска из Яузских ворот и попытался потеснить силы ополчения и повстанцев в окрестностях Симонова монастыря. Его наступление не имело успеха. Затяжные бои в юго-восточных предместьях столицы продолжались несколько дней. Обе стороны избегали риска, сопряженного с генеральным сражением. Скорее то была проба сил. Противники как бы примерялись друг к другу.

Последняя стычка принесла ощутимый успех русским. Их энергичный и дружный натиск привел к тому, что наемники понесли потери и бросились бежать с поля боя.

Смущенный неудачей, Гонсевский не только отказался от новых наступательных действий, но и не посмел оборонять внешние крепостные стены. В ночь на 1 апреля ратники ополчения, не встречая сопротивления противника, перешли реку Яузу и освободили почти всю территорию Белого города. Гонсевский удержал в своих руках лишь небольшую часть белгородской стены от Никитских до Чертопольских ворот с прилегающими улицами.

Наступила весна и вместе с ней долгая и томительная пауза в военных действиях. Ополчение потеряло более двух месяцев, прежде чем смогло возобновить наступление. Уже в первых боях солдаты Гонсевского заметили, что земские люди не слишком доверяют друг другу.

По словам московских летописцев, земская рать попусту потеряла много дней из-за великой розни вождей. Когда воеводы сошлись под Москвой, им в самом деле не сразу удалось преодолеть взаимное недоверие и уладить местнические счеты. И все же не распри были причиной непонятной бездеятельности.

Московский «черный люд» оказал ополчению огромную помощь. Но повстанцы не обладали военными навыками и были плохо вооружены. Собственные же силы ополчения были столь невелики, что рассчитывать на немедленный успех не приходилось. Чтобы организовать правильную осаду крепости, надо было иметь многократный перевес в силах. Ляпунов и его сподвижники не имели ни многочисленного войска, ни тяжелой

артиллерии. При таких условиях штурм Кремля мог принести лишь неудачу. Мало того, что Кремль и Китай-город располагали беспримерной по мощности системой укреплений. В руки интервентов попала лучшая русская артиллерия. Никогда еще ни на одной стене не было установлено столько пушек, сколько их видели теперь на кремлевских стенах. Осаждавшим нечего было противопоставить их огневой мощи.

Ополчение сделало все, что могло. Ляпунов с отрядами рязанцев занял Яузские ворота. Заруцкий и Трубецкой помогли ему закрепиться в этом решающем пункте, а затем попятились к Воронцовскому полю и расположились вдоль стен Белого города до Покровских ворот. Прочие полки взошли на стены Белого города на всем пространстве от Покровских ворот до Трубной площади на Неглинной. Северная часть стены находилась на некотором удалении от пушек Китай-города, и ее оборону взяли на себя воеводы, только что потерпевшие неудачу на Владимирской дороге, – Измайлов, Мосальский и Репнин. К ним на помощь прибыли Иван Волынский с ярославцами, Федор Волконский с костромичами, Федор Погожий с угличанами.

Отряды Ляпунова прикрывали самую важную коммуникацию – старую коломенскую дорогу, связывавшую Москву с Рязанским краем. Под контроль замосковных воевод перешли также дороги, шедшие из столицы к Ростову и Ярославлю.

Укрепления Ляпунова стали ключевой позицией земского лагеря. С первых дней тут не прекращалась яростная перестрелка. На голову рязанцев сыпались ядра. Враг пытался вернуть Яузские ворота и не дать ратникам укрепиться на близком расстоянии от Китай-города и Кремля.

Вожди земского ополчения рассчитывали воспользоваться восстанием в Москве и освободить ее одним ударом. Сожжение столицы разрушило все их планы. Земская рать принуждена была перейти к длительной осаде. С наступлением лета внешнеполитическое положение России стало быстро ухудшаться. Шведы все ближе подбирались к Новгороду. Речь Посполитая напрягла все силы, чтобы покончить со Смоленском.

Еще в январе боярское правительство направило в королевский лагерь Ивана Салтыкова с тем, чтобы добиться повиновения от послов Голицына и Филарета и осуществить решение о сдаче Смоленска. Подобно Гермогену, Василий Голицын с недоверием следил за восстанием в городах и не считал возможным порвать с правительством, членом которого он сам состоял. Подвергшись новому нажиму из Москвы, он выдвинул компромиссный план. Согласно этому плану смоляне должны были впустить в город небольшой отряд королевских

солдат и присягнуть Владиславу сразу после того, как король снимет осаду. В начале февраля послы виделись с представителями Смоленска и договорились с ними о размещении в городе 200 польских солдат. Уступки Голицына и Филарета, однако, не приблизили долгожданного мира.

Польские сенаторы выдвинули свои условия соглашения о Смоленске. Суть их сводилась к следующему. Король снимет осаду, когда смоляне принесут повинную и исполнят его требования, а именно: впустят в крепость 350 солдат, выставят у ворот смешанную стражу из поляков и русских, передадут второй комплект ключей от города в руки начальника польского отряда. Смоленск останется в составе Русского государства временно, до заключения окончательного договора. Город должен возместить все убытки, понесенные королевской казной за время полуторагодичной осады.

Шеин созвал земских представителей и весь народ для обсуждения предложений Сигизмунда. Русские люди хорошо знали цену королевских обещаний. На народном собрании лишь ничтожная горстка людей высказалась за прекращение сопротивления. Среди них был местный архиепископ. «Что меч не истребил, то поветрие истребляет, – заявил он, – лучше нам поддаться за присягою их, хотя бы нас потом перебили». Архиепископ ссылался на ужасную эпидемию, свирепствовавшую в городе. Но даже он не верил тому, что после сдачи Сигизмунд пощадит смолян.

Все собравшиеся на площади перед воеводской избой хорошо понимали, что речь идет о сдаче крепости неприятелю. Смоленский собор подтвердил, что двести солдат будут допущены в город лишь после того, как Сигизмунд выведет все свои войска из пределов России.

Сожжение Москвы подтвердило худшие опасения смолян. Продолжение мирных переговоров стало невозможным.

Невзирая на уступки Голицына и Филарета в вопросе о Смоленске, король велел арестовать их. Позже королевская стража разграбила посольские пожитки и перебила челядь. Сами послы были увезены в Литву пленниками.

Гетман Жолкевский, убедившись в провале унии, пытался склонить сенаторов к нормальным дипломатическим переговорам с боярским правительством в Москве для заключения выгодного мира. Но Сигизмунд отказался следовать совету лучшего из своих воевод. Не одобряя ареста послов, Жолкевский покинул королевский лагерь под Смоленском и уехал в Польшу. Его отъезд развязал руки тем, кто требовал окончательного разгрома и расчленения России.

Тяжкие испытания выпали на долю защитников Смоленска. Силы их подходили к концу. За время неслыханно долгой осады гарнизон понес большие потери. На городских складах еще оставались некоторые запасы продовольствия. Но его распределяли теперь только среди ратников. Неимущий люд умирал с голода и от эпидемий. В распоряжении Шеина оставалось немного здоровых людей, способных носить оружие, им приходилось нести караулы по всей крепостной стене.

Население Смоленска знало о восстании городов и осаде вражеского гарнизона Кремля силами земского ополчения. Надежда на изгнание врагов из столицы поддерживала их волю к борьбе.

Между тем Сигизмунд, озабоченный ходом дел в Москве, решил бросить в бой все силы, чтобы добыть Смоленск. Его военачальники провели тщательную подготовку к последнему генеральному штурму. Осадные орудия подвергли город жесточайшей бомбардировке. Западная крепостная стена оказалась наиболее разрушенной.

На рассвете 3 июня 1611 года мощный взрыв потряс город. Подле северо-восточной Крылошевской башни взлетела на воздух часть стены. Шеин ждал приступа с запада и там установил главные батареи. Королевские войска предприняли атаку в районе западных проломов и у Богословской башни на северо-западе. Но в этой атаке участвовали лишь ограниченные силы. Главный удар противник нанес возле Крылошевской башни и дальше на юг против Авраамиева монастыря. По штурмовым лестницам солдаты перебрались через крепостную стену и ворвались в город. Силы гарнизона оказались недостаточными, чтобы отразить одновременное нападение с четырех сторон. Большая часть защитников Смоленска погибла с оружием в руках на улицах крепости. Шеин оборонялся в одной из западных башен и там был взят в плен. Немногие уцелевшие жители затворились в Богородицком соборе в центре Смоленска. Находившиеся в соборе люди предпочли погибнуть под обломками здания, но врагу не сдаться. Они взорвали под собой пороховой погреб.

Король приказал подвергнуть Шеина пытке. Во время допроса и пытки воеводу спросили: «Кто ему советовал и помогал так долго держаться в Смоленске?» Шеин отвечал: «Никто в особенности, потому что никто не хотел сдаваться». После пытки Шеин был увезен в Литву. Там его держали в тюрьме в железных оковах.

Оборона Смоленска длилась почти два года. Город принял на себя главный удар армии вторжения, надолго сковал силы Сигизмунда и стал неодолимой преградой на его пути к Москве.

Весть о гибели Смоленска облетела страну, сея тревогу и отчаяние в сердцах русских людей. Ждали, что Сигизмунд немедленно двинется в Москву. Но король не желал рисковать с трудом добытой победой и спешил отпраздновать триумф. Его казна была обременена огромными долгами, армия понесла большие потери и практически не могла возобновить наступление.

Под Москвой события развивались своим чередом. Русская столица раскинулась на огромном пространстве, и земскому ополчению не достало сил на то, чтобы замкнуть кольцо блокады вокруг всего города. Однако в его руках были все подъезды к Москве. Последние нити, связывавшие боярское правительство с провинцией, были порваны, снабжение Кремля продовольствием дезорганизовано. В мае наемники уведомили Сигизмунда о том, что они продержатся в Москве не более трех недель, если им не будет оказана немедленная помощь и если они не получат фураж для лошадей.

Вражеский гарнизон удерживал Арбат и Новодевичий монастырь, откуда начиналась большая смоленская дорога. Однако сама эта дорога была небезопасна. Она пролегала среди уездов, охваченных восстанием. Крестьяне, вооруженные вилами, топорами, дубинами, собирались в отряды. Враги называли их шишами. В мае шиши разгромили дворянский конвой и отобрали казну, которую боярское правительство выслало Яну Сапеге в качестве найма.

Сапега вел торг и с боярами, и с Ляпуновым. В конце концов он получил от Мстиславского три тысячи рублей и выступил в поход. На марше к Москве сапежинцы обменялись с польским гарнизоном Кремля примечательными письмами. Они потребовали, чтобы гарнизон берег казну, не разбирал бы всех денег и сокровищ и оставил бы им, чем поживиться. Столичное рыцарство отвечало, что солдаты Сапеги не имеют права распоряжаться московской казной и могут брать из нее деньги лишь с разрешения короля. Наемников слепил блеск московского золота, и они готовы были вцепиться друг другу в горло из-за добычи.

Вожди ополчения старались любой ценой не допустить сапежинцев под Москву. Когда стало ясно, что предотвратить их выступление не удастся, Заруцкий решил дать им бой на переправах через Угру под Калугой. Ляпунов предпочел путь мирных переговоров.

Торг с наемниками продолжался целый месяц. Земские люди обещали выплатить долги самозванца, но у них не было звонкой монеты. Бояре и Гонсевский пересилили. Они обязались передать

сапежинцам в залог царские регалии ценою в полмиллиона злотых.

Заключив соглашение с Гонсевским, Сапега тотчас объявил войну ополчению. 23 июня его отряды напали на ополченцев в районе Лужников. Неделю спустя Сапега переправился за Москву-реку и попытался овладеть Тверскими воротами. Битва была долгая. Ополченцы наголову разгромили немецкую пехоту Сапеги и захватили ее знамя. Два дня войска отдыхали, после чего стычки возобновились. В течение нескольких часов отряд Мосальского отражал натиск врага. Муромский воевода Мосальский стяжал славу храбреца. Вскоре он сложил голову на поле брани.

Прибытие сапежинцев под Москву ободрило боярское правительство. Воинские силы из замосковных городов были скованы осадой столицы. Бояре знали об этом и решили использовать войско Сапеги, чтобы восстановить свою власть в Замосковье. В помощь сапежинцам Гонсевский выделил несколько рот из состава кремлевского гарнизона. С той же целью Мстиславский отрядил воеводу Ромодановского с дворянами и прислугой. Воевода получил наказ усмирить восставшие города и прислать обозы с продовольствием для войск московского гарнизона. При поддержке Ромодановского Сапега занял Суздаль и Ростов и направился к Переяславлю-Залесскому, стремясь открыть себе путь на Ярославль.

Земские таборы постарались нейтрализовать усилия неприятеля. Атаман Просовецкий и воевода Бахтеяров спешно выступили на север. Просовецкий встретил Сапегу на подступах к Переяславлю и не пропустил врага на ярославскую дорогу. Две недели продолжались стычки у переяславских стен. Казаки изрядно потрепали сапежинцев, и Ян Сапега не решился штурмовать крепость.

Ляпунов и Заруцкий знали о том, что боярское войско и часть наемных рот покинули Москву. Они спешили использовать момент, чтобы нанести ослабленному вражескому гарнизону смертельный удар. Страна ждала от земских воевод решительных действий. 5 июля 1611 года земские ратные люди бросились на штурм неприступной крепости. За три часа до рассвета воины Ляпунова в предрассветной мгле подобрались к угловой башне Китай-города близ Яузских ворот, приставили штурмовые лестницы, забрались на стену и со стены проникли в башню. Неприступные снаружи, крепостные сооружения оказались легко уязвимыми изнутри. Гонсевский послал против Ляпунова отборные силы. Ополченцам пришлось отступить.

Кровопролитный бой завязался в западных кварталах

Москвы. На Козьем болотце, неподалеку от Неглинной, немцы пытались удержать воздвигнутые ими укрепленные острожки. Русские ратники напали на них с такой яростью, с таким презрением к смерти, что те поспешно покинули острожки и в полном беспорядке отступили к кремлевским воротам.

Русские овладели Никольской башней. Триста немцев, засевших там, сложили оружие. Бой перебросился в район Трехсвятских ворот. Ополченцам удалось поджечь пороховой погреб под угловой башней. Прогремел взрыв, и башню окутало пламя. Мало кому из вражеских солдат удалось выбраться живыми из-под развалин.

Земская рать понесла большие потери при штурме. Но из провинции постоянно прибывали пополнения. В июле под Москву прибыла наконец казанская рать. Используя ее поддержку, Заруцкий после кровопролитного приступа занял Новодевичий монастырь, располагавший мощной крепостью. Отныне вражеский гарнизон оказался запертым во внутренних крепостях, как в мышеловке.

Однако в начале августа в окрестности Москвы вернулись Сапега и Ромодановский. Зная, что казаки понесли тяжелейшие потери при штурме Китай-города, а потом Новодевичьего монастыря, они решили нанести внезапный удар по казачьему острожку за Яузой.

Казаки Заруцкого хорошо знали сапежинцев по службе в Тушинском лагере и нисколько не боялись их. Сапега и Ромодановский потерпели неудачу при первой же атаке.

Покинув восточные предместья столицы, Сапега скрытно обошел город и занял исходные позиции на западных подступах к Москве. По договоренности с Гонсевским и боярами он решил атаковать земские отряды в районе Арбата.

Упорный бой кипел всю ночь и продолжался на другой день. В решающий момент роты Гонсевского нанесли русским удар с тыла. Оказавшись между двух огней, отряды ополчения отступили, оставив в руках противника Арбатские и Никитские ворота. Прорыв осадного кольца улучшил положение вражеского гарнизона в Москве.

В то время как земское ополчение, истекая кровью, вело бои под Москвой, ухудшилось военное положение на северо-западных рубежах в районе Новгорода Великого.

Новгород издавна был самым крупным после Москвы городом страны. На новгородском посаде жило многочисленное и богатое торгово-ремесленное население. Новгородское поместное ополчение насчитывало несколько тысяч дворян. Москва поневоле должна была считаться с тем, что происходило в самой

обширной из русских земель.

Вольнолюбивый Новгород с крайним неодобрением отнесся к соглашению, заключенному боярским правительством с Жолкевским. Боярам пришлось направить Ивана Салтыкова с ратными людьми, чтобы добиться от строптивых новгородцев послушания. Новгород поначалу отказался открыть ворота перед приспешником Сигизмунда III. Лишь после долгих уговоров Салтыков упросил жителей впустить его в город. Патриоты взяли с боярина клятву, что он не «подведет» в Новгород литовских людей. Но Салтыков и не думал следовать взятым на себя обязательствам. В глубокой тайне он подготовлял почву для сдачи крепости врагу. Изменник прекрасно понимал, с какой стороны встретят отпор иноземные завоеватели, которым он служил. И он действовал с чудовищной жестокостью. Когда Шуйский разгромил войско Болотникова, он прислал в Новгород несколько сот пленных повстанцев. Они пробыли там более двух лет. Явившись в Новгород, Салтыков отдал приказ о казни всех болотниковцев. Их оглушали палицами и топили в Волхове.

В конце концов жители Новгорода и Торопца принесли присягу Владиславу. Некоторое время спустя отряды Сигизмунда III прибыли в окрестности Торопца. Солдаты жгли деревни, захватывали жителей и уводили их в плен. Завоевательная война шла полным ходом. Торопчане дали знать новгородцам о своих злоключениях. Тем временем двухтысячный литовский отряд занял Старую Руссу и в марте 1611 года «изгоном» подступил к стенам Новгорода. Новгородцы отбили нападение. Боярину Салтыкову не удалось осуществить предательские планы, и он тайно бежал из города. По всей новгородской земле нарастало возмущение против тех, кто усердно служил захватчикам. Салтыков не смог добраться до Москвы. Его опознали и под конвоем вернули в Новгород. Патриоты требовали строгого расследования. Розыск не оставил сомнения в том, что посланец семибоярщины сам пригласил «литву» к Новгороду. Салтыкова сначала заключили в тюрьму, а затем посадили на кол. Что удалось Михаилу Салтыкову в Москве, не сошло с рук его сыну в Новгороде.

Весть о разрыве новгородцев с семибоярщиной произвела на страну сильное впечатление. Отныне Новгород открыто примкнул к освободительному движению. Его жители известили Ляпунова, что немедленно отправляют под Москву воевод с ратными людьми и артиллерией.

Но им не суждено было осуществить свои планы из-за шведского вмешательства.

Шведская помощь не спасла царя Василия. Мятеж

королевских наемников под Клушином оказался гибельным для него. Невзирая на это, шведы упрямо требовали выполнения обязательств Шуйского об уступке им Корелы. Причем их притязания не ограничивались одной Корелой.

Нетерпеливый Карл IX торопил своих полководцев с завоеванием Новгорода. Но те должны были сообразовать свои действия с наличными силами и поначалу ставили более скромные цели в необъявленной войне с Россией. Изпод Клушина Делагарди увел остатки шведской армии к Новгороду. По пути солдаты грабили деревни, забирали в плен жителей. 15 августа 1610 года наемники захватили и разграбили древнюю Ладогу.

Собрав силы, Делагарди напал на Орешек, а затем осадил Корелу. Воевода Иван Михайлович Пушкин был прислан в Корелу царем Василием. Он имел предписание передать город шведам, а население вывести во внутренние уезды. По пути он узнал о падении Шуйского и оборонял Корелу до последней крайности.

Воздвигнутая на гранитной скале посреди быстрых вод, Корела располагала неприступными естественными укреплениями. Ее крепостные валы опускались почти отвесно в воду. Над валом возвышались деревянные крепостные стены. Скрытый под водой частокол мешал вражеским судам приблизиться к острову.

Крепость обороняло около двух тысяч человек. Большую помощь гарнизону оказывали отряды русских и карельских крестьян, действовавшие по всему Карельскому уезду. В течение полугода шведская армия безуспешно осаждала крохотную крепость. Героические защитники Корелы отбили все нападения врага. Они несли потери, голодали, болели цингой. Но никто не помышлял о сдаче.

К февралю 1611 года из двух тысяч ратников в живых осталось около ста человек. Чтобы сохранить население города и остатки гарнизона от полного уничтожения, воевода Пушкин вступил в переговоры с Делагарди. Шведы отвергли предложенные им условия сдачи. Тогда защитники Корелы пригрозили, что взорвут крепость. Они добились почетных условий капитуляции. 2 марта воевода с уцелевшими людьми покинул крепость и ушел в Орешек. Население захватило с собой имущество. Пушкин увез в обозе воеводский архив.

Предоставив недолгий отдых своим войскам, Делагарди напал на Орешек. Последовал кровопролитный штурм. Русские отразили все вражеские атаки и одержали победу. Трупы шведских солдат на десяти возах увезли в Выборг. Погибших наемников, подданных других европейских стран, Делагарди велел оттащить к проруби и спустить под лед.

Жестокая завоевательная война против России, развязанная Швецией, не принесла легкого успеха захватчикам. Королю Карлу IX пришлось прибегнуть к дипломатическим средствам, чтобы облегчить задачу своим полководцам. Шведский король слал одно за другим «дружеские» послания московским и новгородским чинам. Письма короля были лживыми от начала до конца. Секретной инструкцией Карл IX предписал Делагарди без промедления нанести удар по Новгороду и занять его.

«Дружеские» обращения шведского короля внушили большие надежды Ляпунову, не искушенному в тайнах дипломатической игры. Руководитель ополчения слал в Новгород гонца за гонцом. Он просил новгородцев как можно скорее договориться с Делагарди об отправке в Москву шведского вспомогательного войска.

Новгородцы отбили нападение крупного литовского отряда. Но война лишь началась. Можно было ждать удара сразу с нескольких направлений: из Ливонии, из Литвы и из-под Смоленска. Готовясь к длительной борьбе с Сигизмундом III, Новгород волей-неволей должен был позаботиться об обеспечении тыла. Мир и союз со Швецией казались лучшим выходом из положения.

В марте король Карл IX обратился к новгородцам с новым универсалом, обещая им союз и помощь против польско-литовских войск. Наступившая распутица благоприятствовала обману. Делагарди не смог выполнить приказ о нападении на Новгород. Его пятитысячная рать застряла в Ижорском погосте. В поисках продовольствия и фуража солдаты разграбили всю округу.

Подталкиваемые с двух сторон – из Москвы и Стокгольма, – новгородцы в конце апреле прислали в шведский лагерь послов «с полной формулой соглашения». Послы добивались подтверждения союзного договора между Россией и Швецией и возобновления совместных военных действий против Речи Посполитой. Они просили Делагарди очистить их владения и помочь изгнать бывших тушинцев из Ивангорода и некоторых других крепостей. В качестве платы за союз и военную помощь новгородские власти – митрополит Исидор, воевода князь Одоевский, дворяне и всяких чинов люди – соглашались уступить Карлу IX «за почесть» несколько заневских погостов.

Ляпунов не получил своевременной и точной информации о действиях шведов и не оценил угрозы, таившейся в их вторжении. Придерживаясь линии на союз со Швецией, он направил для переговоров со шведами Василия Бутурлина. Воевода Бутурлин хорошо знал Делагарди и поддерживал с ним дружбу еще в те

времена, когда шведы помогли Скопину освободить Москву. Земский совет отводил Бутурлину роль нового Скопина. Воевода должен был вторично привести союзное войско Делагарди на выручку русской столицы.

Бутурлин категорически отвергал соглашение с Сигизмундом III. С поляками у него были особые счеты. Будучи ранен в битве под Клушином, воевода перенес немалые испытания в плену. По возвращении в Москву он принял участие в патриотическом движении. За это Гонсевский арестовал его и вздернул на дыбу. С большим трудом Бутурлину удалось бежать и присоединиться к ополчению Ляпунова.

Земский совет повторил ошибку Василия Шуйского. Уповая на то, что шведы помогут освободить Москву, вожди ополчения проявили готовность пойти на территориальные жертвы. Они предполагали расплатиться со Швецией пограничными новгородскими землями. Тем самым они немедленно восстановили против себя новгородцев. Еще недавно Новгород собирал силы в помощь подмосковному ополчению. Теперь их отношения омрачились взаимным непониманием и недоверием. Новгородцы категорически отвергли предложения Ляпунова, которые грозили взломать их древние рубежи. Бутурлин так и не сумел договориться с ними об общей линии на предстоящих переговорах со шведами. Как только кончилась весенняя распутица, Делагарди предпринял наступление на Новгород. 2 июня 1611 года его армия вплотную подошла к стенам волховской крепости. Четыре дня спустя в шатер шведского главнокомандующего явились Василий Бутурлин и представители Новгородской земли. Первым держал речь Бутурлин. От имени всей земли он просил давнего друга Делагарди, чтобы тот не мешкая шел в Москву против поляков, потому что Сигизмунд III вскоре без сомнения приступит к столице с крупными силами. Новгородские послы поддержали просьбу московского посла. Они заверили шведа, что готовы заплатить наемникам часть денег и передать им на время в залог одну из пограничных крепостей. Нетерпеливый Бутурлин не дал новгородцам закончить речь. Он резко перебил их и спросил Делагарди, какие земли нужны его королю.

Воспользовавшись промахом Бутурлина, шведы тут же предъявили Новгороду заведомо неприемлемые условия. Помимо Корелы, Делагарди потребовал уступки Ладоги, Орешка, Ивангорода, Яма, Копорья и Гдова. «Лучше умереть на родной земле, – с достоинством отвечали новгородские послы, – чем поступиться всеми пограничными замками».

Бутурлин вел рискованную игру. Он установил с Делагарди

доверительные отношения и присвоил себе право говорить с ним от имени всех новгородцев. Оставшись наедине с прежним приятелем, московский посол под большим секретом сообщил ему о затаенном желании новгородцев призвать на московский трон шведского принца. «Нет сомнения, – добавил он, – что и все московские чины согласятся с этим, если Карл IX сохранит им православную веру». Посулы насчет избрания шведского принца должны были сделать «союзника» более сговорчивым. Опытный дипломат, Делагарди не верил своим ушам. Теперь он не скупился на знаки дружбы по отношению к посланцу ополчения, потчевал его на пирах как желанного гостя.

Переговоры в шведском лагере обернулись тяжелым дипломатическим поражением. Король Карл IX получил то, чего давно домогался. Неофициальное предложение насчет передачи царского трона шведскому принцу развязало ему руки. Делагарди использовал секретную информацию Бутурлина как главный козырь в дальнейших переговорах с Ляпуновым. Не теряя времени, шведские гонцы выехали в Москву.

16 июня Ляпунов направил Бутурлину новые инструкции. Он приказал довести переговоры со шведами до конца и в случае крайней нужды разрешил предложить королю в виде залога Орешек и Ладогу. Насчет будущих династических переговоров Ляпунов мимоходом заметил: «Об условиях избрания шведского принца великим князем мы непосредственно договоримся с господином Яковом Делагарди здесь».

После отъезда гонцов вопрос о шведской кандидатуре на трон был передан на обсуждение Земского собора. К тому времени военное положение под Москвой ухудшилось. Войска Яна Сапеги завязали бои с отрядами ополчения в западных предместьях столицы. Члены собора опасались того, что неприятель перебросит к Москве силы, высвободившиеся после падения Смоленска.

Дьяки представили на рассмотрение Совета земли перевод писем Карла IX и Делагарди, а также отписки Бутурлина. Медоточивые заявления короля произвели на присутствовавших впечатление. Однако многие патриоты решительно восстали против шведского проекта. Они резонно указывали на то, что слова шведского короля решительно расходятся с его делами, и высказывались против любых переговоров насчет шведского королевича. Ляпунов все еще надеялся на шведскую военную помощь и поэтому настоял на принятии осторожного решения. Соборные чины решили послать в Швецию послов для переговоров об избрании шведского королевича. Перед тем как разойтись, они скрепили подписями соборный приговор.

Делагарди тешил новгородцев разговорами о близком слиянии Швеции и России в неразрывный союз. Ляпунову он обещал военную помощь. А сам тем временем стягивал силы для захвата Новгорода. Ситуация ухудшалась с минуты на минуту. Шведы разбили свои станы подле самого города. Каждый день в их лагерь прибывали подкрепления. Враждебные намерения иноземных войск становились все более очевидными. Шведские фуражиры рыскали в окрестностях Новгорода, забирая все, что попадалось под руку. Спасаясь от грабежа и насилий, жители массой бежали под защиту крепостных стен. Народ требовал организации отпора интервентам.

Бутурлин поспешил сообщить Делагарди насчет решения Земского собора в Москве. Он вновь и вновь просил назвать время выступления в московский поход. Наконец пелена упала с его глаз. Пока Делагарди действовал с помощью силы, он достиг немногого. Мирные переговоры позволили ему внести раскол в ряды русских и ослабить их волю к сопротивлению. Делагарди видел, что плод созрел, и сбросил маску миролюбия.

Когда Бутурлин убедился в том, что его жестоко провели, он ультимативно потребовал, чтобы Делагарди отвел свои войска от стен Новгорода. Шведы высокомерно отклонили его ультиматум. Осознав опасность, Бутурлин не побоялся нарушить инструкции Ляпунова и стал вооружаться для борьбы с захватчиками. Его стрельцы сожгли деревянные постройки на посаде, мешавшие орудийному огню с крепостных стен. Увы, Бутурлин прозрел слишком поздно. Он так долго вел дело с Делагарди за спиной новгородцев, что те утратили к нему всякое доверие. Патриоты подозревали его в измене.

Многолетняя гражданская война давно расколола русское общество. В Новгороде находилось множество псковских дворян и лучших людей, изгнанных из своего города восставшим народом. Власть имущие опасались, как бы в обстановке войны в Новгороде не повторились псковские события. Низы волновались и настаивали на решительной борьбе с захватчиками. Верхи считали более надежным путь соглашения. Новгородские купцы ездили в шведский лагерь с товарами почти что до того дня, как заговорили пушки. Когда стрельцы сожгли предместья, это вызвало ропот – «молву великую» в среде состоятельных горожан.

Шведские солдаты рыскали в пригородных слободах. Патриоты решили проучить их. Они собрали добровольцев и произвели вылазку. Сил оказалось немного, да и руководство было не на высоте. Шведы одержали верх. Многие новгородские ратники замертво полегли на поле боя. Прочие отступили в крепость. Неудача усугубила разлад, царивший в городе.

Главный воевода боярин Одоевский созвал совет с участием дворян и церковных властей. Мнения на совете разделились. Одни требовали принятия энергичных военных мер и организации отпора врагу. Другие ссылались на приговор земского ополчения и предлагали добиваться соглашения со шведами. Одоевский и церковники склонялись в пользу умеренной партии. Совет разошелся, так и не приняв решения.

К середине июня 1611 года Делагарди завершил последние приготовления к штурму. Он знал, чем воспламенить сердца своих ландскнехтов. Солдатам была обещана богатая добыча в Новгороде. За день до штурма Делагарди предпринял ложный маневр. На глазах у горожан шведские эскадроны проследовали к берегу Волхова по направлению к юговосточной оконечности крепости. Туда же его солдаты пригнали лодки со всего Волхова. На рассвете 16 июля шведы провели отвлекающую атаку с юго-востока. Привлеченные выстрелами и шумом новгородцы со всех сторон бежали к башням, подвергшимся нападению. Тем временем Делагарди нанес удар с противоположной стороны. В утренней мгле наемники подобрались к воротам и пытались выбить их с помощью тарана. Шотландцы и англичане орудовали с петардой возле соседних ворот. Шведы карабкались на вал на всем пространстве между воротами. Новгородцы отбили их натиск и выстрелами отогнали врагов от ворот. Но шведам помогли предатели. Один из них привел врага к воротам, никем не охраняемым. Он ужом на брюхе пролез по разбитой колесами дороге под ворота и успел отпереть их изнутри. Шведская конница через распахнутые ворота вступила в город. Русские отступили по валу к башням и еще длительное время вели оттуда огонь. Но шведские войска уже проникли далеко вглубь крепости. В ходе боя в восточной части города начался пожар. Население бросилось бежать и запрудило улицы. Воеводы не могли более руководить боем. Ратные люди смешались с мирным населением в бегущем потоке.

С диким озлоблением наемники кололи и резали всех, кто попадался им по пути. Бой еще кипел вовсю, а они уже бросились грабить дома. Оказавшись разъединенными, части гарнизона в разных местах пытались остановить натиск. Народная память сохранила имена отважных командиров: стрелецкого головы Василия Гаютина, Василия Орлова, атамана Тимофея Шарова. Они предпочли смерть плену. Дьяк Афиноген Голенищев, посланец земского ополчения, не выпускал оружия из рук до последнего вздоха. Мирное население помогало воинам. Шведам долго не удавалось овладеть стоявшим на перекрестке двором, где засел протопоп Амос с посадскими людьми. Шведы пытались

принудить их к сдаче, обещали жизнь. Новгородцы отвечали выстрелами. Тогда солдаты сожгли двор вместе со всеми его защитниками.

На площади возле волховского моста находилась ставка земского воеводы Василия Бутурлина. Шведы встретили тут наибольшее сопротивление. Казаки и ратные люди бились с неприятелем, не щадя живота. Шведы пытались окружить отряд Бутурлина. Тогда Бутурлин прорвался на волховский мост и ушел на Торговую сторону. Следуя за ним по пятам, на мост вступили вражеские солдаты.

Шведы овладели внешними крепостными стенами города на Софийской стороне. Они добились успеха, но до победы им было еще далеко. Русские боевые знамена реяли над стенами кремля, неприступной цитадели в центре города. Замок обладал несравненно более мощной системой укреплений, нежели внешний город. Он был окружен глубоким рвом и подъемными мостами. Его высокие башни и стены были снабжены множеством пушек. Кремль господствовал над всем городом. Штурмовать его без осадной артиллерии было безумием. Однако новгородская цитадель оказалась абсолютно не подготовленной к осаде. Шведы были буквально ошеломлены, когда несколько позже они обшарили весь кремль и не нашли там даже малых запасов провианта и пороха.

Новгородцы допустили роковой просчет в оценке сил противника. Они помнили о клушинском поражении Делагарди, когда его армия была наголову разгромлена поляками. Они не забыли о том, что Делагарди полгода осаждал Корелу и потерпел двукратную неудачу под стенами Орешка. У шведского генерала не было ни достаточного количества пушек, ни достаточного числа солдат. Русское командование не сомневалось в том, что врагу не удастся прорвать городские укрепления. Неоправданная самоуверенность сменилась паникой и растерянностью, когда шведы в течение дня овладели внешним оборонительным поясом.

Князь Одоевский созвал военный совет в осажденном кремле. Донесения дьяков и воевод обнаружили неутешительную картину. После боя много ратников отступило в кремль. Еще больше тут собралось мирных жителей, спасавшихся от врагов. Кормить их было нечем. Кремлевские житницы пустовали. Молчали крепостные орудия из-за того, что не было пороха.

Под влиянием панических настроений военный совет вынес решение о прекращении борьбы и призвании на «Новгородское государство» шведского принца. После многократных совещаний с митрополитом Исидором, дворянами и лучшими людьми главный воевода князь Одоевский выслал к шведам своего

представителя и объявил им о принятом новгородцами решении. Делагарди ввел в неприступную цитадель полк королевской лейб-гвардии.

За две недели до падения Новгорода туда прибыл гонец из-под Москвы. Он привез грамоту земского ополчения относительно продолжения переговоров со шведами и условий избрания на царство шведского принца. Новгородский митрополит Исидор и воеводы пытались использовать этот факт для оправдания своих действий. Они утверждали, будто подписали соглашение относительно избрания в цари шведского принца, следуя воле всей земли. Однако их оправдания не заслуживали доверия.

Приговор подмосковного Земского собора попал в руки к шведам, и они сделали его дословный перевод. «Все чины Московского государства, – значилось в этом переводе, – признали старшего сына короля Карла IX достойным избрания великим князем и государем Московской земли». Признание шведского принца достойным кандидатом в цари конечно же не было равнозначно его избранию.

Заключая соглашение с Делагарди, новгородские верхи взяли на себя инициативу и ответственность за провозглашение шведского претендента русским царем. Главный пункт новгородско-шведского договора гласил: «Митрополит Исидор и священный собор, боярин князь Одоевский, воеводы, князья, бояре, купцы, крестьяне избрали шведского принца в цари и великие князья над Новгородским княжеством, а также над Владимирским и Московским, если последние пожелают присоединиться к Новгородскому княжеству». Образованное под эгидой безымянного шведского принца «Новгородское государство» фактически отделилось от России. Номинальным главой «государства» стал потомок удельных князей боярин князь Одоевский. Правители Новгородского княжества знали о близившейся решающей битве за освобождение Москвы. Но они и не подумали включить в договор со шведами пункт о посылке вспомогательного войска на помощь земским людям. Фактически Новгород порвал с земским освободительным движением.

Одоевский сдал кремль, не получив от шведов никаких гарантий территориальной целостности «Новгородского государства». Более того, его правительство предало города, которые с оружием в руках продолжали борьбу с иноземными захватчиками.

Земский отряд Бутурлина отступил с Торговой стороны на Бронницу и попытался продолжать борьбу. В ответ на призыв воевод в их лагерь стали стекаться уездные дворяне и ратные

люди. Однако когда Одоевский пообещал, что под властью шведского «царя» все помещики сохранят в неприкосновенности свои земли, те покинули Бутурлина один за другим и вместе с новгородцами принесли присягу безымянному шведскому претенденту. Покинутый дворянами, Бутурлин ушел к Москве.

Карлу IX не довелось насладиться плодами своего успеха. Он прожил три месяца после покорения Новгорода. Шведский трон перешел к его наследнику – семнадцатилетнему Густаву Адольфу. Сын продолжал двуличную политику отца в отношении России. Заявляя повсюду о своем миролюбии и заботе о благе русских, Густав Адольф вел дело к расчленению России и закреплению за Швецией Новгорода и Пскова.

Кровавая гражданская война истощила силы русского народа, подорвала мощь вооруженных сил. Враги захватили два ее крупнейших города – Новгород и Смоленск – главные пункты обороны западных и северных границ. Они утвердились в Москве. Подорванное изнутри Русское государство оказалось в смертельной опасности.

Кузьма Минин совсем недавно вместе с другими нижегородцами участвовал в подготовке земского ополчения. Без помощи посада местные воеводы не смогли бы быстро снарядить и послать на выручку Москвы воинских людей. Кузьма горячо верил, что усилия всей земли приведут к немедленному успеху. О своей будущей миссии он не догадывался и пока что играл более чем скромную роль. Напротив, Дмитрий Пожарский с первых дней освободительной борьбы стал одним из главных ее вождей. В земском ополчении он мог занять место подле Ляпунова. Но судьба распорядилась иначе.

Глава 18
ЛЯПУНОВ

Московское восстание привело к большим переменам в положении руководителей Боярской думы. Баррикады провели глубокую разграничительную черту между боярским правительством и народом. Семибоярщина теперь напоминала голову, отделенную от туловища. Круг ее сторонников постоянно сужался. Что ни день, из Кремля в ополчение бежали дворяне, стрельцы, подьячие.

Тем временем набирала силу новая власть, возникшая в повстанческом лагере.

В апреле 1611 года Ляпунов, Заруцкий и прочие воеводы ополчения провели присягу в полках. Это наполняло борьбу высшим смыслом. Ратные люди принимали на себя торжественное обязательство:

– стоять заодно с городами против короля, королевича и тех, кто с ними столковался;

– очистить Московское государство от польских и литовских людей;

– не подчиняться указам бояр с Москвы, а служить государю, который будет избран всей землей.

Обстановка вынуждала земских людей сосредоточить усилия на решении военных вопросов. Без возрождения вооруженных сил невозможно было очистить страну от иноземных завоевателей и возродить государственность. Первым делом земские воеводы объявили об общей мобилизации дворянского ополчения и предписали всем дворянам прибыть в осадный лагерь под Москву к маю 1611 года. Всем, кто уклонялся от земской службы, грозила немедленная конфискация земельных владений.

Власть в ополчении осуществлял постоянно действующий Земский собор, получивший наименование Совета всей земли. Собор выделил из своего состава комиссию, по привычке называвшуюся боярской. С первых дней осады дела в ополчении решались «по боярскому и всей земли приговору». В действительности прирожденных бояр в ополчении было немного, а из всех членов думы наибольшим влиянием пользовался думный дворянин Прокофий Ляпунов, личность яркая и незаурядная. Встав во главе освободительного движения, Ляпунов приобрел большую популярность. Города и частные лица чаще всего обращались за решением неотложных дел именно к нему.

Не позднее мая Земский собор приступил к реформе, призванной покончить с неразберихой в высшем руководстве. После долгих обсуждений Совет земли решил сосредоточить власть в руках своего рода «чрезвычайной тройки». Помимо Ляпунова, в нее вошел Дмитрий Трубецкой.

Выбор третьего члена комиссии представлял наибольшие трудности. На этот пост могли претендовать вожди дворянских замосковных отрядов, получившие думные чины на московской службе. Но Ляпунов избрал в сотоварищи не их, а вождя казацких отрядов Заруцкого. Боярин из безродных казаков – такого еще не видывала Русь. Признав за Заруцким боярский чин, Совет земли тем самым признал казаков равноправными участниками ополчения.

Образование триумвирата скрепило союз между земскими дворянами и верхушкой казачьих таборов.

На протяжении апреля—мая Совет земли принял много различных постановлений. 30 июня 1611 года собор утвердил обширный приговор, включавший как старые решения, так и новые узаконения. Текст приговора скрепили служилые люди из 25 городов, включая Ярославль, Владимир, Нижний Новгород. Вместе с дворянами документ подписали атаманы и представители рядовых казаков из разных полков. За неграмотного Заруцкого расписался не его тушинский соратник Трубецкой, а сам Ляпунов.

Новый приговор стал своего рода земской конституцией и одновременно наказом для тройки и руководством к действию.

Члены комиссии не получили от собора никаких привилегий. Им положен был боярский земельный оклад традиционного размера, как при «прежних прирожденных государях». Излишние богатства, полученные от самозванца, подлежали общему разделу.

Члены комиссии не могли решать самые важные государственные дела, а также выносить смертные приговоры без согласия Совета земли. Их полномочия носили временный характер. Собор имел право в любой момент заменить любого члена боярской комиссии другим лицом, «кто будет более к земскому делу пригодится».

Земская конституция 1611 года показала, что в России народилось новое, невиданное прежде правительство, не стесненное опекой Боярской думы и священного собора и подотчетное лишь сословным представителям. Члены комиссии получили полномочия «промышлять» ратными и прочими делами, а главное – «строить землю». Для осуществления правительственных функций при них были образованы органы

приказного управления – Поместный, Разрядный и прочие приказы. Укомплектовать их удалось сравнительно легко. В Кремле располагались старые благоустроенные здания приказов. Но, как доносили боярам дьяки, в их приказах «ныне стоят польские и литовские люди, а подьячие все в воровских полках». Новые приказы располагались сравнительно недалеко от старых, по другую сторону кремлевских стен. Земские приказные ютились кто в тесных жилых избах, кто в землянках. У них не хватало самого простого инвентаря – столов, лавок, бумаги, чернил. Но трудности не смущали представителей новой власти. Подле входа в неудобные, убогие помещения всегда толпился народ. Жизнь била тут ключом.

Гражданская война расколола верхи общества. Члены одних и тех же родов нередко оказывались в разных станах. На Земском соборе первостатейной знати было немного, и ее голос звучал слабо.

В русской истории соборы возникли как расширенные совещания при Боярской думе и священном соборе. Дума и представители высшего духовенства имели решающий голос во всех соборных делах. Совет земли появился на гребне освободительного движения, а потому он не включал ни официальное боярское руководство, ни князей церкви. Впервые большинство на Земском соборе принадлежало не боярам и столичной знати, а провинциальным дворянам и их союзникам из народа.

Доставшуюся им власть мелкое дворянство использовало прежде всего для того, чтобы разрешить в свою пользу земельный вопрос. В годы реформ Ивана Грозного дворянские публицисты неоднократно выступали с проектами «землемерия» – более равномерного распределения земель внутри феодального сословия. В 1611 году дворяне могли надеяться на осуществление своих давних желаний.

Раздел о землях занимал центральное место в земской конституции 30 июня 1611 года. Земский собор четко и бесповоротно решил отобрать огромные земельные богатства у членов боярского правительства и поддерживавшей его столичной знати. «А которые до сих пор сидят на Москве с литвой, – было записано в приговоре, – а в полки не едут своим воровством, и тем поместий и вотчин не отдавать». В случае выполнения земской программы не только материальное благополучие, но и политическое господство верхов боярской аристократии было бы подорвано раз и навсегда. Конфискованные родовые вотчины не должны были перейти в руки младших отпрысков боярских фамилий, участвовавших в

земском движении. Земский собор разрешил им лишь получить оклад из поместных владений родичей бояр, которые «воруют на Москве с литвой».

Конфискованные у аристократии земли предполагалось передать разоренной служилой мелкоте, участникам освободительной борьбы. Земский собор постановил «испоместити наперед дворян и детей боярских бедных, разоренных, беспоместных». Никто не вправе был требовать своей доли, «покаместа бедных и разоренных всех не поместят». Первыми землю должны были получить служилые люди захваченных пограничных уездов, жертвы «литовского разорения».

Земская конституция поставила вне закона изменных бояр, что молчаливо предрешило судьбу местничества. Назначение казачьего боярина Заруцкого членом комиссии грозило стать первой ступенькой на пути к упразднению местнической системы.

В основе земельных решений собора лежали челобитные грамоты земских дворян. Те же самые грамоты пестрели жалобами на своз и бегство крестьян. Следуя воле дворянства, Совет земли подтвердил незыблемость порядка, сложившегося после отмены Юрьева дня. Сыску и возврату помещикам подлежали крестьяне, свезенные из поместья в поместье, а также крестьяне и холопы, сбежавшие в города. Боярских холопов и крепостных, служивших в рядах земского ополчения, собор молчаливо признавал свободными людьми. О возврате их прежним господам не было и речи.

Нелегкими были пути Прокофия Ляпунова, самого выдающегося из дворянских вождей ополчения. Но в его судьбе очень точно отразилась судьба мелкого российского дворянства, история его колебаний, взлетов и падений в период Смуты. Собственный опыт все больше убеждал Ляпунова, что борьба с семибоярщиной и чужеземными завоевателями приведет к успеху лишь в том случае, если земское дворянство сможет опереться на поддержку более широких слоев населения, включая вольное казачество. В своих обращениях к казанскому посаду глава ополчения развивал грандиозные планы, касавшиеся казачьих окраин. Пусть казанцы, наказывал он, напишут от имени всей земли атаманам и казакам, живущим на Волге и на «запольских реках». Надо, чтобы все вольные казаки выступили на помощь к Москве, где их ждут жалованье, порох и свинец. «А которые боярские люди крепостные и старинные, – писал Ляпунов, – и те б шли без всякого сомнения и боязни: всем им воля и жалованье будет, как и иным казакам. А бояре и воеводы и вся земля по общему приговору выдадут им грамоты». Ляпунов понимал, что

есть только одно средство поднять против боярского правительства вольные казачьи окраины. Он сулил долгожданную свободу всем казакам, будь то вчерашние холопы или крепостные крестьяне. Пламенные призывы находили отклик в душах людей, бежавших на Волгу и Дон от крепостного гнета.

Приговор 30 июня 1611 года призван был удовлетворить интересы преимущественно казачьих верхов и давно служивших казаков. Земская конституция гарантировала атаманам и «старым казакам» по выбору либо небольшой поместный оклад, либо хлебное и денежное жалованье. Недавних холопов и прочий люд, пополнивший отряды ополчения ко времени осады Москвы, собор рассматривал как «молодых» казаков. На них привилегии служилого сословия не распространялись.

Когда города снаряжали ополчение в поход, считалось само собой разумеющимся, что шапку Мономаха следует отдать истинно православному русскому человеку. Общее настроение очень четко выразил игумен влиятельного Соловецкого монастыря. «Земля наша, – писал он в ответ на шведский запрос, – единомышленно хочет выбрать царя из прирожденных своих бояр, а из иных земель иноверцев никого не хотят».

С начала боев ополчения за Москву земским людям волей-неволей пришлось пересмотреть свои взгляды насчет престолонаследия. Все «великие» прирожденные бояре, среди которых только и можно было найти кандидата на трон, сидели в осаде с «литвой» и не помышляли о переходе на сторону земского освободительного движения. Надежды на соглашение с боярами испарились окончательно. В голову невольно закрадывалось сомнение. Неужто земские люди проливали свою кровь лишь для того, чтобы передать корону пособникам жестокого врага?

Царское избрание наталкивалось на множество препятствий. Едва члены собора принимались обсуждать конкретные кандидатуры, среди земских дворян вспыхивали яростные разногласия. Чтобы избежать раскола, Совет земли постановил начать переговоры со Швецией. Сподвижник Ляпунова Бутурлин четко объяснил шведам возникшую ситуацию. «Мы на опыте своем убедились, – сказал он, – что сама судьба Московии не благоволит к русскому по крови царю, который не в силах справиться с соперничеством бояр, так как никто из вельмож не согласится признать другого достойным высокого царского сана».

Постановление насчет возможного избрания шведского королевича основательно подорвало репутацию Ляпунова и навлекло на него негодование казаков и московского черного люда. Страна не успела избавиться от одного иноверца, как ей навязывали другого. В ополчении начался разброд. Люди, много

лет служившие под знаменами Дмитрия, теперь не прочь были противопоставить шведскому еретику православного «царевича», находившегося под рукой в Коломне. Заруцкий исподтишка поддерживал их. Его не покидала надежда на то, что трон в конце концов достанется калужскому царенку. Любовник Марины вполне мог рассчитывать на пост правителя при ее малолетнем сыне. Некогда удалой казак Ивашка Заруцкий женился на «девке», которая была ему ровней во всех отношениях… Получив боярский чин, атаман стал подумывать о том, чтобы приискать себе знатную супругу. При первом же удобном случае Заруцкий порвал с опостылевшей женой и затворил ее в монастырь. Своего сына он тут же пристроил ко двору Марины Мнишек в Коломне. Недоброжелатели атамана пустили слух, будто он хочет жениться на Мнишек и вместе с нею занять трон.

Бояре и патриарх внимательно следили за всем, что происходило в недрах ополчения. Едва опальный Гермоген проведал об агитации Заруцкого в пользу «воренка», он немедленно разразился обличением. В грамоте к нижегородцам патриарх заклинал паству не желать на царство «проклятого паньина Маринкина сына» и отвергнуть его, если казаки выберут его на царство «своим произволом».

Ляпунов первым осознал необходимость объединения всех патриотических сил. Его имя стало олицетворением национального единства. Но ему не удалось преодолеть недоверие казаков, и он не сумел сплотить дворянский лагерь. Земская знать, не скрывая, выражала недовольство по поводу власти, доставшейся неродовитому думному дворянину. Как писал позже столичный летописец, «Ляпунов не по своей мере вознесся и гордость взял, много отцовским детям позору и бесчестья делал, не только боярским детям, но и самим боярам». Человек гордый и крутой, Ляпунов в самом деле не выказывал почтения к знати. Те, кто приходил к нему на прием, простаивали подле крыльца по многу часов, ожидая своей очереди.

Многие пункты конституции 30 июня решительно не удовлетворили родовитых дворян. Не желая мириться со своим поражением на Земском соборе, они составили заговор с целью свержения Ляпунова. Осведомленные современники говорили об этом с полной категоричностью. Князь Дмитрий Пожарский писал, что Ляпунов был убит «по Иванову заводу Шереметева». По некоторым известиям, в сговоре с Шереметевым были тушинцы Григорий Шаховской, Иван Засекин и Иван Плещеев. Этих людей хорошо знали в казачьих таборах. К их голосу прислушивались. Заговорщики использовали свое влияние, чтобы расправиться с Ляпуновым чужими руками.

С первых дней осады Москвы земское правительство сталкивалось с большими трудностями, пытаясь наладить снабжение армии продовольствием. Подмосковье было разорено дотла, и найти провиант оказалось делом хлопотным. Каждый воевода обеспечивал свой отряд как мог. Ляпунов посылал дворян на воеводство в города и местечки. Заруцкий ставил казаков для прокорма («на приставства») в черные и дворцовые волости. Совет земли поручил триумвирам организовать регулярный сбор кормов. Казачьи атаманы получили приказ свести своих людей с кормлений. Сбор провианта в волостях возлагался на «добрых дворян».

Богатые дворяне получали продовольствие из своих поместий. Бедные служилые люди потуже затягивали пояса, когда происходила заминка с подвозом хлеба. Казаки оказались в наихудшем положении после того, как власти запретили им самостоятельно заготовлять корм. В Подмосковье появились «разбои». Течение, увлекая мощный водяной поток, поднимает со дна ил. Нечто подобное наблюдалось и в земском движении. Казаки грабили население. «Разбои» наносили огромный ущерб земскому ополчению. Шедшие из провинции обозы не доходили до места назначения. Шайки разбойников захватывали их в пути.

Воеводы пытались жестокими мерами пресечь грабежи. Тушинский боярин Матвей Плещеев, расположившийся с отрядом в Николо-Угрешском монастыре, приказал утопить 28 казаков, пойманных с поличным. Кто-то успел дать знать атаманам, и те отбили осужденных на казнь. Казаки собрали круг и опротестовали действия Плещеева. По их инициативе Земский собор строго-настрого запретил воеводам казнить кого бы то ни было без приговора всей земли.

Ляпунов неоднократно призывал в Разрядную избу Заруцкого и Просовецкого и совещался с ними, как бы прекратить самочинные реквизиции. Атаманы много раз собирали войсковой круг и наконец заручились приговором насчет прекращения грабежей и самовольных поездок в села. Земское руководство без труда навело бы порядок в полках, если бы ему удалось наладить правильное снабжение. Но эта задача так и не была решена. В отчаянии Ляпунов грозил местным властям, что отступится «от земского промысла», если не прекратится общая неразбериха. Но его слова мало на кого действовали. Вскоре земские воеводы официально известили провинцию о том, что служилые люди, стрельцы и казаки непрестанно бьют им челом о денежном жалованье и корме, «а дать им нечего». К июлю положение дел приобрело столь дурной оборот, что глава Троице-Сергиева монастыря по просьбе воевод обратился к городам с отчаянным

призывом. Помогите ополчению людьми и казной, писали монахи, чтобы ныне собранное под Москвой православное воинство «скудости ради не разошлося».

Нехватка продовольствия и нужда усилили брожение в таборах. Ляпунов энергично преследовал самочинные реквизиции, но снабжение армии не улучшалось. Трудностями ополчения решили воспользоваться враги Ляпунова.

Однажды в земский лагерь было привезено письмо, составленное от имени Ляпунова. Письмо предписывало городским властям ради пресечения разбоя хватать повсюду казаков-воров и побивать их на месте либо присылать под Москву. Когда содержание грамоты предали гласности, в таборах поднялась буря. Казаки спешно собрали круг и потребовали думного дворянина к ответу. В шатер воеводы явился атаман Сергей Карамышев. Ляпунов, не чувствуя за собой вины, отклонил приглашение казачьего войска. Тогда круг направил в ставку двух детей боярских, Сильвестра Толстого и Юрия Потемкина. Те поручились, что войско не причинит воеводе никакого вреда. Поверив им, Ляпунов отправился к казакам и принялся кричать на них. «Изменнику» предъявили грамоту, скрепленную его собственной рукой. Внимательно осмотрев подпись, воевода не слишком уверенно промолвил: «Походит на мою руку, только я не писывал». Его слова потонули в общем шуме. Казаки обнажили оружие и требовали покончить с «изменником». Среди общего смятения атаман Карамышев бросился на Ляпунова и полоснул его саблей. Тот упал на землю, обливаясь кровью. Стоявшие подле дворяне подались прочь. Один Иван Ржевский проявил присутствие духа. Он был великим недругом правителю, но его возмутил самосуд. Ржевский закричал, что земского воеводу убивают без причины – «за посмех». Под горячую руку казаки зарубили и Ржевского, после чего бросились в ставку Ляпунова и разнесли в щепы Разрядную избу.

Три дня изрубленные трупы Ляпунова и Ржевского валялись в поле подле острожка. Тучи мух вились над ними. По ночам их терзали бездомные псы, стаями бродившие по пожарищу. На четвертый день тела бросили в телегу и отвезли в ближайшую церковь на Воронцовском поле. Оттуда убитых переправили в Троице-Сергиев монастырь и там предали земле без всяких почестей. Краткая надпись на их каменном надгробии гласила: «Прокофей Ляпунов да Иван Ржевской, убиты 119 году июля в 22 день».

Известие об убийстве Ляпунова произвело тягостное впечатление на патриотов всей страны. Многие высказывали

мысль, что воеводу погубили «начальники» ополчения, составившие заговор с казаками и подделавшие злополучную ляпуновскую грамоту. Одни называли в качестве главы заговора Ивана Шереметева, другие – Заруцкого. Очевидцы гибели Ляпунова были введены в заблуждение.

Правда раскрылась лишь после того, как за перо взялись сотоварищи Гонсевского. Один из них откровенно поведал миру, как Гонсевский, не имея сил одолеть ополчение в открытом бою, решил погубить отважного мужа Ляпунова обманным путем, натравив на него казаков. В распоряжении Гонсевского было много дьяков и писцов, и для них не представляло труда изготовить нужную грамоту насчет истребления всех «воров-казаков». Подпись Ляпунова на документе была ловко подделана. Доставить грамоту в таборы взялся некий атаман Сидорка, побратима которого Гонсевский велел выпустить из плена.

Московский летописец ничего не знал об откровениях польского шляхтича. Но ему было известно, что на круг мнимые листы Ляпунова принес атаман Сидорка Заварзин. Совпадение имени удостоверяет подлинность польской версии.

Находившийся в Кремле Мархоцкий довольно точно описал поведение членов комиссии в момент мятежа. Иван Заруцкий и окружавшие его есаулы так испугались разбушевавшихся казаков, что скрылись. Вопреки подозрениям русских современников ни Заруцкий, ни Шереметев ничего не знали о происхождении злополучной грамоты. Инициатива интриги всецело принадлежала Гонсевскому. Он не только залил кровью московские улицы. Его удар исподтишка едва не развалил неокрепшее земское правительство.

Конституция земской рати предусматривала, что смена членов комиссии осуществляется лишь по решению Совета всей земли. Она грозила суровым наказанием тем, кто составит «скоп» и заговор и кого-нибудь «убьет до смерти по недружбе». Убийцы Ляпунова нарушили постановление земли. Однако совет не осмелился расследовать обстоятельства дела и покарать виновных. Земское правительство обнаружило свое бессилие и все больше упускало власть из своих рук.

Со смертью Ляпунова ополчение лишилось самого авторитетного из своих вождей. Нижегородский посадский мир был потрясен известием о его гибели. В Нижнем находился дворянин Биркин, родня и посланец Ляпунова. Он старался доказать всем, что глава земского правительства стал жертвой гнусного предательства. Вновь горожане, в их числе Кузьма Минин, собирались на сходки, чтобы обсудить тревожные и сбивающие с толка вести. Раненый Пожарский отказывался

верить ушам, когда ему сообщили о трагических событиях в ополчении. То, что случилось, невозможно было объяснить. Вместе с Ляпуновым князь Дмитрий поднял знамя национальной борьбы. Вместе они преодолели трудное начало. Теперь его недавний соратник пал от руки своих же людей. Дело, за которое Пожарский пролил кровь, рушилось на глазах.

Глава 19
ТОЛЬКО ПОБЕДА!

Вожди ополчения опасались, что из Смоленска король поведет свою армию на Москву. На самом же деле Сигизмунд после занятия Смоленска уехал в Польшу. Завершение восточной кампании он намеревался доверить польскому коронному гетману Жолкевскому. Но тот решительно отклонил предложение. Тогда король поручил дело Яну-Каролю Ходкевичу, гетману великого княжества Литовского. Назначение имело особый смысл. Литовские магнаты и шляхта настойчиво требовали себе преимуществ при разделе военной добычи – захваченных смоленских и северских земель. Они домогались, чтобы польская шляхта была лишена прав на смоленские поместья. Со временем Сигизмунд III, следуя их воле, согласился на включение Смоленска в состав великого княжества Литовского.

Гетман Ян Ходкевич стяжал славу одного из лучших полководцев Речи Посполитой. Имея под начальством пять тысяч солдат, он наголову разгромил восьмитысячное шведское войско в Ливонии. Командовавший армией Карл IX едва избежал плена. Летом 1611 года во время свидания с Сигизмундом III Ходкевич внес последние уточнения в планы московской кампании. Помимо немногочисленной, но отборной ливонской армии, король подчинил гетману более тысячи гусар из состава армии, осаждавшей Смоленск. Занятый подготовкой похода, Ходкевич потерял довольно много времени.

Огромное превосходство в артиллерии и первоклассные крепостные укрепления позволили Гонсевскому отразить приступ земской рати. С помощью войск Сапеги он прорвал осадное кольцо. Но в частях гарнизона вскоре вспыхнули волнения. Дисциплина в наемном войске рухнула. Немцы чинили грабежи средь бела дня. Невзирая на нужду в солдатах, Гонсевский принужден был расформировать отряд немецких рейтар, деморализованных мародерством. Покидая Москву, капитан Яков Маржерет и несколько сот его солдат увезли с собой целый обоз с награбленными вещами.

Развал и деморализация коснулись не только наемных войск, но и некоторых членов боярского правительства. 11 сентября 1611 года Михаил Салтыков, Михаил Нагой и Федор Андронов под охраной солдат проскользнули мимо земских острожков и выбрались из столицы на смоленскую дорогу. За рубежом

изменники рассчитывали укрыться от неминуемой расплаты. Мстиславский облегчил им отъезд, наделив их полномочиями «великих послов». Салтыков взялся ускорить приезд в Россию «царя» Владислава.

За Можайском бояре встретили войско Ходкевича, направлявшееся к Москве. Гетман уже мнил себя вершителем судеб Русского государства. Он задержал «послов» и потребовал, чтобы они от имени боярского правительства признали своим царем Сигизмунда III. Предвкушая близкую победу, Ходкевич мечтал о дипломатическом триумфе. Царскую корону он надеялся сложить к ногам короля в качестве военного трофея. Гетман плохо знал страну, в которой ему пришлось воевать. Даже запуганная Гонсевским семибоярщина отказалась выполнить его требования. Ходкевич вернул в Москву Михаила Нагого и Федора Андронова, а прочим послам разрешил продолжать путь. Вслед за боярами в Польшу отбыл бывший патриарх Игнатий. Интервенты рассчитывали низложить Гермогена и передать патриарший сан своему верному приспешнику. Но Игнатий навлек на себя общее презрение, и захватчики не решились осуществить свои замыслы. Салтыков увез с собой множество добра, похищенного из казны. Смоленская дорога была во власти Ходкевича, и боярин благополучно добрался до рубежа. Бывшему патриарху повезло меньше. Едва воинские обозы скрылись вдали, на большую дорогу вышли шиши. Они подстерегли грека и отняли у него все неправедно нажитые богатства. Игнатий лишился не только скарба, но и одежды. В Литву он прибыл едва живым от холода.

Вожди ополчения знали о приближении армии Ходкевича и пытались сломить сопротивление вражеского гарнизона до ее подхода. 15 сентября 1611 года они придвинули к стенам десяток мортир и забросали Китай-город калеными ядрами. Одно из ядер угодило в сарай, набитый сеном. Гонсевский устроил склад с сеном для гусарских лошадей. Над складом взметнулся столб огня. Сильный ветер разнес клочья горящего сена по всему Китай-городу. Не теряя времени, земские ратники бросились на штурм и овладели воротами. Спасаясь от огня, наемники бежали в Кремль. Долгожданная победа была близка, но огонь мешал не только «литве». Пробираясь по горящим улицам, русские воины пытались тушить пожар и оказывали помощь гибнущему населению. Интервенты использовали паузу, чтобы вновь собраться с силами. Пушки с кремлевских стен открыли убийственный огонь по ополченцам. Когда пожар стих, роты сделали вылазку и вытеснили русских из Китай-города. Казачьи таборы не смогли вовремя прийти на помощь своим, потому что Ян Сапега напал на них с тыла.

Много ратных людей пало в битве за Китай-город. Но и неприятель понес ощутимые потери. Его моральный дух был окончательно поколеблен. Казаки Заруцкого снова заняли Новодевичий монастырь и сомкнули вокруг Москвы кольцо блокады. Лишь прибытие Ходкевича спасло интервентов. Литовский гетман нисколько не сомневался в том, что разношерстное и терзаемое внутренними противоречиями ополчение не сможет противостоять его закаленной в боях и превосходно вооруженной армии. Храбрости Ходкевичу было не занимать. Он жаждал генерального сражения. Польсколитовское командование рассчитывало решить исход войны одним ударом. Гетмана вдохновляли воспоминания о недавних блистательных победах его солдат. Но он не учел того, что теперь ему противостоял вооруженный народ. Русские ратники знали, что от их стойкости зависит будущее страны. И они совершили подвиг, которого от них ждала вся земля.

В конце сентября 1611 года Ходкевич разбил лагерь к югу от Москвы. Его силы значительно увеличились после того, как Ян Сапега привел к нему свое войско. В боевом порядке армия Ходкевича прошла мимо Андроньева монастыря и бросилась на штурм казачьего острожка на Яузе. Невзирая на потери, солдаты вновь и вновь взбирались на земляной вал. Гремели выстрелы. Пороховой дым клубами поднимался к небу. Казаки сражались с таким остервенением, что ветераны Ходкевича дрогнули. Когда гетман уразумел, что рискует остаться без армии, он велел трубить отбой. Заруцкий оценил ситуацию и попытался вырвать инициативу из рук противника. Казаки отрезали от главных сил отряд гусарской конницы и загнали его в Яузу. Гусары пытались переплыть реку, но ее берега были топкими и заболоченными. Тяжеловооруженные всадники тонули в трясине вместе с лошадьми.

Ходкевич не достиг ни одной из поставленных целей. Он не смог разбить земское ополчение и отбросить его от стен Москвы. Захватнические планы Сигизмунда III потерпели крушение. Русское освободительное движение одержало крупнейшую победу. Ее последствия давали о себе знать длительное время. Ходкевич оказался бессилен избавить кремлевский гарнизон от осады. Наемники отказывались повиноваться своим командирам и угрожали, что немедленно покинут Москву. Грабежам и насилиям не было конца. Гетман пытался пресечь мародерство в гарнизонных частях. Он примерно наказал нескольких наемников немцев. Но это едва не вызвало бунта. От намерения навести порядок в войсках пришлось отказаться. Ходкевич пополнил московский гарнизон приведенными им самим солдатами и

сапежинцами и довел его численность до двух с половиной тысяч. Части, охваченные волнениями, получили разрешение покинуть Москву и ушли на родину.

Осень давно вступила в свои права. Целыми днями лили холодные дожди. От земли поднимался туман. По ночам почву сковывали заморозки. Близилась зима. Ходкевич предполагал расположить армию в русской столице и предоставить солдатам долгожданный отдых. Но ему пришлось отказаться от осуществления своих планов. Пожар в Китай-городе уничтожил большую часть складов с продовольствием и фуражом. В огне погибли жилые помещения, служившие казармами для солдат. В холод и ненастье Ходкевич увел свою армию в Рогачево и разбил там зимний лагерь. Без славы ушел он от русской столицы. Интервенты начисто разграбили деревни к северу от Москвы и вскоре снарядили для Гонсевского большой обоз. Вместе с партизанами казаки подстерегли конвой и отбили несколько сот возов. В Кремль прорвалась лишь небольшая часть обоза. Блокада обрекла вражеский гарнизон на голод. В Китай-городе на торгу цена на рожь поднялась до трех рублей за четверть. Над Кремлем с громким карканьем вились тучи воронья. Солдаты стреляли ворон и продавали по 15 грошей за штуку. Голодающие подбирали любую падаль и питались ею.

Казалось, русским воинам надо было сделать последнее усилие, чтобы изгнать врага с московской земли. Но ополчение израсходовало все свои силы и ресурсы. Ополченцы нанесли противнику ощутимое поражение, но они заплатили за свой успех высокую цену. Их потери были колоссальными.

Вопреки легендам гибель Ляпунова не привела к повальному бегству дворян из-под Москвы. Даже сын Прокофия счел безопасным для себя остаться в таборах после гибели отца. На протяжении лета в осадный лагерь прибывали и одиночные служилые люди, и крупные отряды дворян. Однако осенью дворяне начали разъезжаться по домам. Поместное ополчение разваливалось на глазах. Испокон веку дворяне сражались конно, людно и оружно. На добром коне и в надежной броне, окруженный боевыми слугами, дворянин на поле брани чувствовал себя господином положения. Холопы прикрывали его своей грудью, кольчуга защищала от вражеских ударов, верный конь спасал от погони. Разорение лишило помещиков былой уверенности. Многие из них растеряли холопов. Не всем удавалось обновить оружие после длительных и жестоких боев. В худом тягиляе, на тощей кляче помещик чувствовал себя легкоуязвимым и беспомощным.

Конституция 30 июня 1611 года обещала благополучие всем

оскудевшим дворянам, принявшим участие в освободительной борьбе. Никто не хотел ждать. Получив грамоту на поместье, служилые люди отправлялись в уезды, чтобы собрать оброки и запастись деньгами. В ноябре 1611 года Разрядный приказ составил список дворян, служивших под начальством боярина Дмитрия Трубецкого. За короткое время список был испещрен пометами об отъезде дворян. Одни уезжали «для ран» – на излечение, другие – «для поместного раздела», третьи – испросив себе отпуск у воевод. Многие помещики покинули ополчение самовольно, без разрешения воевод. Таяло поместное ополчение, и вместе с тем рушился фундамент, на котором зиждилась власть земского дворянского правительства.

Изменилось само лицо Совета всей земли. Погиб Ляпунов, который был душой его. Один за другим покинули сцену его сподвижники из дворянского лагеря. Одни погибли в кровопролитных боях, как окольничий Василий Мосальский. Другие, как окольничий Артемий Измайлов и Андрей Репнин, уехали на воеводство в города. Едва ли отъезд их объяснялся страхом перед казаками. Артемий Измайлов оставил в полках своего сына Василия. Иван Шереметев получил назначение на воеводство в Кострому. Его место в полках тотчас занял его родной брат, стольник Василий.

Поредевшие дворянские отряды держали оборону в западных и северных кварталах столицы. Воевода Мирон Вельяминов со своими ратниками занимал позиции у Тверских ворот. Стольник Исак Погожий с угличанами закрепился на Трубе около Петровки. Бок о бок с ним располагался отряд стольника Измайлова.

Главные позиции земского ополчения находились в восточных кварталах близ Яузских ворот. Казаки разбили тут обширный лагерь. Готовясь к новым сражениям, они окружили лагерь высокими земляными валами. По численности казацкие полки теперь далеко превосходили дворянские отряды. Преобладание казацких элементов в ополчении неизбежно сказалось на составе руководства.

Как самый знатный из земских бояр, князь Дмитрий Трубецкой числился главой ополчения, как и при Ляпунове. Но всеми делами при нем распоряжался вездесущий Заруцкий. Он стал подлинным главой земского правительства. Московские наблюдатели, пережившие земскую осаду, утверждали, будто второй по влиянию фигурой в ополчении стал популярный среди казаков атаман Просовецкий. Был ли он выбран войском или занял место подле Заруцкого в силу своих боевых заслуг, неизвестно. Два атамана во главе земской рати – это было слишком много в глазах дворян. Земский совет все больше

приобретал черты казацкого круга.

Просовецкий требовал решительных действий, которые бы позволили немедленно покончить с врагом. В начале декабря 1611 года атаман повел свои отряды на приступ. Взорвав одни из ворот Китай-города, казаки и ратные люди ворвались в крепость, но были остановлены выстрелами. Гонсевский заблаговременно узнал о русских планах и разместил за воротами батарею из тридцати пушек. Орудия стояли полукругом, ствол к стволу. Казаки шли на приступ, выказывая удаль и молодечество. Но губительный огонь косил их ряд за рядом. Атака захлебнулась в крови.

Неудача повергла в уныние Просовецкого и его сторонников. Распространились слухи о его ссоре с Заруцким. Согласно польской информации Просовецкий будто бы покинул главный лагерь и с тысячей казаков заперся в Симонове монастыре, стоявшем на дороге в Коломенское. Заруцкий с войсками бросился догонять его и принудил к переговорам.

В присутствии всей Москвы Просовецкий заявил, что Заруцкий не достоин того, чтобы командовать столь многочисленным войском, в рядах которого много людей из старых и заслуженных княжеских родов. Раздор между атаманами вызвал волнение черни. Заруцкого будто бы убили, а Просовецкого выбрали на его место.

Поляки считали Заруцкого самым опасным для себя воеводой ополчения и потому охотно поверили слухам о его гибели. Но слухи эти не соответствовали действительности.

Зима вступила в свои права. Поля Подмосковья покрылись глубокими сугробами. Морозы стали подлинной бедой для ополченцев и населения Москвы. Но москвичи проявляли редкую привязанность к родным местам. Они терпели любые невзгоды и не покидали город. На месте прежних домов они выстроили себе будки из досок и землянки. Новые жилища теснились поближе к укрепленным таборам земского ополчения. Как повествовали очевидцы, москвичи – всякие черные люди и торговые и промышленные – жили под Москвой в полках и кормились и держали всякие съестные припасы.

К концу зимы харч в посадских земляных слободах подошел к концу. Не пресловутое казачье «воровство», а неслыханное разорение края явилось причиной того, что в освобожденных кварталах столицы начался голод. Вслед за дворянами потянулись на зимовье в дальние волости казаки. Боевые действия в Москве замерли до весны.

Глава 20
ЛЖЕЦАРЬ МАТЮШКА

Прошло несколько лет с тех пор, как Псковщину охватило пламя гражданской войны. Много драматических событий произошло за это время в Пскове. Меньшие люди в числе первых подняли знамя восстания против царя Василия Шуйского. Весной 1610 года местный воевода при поддержке духовенства, дворян и гостей попытался провести в Пскове присягу на верность Шуйскому. Однако жители призвали на помощь стрельцов и изгнали воеводу. Триста дворян и «лучших» людей бежали из Пскова и нашли прибежище в Новгороде. Более двухсот «лучших» людей, оставшихся в Пскове, были объявлены изменниками и посажены в погреба и тюрьмы.

Нигде социальная борьба не приводила к столь решительным результатам, как в Пскове. Местная беднота покончила с властью верхов. После свержения Шуйского псковичи отказались присягать сначала боярскому правительству, а затем королевичу Владиславу. Вскоре на Псковщине объявился новый самозванец – Лжедмитрий III. Но жители города не сразу признали его.

История Лжедмитрия III незамысловата. Едва калужане предали земле останки шкловского бродяги, как в Москве нашелся другой авантюрист, взявшийся докончить прерванную комедию. То был некий священнослужитель дьякон Матюшка из-за Яузы. Монах Авраамий Палицын сообщил любопытные подробности насчет этого лжецаря. Матюшка Веревкин, по его словам, был поповским сыном из северских городов. Род мелких детей боярских Веревкиных издавна служил в Стародубе. Когда в этом городе объявился Лжедмитрий II, одним из предводителей «возмущения» там стал сын боярский Гаврила Веревкин. После распада тушинского лагеря несколько Веревкиных перешли на службу к Сигизмунду III и получили от него земельные пожалования. Матюшка Веревкин избрал для себя духовную карьеру. В неизвестное время он перебрался в Москву и устроился там дьяконом в маленькой церквушке в Замоскворечье. Где он был в момент гибели Лжедмитрия II, никто не знает. Прошло немного времени, и дьякон сбежал из Москвы в Новгород. Опустошив свой тощий кошелек, Веревкин попытался заняться мелкой торговлей. Он раздобыл несколько ножей и еще кое-какую мелочь и задумал сбыть свой товар с выгодой для себя. Предприятие быстро лопнуло, и Матюшке пришлось просить милостыню, чтобы не умереть с голода. В один прекрасный день

он наконец собрался с духом и объявил новгородцам свое «царское имя». Толпа осыпала новоявленного царя бранью и насмешками. Многие узнали в нем бродячего торговца. Незадачливому самозванцу пришлось спешно убираться из Новгорода. Все же ему удалось увлечь за собой несколько десятков человек. С ними он и явился в Ивангород.

Ивангород находился в руках бывших тушинцев. Несколько месяцев город осаждали шведы. На призывы о помощи никто не откликался. Когда «добрый Дмитрий» воскрес и постучал в ворота Ивангорода, бывшие тушинцы приветствовали его как долгожданного спасителя. На радостях ивангородцы палили изо всех пушек три дня подряд начиная с 23 марта 1611 года. Простым людям царь казался своим человеком. Иноземцы находили его скрытным, но смелым по характеру и находчивым краснобаем. Матюшка без устали рассказывал всем желающим невероятную историю своего четвертого воскрешения. Он был зарезан в Угличе, но избежал смерти. Его изрубили и сожгли в Москве, но и тогда он восстал из мертвых. Его обезглавили в Калуге, но вот он, жив и невредим, стоит перед всеми.

Весть о явлении царя взволновала умы. Зашевелились казаки во Пскове. В апреле они объявили, что идут в поход на Лисовского. Едва за спиной у казаков захлопнулись крепостные ворота, отряд развернулся и помчался к Ивангороду. Прибыв в Ивангород, казаки уверили Матюшку в том, что Псков примет его с распростертыми объятиями. Царек поверил им и в начале июля разбил свои бивуаки в псковских предместьях. Его посланцы затребовали ключи от города. Псковичи долго советовались, как быть. В конце концов они решили, что проживут и без царька. Матюшка окончательно испортил дело после того, как велел захватить городское стадо и на славу угостил свое воинство. Шесть недель самозванец маячил у стен крепости, а затем внезапно исчез. Его спугнули шведы. По новгородской дороге к Пскову приближались шведские отряды и ополчение новгородских дворян. К ним присоединилось немало псковских помещиков. Меньшие люди Пскова знали, что их не пощадят в случае поражения, и решительно отвергли все предложения о сдаче. «Новгородское государство» тщетно убеждало псковичей последовать его собственному примеру и отдаться под покровительство Швеции. Псковский народ решительно отверг путь предательства. Не для того псковичи восстали против Владислава, чтобы признать над собой власть шведского королевича.

При поддержке новгородских и псковских дворян шведы попытались силой овладеть непокорным городом. 8 сентября

1611 года они взорвали крепостные ворота и устремились на приступ со стороны реки Великой. Наемники помнили о «новгородском взятии» и предвкушали легкую победу. Они готовились разграбить древний город. Но псковичи давно изгнали из своего города всех, кто мог оказать помощь врагам. И потому шведские солдаты не добились тут успеха. Приступ был отбит. Пять недель неприятель осаждал крепость, а затем отступил к Новгороду.

Псков стоял, подобно скале среди бушующего моря. С востока и севера в его пределы постоянно вторгались шведы, а с юга и запада – литовские отряды. Лисовский не давал покоя псковскому населению. Король Сигизмунд III направил против Пскова армию гетмана Ходкевича, стоявшую в Ливонии. Ходкевич осадил Псково-Печерский монастырь. В течение полутора месяцев тяжелые осадные пушки вели огонь по монастырским укреплениям. В нескольких местах стена крепости покрылась трещинами и осела. Но стрельцы, монахи и окрестные крестьяне, затворившиеся в монастыре, не теряли мужества. Отразив семь вражеских приступов, они вынудили Ходкевича снять осаду и отступить в Ливонию.

В Пскове установилось народовластие. Город давно заявил о поддержке земского освободительного движения. Горожане готовы были послать силы, чтобы ускорить освобождение Москвы. Но им пришлось самим запросить помощи у земского ополчения, чтобы выстоять в неравной борьбе. «Многие напасти на нас сходятся отовсюду, – писал псковский „мир“ вождям ополчения, – а помощи ниоткуда нет!» Совет земли откликнулся на это обращение. В Псков выступил воевода Никита Вельяминов, а за ним Никита Хвостов с отрядом казаков.

Смерть Ляпунова развязала руки сторонникам самозванцев в подмосковном ополчении. Однако среди них не было единодушия. Шведы получили достоверную информацию о том, что Заруцкий старался убедить казаков избрать в цари Ивана «Дмитриевича». Однако царевич был грудным младенцем, и все понимали, что править за него будет его мать Мнишек. Вдова двух самозванцев, однако, не пользовалась никакой популярностью в народе.

Весть о появлении Дмитрия в новгородских пределах вызвала минутное возбуждение среди казаков, которое вскоре же улеглось. Весть была слишком невероятной. В таборах было много ветеранов, своими глазами видевших мертвую голову государя, отделенную от туловища.

Шло время, а поток известий о деяниях Дмитрия не только не иссяк, но стал разрастаться. Время брало свое, и легковерные

люди все больше свыкались с мыслью о новом спасении поистине бессмертного сына Грозного. На удочку попали те из казаков и московских повстанцев, которым не довелось видеть мертвого вора. Новообращенные большой толпой присоединились к отряду, направленному в Псков вождями ополчения.

Прибытие в Псков сторонников Лжедмитрия мгновенно изменило ситуацию в городе. Под влиянием их агитации псковские низы потребовали признания истинного государя. Их посланцы выехали в Ивангород и передали Матюшке приглашение псковского «мира». Тот не стал ждать, чтобы его попросили дважды, и тотчас собрался в путь. Царек и его свита выбирали глухие проселочные дороги. Им удалось миновать шведские заставы. 4 декабря 1611 года кавалькада показалась в окрестностях Пскова. Жители успели простить государю забитых коров из городского стада. Они устроили ему радушную встречу. Воеводы не имели сил противиться общему порыву. Матюшка тотчас вознаградил их за покорность. Воеводы князь Иван Хованский и Никита Вельяминов сподобились боярского чина и заняли почетное место подле самозванца. Обосновавшись в псковском детинце, Матюшка сразу же отправил в подмосковные таборы атамана Герасима Попова с воззванием к тушинским ветеранам.

Казаки созвали круг и внимательно выслушали речи государева посланца атамана Попова. Некоторые из участников круга открыто выражали сомнения в чудесном спасении Дмитрия, тогда решено было отправить в Псков особую делегацию для опознания царя.

Лжедмитрий III устроил посланцам ополчения торжественную встречу. Допущенные к руке, старые казаки убедились, что перед ними самозванец, нисколько не похожий на их прежнего царька. Но вооруженная стража Матюшки окружала трон толпой, и казакам поневоле пришлось прикусить язык. Никто из них не решился обличить «вора». Под нажимом псковичей послы направили ополчению грамоту с подтверждением истинности Дмитрия.

Грамота полномочных послов всей земли вызвала в ополчении бурю. Простой народ и казаки охотно верили тому, чему хотелось верить. Их добрый царь в который раз вновь спасся от злых бояр. Последующие события развивались под действием неудержимых стихийных сил. 2 марта 1612 года казачий круг, на котором присутствовало также много черных людей – москвичей, провозгласил государем псковского самозванца. Вожди ополчения Заруцкий, Трубецкой и другие, помня о судьбе Ляпунова, подчинились кругу. Они вместе с казаками принесли присягу на

имя Лжедмитрия III и вернулись в свою ставку в сопровождении торжественной процессии под грохот артиллерийского салюта. Народ приневолил целовать крест дворян из полка Трубецкого, попавшихся под руку.

В земских отрядах, стоявших поодаль от таборов, присяга не удалась. Воеводы Мирон Вельяминов, Исак Погожий и Измайлов, занимавшие позиции подле Тверских ворот и Трубы, бежали из ополчения прочь, опасаясь за свою жизнь.

Некогда Ляпунову удалось сплотить разнородные силы и повести их на освобождение Москвы. Присяга Лжедмитрию разрушила хрупкое единство. Раскол, которого так боялся Ляпунов, стал совершившимся фактом. Переворот в Москве был осуществлен черным людом Москвы и казаками. С помощью наемников боярское правительство с трудом предотвратило выступление этих сил в пользу калужского самозванца в конце 1610 года. С тех пор прошло полтора года. Столичные жители пережили неслыханную трагедию. Их город превратился в груду развалин. Ненависть народа к захватчикам и их пособникам удесятерилась. С помощью вновь воскресшего Дмитрия низы надеялись окончательно рассчитаться с лихими боярами.

Вождь ополчения Заруцкий оказался бессильным перед лицом стихии. Он подчинился восставшему народу, но попытался дать свое толкование акту присяги. Тотчас после переворота воеводы «холопы Митка (Трубецкой) и Ивашко Заруцкий» били челом государыне Марине Юрьевне и государю царевичу Ивану Дмитриевичу всея Руси. Заруцкий ориентировался не на Псков, а на Коломну, где находилась Марина Мнишек с сыном. Он исподволь готовил почву к тому, чтобы усадить на трон «воренка».

Переворот получил поддержку в южных и северских городах, прежде примыкавших к калужскому лагерю. Там находилось немало атаманов и казаков, сражавшихся в армии Болотникова. На востоке власть псковского самозванца поспешили признать небольшие города Арзамас и Алатырь. По размаху социальной борьбы арзамасские места не уступали Псковщине. Зато Казань, Нижний Новгород, Владимир, Ярославль, Кострома встретили избрание Лжедмитрия III как незаконный акт, противоречащий воле земли. Борьба между сторонниками и противниками Лжедмитрия III грозила взорвать национально-освободительное движение изнутри.

Глава 21
ТРУДНЫЙ ПОЧИН

Посадские люди стали утрачивать доверие к земскому правительству после того, как самый популярный вождь ополчения Ляпунов был убит, а сменивший его Заруцкий предложил избрать на трон сына самозванца. Первыми зашевелились казанцы. В августе 1611 года они снеслись с нижегородцами и выработали соглашение. Приговор двух крупных городов послужил грозным предостережением для подмосковных властей. Посадские люди предупредили, что не потерпят смещения воевод, посланных ими для освобождения Москвы, и не признают назначений, произведенных Заруцким и казаками по своему произволу. Посады выразили сомнение по поводу способности ополчения довести до конца дело царского избрания и заявили, что отвергнут любого государя, посаженного на трон казаками без согласия на то земли. Недоверие к земскому руководству оказалось столь сильным, что посадские миры постановили не пускать к себе казачьи отряды из таборов.

Соглашение между двумя городами послужило прологом к организации второго ополчения. Казанцы, пошумев, отступили в тень. Нижегородцы же вскоре перешли от слов к делу. Им предстояло осуществить трудный почин.

Нижний Новгород не имел своего епископа и находился в непосредственном ведении патриаршего дома. По этой причине нижегородцы решили обратиться за духовным советом к своему покровителю Гермогену. Они снарядили в кремль посланца Мосеева с «советной челобитной». Посол не раз глядел смерти в глаза, прежде чем проник в осажденный Кремль к опальному Гермогену. В скудости и печали доживал свои дни престарелый патриарх. Слуги Гонсевского совлекли с него святительские ризы и заточили в Чудов монастырь.

Гермоген внимательно выслушал Мосеева и заявил о поддержке нижегородского почина. Обращение низложенного владыки к Нижнему Новгороду стало его политическим завещанием. Гермоген просил нижегородцев связаться с казанским митрополитом, рязанским владыкой и иерархами других городов. Когда князья церкви сочинят «учительные грамоты» к земским боярам, тогда их надо собрать воедино. Гермоген заклинал бесстрашного человека Мосеева доставить грамоты под Москву и огласить их, даже если казаки будут угрожать ему смертью. Таким путем глава церкви пытался

повлиять на избирательную кампанию и помешать Заруцкому и казакам посадить на трон одного из самозванцев. Проклятый сын паньи Маринки, писал в сердцах Гермоген, «на царство не надобен: проклят от святого собору и от нас».

Мосеев спрятал патриаршую грамоту и благополучно доставил ее по адресу. Но земское освободительное движение пошло не по тому направлению, которое пытался придать ему Гермоген. Не князья церкви, а посадские люди – нижегородцы стали его руководителями.

Нижний Новгород оставался в начале XVII века одним из крупных центров городской жизни в России. Путешественники, останавливавшиеся в городе, насчитывали в нем никак не меньше восьми тысяч человек. Жизнь тут била ключом.

Город располагался возле места впадения Оки в Волгу, на перекрестке больших торговых путей, связывавших центр государства с Нижним Поволжьем, Пермским краем и Сибирью. По торговым оборотам Нижний уступал лишь пяти самым большим городам страны.

Бедствия Смутного времени причинили огромный ущерб городским центрам России. Нижнего Новгорода разорение коснулось в меньшей степени, чем других городов. В обстановке гражданской войны замерли торговля и промыслы, сократилось население Нижнего. Однако военные грабежи и погромы миновали город.

Нижний Новгород обладал превосходной системой обороны. Лишь несколько русских городов имели каменные крепости, по мощности равные Нижегородскому кремлю. Его толстые стены, крытые тесом, то поднимались уступами в гору, то опускались к воде. В уязвимых пунктах оборонительной линии возвышались башни, числом более десятка. Главная магистраль кремля – Большая мостовая улица – начиналась возле ворот четырехугольной Ивановской башни и, круто изгибаясь, уходила в гору на главную площадь. Посреди площади высился белокаменный Спасо-Преображенский собор. Его окружал хоровод деревянных церквушек. С запада к кремлю примыкали обширные посады. Их защищал острог с бревенчатыми башнями и рвом. Посады были заполнены множеством рубленых изб. На богатых дворах стояли терема с шатровым верхом.

В кремле против главного собора помещалась съезжая изба. Там местные власти творили суд и расправу. В разгар Смуты выборные посадские люди пользовались исключительным влиянием на дела. Обычно посадский мир собирал сходку по осени в первые дни нового года. (Счет лет в то время вели от сотворения мира и Новый год праздновали 1 сентября.) Мир

выбирал из своей среды старост и присяжных, или целовальников. Чаще других выборные городские посты занимали те, кто располагал большими деньгами. В Нижнем таких было много, и они ворочали тысячами. Но в лихую годину посадские люди выбирали себе старост не по деньгам. Осенью 1611 года патриоты выдвинули и провели в городскую управу Кузьму Минина.

Прошло много лет с тех пор, как Кузьма обосновался в Нижнем. Мелочная торговля в мясной лавке позволила его семье вести безбедное существование и скопить кое-какие деньги на черный день. Но Минин не принадлежал к числу тех, для кого стяжание составляло цель и смысл жизни. Он не задумываясь пожертвовал материальным благополучием семьи и сбережениями, когда того потребовали интересы родины.

Феодальное общество не благоволило к своим пасынкам – миллионам черных людей, плативших царские подати. До времени Смуты политика была для них недоступной сферой деятельности. Сословные предрассудки имели силу железного закона. Чтобы вырваться из их плена, человеку нужно было обладать подлинным мужеством. Минин хорошо помнил, какой внутренней борьбы стоило ему решение ввязаться в большую политику. Монахи записали воспоминания Кузьмы с его собственных слов.

В конце лета, вспоминал Минин, он не раз уходил из избы в сад и проводил ночь в летней постройке – повалуше. Там его трижды посетил один и тот же сон. Виделось Кузьме, будто идет он со многими ратными людьми на очищение Московского государства. Мысль о подвиге во имя спасения отечества давно волновала Минина. Но он не решался никому открыться. Как человек трезвый, Кузьма привык сообразовывать замыслы с наличными средствами. Поэтому, пробуждаясь ото сна, он каждый раз оказывался во власти безотчетного страха. «За свое ли дело берешься?» – спрашивал себя Минин. Сомнения осаждали его со всех сторон, он отдавал себе отчет в том, что у него нет никакого воинского опыта («не было воинское строение ему в обычай»). А кроме того, Кузьма принадлежал не к власть имущим (старейшим), а к черным тяглым людям. Минин вспоминал, что при пробуждении его било как в лихорадке. Он всем существом своим ощущал непомерную тяжесть. «Болезнуя чревом», Кузьма едва поднимался с постели. Среди тяжких терзаний рождалась вера в то, что сама судьба призвала его совершить подвиг во имя родины. В его голове вновь и вновь звучали слова, как бы услышанные им сквозь сон: «Если старейшие (дворяне и воеводы) не возьмутся за дело, то его возьмут на себя юные (молодые

тяглые люди), и тогда начинание их во благо обратится и в доброе совершение придет!»

Избрание в земские старосты Кузьма воспринял как зов судьбы. С его приходом съезжая изба стала подлинным оплотом патриотических сил. Нижегородские посадские люди с тревогой следили за осенними боями в предместьях Москвы. Монахи Троице-Сергиева монастыря своевременно известили их о том, что ополчение стоит на грани распада изза тяжелых потерь, голода и нужды. Горожане и сами знали о критическом положении дел в Москве. После каждого нового боя в город привозили раненых ратников.

Нижегородские воеводы и приказные не знали, на что решиться. Не они, а посадский староста Минин выступил с инициативой организации нового ополчения. Вокруг Кузьмы немедленно объединились все, кто не поддался унынию и требовал принесения новых жертв на алтарь отечества. Обсуждая изо дня в день московские вести, патриоты пришли к убеждению, что только организация новых крупных сил может оказать решающее влияние на исход битвы за столицу.

Сходки в съезжей избе становились все более многолюдными. Минин со слезами на глазах убеждал сограждан в том, что Нижнему не избежать общей участи и его будущее решится в Москве. «Московское государство, – говорил он, – разорено, люди посечены и пленены, невозможно рассказать о таковых бедах. Бог хранил наш город от напастей, но враги замышляют и его предать разорению, мы же нимало об этом не беспокоимся и не исполняем свой долг». В съезжую избу набивалось много всякого народа. Одни одобряли речи нового старосты. Другие бранили его, плевались. Состоятельные люди (старейшие) опасались за свои кошельки, понимая, что организация военных сил потребует больших денег. Среди меньших людей Минин сразу нашел множество последователей. Почин старосты поддержала молодежь. По возвращении со сходки дети не раз обращались с укором к отцам, привыкшим считать копейку. «Что в нашем богатстве? – спрашивали они. – Коли придут враги и град наш возьмут, не разорят ли нас, как и прочих? И нашему единому городу устоять ли?»

Все больше людей собиралось на площади перед городской управой. Наконец настал решительный момент. Минин «возопил» ко всему народу: «Если мы хотим помочь Московскому государству, то не будем жалеть своего имущества, животов наших; не то что животы, но дворы свои продадим, жен и детей заложим!»

Партия патриотов взяла решительный верх на городском

вече, и тут же в земской избе ее вожди составили приговор о сборе средств «на строение ратных людей». Следуя соборной традиции, Минин передал приговор на подпись всем людям и так «приговор всего града за руками устроиша». Приговор облек выборного старосту большими полномочиями. Кузьма получил наказ обложить нижегородских посадских торговых людей и всяких уездных людей чрезвычайным военным сбором и определить, «с кого сколько денег взять, смотря по пожиткам и промыслам».

Сбор средств начался с добровольных пожертвований. Земский староста подал пример всем остальным. Современники различным образом оценивали размеры его пожертвований. Один очевидец из дворян воспроизвел в своих записках следующее обращение старосты. «Братья, разделим на три части имения свои, две отдадим воинству, себе же едину часть на потребу оставим!» Исходя из предложенного расчета, Кузьма будто бы пожертвовал в казну ополчения две трети своего имущества. По другим сведениям, староста объявил миру, что имеет триста рублей, и тут же выложил на стол сто рублей «в сборные деньги». Одно совсем позднее предание гласило, будто староста не только отдал все свои деньги, но и снял золотые оклады с икон и принес драгоценности жены Татьяны – монисты, подвески, шитые золотом ленты.

Нижегородцы несли на площадь к съезжей избе кто что мог.

Добровольные пожертвования положили начало сбору средств в фонд нового ополчения. Минин и его сподвижники умели хорошо считать и знали, что война требует больших денег. Поэтому они вскоре же провели в жизнь постановление о чрезвычайном военном налоге. Нижегородцы поистине не щадили своих животов. (Этим словом в те времена называли и имущество.) Еще недавно они понесли большие расходы на снаряжение первого ополчения. Теперь посадский мир санкционировал сбор пятой деньги со всех доходов и имуществ «на жалованье ратным людям». Сбор проводился как на посаде, так и по всему уезду.

В Нижний потянулись обозы с продовольствием. Их выслали крестьяне из торгового села Павлова, жители мордовских деревень, занимавшиеся пчеловодством, и прочий уездный люд. Богатые монастыри должны были внести деньги в фонд ополчения наряду с дворцовыми крестьянами.

Взявшись за организацию войска, посадские люди долго ломали голову над тем, кому доверить командование.

Выборные земские власти прекрасно понимали, что успех затеянного ими дела будет зависеть от выбора вождя, который

пользовался бы популярностью в армии и по всей стране. Посадские люди искали «честного мужа, кому заобычно ратное дело», «кто б был в таком деле искусен» и, более того, «который бы во измене не явился».

В Смутное время немногие из дворян с воеводским чином сохранили свою репутацию незапятнанной. Кривыми путями шли многие, прямыми – считанные единицы. Нижегородцам было трудно сделать выбор и не промахнуться. Они решили полагаться лишь на свой опыт и искать подходящего кандидата среди окрестных служилых людей, лично им известных. Кузьма Минин первым назвал имя Дмитрия Пожарского, и мир поддержал его выбор.

Князь Дмитрий находился на излечении в селе Мугрееве, до которого из Нижнего было рукой подать. Прошло много месяцев после ранения воеводы. Природа не наделила Пожарского завидным здоровьем. Лечение подвигалось медленно. Тяжелое ранение в голову привело к тому, что князь Дмитрий заболел черным недугом. Так называли в давнее время эпилепсию. Когда в усадьбу явились нижегородские послы, князь Дмитрий не дал им определенного ответа. Послы уехали ни с чем. Впоследствии князь Дмитрий, вспоминая былое, любил говорить, что его к великому делу «вся земля сильно приневолила», а если бы был тогда ктонибудь из «столпов» вроде боярина Василия Голицына, его бы все держались, а он, князь Дмитрий, мимо боярина за такое дело не принялся бы. Слова насчет боярина служили простой отговоркой. Василий Голицын находился в плену, а прочие «столпы» сидели с поляками в Кремле. Нижний Новгород присылал послов «многажды», прежде чем стольник согласился принять приглашение. Князь Дмитрий не мог нарушить этикет и дать согласие при первом же свидании. Еще больше, чем этикет, его беспокоило собственное нездоровье. А кроме того, до Мугреева уже дошли вести о «непослушании» нижегородцев своим воеводам, и князь Дмитрий желал заранее определить свои будущие взаимоотношения с посадским миром. Кузьме Минину пришлось лично отправиться в Мугреево, чтобы рассеять опасения стольника. Оба были воодушевлены одними и теми же стремлениями и чувствами и потому вскоре нашли общий язык. Самая большая трудность, которую предстояло преодолеть Минину и Пожарскому, состояла в том, чтобы раздобыть деньги. В обычное время воеводы не имели нужды заниматься финансовыми вопросами. Их обеспечивала государева казна. Ныне финансы оказались в руках семибоярщины и «литвы». Пожарский соглашался взять на себя военное руководство ополчением, но требовал, чтобы в качестве его помощника мир

назначил своего рода казначея.

Для завершения переговоров Нижний Новгород прислал в Мугреево доброго дворянина Ждана Болтина, печерского архимандрита Феодосия и выборных посадских людей. Пожарский заявил им, что согласен встать во главе ополчения, но потребовал назначения себя в помощники посадского человека. Его требование поначалу привело старших послов в недоумение. В их голову плохо укладывалась мысль насчет того, что вместе со стольником руководить войском будет некий выборный посадский человек. Требование воеводы шло вразрез с вековечными обычаями, прочно отгораживавшими посадский люд от любых военных должностей. Архимандрит наотрез отказался обсуждать предложение Пожарского и заявил, что у них в городе попросту нет подходящего человека. Тогда воевода сам назвал имя земского старосты Минина. Младшие послы не скрывали своей радости.

Минин согласился возглавить рать, но потребовал для себя чрезвычайных полномочий. Посадский мир принял его условия. Общее воодушевление было столь велико, что присутствующие выступили с призывом отдать на нужды армии все имущество. Между тем в Нижний по приглашению мира приехали представители смоленских дворян. Посадский мир оказал им почетную встречу и снабдил кормами. Несколько смолян по совету Минина немедленно выехали для встречи с Пожарским в Мугреево. Дворяне били челом, чтобы воевода не мешкая шел на Нижний. Появление смоленских ратных людей внушило Пожарскому большие надежды. Кроме смолян, он призвал под свои знамена вяземских и дорогобужских помещиков, стоявших по деревням в дворцовой Ярополческой волости. Волость располагалась неподалеку от Мугреева, и многие вяземские помещики нагнали Пожарского в пути, когда он в возке подъезжал к Нижнему Новгороду.

Местное духовенство, дворяне и посадские люди вышли за город и встретили Пожарского и его отряд с иконами, с хлебом и солью. К земской рати присоединилось сто пятьдесят стрельцов из местного гарнизона. Сбор ратных сил отнял гораздо больше времени, нежели думали нижегородцы. Смоленские дворяне соглашались выступить в поход не раньше, чем будут устроены их земельные дела. Представители смолян достигли соглашения с Мининым в конце октября, но сами воинские люди стали собираться в Нижнем лишь к 6 января 1612 года.

Нижегородцы ждали смоленских ратных людей у ворот и проводили их до самой воеводской избы. С высокого крыльца Минин обратился к прибывшим с замечательным напутствием.

«Се братия, – сказал он, – грядете к нам на утешение граду нашему и на очищение Московскому государству!»

Будучи человеком практичным, Минин понимал, что одними речами делу не помочь. Служилые люди много лет спустя передавали из уст в уста рассказы об удивительной щедрости нижегородского выборного человека. Щедрость имела свои причины и оправдание. Разоренные помещики были попросту небоеспособны. Надо было как следует вооружить их и посадить на хороших лошадей, прежде чем отправлять на войну.

Пожарский провел смотр и разбил дворян на три статьи. Первостатейные помещики получили до 20–30 рублей на душу, дети боярские третьей статьи – по 15 рублей. Помимо этого оклада, земская изба раздала им всем единовременное пособие на покупку коня, починку доспехов.

Весть о нижегородском пожаловании вскоре облетела все соседние уезды. Служилые люди потянулись на земскую службу. Следом за коломенскими и рязанскими помещиками в армию Пожарского стали прибывать дворяне, стрельцы и казаки из различных окраинных крепостей.

План Пожарского состоял в том, чтобы возможно скорее собрать отовсюду военные силы и не мешкая отправиться с ратью на помощь к Москве. Осуществление плана, однако, натолкнулось на неожиданные трудности. Возможности Нижнего Новгорода оказались быстро исчерпаны. Минину и Пожарскому пришлось обратиться за поддержкой к ближним и дальним городам и волостям, что неизбежно привело к раздору с земским правительством. Подмосковные бояре и приказные считали, что только они имеют право распоряжаться сбором ратных людей и казны по всему государству. Почин Минина и Пожарского грозил разрушить сложившийся порядок. Нижегородцам приходилось тратить уйму времени и усилий на то, чтобы уладить отношения с воеводами и чиновниками ополчения на местах.

Обращения Минина и Пожарского к городам не содержали никаких выпадов против земского правительства в лице Трубецкого и Заруцкого, зато в них было много предостережений насчет «казачьего воровства».

В письме к вологодскому посаду нижегородские земские власти отметили два опасных симптома: появление под Псковом нового вора Лжедмитрия III и рассылку Мариной Мнишек «смутных грамот» от имени «царевича» Ивана Дмитриевича. Свое отношение к самозванцам нижегородцы выразили с полной определенностью. До смерти своей, писали земские люди, они не согласятся на избрание псковского вора или коломенского воренка.

Выступление нижегородцев дало выход настроениям, давно зревшим в провинции. Прошло совсем немного времени, и в своем обращении к народу князь Дмитрий Пожарский во всеуслышание заявлял о том, что все города – понизовые, и поморские, и поволжские, и Рязань – шлют всякие доходы в Нижний для подготовки похода к Москве. Горожане вновь брали судьбы освободительного движения в свои руки.

Политическая ситуация определила собой военные планы нижегородских вождей. Вскоре после 6 января 1612 года они известили города о том, что намерены идти на выручку к Суздалю, осажденному литовскими людьми. Именно Суздаль Пожарский предполагал сделать местом сбора ополчений из замосковных и рязанских городов. Приглашая жителей Вологды принять участие в суздальском походе, земские люди старались рассеять их сомнения и раскрывали перед ними свои сокровенные замыслы: «Будет, де, господа, опасаетесь от казаков иных каких воровских заводов, и вам бы однолично того не опасаться: как будем все верховые и низовые города в сходу, и мы всею землею о том совет учиним и дурна никакова вором делати не дадим», «а которые люди под Москвой Маринкою и сыном ее новую кровь похотят всчать, и мы дурна им никакого учинить не дадим».

Планы Минина и Пожарского приобрели полную ясность и определенность. Сосредоточив в Суздале городские ополчения, они намеревались с их помощью нейтрализовать сторонников самозваных «царей» в казачьих таборах. В Суздале предполагалось созвать новый Земский собор, на котором будет широко представлена вся земля. Представительному собору и надлежало решить задачу царского избрания. «Как будем все понизовые и верховые городы в сходе вместе, – писали нижегородцы, – мы всею землею выберем на Московское государство государя, кого нам Бог даст».

Минин и Пожарский детально разработали план похода на Суздаль и созыва там собора. Но им не удалось преодолеть сопротивление земского правительства и осуществить свои замыслы. Заруцкий опередил нижегородскую рать. Когда сапежинцы захватили Ростов, он немедленно выслал против них атаманов Андрея и Ивана Просовецких с казаками. Выступление Просовецких вынудило врага очистить Ростов и в конце зимы отступить в Москву. Заруцкий начал стягивать в районе Суздаля и Владимира послушные ему части. Земское правительство преподало нижегородцам наглядный урок. Следуя его приказу, Арзамас в январе 1612 года выслал подкрепления братьям Просовецким, обосновавшимся во Владимире и Суздале. Нижегородцы тщетно пытались заполучить ратные силы из

Арзамаса, Курмыша и некоторых других городов. Казанские власти, вместе с нижегородцами выступавшие за создание нового ополчения, пытались помочь Минину и Пожарскому. Они пригрозили курмышанам, что явятся со всей силой к их городу и ссадят местного воеводу, если тот не подчинится нижегородскому совету. Но их угрозы не возымели действия. Старое земское правительство располагало еще достаточно прочными позициями в провинции.

Агитация Заруцкого в пользу «воренка» и посылка делегации к Лжедмитрию III в Псков обострили борьбу внутри ополчения и ускорили размежевание сил. Земское правительство и нижегородский совет готовились вступить в открытое противоборство подобно враждующим братьям. Занятие Суздаля казачьими отрядами сорвало замыслы Минина и Пожарского насчет созыва в этом городе нового Земского собора. Тогда нижегородцы обратили взоры в сторону Ярославля.

Заруцкий понимал значение Ярославля как ключевого пункта всего Замосковного края. Вытеснив поляков из Ростова, он расчистил себе прямой путь из Москвы на Ярославль. В тылу у Ярославля располагалась Кострома. Местный воевода сохранял верность подмосковным боярам, что облегчало задачу подчинения Ярославля. Заруцкий поручил дело Просовецким. Казачьи разъезды вскоре же прибыли в Ярославль. Местный воевода и посадские власти давно установили тесный контакт с нижегородским советом. Едва в город стали прибывать казаки, ярославский воевода Морозов немедленно забил тревогу и запросил подкрепления у Пожарского.

Минин и Пожарский видели, что промедление грозит погубить их почин. Надо было либо принять вызов Заруцкого, либо свернуть свои знамена. Нижегородский совет принял решение о немедленном выступлении. Волей-неволей ему пришлось отказаться от прежнего плана похода к Москве по кратчайшим путям через владимиро-суздальскую землю. Нижегородской рати предстояло проделать кружной путь по берегу Волги, чтобы перетянуть на свою сторону враждебную Кострому и оказать помощь союзникам в Ярославле. Борьбу за столицу надо было начинать с борьбы за провинцию.

Зима подходила к концу, и нижегородцам следовало спешить с походом, пока не наступила весенняя ростепель. Несмотря на энергичные усилия, Пожарскому не удалось собрать крупные силы. В Нижнем оказалось не более тысячи ратников из Смоленска и Вязьмы.

Посадским ремесленникам пришлось немало потрудиться, чтобы снабдить оружием рать Пожарского. Хорошо вооруженные

конники стали вместе со стрелецкой пехотой ядром нижегородского ополчения. Пожарский надеялся, что прибытие казанской рати сразу удвоит его силы. Но его посланцу Биркину не удалось собрать казанцев к намеченному сроку. Казань не оправдала надежд, которые возлагал на нее нижегородский совет. Скрепя сердце князь Дмитрий отдал приказ о выступлении, так и не дождавшись ближайших союзников. Командовать авангардом он поручил двоюродному брату князю Дмитрию Петровичу Лопате Пожарскому. Лопата успешно справился с поручением. Он шел к цели кратчайшими путями, минуя крупные города. Вынырнув под Ярославлем, Лопата занял город, воспользовавшись поддержкой местного населения. Захваченных казаков воевода бросил в тюрьму. Андрей Просовецкий, продвигавшийся к Ярославлю с юга, решил уклониться от столкновения с Лопатой и повернул вспять.

Главные силы нижегородского ополчения выступили на Балахну в Великий пост 23 февраля 1612 года.

Местные жители встретили Пожарского в воротах. Воевод и дворян поместили в осадных дворах в крепости, прочих ратных людей устроили на ночлег на посаде.

Поход Пожарского послужил сигналом к объединению сил, выступивших против Заруцкого. В Балахне к нему присоединился Матвей Плещеев. Воевода этот пользовался большой известностью в первом земском ополчении. При жизни Ляпунова он пытался унять казачье своеволие в полках. После убийства Ляпунова ему пришлось бежать из ополчения и укрыться в своих костромских вотчинах. Свидание с Плещеевым не улучшило настроения Пожарского. Будущее освободительного движения казалось изменчивым и неопределенным.

Покинув Балахну, войско в сумерках добралось до Юрьевца. Ратники едва устроились на ночлег, как поднялась тревога. По дороге к городу быстро приближался отряд всадников. Караульные схватились за ружья. Но стрелять им не пришлось. Пропущенный в крепость мурза объявил, что привел на земскую службу отряд татар.

После Юрьевца рать сделала привал в селе Решма. Под утро в Решму прибыл гонец от Артемия Измайлова из Владимира. Гонец привез дурную весть. Измайлов сообщил своему давнему соратнику Пожарскому о том, что 2 марта казаки, черные люди Москвы произвели переворот и избрали на царство псковского вора Лжедмитрия III. Новость ошеломила нижегородских ратных людей. Воодушевление, царившее в первые дни похода, уступило место тревоге и озабоченности. Не зная подробностей происшедшего, вожди ополчения не могли понять, как решились

подмосковные бояре бросить вызов стране и провести царское избрание без совета с городами и представителями всей земли.

После остановки в Решме войско сделало новый привал в Кинешме. Жители городка встретили нижегородцев приветливо и предоставили им «подмогу». Из Кинешмы Пожарский выступил к Костроме. На подходе к Костроме в ополчение явились посадские люди – костромичи и предупредили Пожарского, что их воевода Иван Шереметев решил не пускать нижегородцев в город.

Город располагался на левом берегу Волги при впадении в нее реки Костромы. В середине города находился небольшой кремль, окруженный рвом. Костромской посад был не слишком велик, не более пятисот дворов.

Земское правительство прислало в Кострому на воеводство Ивана Шереметева, и тот не собирался подчиняться Пожарскому. Местные дворяне заперлись в крепости с Шереметевым. Очутившись перед закрытыми воротами, ратники принуждены были расположиться на посаде. Пожарский избегал кровопролития и не спешил штурмовать цитадель. Воевода надеялся, что местный посад скажет свое веское слово. И он не ошибся. В Костроме начались волнения. Горожане осадили Шереметева на воеводском дворе и убили бы его, если бы не подоспел Пожарский. Он велел ратникам взять под стражу воеводу и тем спас ему жизнь. Покидая Кострому, Пожарский оставил там воеводой князя Романа Гагарина.

Теперь Ярославль был совсем близко. Ярославль заслуженно считался одним из крупнейших торговых и ремесленных центров страны. Но в отличие от Нижнего Ярославль не был преимущественно посадским городом. Тут жило многочисленное дворянство. Земское правительство пыталось превратить Ярославль в свою опорную базу еще до того, как нижегородцы выступили со своим почином. В дни боев с Ходкевичем в Ярославль выехали боярин Андрей Куракин и дьяк Михаил Данилов. Им поручили спешно сформировать в Ярославле вспомогательное войско и привести его на помощь к столице. С аналогичным поручением во Владимир выехал стольник Василий Бутурлин. Не располагая ни казной, ни достаточными полномочиями, Куракин и Бутурлин не справились с поставленной задачей. Им недоставало тех качеств, которыми природа в избытке наделила Кузьму Минина. Материальные возможности Ярославля казались исчерпанными, и воеводы не сумели найти общий язык с посадским населением и использовать общий подъем. Весть о признании самозванца в таборах и прибытие в город воеводы Лопаты Пожарского оказали на престарелого боярина Куракина сильное впечатление. Он

решил порвать с земским правительством и примкнуть к Пожарскому.

Нижегородские полки вступили в Ярославль под звон колоколов. Посадские люди встретили воинов хлебом-солью. В тот праздничный день никто из людей не предвидел того, что ярославское стояние Пожарского продлится долгих четыре месяца.

Глава 22
ЯРОСЛАВСКОЕ СТОЯНИЕ

Под знамена Пожарского стекались служилые люди. На содержание их требовались средства. Ранее собранные деньги быстро разошлись. Найти новые в разоренной стране оказалось делом трудным, почти невозможным. Финансовая система давно находилась в полном расстройстве. Население, привыкшее к военному грабежу, спрятало имущество и затаилось, видя, что каждая новая власть приносит с собой лишь новые поборы. Жители городов разбредались по деревням. Торговля пришла в упадок.

В Нижнем Кузьме Минину понадобилось много недель, прежде чем ему удалось взять верх над богатыми торговцами и те «с нужею» стали жертвовать крупные суммы. В родном городе старосту хорошо знали и он мог рассчитывать на поддержку всего посадского мира. За пределами Нижнего Кузьме приходилось заново утверждать свой авторитет. В Балахне он столкнулся лицом к лицу с местными солепромышленниками, среди которых находились его родные братья. Красноречие народного трибуна не тронуло толстосумов. Они не спешили расстаться с нелегко нажитыми деньгами. Минин не имел времени на долгие уговоры. Нижегородская рать заутро выступала в поход. Единственный раз в Балахне Минин дал волю гневу. В длинной речи перед горожанами он объявил сущими преступниками тех торговых людей, которые пытались утаить свое имущество от обложения и пожертвований на ратных людей. За «пронырство» виновные достойны того, чтобы им «руки отсещи»! Минин говорил с такой убежденностью, что речь его проняла присутствующих. Они уразумели, что ради земского дела староста не пощадит и родных братьев. Поеживаясь, богатые торговцы принесли в съезжую избу деньги «в их оклад».

В Ярославле все повторилось сначала. Минин призвал местных купцов вносить средства на очищение Москвы. Но те остались глухи к его призывам. Богатые гости Никитников и Лыткин заявили, что их приказчики уже внесли свою долю в казну ополчения в Нижнем Новгороде. Ярославские лучшие люди искоса поглядывали на нижегородского старосту. Они видели и слышали своего брата «торгового мужика» и не понимали, почему им надо слушаться его. Прения в земской избе затянулись. Тогда выборный человек показал всем, что с ним шутки плохи. Он послал за стрельцами и велел им окружить земскую избу.

Никитникова и прочих торговцев забрали «не в честь» и отвели в воеводскую избу к Пожарскому. Перед воеводами и приказными Минин объявил вины купцов и потребовал лишить их всего имущества. Пожарский поддержал выборного человека своим авторитетным словом. Видя «жестокость» Кузьмы и свою «неправду», лучшие люди пали на колени и покорились.

Переворот в таборах смешал все планы Минина и Пожарского. Надежды на скорое освобождение Москвы рухнули. Пожарский не мог выступить к столице, пока там распоряжались сторонники самозванца. Государевым «изменникам», не желавшим признавать доброго Дмитрия, грозил самосуд.

Осада Москвы связала Заруцкого по рукам и ногам. Благодаря этому Пожарский получил возможность утвердиться в замосковных городах без больших трудов и усилий. Еще в Костроме к Пожарскому прибыли посланцы Суздаля, просившие прислать к ним воеводу и ратных людей, чтобы унять Просовецкого и его казаков. Нижегородцы немедленно отрядили в Суздаль князя Романа Петровича Пожарского. Просовецкий не желал начинать братоубийственную войну и, заслышав о приближении отряда нижегородских стрельцов, ушел под Москву.

Войска Минина и Пожарского утвердились в Ярославле. Но на дорогах к северу от Ярославля еще находились казачьи отряды, сохранявшие верность Заруцкому. Чтобы очистить путь на север и в Поморье, князь Дмитрий направил в Пошехонье Лопату Пожарского с ратниками. Воевода разбил обосновавшихся там казаков. Их атаман Василий Толстой бежал в Кашин, где пребывал воевода князь Дмитрий Черкасский с отрядом. Черкасский нес службу в подмосковных таборах. Но он вскоре же перешел на сторону ярославского ополчения.

В мае 1612 года жители Переяславля-Залесского попросили Пожарского защитить их от Заруцкого. Совет направил туда воеводу Ивана Наумова. Тот отогнал казаков и укрепился в городе. Дело обошлось без кровопролития.

Ярославль стал подлинной Меккой для земских городов, отказавших в поддержке «вору». Замосковные, волжские и поморские посады посылали в Ярославль свои военные силы либо запрашивали к себе воевод с подкреплениями. Ратники Пожарского направились в разные стороны – в Тверь, Владимир, Ростов, Касимов. Они взяли под контроль дороги, связавшие Ярославль с севером. Поморье и северные города стали теперь базой снабжения нового земского ополчения.

Раскол земского освободительного движения привел к распаду территории земщины. Объединив вокруг себя многие города, ярославский совет поневоле должен был взять на себя

управление ими. Смена власти сопровождалась, как обычно, хаосом и неразберихой. Но среди хаоса все выше вздымалась волна патриотического воодушевления. Именно она вынесла наверх Кузьму Минина. Скромный нижегородский мещанин стал душой нового правительства. Его титул выглядел необычно и внушительно: «Выборный всею землею человек». Минин обладал поистине неиссякаемой энергией.

Множество дел свалилось на плечи выборного человека и его ближайшего окружения. В течение короткого времени он заново организовал систему управления обширной территорией, отказавшейся признать власть Лжедмитрия III. В Ярославле стали действовать свои Поместный приказ, Казанский дворец, Новгородская четверть. В Ярославль стекались со всех сторон дворяне, стрельцы, пушкари. Воеводы производили смотр вновь прибывшим и определяли им жалованье. Выдавая деньги, они требовали, чтобы помещики выставляли поручителей и давали письменное обязательство службу служить и со службы не сбегать. Поместный приказ приступил к раздаче земель оскудевшим дворянам.

В отличие от своих помощников – дьяков – «выборный человек» не прошел длинных и извилистых коридоров бюрократической службы в приказах. Он не был знатоком приказного крючкотворства. Там, где поседевший в приказах делец складывал руки перед неразрешимыми трудностями, Кузьма одним ударом разрубал гордиевы узлы. В обычных условиях требовалась уйма времени, чтобы провести описание земель. Минин в считаные дни разослал дозорщиков в Суздаль, Кинешму, Торжок. Таким образом, Ярославский совет смог выяснить реальные возможности налогоплательщиков.

Новая власть взыскивала налоги повсюду, где было возможно. Особого внимания она удостоила богатые обители. В Ярославле был организован Монастырский приказ. Его главою стал судья Тимофей Витовтов, человек безупречной репутации. Витовтов получил чин думного дьяка на службе в первом ополчении под Москвой.

Монастыри обладали крупными богатствами, и Минин охотно обращался к ним за займами. Соловецкий монастырь согласился ссудить земскую власть деньгами. Но он выразил сомнение по поводу полномочий нечиновного человека Минина. Монахи потребовали, чтобы Пожарский сам расписался на заемном письме.

Купцы и солепромышленники Строгановы оказались сговорчивее старцев. По настоянию Кузьмы Минина их приказчики дали ополчению в долг четыре тысячи рублей.

Староста договорился о займе также с тремя московскими и четырьмя ярославскими купцами. Так удалось раздобыть еще тысячу рублей. Кузьма обязался возместить деньги, когда нижегородские денежные доходы «в сборе будут». Но шла война, и расходы перекрывали новые поступления. Вождям ополчения приходилось думать не о погашении старых, а о заключении новых займов.

Земская казна постоянно пополнялась за счет добровольных пожертвований. В грамотах к населению выборный человек вновь и вновь просил народ «поревновать» о родине, «пожаловать» земскую власть и самим «промеж себя» произвести обложение, «что кому с себя дать на подмогу ратным людям».

Из городов в Ярославль везли добровольно собранную казну. Вместе с пожертвованиями ополчение получило немало серебряных вещей. Кузьма мгновенно оценил ситуацию и устроил в городе Денежный двор. Мастера переплавляли вещи и били монету, которую казна тут же использовала на жалованье ратным людям.

Минин обладал талантом подлинного организатора и умел подчинить своей воле и направить к общей цели даже своих недругов. После кратковременного ареста Никитников и другие ярославские купцы были привлечены им на земскую службу и заняли место в Совете земли.

Приступая к сбору средств в той или иной волости, совет тотчас приглашал волостных старост, целовальников и лучших людей «для земского совета». При решении более важных вопросов совет вызывал в Ярославль местных представителей и требовал, чтобы их снабжали письменными инструкциями. Города получали наказ «по всемирному своему совету присылать изо всяких чинов людей человека по два (и по три) и совет свой отписать за своими подписями». Выборные с мест постоянно приезжали к Минину и Пожарскому. Воеводы либо задерживали их при себе, либо отпускали домой с поручениями. С Белоозера в мае прибыли в Ярославль протопоп, двое посадских людей, один крестьянин из черных государственных волостей. Минин отпустил посадских, но задержал при себе протопопа и крестьянина для совета.

Второе земское правительство включало многих авторитетных руководителей первого земского правительства.

Прямо из Подмосковья явились сюда боевые воеводы Мирон Вельяминов и Исак Погожий со многими детьми боярскими, подьячими и даже торговыми «добрыми людьми», не желавшими целовать крест «вору».

Пожарский делал все возможное, чтобы сплотить вокруг

Ярославля все национальные силы. Такой курс не мог не сказаться на составе ярославского Земского собора. В нем было больше знати и посадских представителей. Старшими членами совета числились бояре князь Андрей Петрович Куракин, Василий Морозов, князь Владимир Долгорукий и окольничий Семен Головин. Родственники Куракина и Головина входили в семибоярщину, а сам Долгорукий сидел в Кремле с «литвой» до марта 1611 года. Членами совета в Ярославле стали князь Никита Одоевский, князь Петр Пронский, князь Иван Черкасский, Борис Салтыков, князь Иван Троекуров, князь Дмитрий Черкасский, братья Шереметевы и другие.

Наплыв богатых дворян в Ярославль имел многообразные последствия. Знать не забыла о своем унижении в подмосковном совете и домогалась особого положения в новом соборе. Ее притязания привели к неурядицам в ополчении. Распри вспыхнули после того, как в Ярославль прибыла казанская рать.

Вместе с нижегородцами казанцы выступили с почином организации нового ополчения. Будучи в Нижнем, Пожарский назначил своим главным помощником дворянина Ивана Биркина и поручил ему сформировать и привести казанскую рать. Биркин выехал в Казань как полномочный представитель нижегородского совета. Его сопровождали местный протопоп Савва и несколько выборных смоленских дворян.

В сношениях со шведами Пожарский подчеркивал, что на его стороне выступают города Московского и Казанского государств. В качестве ветеранов движения казанцы рассчитывали занять в Ярославле подобающее место. Но вскоре они смогли убедиться в тщетности своих надежд.

В Нижнем Биркин был заметной фигурой среди сподвижников Пожарского. В Ярославле не только Биркин, но и сам Пожарский затерялся в толпе бояр и знатных дворян. Когда Биркин явился в совет и от имени казанцев потребовал себе прежнюю должность, бояре и воеводы прервали его на полуслове. Будь то обычная местническая тяжба, спор не вышел бы из стен приказной избы. Но затронутыми оказались более глубокие интересы.

За Биркина заступились казанцы, а также хорошо знавшие его смоленские дворяне и нижегородские стрельцы. Против него объединились бояре и дворяне. Раздор едва не привел к кровопролитию. Казанская «партия» изготовилась к бою. Но благоразумие все же взяло верх.

В «Казанском государстве» социальные противоречия приобрели более резкие формы, чем в замосковных городах. После убийства боярина Бельского управление городом перешло

в руки дьяка Шульгина. Местный воевода боярин Василий Морозов ушел в поход под Москву, да так и не решился вернуться назад в Казань. В качестве ярославского воеводы Морозов оказал казанцам худой прием. Когда-то вождь ополчения Ляпунов поручил миру поднять на борьбу с завоевателями все волжское казачество, обещал волю вчерашним холопам. Биркин был родней и личным представителем Ляпунова в Нижнем Новгороде. После отъезда из Нижнего ему пришлось надолго задержаться в Казани. Как и Ляпунову, ему удалось достичь полного взаимопонимания с казанским посадом.

Биркин уведомил «Казанское государство» о ярославских событиях, и дьяк Шульгин от имени местных властей отозвал казанскую рать домой. Его приказ вызвал раздор в войске. Тридцать помещиков и мурзы с отрядом татар отказались повиноваться Биркину и поступили на службу в ярославское ополчение. Прочие ратники вернулись в родной город. Пожарскому пришлось проявить немало терпения, чтобы избежать новых расколов.

Минин и Пожарский не требовали от ярославского совета мандата на единоличную власть. Они помнили о судьбе Ляпунова и не помышляли о возрождении триумвирата. Пожарскому чужды были какие бы то ни было диктаторские замашки. Под текстом соборной грамоты князь Дмитрий приложил руку десятым, признав тем самым местническое превосходство девяти других более знатных бояр и стольников. Кузьма Минин приложил руку пятнадцатым.

Сдержанность Пожарского успокоила знать, но поколебала его собственные позиции. В апреле Совет земли разработал план наступления против литовских людей. В наступлении должны были участвовать почти все наличные силы ополчения. Знать и слышать не желала о службе под началом неродословного стольника. Чтобы избежать местнических распрей, совет поручил руководить операцией не Пожарскому, а другому воеводе – князю Дмитрию Черкасскому. Прошлое Черкасского было более чем сомнительным. Он долгое время подвизался в тушинском лагере, потом перешел к литовцам и лишь затем – в земское ополчение. Черкасский отличался знатностью и занимал высокое местническое положение. Предложив Черкасскому важный пост, совет окончательно перетянул его из подмосковного лагеря на ярославскую службу.

В разгар зимних морозов литовские отряды пытались захватить Себеж. Наступление поддержали атаманы Ширай и Наливайко. Потерпев неудачу под Себежем, казаки ушли к Старой Руссе, а оттуда к Антоньеву Краснохолмскому монастырю в

Бежецке.

Появление казаков в Бежецке вызвало тревогу Пожарского. Земское командование приказало Черкасскому «итти на гетмана Ходкевича и на черкас». Первоочередная задача состояла в том, чтобы разгромить Наливайко.

Черкасскому были подчинены воеводы князь Семен Прозоровский и Леонтий Вельяминов с казаками, Лопата Пожарский со смолянами, Петр Мансуров с вологжанами, остатки казанской рати и романовские татары. В апреле земское войско выступило из Кашина в поход. Но в его рядах нашелся предатель. То был Юрий Потемкин, один из участников убийства Ляпунова. Сменив несколько лошадей в пути, изменник предупредил «черкас» об опасности. Наливайко поспешно отступил на запад.

Князь Дмитрий Черкасский не пытался преследовать неприятеля. Запорожцы не были разгромлены и позже соединились с Ходкевичем.

В тылу у земских войск оставались казачьи отряды, сохранившие верность Заруцкому. Они располагались в Угличе. Совет земли надеялся избежать кровопролития и привлечь казаков на службу в ярославское ополчение. Князь Черкасский получил предписание уговорить атаманов и привести их в Ярославль. Когда он подступил к Угличу, четверо атаманов сразу перешли на его сторону. Прочие нехотя выехали в поле и начали биться с дворянами, но потерпели поражение. Черкасский не догнал Наливайко и довел дело до битвы в Угличе.

В начале апреля 1612 года совет обратился с грамотой к Строгановым в Соль Вычегодскую. Грамота звучала как подлинное объявление войны казацким таборам. Историю первого ополчения авторы грамоты рисовали сплошь черной краской. Старые «заводчики злу», тушинские атаманы и казаки с их начальником Иваном Заруцким, гласила грамота, убили Прокофия Ляпунова, стали чинить дворянам смертные позоры, предались грабежам и убийствам; после того дворяне разъехались из Москвы; тогда Трубецкой и Заруцкий с казаками целовали крест псковскому «вору», чтобы «по своему первому злому совету бояр и дворян и всяких чинов людей и земских и уездных лучших людей побити и животы разграбити и владети бы им по своему воровскому казацкому обычаю».

Переворот в пользу Лжедмитрия III напугал многих дворян, и некоторые из них не прочь были порвать с казаками и полностью исключить их из освободительного движения. Но Минин и Пожарский придерживались иной точки зрения, и их курс получил общее признание. К июлю 1612 года на службе в ярославской рати числилось довольно много атаманов. Отъезд

казаков из подмосковных таборов в Ярославль оказал немалое влияние на исход самозванческой авантюры.

Освободительная борьба всколыхнула народы России. Бок о бок с русскими в земских полках сражались украинские казаки (черкасы), белорусы, татары, мордва, чуваши и башкиры. Пожарский стремился установить сотрудничество со всеми, от кого можно было ждать серьезной помощи. Он охотно принял под свою команду ротмистра Хмелевского с поляками. В дальнейшем они оказали большие услуги освободительному движению.

Однако Пожарский забил тревогу, когда в Ярославль явился гонец от капитана Маржерета. Еще осенью 1611 года бравый француз уехал в Голландию, а затем в Англию. Там он увлек рассказами о прибыльной службе в России дюжину авантюристов – подданных британской и австрийской короны. Кондотьеры направили в Москву гонца с письмом. Они готовы были служить любому, кто сможет им хорошенько заплатить. В своем послании наемники клялись, что будут верно служить, но не уточняли кому. Они адресовались к великим и вельможным князьям и к их величеству. Такое обращение могло удовлетворить и нового Лжедмитрия, и «воренка», и семибоярщину. Маржерет, самовольно присвоивший чин полковника, полагал, что в Москве его примут с распростертыми объятиями. Но он ошибся. Князь Пожарский не забыл о его кровавых подвигах при подавлении народного восстания в Москве.

Вопрос о найме солдат за морем Пожарский передал на рассмотрение соборным чинам. Собор энергично отклонил предложение Маржерета. «Наемные ратные немецкие люди, – гласил приговор, – нам не надобны: немцам найму дать нечего, да и верить им нельзя». В письме к кондотьерам разрядный дьяк взялся объяснить им, что Российское государство не нуждается более в иноземной помощи, потому что все земские люди объединились и теперь у них есть свой вождь Дмитрий Пожарский. Поясняя значение Пожарского, дьяк указал, что его избрали «за разум и за дородство и за храбрость». Перечитав написанное, он заколебался, вычеркнул слова «за дородство и за храбрость» и написал «за правду». Исправление весьма точно выражало отношение к Пожарскому, сложившееся в земском движении. Князь Дмитрий не обладал дородством или знатностью, считавшейся главным украшением воеводы. Зато он был смел и беззаветно стоял за правду.

Знать должна была считаться с этим обстоятельством. Черкасский при всей его родовитости оказался непригодным возглавить народное ополчение. В условиях массовой борьбы рождались традиции, отметавшие местничество. Пожарский взял

верх над всеми «дородными» воеводами, потому что пользовался доверием страны.

Чем большей властью обладал суверен, тем пространнее был его титул. Своим «чином» Пожарский мог поспорить с любым владетельным лицом. Но его длинный титул – «По избранию всей земли Московского государства всяких чинов людей у ратных и у земских дел стольник и воевода князь Пожарский» – был порожден освободительным движением и олицетворял торжество представительного начала.

В дни ярославского стояния земские люди учредили новый герб. Начиная с Отрепьева, самозванцы неизменно выступали под знаменами с двуглавым орлом. Ополчение избрало другую эмблему – льва. Большая земская печать несла изображение «двух львов стоячих», меньшая дворцовая печать – «льва одинокого».

Ярославскому совету пришлось взять на себя выполнение внешнеполитических функций, и тогда Пожарский заказал себе печатку с собственным гербом. Герб князя Дмитрия был примечательным во всех отношениях. Его украшало изображение двух львов, которые поддерживали геральдический щит с изображением ворона, клюющего вражескую голову. Под щитом был помещен поверженный издыхающий дракон. По краю располагалась подпись: «Стольник и воевода и князь Дмитрий Михайлович Пожарсково Стародубсково». Глава земского правительства вспомнил о родовом прозвище своих далеких предков – удельных князей Стародубских, чтобы оградить себя от упреков в худородстве со стороны аристократов.

Земский совет, функционировавший в Ярославле, непрестанно повторял в грамотах к городам, что «земля» должна без промедления избрать себе законного царя. «Сами, господа, все ведаете, – писали руководители собора, – как нам ныне без государя против общих врагов – польских и литовских и немецких людей и русских воров стояти? И как нам без государя о великих о земских делах со окрестными государи ссылатися и как государству нашему впредь стояти крепко и неподвижно!» Надо спешить, говорили земские люди, чтобы от свалившихся бед Московское государство без государя до конца не разорилось.

Ярославские власти приступили к практической подготовке дела царского избрания. Они предложили городам выработать специальные решения – «приговоры» и прислать их со своими представителями, «чтобы нам (собору) с совету всего государства выбрати общим советом государя».

Стремление к объединению национальных сил наложило печать на отношение ярославского совета к членам семибоярщины. Ляпунов обличал их как предателей и предлагал

отбирать у них земли. Ярославский совет возлагал вину за погибель государства на изменника Михаила Салтыкова и ни словом не упоминал о преступлениях главных бояр. «Ляпунов, – писали члены совета, – литовских людей в Москве осадил и тесноту им великую учинил». Члены боярского правительства словно бы и не сидели в осаде с «литвой» и не сражались против земских людей. В отличие от Ляпунова земская знать считала, что великих бояр нельзя отстранить от дела царского избрания. Особенно энергично эту точку зрения отстаивал Иван Шереметев, незадолго до того удостоившийся за свое рвение похвалы от семибоярцев. Минин и Пожарский принуждены были считаться с настроениями консервативных сил и старательно удаляли из соборных постановлений все, что могло компрометировать московскую думу.

Как только ярославский совет приступил к определению кандидатов на трон, сразу же возникли непреодолимые трудности. Василий Голицын томился в польском плену. Филарета Романова король Сигизмунд держал в Польше как заложника. Ближайшая родня Филарета – князья Иван Черкасский и Троекуров, Борис Салтыков, дворяне Погожие и Михалковы подвизались в Ярославле и не прочь были подать голос в пользу избрания Михаила Романова. Но собор не мог наречь царем человека, вместе с семибоярщиной служившего Владиславу.

Избрание царя, по замыслу Земского совета, должно было закрепить единство национальных сил. Но поставленная цель оказалась недостижимой. Избирательная кампания в недрах собора лишь разожгла страсти.

Опираясь на поддержку соборных чинов и земли, Минин и Пожарский энергично формировали отряды нового ополчения, пополняли дворянскую конницу, набирали горожан на стрелецкую службу и крестьян – на посошную. К концу весны дороги стали проезжими, и земские ратные люди начали готовиться к долгожданному походу на Москву. Но тут возникли обстоятельства, приведшие к новой задержке. В самом конце весны в Ярославле началась «моровая язва». Ратные люди стояли на постое во всех посадских избах. Скученность способствовала быстрому распространению эпидемии. С 15 мая 1612 года мор приобрел угрожающие размеры. Умерших не успевали хоронить. Народ пришел в смятение. Чтобы успокоить город, Пожарский обратился к духовным чинам. Те предложили провести крестный ход. Поутру 24 мая Пожарский во главе процессии прошел от главного собора к предместьям и обошел городские стены. Мор мешал немедленному выступлению рати к Москве. Многие

дворяне, спасаясь от беды, уезжали в свои поместья. В конце концов эпидемия прекратилась сама собой. В память о спасении от бедствия ярославские посадские люди в один день выстроили крохотную деревянную церковь – «Спас обыденный».

Все помыслы Минина и Пожарского были обращены к тому, чтобы сплотить и выпестовать новую земскую рать. Но они не могли повести ее к Москве, пока с тыла им грозили войной шведы.

Глава 23
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПОЕДИНОК

Митрополит и бояре, сдавшие шведам Новгородский кремль, шли по стопам московской семибоярщины. Новгородская трагедия повторила московскую. Послы Новгорода Великого выехали в Швецию, чтобы привезти оттуда шведского принца и посадить его на «Новгородское государство». Но их задержали в Стокгольме на полгода. Между тем в Швеции умер Карл IX, и трон перешел к Густаву II Адольфу. Делагарди клялся, что шведское правительство во исполнение договора немедленно пришлет в Новгород принца Карла Филиппа. Но Густав Адольф, подобно своему двоюродному брату Сигизмунду III, желал сам занять русский трон. В начале марта 1612 года он обескуражил новгородцев сообщением о том, что вскоре лично прибудет в Новгород и постарается найти средства к умиротворению Русского государства. Густав ни словом не упомянул об отпуске в Новгород принца Карла Филиппа. Власти Новгорода были встревожены перспективой превращения их «государства» в шведскую провинцию, оккупированную коронными войсками. Вмешательство Густава Адольфа испортило игру, которую вел Делагарди. Ему потребовалось немало времени, чтобы успокоить встревоженных новгородцев.

Военачальники Густава Адольфа действовали в Новгороде совершенно так же, как полковники Сигизмунда III в Москве. Они щедро жаловали боярам земли за измену собственному народу. Главный воевода князь Иван Одоевский получил от Делагарди огромный погост с 4500 четвертями пашни неподалеку от самого Новгорода. Проклинаемые народом, новгородские верхи вскоре оказались в полной зависимости от шведских военных властей. Бояре и митрополит слезно упрашивали Делагарди не отлучаться из Новгорода. В противном случае, говорили они, неизбежно возникнет раздор между войском и народом, некому будет подавлять «смуты» и народ отпадет от Швеции.

Бояре помогли шведам утвердить свое господство на всей обширной территории Новгородской земли. Где не действовали уговоры, шведы пускали в ход оружие. В разных концах «Новгородского государства» гремели выстрелы и лилась кровь. Брошенные на произвол судьбы пограничные замки не могли выстоять в одиночку. Завоеванием их руководил Горн. Под Клушином генерал был одним из виновников поражения шведской армии. В Новгороде он пожинал лавры «героя». Горн

метался по Новгородской земле, сея повсюду смерть и разрушение. Король вскоре оценил его заслуги и произвел в фельдмаршалы.

Отчаянное сопротивление оказали захватчикам защитники древнего Орешка. Когда из 1300 воинов в живых осталось не более сотни, гарнизон крепости объявил о присоединении к «новгородскому договору».

Тихвин и Ладога сдались после того, как шведы обстреляли эти крепости из осадных орудий. Угроза шведского завоевания нависла над русским Поморьем. В начале 1612 года шведы ультимативно потребовали сдачи Сумского острога на Белом море.

В апреле 1612 года Пожарскому стало известно, что новгородские власти обратились на Белоозеро и в Кириллов монастырь с предложением быть «в соединенье» с «Новгородским государством» и признать государем шведского принца.

Угроза со стороны шведов носила реальный характер, и земскому правительству пришлось взяться за укрепление обороны северного края. Лучший из помощников князя Дмитрия, воевода Лопата Пожарский, с отрядом отборных войск получил приказ занять позиции в Устюжне, с тем чтобы прийти на помощь белозерцам в случае шведского нападения со стороны Тихвина. Ярославский совет прислал на Белоозеро земского дьяка с повелением строить там новую крепость и снабдить гарнизон свинцом и порохом.

Война со Швецией могла разразиться со дня на день. Швеция и Речь Посполитая на время отложили свои споры из-за Ливонии. Покидая Ливонию, Ходкевич заключил перемирие со шведами. Недавние смертельные враги спешили использовать бедственное положение России, чтобы завершить раздел пограничных русских территорий.

Псковский вор давно вел со шведами безуспешную войну. Признав его царем, подмосковное правительство оказалось на пороге прямого военного конфликта со Швецией. Казаки решительно отвергли кандидатуру шведского королевича, нисколько не задумываясь над дипломатическими последствиями такого шага.

Пожарский и другие вожди ярославского ополчения понимали, какую опасность для земского освободительного движения таит в себе перспектива одновременной борьбы с Речью Посполитой и Швецией. Они не могли начать поход на Москву, пока существовала непосредственная угроза захвата шведами Русского Севера. Северные земли претерпели разорение в меньшей мере, чем Замосковье. В случае утраты Севера

ярославское ополчение лишилось бы главной базы снабжения.

Чтобы нейтрализовать угрозу с тыла и избежать столкновения со Швецией, Пожарский прибегнул к сложной дипломатической игре. Он решил провести мирные переговоры с «Новгородским государством» и с помощью этих переговоров связать противника. Руководствуясь этим планом, ярославский совет снарядил в Новгород посла Степана Татищева, а с ним 15 членов Земского собора – представителей главнейших русских уездов.

Русское государство стояло на грани распада и гибели. Земским дипломатам приходилось пускаться во все тяжкие, чтобы добиться союза или хотя бы перемирия с соседями. Очевидная слабость их позиций отнимала надежду на успех. Единственным козырем в их игре оставался вопрос о замещении царского трона. Не слишком опытные дипломаты пускали в ход этот козырь неоднократно.

Судьба забросила в Ярославль австрийского подданного Грегори. Он ездил в Персию и теперь возвращался на родину. Совет земли решил использовать этот случай, чтобы завязать дипломатические отношения с австрийскими Габсбургами. Пожарский пригласил к себе Грегори и долго беседовал с ним. Воевода знал о давних проектах избрания на царский трон одного из членов габсбургского дома. В Москве такие проекты обсуждали еще при царе Федоре. Когда Грегори упомянул о цесареве брате Максимилиане, искателе многих корон, Пожарский, слегка поколебавшись, заявил, что в Москве его «примут с великой радостью». Причины внезапной симпатии князя Дмитрия к отпрыску габсбургской династии нетрудно понять. Ярославское правительство домогалось союза с Веной и надеялось использовать посредничество австрийцев, чтобы склонить Речь Посполитую к мирным переговорам с Россией.

В дипломатическом поединке со шведами Пожарский прибегнул к тому же приему. Памятуя о фатальной неудаче Ляпунова, он избегал прямых переговоров со Швецией, зато вовсю использовал посредничество новгородцев. Будучи в Новгороде, посол Татищев постарался уверить руководителей «государства», будто избрание на трон крещеного шведского принца является для ярославского совета вопросом почти что решенным. Земские вожди писали, что, как только они узнают о содержании новгородского договора, о его соблюдении, о решении перекрестить принца, тогда они, обсудив дело с новгородскими представителями, пошлют к королю послов от всей земли бить челом о «государе королевиче» и примут необходимые постановления «о государственных и о всяких земских делах».

Как бы мимоходом Татищев потребовал, чтобы новгородцы не предлагали более северным и поморским городам присоединиться к своему «государству» без ведома ярославского совета. Если бы Новгород и шведы согласились исполнить это требование, главная цель миссии Татищева была бы достигнута. Все разговоры относительно будущего избрания шведского королевича имели целью предотвратить военное столкновение со Швецией. Протестантский шведский принц внушал Пожарскому не больше симпатий, чем католический австрийский герцог. Но выбирать аргументы не приходилось.

Татищев удачно завершил трудные переговоры и 1 июня 1612 года вернулся в Ярославль. Он без обиняков заявил, что от Новгорода нечего ждать добра. Если бы совет предал гласности достоверную информацию о шведской интервенции, дальнейшие дипломатические переговоры с Новгородом стали бы невозможны. Земское руководство понимало это и обнародовало отчет о посольстве в Новгород, отвечавший дипломатическим целям, но не истине. «Степан Татищев, – объявил совет, – в расспросе сказал, что в Великом Новгороде от шведов православной вере никакой порухи, а христианам никакого разорения нету: все живут безо всякой скорби; принц же Карло по прошению Новгородского государства будет в Новгороде вскоре, а дается на всей воле Новгородского государства людей».

10 июня Пожарский известил города о начале переговоров с Новгородом и просил незамедлительно прислать в Ярославль «для общего земского совета изо всяких чинов человека по два и по три» с наказом об избрании царя «всею землею, кого Бог даст». Новгородские власти прислали в Ярославль полномочных представителей во главе с князем Федором Оболенским и дядей первого самозванца Смирным Отрепьевым.

Князь Дмитрий Пожарский принял новгородских послов и лично возглавил все переговоры с ними. Во время приема послы клялись, будто шведское правительство положительно решило вопрос о принце. Но на вопрос, когда их государь все же явится в Новгород и примет крещение, они не могли дать никакого вразумительного ответа.

Пожарский терпеливо, не перебивая, выслушал сбивчивые слова Оболенского, а затем произнес замечательную речь. Он категорически отверг мысль о снаряжении Земским собором послов в Стокгольм и прямых переговорах со шведским королем. Москва, заявил он, уже посылала послов за польским королевичем, но все они томятся на чужбине в литовском плену. Когда шведский принц прибудет в Новгород и переменит веру, тогда ополчение готово начать переговоры «о соединенье» с

«Новгородским государством», а иноверного принца земля Русская не примет.

Пожарский достаточно четко выразил свое отрицательное отношение к новгородско-шведскому договору. «Земские люди не прочь были бы соединиться с Новгородом, но на своем опыте убедились, что ненадежно полагаться на иноземных властителей: Сигизмунд хотел дать на царский престол сына своего, манил с год и не дал; а теперь вы (новгородцы) знаете, что делают ляхи с Московским государством».

Пожарский заключил речь убийственным замечанием: «Шведский Карлус король также на Новгородское государство хотел сына своего отпустити вскоре, да по ся места уже скоро год королевич в Новгороде не бывал».

Князь Дмитрий письменно предупредил новгородцев, что Земский собор согласен ждать лишь до исхода лета. Если шведский королевич не прибудет в Новгород к концу лета, тогда люди во всех русских городах придут в сомнение, потому что «великому государству без государя долгое время стоять нельзя».

Пожарский старался внушить новгородцам, будто земское правительство является сторонником шведского претендента. В то же время он весьма прозрачно намекнул на то, что в случае новых проволочек земские представители изберут себе государя по собственному усмотрению.

Поскольку шведская королевская семья не помышляла ни об отпуске в Новгород принца Карла Филиппа, ни о его крещении в православие, переговоры между Ярославлем и Новгородом носили беспредметный характер. Речь шла о том, какая сторона извлечет больше выгод из дипломатической дуэли.

Затевая переговоры с Новгородом, Пожарский пытался разрешить несколько задач. Он хотел избежать военного столкновения со Швецией, положить конец попыткам «Новгородского государства» подчинить себе северные русские города и способствовать установлению перемирия на новгородском рубеже. Все эти цели были достигнуты.

26 июля 1612 года новгородские послы отправились восвояси. Их сопровождали земские представители Секирин и Шишкин. Пожарский поручил им заключить формальное перемирие с «Новгородским государством». Впредь до приезда Карла Филиппа Новгород должен был жить с землей Русской в любви и совете, не «подводить» московских городов к «Новгородскому государству» и не чинить задоров на границе.

Едва угроза шведского вторжения была устранена, Пожарский немедленно выступил с главными силами к Москве. Теперь он был уверен в том, что шведы не нанесут удар по ополчению с

тыла, по крайней мере в ближайшее время.

Глава 24
БЕГСТВО ГОНСЕВСКОГО

С наступлением зимы пламя народной войны охватило многие уезды. Самые многочисленные отряды партизан действовали на смоленской дороге и в местах зимовки войск Ходкевича.

Войска Сигизмунда III удерживали смоленскую дорогу. Но в зимнее время передвижение по ней затрудняли как снежные заносы, так и действия русских шишей. Вооруженные чем попало крестьяне из ближних деревень храбро вступали в бой с регулярными войсками врага. С опаской оглядывались на притихший заснеженный лес наемные командиры. Лесные чащи вдруг оживали, и мужики с топорами и вилами в руках высыпали на большак. Они побивали солдат, забирали лошадей и повозки и исчезали так же быстро, как появлялись. Растянувшиеся на марше колонны не успевали собраться в одном месте.

В феврале 1612 года из Смоленска выступил на помощь Ходкевичу полковник Струсь с солдатами. В пути отряд подвергся нападению партизан. Струсь потерял много людей и едва сам не попал в плен. Отступая, солдаты бросили весь обоз. В марте Струсь вновь пытался пробиться к Москве. На этот раз он продвинулся за Вязьму. Но его вновь постигла неудача.

Ходкевич поначалу разбил свой лагерь в селе Рогачеве в семидесяти верстах к северу от Москвы. Однако вскоре его фуражиры разграбили всю округу дотла, и гетману пришлось перенести ставку в менее разоренную местность. Ходкевич решил обосноваться поближе к смоленской дороге. Он перебрался в село Федоровское, находившееся на некотором удалении от Волоколамска.

Сколько бы продовольствия ни отбирали у населения фуражиры, им редко удавалось доставить его в Москву в целости и сохранности. В начале марта 1612 года из Федоровского вышел большой санный обоз с продовольствием. Его сопровождало до трехсот человек солдат и обозной прислуги. Едва отряд удалился от лагеря, как на него со всех сторон посыпались шиши. Наемники ударились в бегство. Находившиеся при обозе русские мужики тотчас бросились помогать шишам и перегородили дорогу санями. Гусары сворачивали с проселка, но тут же тонули в снежных сугробах вместе с лошадьми. Остатки отряда вернулись в Федоровское.

Некоторые солдаты пробились вперед, потеряв весь обоз в

бою с партизанами. Добравшись до небольшой деревеньки Вишенцы, солдаты захватили старика крестьянина и, угрожая ему оружием, потребовали, чтобы он провел их безопасной дорогой в Можайск. На их пути располагался Волоколамский монастырь, где стояли русские рати. Встреча с ними неизбежно завершилась бы гибелью отряда.

Короткий зимний день угас. Взошла луна. Поляки выбились из сил, но решили продолжать путь, чтобы поскорее миновать опасное место. Что было на уме у проводника, никто из них не знал. Крестьянин же старался усыпить бдительность непрошеных гостей, чтобы тем вернее погубить их. С лесной тропы он незаметно свернул на заснеженную дорогу и повел солдат прямиком в расположение русских войск. Всего лишь верста отделяла их от монастыря. Спасла наемников лишь случайность. По следу их нагнал ротмистр, направлявшийся со своими людьми в Рузу. Собрав последние силы, вояки бежали прочь от Волоколамска, бросая на дороге загнанных лошадей. Проводника они взяли с собой связанного. Когда опасность миновала, они выместили на мужике всю свою ярость. Под конец едва живому от побоев проводнику отрубили голову. Никто никогда не узнал имени безвестного патриота, принявшего мученическую смерть в волоколамском лесу. Его подвиг не был единичным. Тысячи простых русских людей умирали как герои в борьбе с чужеземными завоевателями. История Ивана Сусанина воплотила в себе память о героях, имена которых остались неизвестны.

В стране разгоралась народная война. На борьбу за освобождение родной земли поднимались массы. Крестьянская дубина гвоздила врага.

Захватчики пытались остановить партизанскую войну жестокостью. Когда настала весна и с полей стаял снег, перед глазами тех, кто пережил зиму, открылась ужасная картина. Во многих деревнях трупы лежали неубранными. Троице-Сергиев монастырь выделил несколько монахов и служек с дрогами, чтобы предать земле останки православных. Похоронная команда подобрала трупы сначала в ближних деревнях, а затем и в дальних. Что ни день, в монастыре рыли братские могилы. «Мы сами с братом Симоном, – писал один монах, – погребли четыре тысячи мертвецов, потом по приказу архимандрита отправились по селам и деревням и за полгода погребли по смете более трех тысяч».

То была страшная зима. Враг топтал Русскую землю, оставлял за собой пылающие деревни. Оставшись без кормильцев, без хлеба и крова, женщины, дети, старики гибли от голода, замерзали в лесах.

Когда кончилась зима и наступили теплые весенние дни, для партизан настало трудное время.

Один крупный отряд в несколько сот человек, всю зиму действовавший на смоленской дороге, решил пробиваться в Псков и поступить там на службу к Дмитрию. В середине мая 1612 года шиши неожиданно столкнулись с отрядом полковника Струся.

Новое наступление Струся было хорошо подготовлено. Под его командой собралось 1200 солдат, а вместе с запорожцами до трех тысяч человек. Партизаны не могли противостоять таким силам и после короткого боя разбежались. Среди других в плен попал шиш Ивашка со знаменем.

Присоединив к себе отряд Струся и собрав солдат с зимних квартир, Ходкевич вернулся в окрестности Москвы. Зная о раздорах в ополчении и о том, что некоторые земские воеводы и многие дворяне ушли из таборов в Ярославль, гетман задумал вновь испытать силу Заруцкого. На этот раз он повел атаку со стороны села Нехорошева. По условному сигналу солдаты Гонсевского произвели вылазку из Китай-города. Казаки и земские ратные люди приняли удар, укрывшись в своем укрепленном лагере за Яузой. Помня о своем предыдущем поражении, наемники на этот раз не лезли на рожон. Они вскарабкались на валы острожка, но тут же под ударами острых казацких сабель отступили и больше не возобновляли атаки. Потери их были не очень значительны. Но среди раненых оказался один из лучших польских военачальников Зборовский.

Трудная зима ослабила силы вражеского гарнизона в Москве. Терпя недостаток в продовольствии, ежедневно теряя людей, наемное войско роптало и отказывалось повиноваться своим командирам. В начале июня 1612 года самая боеспособная часть – полк Зборовского покинул Кремль, переправился за Москву-реку и в сопровождении огромного обоза ушел к Смоленску.

Наемники покинули Москву после того, как полностью опустошили казну. Когда бояре пригласили в Москву Жолкевского, в их распоряжении было сто двенадцать тысяч рублей. Менее чем за год почти все деньги ушли на жалованье иноземным солдатам. Налоговые поступления в казну прекратились, едва восстала провинция. Мстиславскому пришлось взяться за царскую сокровищницу.

Кремль стал свидетелем неслыханного торга. В Грановитую палату являлись «депутати» от наемного воинства. Бояре предлагали им в счет жалованья золотую утварь, дорогие перстни, каменья, царские платья, меха. Те отказывались брать вещи, требовали скидки. Казначеи отдавали золото за полцены. Но «депутатов» не удовлетворяла «нынешняя дешевая цена».

Ссылаясь на дороговизну продуктов, они забирали коронные драгоценности за бесценок.

При виде несметных богатств московской казны у Гонсевского голова шла кругом. Соблазн был слишком велик, и староста ни в чем себе не отказывал. С Казенного двора ему было отправлено золотых вещей, мехов и прочей «рухляди» на сумму в несколько тысяч рублей. В казенные книги попала лишь ничтожная часть того, что присвоил себе полковник. С помощью Андронова он забрал из казны много добра без всякой огласки. Отец казначея Федьки Андронова торговал лаптями. Зато Федька стал обладателем золотых цепей, запон с алмазами, жемчужных ожерелий.

Членов семибоярщины нельзя было упрекнуть в том, что они равнодушно взирали на расхищение царской сокровищницы. Каждый из них старался получить при дележе свою долю. Казенный приказ периодически производил распродажу отборной «царской рухляди» на Купеческом дворе. Бояре, столичные дворяне и приказные дельцы получали специально отобранные для них вещи в долг по льготным ценам. В дальнейшем они так и не погасили свои долги, исчислявшиеся многими тысячами рублей.

Летом 1612 года Гонсевский бежал из сожженного и разграбленного им города. Перед тем как покинуть Кремль, он потребовал, чтобы Мстиславский полностью рассчитался с «рыцарством» за два года службы. «Депутати» обшарили все помещения Казенного приказа. Ничто не укрылось от их жадного взора. Со времени Ивана Калиты московские государи скопили много всякого добра. Мнившие себя истинными христианами, завоеватели забрали из казны массивную фигуру Христа из литого золота под тем предлогом, что эта вещь будет украшать костел. Но жадность превозмогла благочестие. Рыцари раздробили фигуру на множество частей и разобрали по рукам. Согласно казенным росписям наемники напоследок забрали из сокровищницы древние золотые иконки с искусными резными (на камне и на кости) изображениями святых, два малых царских стула – «оправлены серебром по железу, резаны с чернью», литую серебряную печать Шуйского, шапку черкасскую, старые щиты и доспехи, коробы с мелким жемчугом, шубы, ковры, сосуды без крышек, даже песцов, тронутых «гнилью».

Чтобы удержать солдат в Москве, Гонсевский несколько раз объявлял о повышении их жалованья. Гетман Ходкевич удержал сапежинцев тем, что письменно обязался оплатить им службу у самозванца с января 1610 года. Бояр ни о чем больше не спрашивали. Им просто предъявляли счета. Оклады достигли

фантастических размеров. Помощники Гонсевского сделали помету в ведомости казенного расхода: «Гайдукам счесть по триста рублев в месяц…» Прежде казна выплачивала по триста рублей только немногим членам Боярской думы, притом не на месяц, а на год. Но солдаты распоряжались в Москве как в завоеванном городе. Жалованье, которое они начисляли себе, давно стало формой грабежа.

Когда из сокровищницы нечего было больше взять, наемники принялись за дворец, усыпальницу московских государей и монастыри. Они сняли искусно выточенные украшения с «царского места», с посохов, с конского наряда, с доспехов и даже с массивной чернильницы, найденной ими во дворце. Бесценные произведения искусных ювелиров превращались в золотой и серебряный лом. Чтобы удовлетворить немцев, казначеи сняли золото с покровов на царских гробах в Архангельском соборе, ободрали раку чудотворца в Благовещенском соборе, изъяли утварь из монастырей. При расчете с немцами Гонсевский сделал широкий жест и выдал им из «личных средств» более трехсот рублей денег. Внезапное великодушие его нетрудно объяснить. Своевольные немцы считали себя обделенными и грозили бунтом главарю шайки.

Наемники изъяли из сокровищницы царские регалии и разделили их между собой. На долю Гонсевского и солдат, покидавших Россию, достались две самые богатые короны. Одна принадлежала Борису Годунову, а другую начали делать для Отрепьева, но не успели закончить.

«Шапку» Годунова украшали два огромных камня, сверкавших искусно отшлифованными гранями. Казенная опись называла один камень лазоревым яхонтом, а другой – синим. То были редчайшие сапфиры, некогда вывезенные с Цейлона. Один камень оценивался в девять тысяч рублей, другой – в три тысячи. Подлинная их цена была много большей. Корону венчали два золотых обруча, яблоки и крест, сплошь усыпанные большими алмазами, рубинами, жемчугом и изумрудом. Корону Отрепьева украшал алмаз необыкновенной величины. Он искрился и отбрасывал во все стороны пучки разноцветных огней. В гнезде над алмазом красовался редчайший изумруд. Недоделанную корону Лжедмитрия оценивали в восемь тысяч рублей, корону Бориса – в двадцать тысяч.

К венцам Гонсевский присоединил золотой посох с алмазами, два носорожьих рога и другие вещи. Обычно власти привлекали для оценки казенных вещей московских гостей, знавших толк в ювелирном деле. «Рыцарство» обошлось без них. Оно поручило оценку некоему ювелиру Николаю. Тот назвал цифру в двести

пятьдесят тысяч рублей. Подлинная цена царских регалий была много большей. Адам Жолкевский, имевший случай осмотреть царскую сокровищницу, не скрыл своего восхищения при виде носорожьего рога. В средневековой Европе такой рог считался великой редкостью и обладание им было привилегией владетельных особ. По словам племянника гетмана, он однажды держал в руках единорожий рог ценою в двести тысяч угорских золотых. Но виденная им диковина была основательно стерта на конце. Цельный рог, найденный в московской казне, стоил гораздо больше. Наемники забрали себе два рога.

Боярское правительство не смело перечить Гонсевскому и поневоле согласилось передать вещи наемникам впредь до выплаты жалованья. Договор не предусматривал вывоза царских регалий за границу. Однако Гонсевский, покидая Москву, придрался к тому, что казна не полностью расплатилась с его солдатами, и объявил, что заберет регалии с собой на границу. Пусть бояре пришлют деньги вдогонку на рубеж, сказал он, и залог будет возвращен. В действительности полковник вовсе не намерен был выпускать из рук сокровища. Московский староста обокрал царскую казну. После вывоза за границу солдаты поделили сокровища между собой. Короны и прочие вещи были разломаны на части. Самый крупный камень с царских венцов, а также золотой царский посох присвоил себе Гонсевский.

Московские патриоты успели предупредить партизан о выступлении из Москвы транспорта с сокровищами. Большая толпа вооруженных крестьян устроила засаду в лесной теснине. Когда на дороге показалась неприятельская пехота, шиши с громкими криками выбежали из перелеска и навалились на врага со всех сторон. Но на помощь пехоте уже спешила конница. Крестьяне не выдержали конной атаки. Чтобы устрашить партизан, Гонсевский велел посадить на кол сотни пленных.

Вместе с Гонсевским Москву покинули почти все солдаты, некогда пришедшие туда после Клушинской битвы. Их место заняли солдаты Струся, прежде участвовавшие в смоленской осаде, и сапежинцы. Главной заботой для гетмана Ходкевича по-прежнему оставалось снабжение гарнизона продовольствием. Дела в Москве шли все хуже, тем не менее Ходкевичу пришлось покинуть ослабленный гарнизон и вновь уйти к Волоколамску для сбора провианта.

Заруцкий зорко следил за тем, что происходило в стане врага, и использовал первый же подходящий момент, чтобы перейти от обороны к наступлению. Через две недели после ухода Ходкевича он попытался разгромить оставленный им гарнизон и отдал приказ об общем штурме. Несколько тысяч казаков и

ратных людей пошли на приступ с трех сторон, пытаясь овладеть стенами Китай-города. В разгар боя оставленные в резерве силы нанесли удар с четвертой стороны. Теперь кровопролитное сражение шло вдоль всей линии крепостных укреплений. Казаки бились, не щадя живота.

Прорвать неприступную линию китайгородских укреплений им однако не удалось. С тех пор как московские мастера старательно выложили из камня башни и стены внутренней крепости, никому еще не удалось силой проложить путь внутрь твердыни. От пушечных залпов штурмующие понесли огромные потери.

Подмосковные таборы были обескровлены. Они не могли своими силами освободить Кремль. Но у Заруцкого были свои счеты с Ярославлем, и он пытался добиться решающего успеха до подхода Минина и Пожарского. Казачья кровь вновь пролилась на Московскую землю.

Глава 25
ОБЪЕДИНЕНИЕ СИЛ ПОД МОСКВОЙ

После многих лет самозванщины имя «доброго Дмитрия» утратило прежнюю магическую силу. В глазах многих русских людей оно давно стало символом раздора, а не единения.

Инициаторы провозглашения Лжедмитрия III царем обманулись в своих надеждах. Крест самозванцу отказались целовать не только замосковные города Рязань и Тверь, но и многие города, прежде входившие в состав калужского лагеря. По утверждению троицких монахов, присяга не удалась даже в Калуге, Туле и Серпухове.

В столице народ недолго ликовал по поводу обретения государя. Буйный пир сменился тяжким похмельем. Казаки и московские черные люди имели возможность убедиться в том, что провинция решительно отказалась поддержать их выбор. Надежды на то, что царек поможет вызволить царствующий град, оказались иллюзорными. В Пскове Лжедмитрий III не мог управиться даже с Лисовским. Зато реальные последствия воцарения псковского вора дали о себе знать незамедлительно.

Нижегородская рать, прибытия которой ждали в Москве с нетерпением, остановилась в Ярославле и отказалась выступить оттуда на помощь таборам. Вожди нового ополчения Минин и Пожарский предприняли военную демонстрацию против казаков Просовецкого, чтобы доказать всем и каждому, что они не потерпят утверждения на троне самозванца.

Переворот в пользу Лжедмитрия III посеял рознь и смуту в самом подмосковном лагере. Боярин Трубецкой и окружавшие его дворяне, оправившись от испуга, пытались организовать тайный заговор против самозванца. В конце марта 1612 года Трубецкой прислал в Троице-Сергиев монастырь двух дворян братьев Пушкиных. Через своих посланцев он просил монахов помочь ему заключить соглашение с Пожарским, чтобы сообща «промышлять» над врагами, «которые нынече завели смуту». Находившийся в монастыре думный дворянин Василий Сукин охотно поддержал этот план вместе с тамошним архимандритом и старцами. Пожарский получил от них пространное послание. Старцы передали ему предложение встретиться с Трубецким «во едином месте, где вам Бог благоволит», и «положить» благой совет о государе, «кого нам даст Бог наш», пока многие города еще не успели присягнуть вору и ратные люди под Москвой «рознею своею не потеряли Большого каменного города и острогов и

наряду».

Минин и Пожарский с большой выдержкой старались предотвратить вооруженное столкновение с казацкими таборами, поддерживавшими псковского вора. Они отвергли предложение о тайном сговоре с Трубецким. Князь Трубецкой получил боярский чин в Тушине и заслужил репутацию самого преданного из слуг тушинского вора. Минин и Пожарский попросту не доверяли ему. А кроме того, они знали, что Трубецкой был человеком слабым, и подлинной властью и влиянием в таборах пользуется не он, а Заруцкий. Пожарский понимал, что немедленное выступление против казачьего царька сплотит сторонников самозванца и вновь разожжет пламя гражданской войны. Он решил выждать. Последующие события показали всю мудрость такого решения.

Атаман Заруцкий занимал несколько иную позицию, нежели Трубецкой. Переворот застал его врасплох, хотя своей агитацией в пользу коломенского воренка он сам невольно подготовил почву к успеху Лжедмитрия III. Присяга открыла новому самозванцу путь в Москву. Псковский вор готовился прибыть в столицу и предъявить права на Марину Мнишек в качестве ее супруга и отца ее ребенка. До сих пор атаман пользовался безраздельным влиянием на Марину Мнишек. Царица видела в нем свою последнюю опору. Она вступила в любовную связь с ним. Воскрешение законного супруга грозило ниспровергнуть все достижения атамана. Но он был не таким человеком, чтобы без борьбы уступить любовницу и власть безвестному бродяге и проходимцу. Впрочем, не одни только личные мотивы побуждали атамана отказать в поддержке новому царьку. Заруцкий был достаточно искушенным политиком и понимал, что попытка навязать стране псковского вора может окончательно погубить власть первого земского правительства. Если псковский вор и нужен был атаману, то лишь для того, чтобы усадить на трон царицу Марину и «царевича» Ивана.

В середине марта 1612 года ополчение постановило направить в Псков новое посольство. Сторонники Лжедмитрия III настояли на том, чтобы послов сопровождали триста казаков. Таким путем они желали обеспечить государю безопасный проезд из Пскова в царствующий град. Заруцкий знал, что вся его сила заключена в поддержке казачьих станиц, и не стал перечить народу. Но атаман добился того, что главой посольства стал Иван Плещеев. Бывший любимец тушинского вора и его боярин, Плещеев служил в полку у Заруцкого и считался его человеком. Назначение Плещеева вызвало гнев Трубецкого и его сообщников по заговору. В письме Пожарскому троицкие старцы утверждали, будто Плещеев (имени его покровителя Заруцкого они не

называли) организовал присягу в пользу псковского вора, и ругали его как злодея и богоотступника.

Трубецкой не доверял Заруцкому и Плещееву и не посвятил их в свои планы. В свою очередь, казачий атаман и его сторонники организовали свой заговор за спиной Трубецкого. Никто не знает, о чем Плещеев совещался с Заруцким перед своим отъездом. Ясно лишь одно – Заруцкий обладал реальной властью в ополчении, и его подручный Плещеев никогда не решился бы восстать против утвержденного присягой псковского «государя» без прямых указаний с его стороны.

Миссия Плещеева была достаточно сложной. Отправляясь в путь, казаки поклялись на кресте перед всем честным народом, что еще раз «досмотрят» псковского царя «в правду» и обличат его, если он окажется не тем, за кого себя выдает. Если же государь истинный, его надлежало торжественно препроводить в столицу.

11 апреля 1612 года земское посольство прибыло в Псков. Какими бы ни были инструкции, Плещеев повел дело с большой осторожностью. Не желая рисковать головой, он, будучи допущен к руке «царя», громогласно признал его истинным Дмитрием. В течение месяца бывший тушинский боярин усердно разыгрывал роль преданного слуги, а тем временем тайно готовил почву для переворота.

Не надо было быть провидцем, чтобы заметить, что самозванец не пользуется популярностью у населения Пскова. Найденные в городской казне деньги Матюшка вмиг пустил на ветер, после чего стал добывать деньги «немерным правежом». Зажиточные горожане, обложенные поборами, с возмущением наблюдали за тем, как «государь» с подчеркнутой щедростью раздает жалованье ворам казакам, вчерашним ярыжным и боярским холопам. Псковичи призвали «государя», чтобы он оборонил их от врагов. Ничто не укрепило бы так престиж самозванца, как военная удача, пусть даже самая небольшая. Как на беду Матюшка не обладал никакими военными способностями. Все его попытки изгнать из Псковщины Лисовского неизменно заканчивались поражением.

Воздвигнув в Пскове призрачный трон, царек усвоил все повадки своих предшественников. Он спешил взять от жизни все, что можно. Матюшка бражничал и предавался разврату. Его слуги хватали на улицах приглянувшихся ему городских красавиц и приводили их ночью во дворец «на блуд».

Роль самодержца оказалась беглому дьякону не по плечу. На него смотрели тысячи глаз, от него ждали новых и новых подтверждений того, что он впрямь сын Грозного. В ответ же

слышали затверженную речь, порядочно всем надоевшую. Шли месяцы, и многие стали понимать, что песенка самозванца спета.

Недовольных в Пскове было более чем достаточно, и Плещееву удалось составить обширный заговор против вора. В нем участвовали несколько старших воевод, дворяне и псковские торговые люди, негодовавшие на поборы царька.

В мае шведы осадили псковский пригород Порхов. Заговорщики использовали момент, чтобы удалить из Пскова казачьи отряды, преданные самозванцу. Матюшка чувствовал, что дело неладно, и искал случая бежать из Пскова. Но псковичи не выпустили его из крепости. 18 мая 1612 года самозванец был разбужен в своем доме посреди ночи. Кто-то ломился к нему в ворота. Матюшка успел вскочить на неоседланного коня и без шапки в одном плаще бежал из крепости. Его сопровождали князь Хованский и немногие казаки. Беглец не знал того, что ночевавший во дворце Хованский был одним из главных заговорщиков. Не владея собой, не зная дороги и не соображая, куда повернуть, вор промчался мимо Порхова и оказался на пути к Гдову. Спутники покидали его один за другим. У одних кони не выдержали бешеной скачки, другие не желали рисковать головой.

Высланная из Пскова погоня вскоре напала на след вора и без труда захватила его. По улицам Пскова самозванца провели как пленника, привязанным железными путами к коню. Псковичи немедленно посадили Матюшку «в палату» под стражу. Произошло это 20 мая. Плещеев снарядил нарочного в Москву и известил ополчение об аресте самозванца.

Земское правительство не дало времени опомниться сторонникам Лжедмитрия III. В начале июня 1612 года Совет земли постановил считать присягу псковскому вору недействительной. Недолгому «царствованию» лжецаря Матюшки пришел конец.

Опасаясь волнений, вожди ополчения поначалу велели держать вора в Пскове. Лишь 1 июля его под усиленной охраной повезли в Москву. В пути конвой попал в засаду. Лисовский едва не отбил самозванца у ратных людей. В таборах казаки не дали казнить вора, а посадили его на цепь для всеобщего обозрения.

Без отлагательств подмосковный совет снарядил в Ярославль посла дворянина Чеглокова и четырех атаманов с повинной грамотой. 6 июня послы встретились с Мининым и Пожарским и передали им приговор земли. Трубецкой и Заруцкий вместе с соборными чинами – воеводами, дворянами, атаманами, казаками, прочими служилыми людьми и москвичами извещали ярославский совет о низложении Лжедмитрия III, клятвенно обещали впредь не затевать иного воровства и отрекались от

Маринки и ее сына. Они предлагали ярославскому правительству немедленно объединиться «во всемирном совете», чтобы избрать царя всем вместе сообща.

Обращение подмосковных властей вызвало разногласия в Ярославле, «междоусобные смутные словеса». Члены совета разделились. Одни настаивали на соглашении с таборами, другие категорически возражали против союза с казаками и их атаманом. Противники Заруцкого приписывали ему самые коварные замыслы. «Князя Дмитрия, – говорили дворяне, – манят под Москву казаки: хотят его убити, как Прокофия Ляпунова убили».

После «воцарения» Лжедмитрия III Совет земли сжег все мосты к примирению с вождем казаков, публично заклеймив его как убийцу Ляпунова. Арест самозванца не изменил отношения ярославских воевод к Заруцкому. В июне они разослали грамоты в северские и украинные города с новым призывом отстать от вора, Маринки и ее сына. Минин и Пожарский старались окончательно подорвать влияние Заруцкого в тех местностях, которые давно поддерживали его. Их грамоты обвиняли атамана в том, что тот присвоил денежную казну, привезенную из городов в Подмосковье. Разъезд дворян из полков объяснялся теперь тем, что Заруцкий не давал им казны и они пришли в великую скудость.

Старания ярославского совета достигли цели. Летом из Перемышля в Подмосковье прибыл Иван Дубина Бегичев с ратными людьми из украинных городов. Он не мог найти общий язык с Заруцким и решил искать на него управы в Ярославле. Явившись к Минину и Пожарскому, Бегичев стал жаловаться на то, что не может добиться жалованья от земской казны и его люди терпят нужду в продовольствии и притеснения. Видя крайнюю бедность прибывших ратников, Минин в тот же час одарил их деньгами и сукном на платье. Посланцы вернулись в Москву ободренными.

Заруцкий расценил их обращение в Ярославль как прямой мятеж. По его приказу казаки напали на месторасположение отряда. Ратные люди из отряда Бегичева, спасаясь от гнева Заруцкого, бежали в свои города.

Отказ Пожарского вести какие бы то ни было переговоры с Заруцким и ответные действия казачьего предводителя расстроили намечавшийся компромисс между двумя земскими правительствами. Какими бы извилистыми путями ни шел Заруцкий, его заслуги перед освободительным движением были неоспоримы. Он сумел сплотить казачьи таборы и вдохнуть в них веру в победу. Более года казаки держали в осаде некогда

грозного ворога. Мертвой хваткой вцепились они в московскую землю, и никакие потери не могли сломить их.

Заруцкий послал ярославским вождям покаянную грамоту и сделал все, чтобы добиться примирения. Его старания не были оценены. Обличения со стороны ярославского совета привели атамана в ярость. Он задумал отомстить тем, кто отверг протянутую руку.

Ходили слухи, будто Заруцкий заслал в Ярославль ведунов и те испортили князя Дмитрия, наслав на него злые чары. «И до нынешнего дня, – записал современник, – та болезнь – черный недуг – на нем». В дни ярославского стояния у князя Дмитрия в самом деле случился сильный припадок. Однако его болезнь вовсе не была следствием «порчи».

Когда Заруцкий замыслил физически уничтожить Дмитрия Пожарского, он прибегнул к услугам не колдунов, а тайных убийц.

Как обычно, ранним утром Дмитрий Пожарский заглянул в съезжую избу, чтобы решить накопившиеся дела. Переговорив с дьяками, он отправился на площадь перед Разрядной избой, чтобы осмотреть стоявшие там пушки. Подле пушек работали кузнецы. Пришло время отправлять артиллерию под Москву, и надо было привести в порядок пушечные лафеты и колеса. Осмотрев пушки, воевода повернул к крыльцу Разрядной избы и стал протискиваться сквозь толпу к дверям. Казак Роман вел его, поддерживая под руку.

Внезапно провожатый отпустил князя, громко застонал и неловко повалился на бок. Пожарский не сразу понял, что случилось, и попытался выбраться из толпы, не чая беды. Но народ не выпускал его, а, напротив того, старался окружить со всех сторон плотной стеной. Люди кричали ему: «Тебя хотели зарезать ножом!» Подле раненого обнаружили окровавленный нож и тут же установили его владельца, не успевшего далеко убежать. Между тем к месту происшествия спешили со всех сторон ратники и посадские люди. Злодея пытали всем миром, и он вскоре же назвал свое имя и выдал сообщников.

Заруцкий поручил убийство Пожарского двум казакам – Степану и Обрезку. По прибытии в Ярославль эти люди должны были вовлечь в заговор нескольких смоленских дворян и стрельцов, которые пользовались покровительством Заруцкого в дни службы Сигизмунду III в лагере под Смоленском и были ему многим обязаны. Заруцкий допустил просчет. Казак Стенька виделся с сыном боярским Иваном Доводчиковым, стрельцом Шалдой и четырьмя другими смолянами, но те не поддались на уговоры. Тогда Стенька попытался подкупить холопа Пожарского

Жвалова, имевшего давние счеты с господином. Холоп согласился проникнуть в спальню и зарезать спящего князя ночью. Но в последний момент он струсил и отказался участвовать в заговоре. И Стенька решил собственноручно убить Пожарского в уличной давке. Он подстерег его возле Земской избы, выхватил нож из-за голенища и попытался нанести жертве воровской удар снизу в живот. Из-за толчеи убийца промахнулся и вонзил нож в бедро казака, сопровождавшего князя Дмитрия.

Заговорщиков судили судьи, назначенные Советом всей земли. Казака Стеньку и его ближайших сотоварищей Пожарский взял с собою под Москву для обличения Заруцкого, всех прочих участников заговора разослал по тюрьмам. Князь Дмитрий не желал проливать их кровь.

Авантюра Заруцкого обернулась против него самого. Почва под его ногами заколебалась. Атаман давно уже не полагался на своего сотоварища Трубецкого, который вел за его спиной переговоры с Ярославлем. Теперь Трубецкой и дворяне готовы были пожертвовать Заруцким, чтобы получить помощь от второго ополчения.

Заруцкий метался как загнанный зверь и не мог найти выхода. Ходкевич знал о его затруднениях и думал толкнуть на предательство. В земский лагерь явился лазутчик и передал атаману письмо от гетмана. Заруцкий не дал ответа полякам.

Но при этом он не только не арестовал лазутчика, но и позволил ему остаться в таборах как бы на земской службе. Он решил сохранить возможность тайных сношений с неприятелем, обнаружив обычную неразборчивость в средствах.

Между тем тайное стало явным. Лазутчик поделился своими секретами с несколькими поляками, находившимися на земской службе. Один из них, ротмистр Хмелевский, забил тревогу и не побоялся объявить обо всем Трубецкому и членам подмосковного совета. Лазутчика арестовали и погубили на пытке, чтобы замять дело. Хмелевскому пришлось бежать в Ярославль к Пожарскому. Но толки о великой измене вождя больше не прекращались ни на день.

Казаки не забыли, какое побоище учинил их атаман, когда ему взбрело на ум увести казаков на королевскую службу под Смоленск. Они начали утрачивать доверие к Заруцкому вследствие также и других причин. Прошло время, когда казаки многое прощали своему предводителю за его отчаянную храбрость и везенье. По законам вольного казачества выборный атаман считался первым среди равных. Некогда все так и было. Но со временем от равенства не осталось и следа. Казаки провели суровую снежную зиму в наспех вырытых землянках. Они жили

впроголодь и вовсе обносились. Их же вождь не только не знал нужды, но использовал трудную годину для беззастенчивого обогащения. За особые заслуги Заруцкий добился пожалования ему во владение обширной важской земли, некогда принадлежавшей правителю Борису Годунову. Глава таборов грубо нарушил приговор 30 июня 1611 года, утвержденный им самим. Помимо Ваги, он завладел другими землями. Минин и Пожарский имели основание упрекать атамана в злоупотреблениях. По своему произволу Заруцкий делил доходы, поступавшие в земскую казну из городов, рассылал «своих советников» по городам, дворцовым и черным волостям для сбора денег и «корма». Неравное распределение доходов усугубляло нужду рядового казачества и московских повстанцев. Вчерашние холопы, ярыжки и мужики, называвшие себя казаками, давно не считали Заруцкого своим человеком. Став великим господином, атаман усвоил истинно боярские манеры. Его трудно было узнать. Власть и богатство, свалившиеся на голову удалого казака, повлекли за собой полное перерождение.

В труднейший момент, когда Ходкевич впервые подступил к Москве, на призывы о помощи откликнулся Путивль. Сподвижник Болотникова, атаман Юрий Беззубцев, собрав подле себя «всяких людей», поспешил на помощь к подмосковному ополчению.

В конце июня власти Троице-Сергиева монастыря предприняли попытку ускорить выступление второго ополчения к Москве. В Ярославль выехал келарь Авраамий Палицын. Старец долго беседовал с Мининым и Пожарским. Он пустил в ход все свое красноречие, поучал цитатами из всех святых, под конец слезно молил поспешить под царствующий град. Но на военные планы ополчения оказали действие не его речи, а вести о новых передвижениях литовских войск в Подмосковье.

Минину и Пожарскому пришлось преодолеть большие трудности, чтобы организовать московский поход. Съехавшаяся в Ярославль знать охотно представительствовала в Совете земли и подписывала его воззвания. Но едва Пожарский стал «разряжать» полки, она заволновалась. Совет земли однажды уступил им, поручив Черкасскому разгромить Наливайко. Опыт оказался неудачным. Теперь решено было не повторять раз допущенную ошибку. Московский поход возглавили Пожарский и Минин. Едва эта весть распространилась по городу, знатные дворяне стали спешно покидать Ярославль. Кто выпрашивал себе воеводские назначения в дальние города, кто уезжал в свои усадьбы. С Пожарским выступили лишь его братья, свояк Иван Хованский да второстепенные воеводы Туренин и Дмитриев.

В середине июля Пожарский направил к Москве четыре сотни

конных дворян. Командовал ими Михаил Дмитриев, не претендовавший на высокое местническое положение. Человек пожилого возраста, Дмитриев перешел на сторону ополчения при Ляпунове, и его хорошо знали в подмосковных таборах. Воевода получил приказ занять позиции между Тверскими и Покровскими воротами, где некогда располагался лагерь ярославских и нижегородских воевод.

24 июля воевода Дмитриев достиг Москвы и выдержал трудный бой с поляками, сделавшими вылазку из крепости. Появление войск из Ярославля ускорило раскол, давно назревавший в подмосковных таборах.

В ночь на 28 июля Заруцкий приказал казакам сняться с лагеря и отступить по коломенской дороге. Но атаман не пользовался прежним непререкаемым авторитетом в армии. Поэтому его приказ остался невыполненным. Следуя долгу, большая часть казаков отказалась покинуть позиции под Москвой. С помощью верных атаманов Заруцкому удалось увлечь за собой лишь около двух тысяч человек.

Пять дней спустя к Москве подошел воевода князь Лопата Пожарский с семью сотнями конных дворян и расположился между Тверскими и Никитскими воротами. Борьба за освобождение Москвы вступила в заключительную фазу.

Глава 26
РЕШАЮЩИЕ ПОБЕДЫ

Пожарский с главными силами выступил из Ярославля в Москву, не зная о бегстве Заруцкого в Коломну. Войско сопровождали громоздкий обоз и артиллерия.

Дороги были в ужасном состоянии. Пушки то застревали в глубоких рытвинах, то проваливались на мостах через реки. За день земская рать удалилась от Ярославля всего на семь верст. В течение второго дня ратники прошли еще двадцать верст.

Пока полки медленно продвигались к Москве, Пожарский передал командование двум своим помощникам – Кузьме Минину и князю Ивану Хованскому, а сам с небольшой свитой поскакал в Суздаль, чтобы помолиться о победе у родительских могил в Спасо-Евфимиеве монастыре. Побывав в Суздале, князь Дмитрий Пожарский выехал в Ростов, куда к тому времени прибыли Минин и Хованский с полками.

В Ростове в шатер главнокомандующего явился из-под Москвы атаман Кручина Внуков с товарищами. Казацкий круг прислал их, чтобы уведомить князя Дмитрия о бегстве Заруцкого. Минин и Пожарский наградили Внукова жалованьем и отпустили в таборы с добрыми словами.

В Ростов съехалось много дворян из окрестных поместий. Воеводы разослали повсюду сборщиков с приказом «забивати» в полки уездных служилых людей. На пути к Переяславлю к Пожарскому прибыл гонец, привезший неприятные вести. Он сообщил, что черкасы и литовские люди неожиданно напали на Белоозеро и 30 июля захватили город. Пожарский тотчас отрядил на выручку белозерцам четырех казачьих атаманов с их станицами, сотню стрельцов и роту служилых иноземцев.

В середине августа 1612 года земская рать разбила свои станы у стен Троицы. Тут Пожарский задержался на четыре дня. Как человек бывалый, князь Дмитрий понимал, сколь важно добиться от таборов согласия на создание объединенного командования до подхода к Москве. Армия не могла иметь сразу двух главнокомандующих. Рознь бояр грозила погубить дело. Однако попытка достигнуть соглашения с Трубецким не удалась.

Передовые воеводы дали знать Пожарскому, что в столице со дня на день ждут подхода войска Ходкевича. Посовещавшись с Кузьмой, князь Дмитрий выслал вперед князя Василия Туренина и велел ему занять позиции у Чертольских ворот, с тем чтобы полностью блокировать вражеский гарнизон во внутренних

крепостях.

18 августа Пожарский снялся с лагеря в Троице. Провожало его все окрестное население. Монахи кропили святой водой проходящие сотни. Толпа напутствовала воинов призывами постоять за родную землю. С утра погода выдалась ветреная. Первыми прошли по дороге и скрылись в туче пыли конные дворянские отряды. Исчезли за поворотом стрелецкая пехота и казаки. Следом нестройной толпой двинулись даточные люди. Сотни повозок следовали за полками.

Ратники шли, преодолевая порывы ветра, глотая дорожную пыль. Когда последние сотни покидали монастырский посад, ветер внезапно переменился. Теперь яростные порывы толкали уходивших в спину, так что обозная стража едва держалась в седлах.

Перемену ветра истолковали как благое предзнаменование. Идти ратникам стало легче, и они невольно ускорили шаг. Высланные вперед дозорные, миновав бивуаки Лопаты Пожарского, провели рекогносцировку в районе Арбатских ворот. Воеводы предполагали преодолеть путь до столицы за два дня. К концу второго дня полки прибыли на Яузу. До города оставалось пять верст, но надвигался вечер, и Пожарский отдал приказ готовиться к ночлегу. Солдаты кто раскладывал костры, кто чистил оружие. Подле воеводского шатра наблюдалось необычное оживление. Из таборов Трубецкой что ни час слал к Пожарскому вестовых, призывая его в свой лагерь. Казаки провели под Москвой более года и успели укрепить Яузский острог высокими валами. Внутри их лагеря было много брошенных землянок, шалашей и изб. Ярославские ратные люди могли удобно расположиться в них. Сколь бы заманчивым ни казалось предложение Трубецкого, Минин и Пожарский решительно отклонили его. План сосредоточения всех сил в восточных предместьях за Яузой казался им неприемлемым. Ходкевич приближался к столице с запада, и князь Дмитрий решил расположить свои полки в западных кварталах города за Арбатом, чтобы затворить неприятелю пути в Кремль. Совет земли поддержал решение Пожарского, следуя политическим соображениям. В таборах продолжали действовать органы первого земского правительства. Тамошние бояре вершили дела в воеводской избе, дьяки заседали в приказах. На Яузе членам ярославского правительства пришлось бы довольствоваться второстепенной ролью. Идти со своим уставом в чужой монастырь было делом рискованным.

Полтора года прошло с тех пор, как Пожарский покинул горящую Москву. Мертвые руины были немыми свидетелями бед,

выпавших на долю москвичей. И все же врагам не удалось ни покорить, ни уничтожить город. Жители цепко держались за родные места. Жизнь брала свое. Едва занималась заря, как в разных концах посада начинали стучать топоры. Казалось, Москву населила дружная стая дятлов. Жители спешили потрудиться в последние летние дни, чтобы заменить времянки теплыми рублеными избами. Многие кузнецы открыли свои мастерские. На рынках снова была толчея. Подле лотошника и крестьянина, торговавшего с воза, тотчас возникал людской водоворот. По праздникам над столицей нестройно звонили колокола. Картина мирной жизни, однако, была обманчивой. Неприятель удерживал в своих руках не более одной десятой территории города, но освобожденные кварталы легко простреливались с кремлевских высот. Белое облачко то и дело взвивалось над кремлевской стеной, и гул выстрела прокатывался над городом. По временам к Москве подходили вражеские отряды, и тогда городские руины становились полем боя.

Испытания закалили москвичей. Малодушным и слабым не осталось места в столице. Собрав котомки, они давно разошлись по деревням. Остались те, кто привык жить под ядрами. Иностранцев поражали неприхотливость и великое терпение этих людей. На их глазах русский человек извлекал из мешочка горсть муки, заливал ее водой и этим довольствовался.

Когда рать Пожарского подошла к Москве, Трубецкой выехал навстречу в сопровождении своих дворян. Свидание воевод закончилось безрезультатно. Боярин Трубецкой, старший по чину и знатности, принял было начальственный тон, но быстро осекся. Он вовсе утратил самообладание, когда Пожарский по обыкновению стал совещаться с Кузьмой. Гнев аристократа нашел отзвук в словах хотя и легендарных, но точно отражавших характер действующих лиц: «Уже мужик нашу честь хощет взять на себя, а наша служба и радение ни во что будет». Воеводы разъехались в разные стороны, приостановившееся движение полков возобновилось. В Белом городе ратные люди, не теряя времени, взялись строить укрепления подле ворот на Арбате. До глубокой ночи они сооружали деревянный острожек и рыли кругом него ров. Множество москвичей с лопатами и прочим инструментом помогали воинам в их работе.

Русские ждали удара со стороны Дорогомиловской ямской слободы, где начиналась большая смоленская дорога.

На самом опасном направлении Пожарский и расположил свой полк. Справа от него стояли отряды князя Лопаты и воеводы Дмитриева. Слева, в Чертолье, занял позиции отряд Василия Туренина. Его подкрепил Артемий Измайлов, прибывший в

Москву с владимирским ополчением. Близилось решающее столкновение. От исхода его зависело будущее России. Среди населения столицы и в ратных людях зрела отчаянная решимость бороться до конца.

Гетман Ходкевич учел опыт предыдущих боев и постарался укрепить свою армию пехотой. Король Сигизмунд прислал ему в подкрепление полторы тысячи солдат. В наступлении приняли участие около восьми тысяч запорожских казаков. Их возглавляли атаманы Заборовский, Наливайко и Ширай. Ходкевич поддерживал постоянную связь с командирами осажденного гарнизона. В решающий момент они должны были нанести русским удар с тыла.

С Трубецким в таборах осталось не более трех-четырех тысяч ратников и казаков. Нет никаких точных данных насчет численности ярославской рати. Судя по тому, что передовые силы Пожарского не превышали тысячи человек, армия в целом насчитывала едва ли более десяти тысяч воинов. Боевое ядро рати составляли дворянская конница, пешие стрельцы и казаки. К ним присоединилось множество кое-как вооруженных людей. Осажденная в Кремле шляхта с насмешкой советовала Пожарскому распустить к сохам своих ратников. В ополчении под Москвой в самом деле было много крестьян и горожан, никогда прежде не державших в руках оружия. По феодальным меркам им не было места в армии. Но война в России приобрела народный характер. Ополченцев воодушевляло сознание высокой патриотической миссии. Они сражались за родную землю.

Когда наступила ночь, Поклонная гора засветилась огнями множества костров. Воинство Ходкевича отдыхало после марша и готовилось к битве. С Поклонной гетман мог нанести удар по кратчайшему направлению на позиции Пожарского либо повернуть к Донскому монастырю и прорваться в Кремль через Замоскворечье.

Полк Трубецкого расположился в районе Крымского двора, выдвинув дозоры к Донскому монастырю. Пожарский направил свои разъезды к Новодевичьему монастырю. Опасаясь, что казаки не выдержат удара «литвы», он переправил на правый берег Москвы-реки в помощь им пять отборных дворянских сотен.

Поутру 22 августа конница Ходкевича переправилась через реку под Новодевичьим монастырем. Всадники шли ряд за рядом. В лучах восходящего солнца сверкали чешуйчатые доспехи рыцарей, ветер развевал перья на стальных шлемах.

Пожарский атаковал первым. Его конница несколько раз устремлялась на врага. Стычки на поле под Новодевичьим монастырем продолжались долго. Чтобы помочь коннице, гетман

ввел в дело пехоту. Не выдержав натиска, дворянские сотни отступили к острожку. Сожженные городские кварталы мало подходили для действий конных масс, и Пожарский приказал дворянам сойти с коней и биться в пешем строю.

После полудня Ходкевич ввел в бой все свои силы, пытаясь прорвать русскую оборону в районе Тверских ворот и на Арбате. Стрельцы, засевшие во рву и на стенах Каменного города, вели убийственный огонь по наступавшим. Те понесли тяжелые потери и прекратили атаки.

Бой вступил в критическую фазу, когда Струсь предпринял вылазку и ударил в тыл ополчению у Алексеевской башни и Чертольских ворот. Пожарский давно ждал этого удара и для отражения его держал большое число стрельцов на внутреннем кольце обороны. Они не участвовали в бою с солдатами Ходкевича и, зная, как трудно приходится их товарищам, давно проявляли нетерпение. Деморализованные осадой и голодом гарнизонные роты дрались вяло и бежали в крепость под ударами русских. Неудачной для поляков оказалась вылазка из Водяных ворот вдоль берега Москвыреки. С утра артиллерия из Кремля принялась бомбардировать позиции Пожарского с тыла. Когда началась рукопашная схватка, польские пушкари прекратили обстрел, опасаясь поразить своих. Во время вылазки гарнизон понес неслыханные потери. «В то время, – писал полковник Будила, – несчастные осажденные понесли такой урон, как никогда». В бою воины Пожарского захватили несколько вражеских знамен.

Почти семь часов продолжалось сражение у самых стен Кремля. Тем временем Трубецкой стоял на отведенных ему позициях в полном бездействии. С бегством Заруцкого таборы лишились способного военного руководителя. В решающий момент обнаружилось полное ничтожество тушинских бояр, сидевших в таборах. Треск ружейных выстрелов усиливался, пока не слился в сплошной гул. От выстрелов тяжелых орудий дрожала земля. Клубы дыма окутали поле боя за рекой. Ходкевичу удалось прижать к берегу Москвы-реки часть русских ратников. Отрезанные от своих, они пытались спастись, переплыв реку. Те, кому удалось перебраться на другой берег, имели жалкий вид. Многие остались без оружия. Вода стекала с их одежды в три ручья. Появление беглецов вызвало растерянность в ставке Трубецкого.

Командиры сотен, присланных в Замоскворечье Пожарским, настаивали на том, чтобы оказать немедленную помощь изнемогшему в борьбе ополчению. Но Трубецкой отклонил их требования. Не отличаясь храбростью, боярин думал

исключительно о том, как бы уберечь от поражения свое войско. Дворянские сотни, однако, отказались подчиниться приказу струсившего воеводы. Они в полном порядке снялись с места и ушли к переправе.

Среди казаков поднялся шум. Некоторые атаманы поддержали решение Трубецкого. Их не очень беспокоила возможность поражения ярославской рати. «Богати пришли из Ярославля, – кричали они, – и сами одни отстоятся от етамана!» Несмотря на их поддержку, Трубецкому не удалось удержать в повиновении казацкую массу. Филат Межаков и трое других атаманов обратились к товарищам с горячим призывом. «Из-за нелюбви к Пожарскому, – говорили они, – боярин причинит пагубу Московскому государству». Не обращая внимания на приказ Трубецкого, четыре казачьи сотни покинули Крымский двор и переправились за Москвуреку вслед за дворянскими сотнями. Появление свежих сил численностью около тысячи человек решило исход битвы. Подвергшись внезапному удару с фланга, Ходкевич прекратил атаку и поспешил вывести из боя свои силы.

Пожарский использовал передышку, чтобы подкрепить свои потрепанные отряды. Едва занялась заря, как земские люди принялись расчищать поле боя и хоронить убитых. Во рвах лежали груды кровавых тел, свои вперемежку с чужими. Своих хоронили с попами. Чужих отвозили в телегах и закапывали в наскоро вырытых ямах. Потери с обеих сторон были огромные.

Между тем Ходкевич отступил за Новодевичий монастырь и разбил там лагерь. В трудную минуту ему на помощь пришли московская семибоярщина и ее приспешники. В ставку к гетману явился дворянин Григорий Орлов. Прошел год с тех пор, как изменник подал Гонсевскому донос и получил в награду поместье Пожарского. Теперь он не жалел сил, чтобы услужить хозяевам. Орлов взялся провести польский отряд в Кремль. Под покровом ночи пятьсот гайдуков вышли из лагеря и, стараясь не производить шума, двинулись цепочкой вдоль берега Москвы-реки к центру Москвы. Враги благополучно миновали обгоревшие стены Деревянного города и, обойдя места, где располагались казачьи караулы, прошли вглубь Замоскворечья к Егорьевской церкви неподалеку от «живого моста». Перед рассветом гайдуки, получив поддержку из крепости, с нескольких сторон атаковали стоявший на их пути казачий острожек. Застигнутые врасплох казаки не смогли отбиться от неприятеля.

Трубецкой не придал должного значения известию о появлении польской пехоты в его тылу и не пытался вернуть острожек. Беспечность ополченцев ободрила гетмана. 23 августа

он перенес свой лагерь к Донскому монастырю и стал готовиться к тому, чтобы нанести удар по Замоскворечью. После кровопролитной битвы солдаты нуждались в отдыхе, и Ходкевич потерял целый день, приводя свою расстроенную армию в порядок.

В Замоскворечье русские располагали более слабыми позициями, чем в западных кварталах столицы. Стены Деревянного города сгорели до основания. Сохранился невысокий вал и ров, которые и составляли главную линию обороны. За Серпуховскими воротами посредине Большой Ордынки стоял укрепленный казачий острожек. Воздвигнутый на пожарище, он занимал обширное пространство от Ордынки до церкви Святого Климента на Пятницкой. Укрепления были построены так, что полностью закрывали главную магистраль Замоскворечья, которая вела от Серпуховских ворот к Каменному городу. Второй острожек, прикрывавший позиции казаков со стороны Кремля, попал в руки поляков.

Трубецкой отказался помочь ополчению, ссылаясь на то, что его войска обороняют Замоскворечье. Теперь настал его черед. Армия Ходкевича грозила обрушиться всеми силами на его позиции. Пожарский не простил боярину трусливого поведения. Но думать приходилось не о прошлом, а о будущем. Князь Дмитрий не только пришел на помощь Трубецкому, но и фактически взял на себя руководство обороной Замоскворечья.

Казаки заняли линию обороны от Больших Лужников подле Коломенской слободы до Крымского двора. Пожарский остался «со своей стороны» Москвы-реки у церкви Ильи Пророка на Остоженке. Воеводы Лопата Пожарский и Туренин переправились в Замоскворечье. Пехота заняла позиции во рву подле обрушившихся стен Деревянного города.

Накануне решающего сражения Пожарский разделил свои силы. Поступить иначе он не мог. Если бы ярославская рать в полном составе переправилась в Замоскворечье, ничто не помешало бы Ходкевичу захватить Крымский брод и прорваться в Кремль через Остоженку. Оседлав брод, Пожарский имел возможность оказать помощь как своим передовым силам в Замоскворечье, так и своим отрядам в Чертолье, если бы они подверглись атаке из Кремля.

На рассвете 24 августа Пожарский выслал против гетмана конные сотни. Они завязали бой с польской конницей и запорожцами на поле между Донским монастырем и Земляным городом. Трубецкой повел наступление со стороны Коломенской слободы. Но он действовал вяло и нерешительно. Это позволило Ходкевичу бросить против Пожарского большую часть своих

войск. Чтобы сдержать натиск польской конницы, запорожцев и ливонской пехоты, Пожарский ввел в дело все свои полки. Русские дрались с остервенением. Даже отступая, они предпринимали отчаянные контратаки. Солнце близилось к зениту, когда русские, оказавшись прижатыми к берегу Москвы-реки, стали в беспорядке отступать через Крымский брод на левый берег реки. Гетману, однако, не удалось развить успех и довершить преследование бегущих. На переправе путь ему преградил Пожарский. Полк князя Дмитрия, по словам летописца, едва выстоял против неприятеля. Пожарский ободрял ратников собственным примером. Поляки видели его совсем близко, в первых рядах сражавшихся. В лагере Ходкевича даже распространили слух, что Пожарскому прострелили в бою руку.

Пока на правом фланге земское ополчение вело кровопролитный бой, отряды Трубецкого на левом фланге не выдержали вражеского удара и отошли к Большим Лужникам. Венгерская пехота Граевского и польская пехота Неверовского приступила к штурму центральной позиции русских возле Серпуховских ворот. Казаки и стрельцы установили на валу два орудия и вели огонь по наступавшей пехоте. После ряда безуспешных атак Граевский запросил подкреплений у Ходкевича. Гетман принужден был прекратить бой в районе Крымского брода и направил силы в центр к Серпуховским воротам. Кавалеристы спешились и подкрепили пехоту. Не получив своевременно помощи от своих, стрельцы стали покидать вал. Гетман спешил использовать успех. Он приказал Граевскому развить наступление вглубь Замоскворечья и пробиться к Кремлю по Большой Ордынке.

Казаки из таборов много месяцев укрепляли Климентовский острожек на Ордынке и даже снабдили его артиллерией. Они мужественно отбивали атаки венгров и запорожцев и успели нанести им немалые потери. Криками подбадривая друг друга, ратники сражались подле южной стены острожка и не заметили, как неприятель подобрался к стенам острожка с севера. Начали сказываться последствия рокового просчета, допущенного Трубецким. Гайдуки, накануне занявшие острожек близ Замоскворецкого моста, нанесли казакам внезапный удар с тыла. Защитники острожка бросились наутек. Поляки захватили несколько пушек и в знак победы водрузили свои знамена на звоннице церкви Святого Климента.

В Замоскворечье Ходкевич добился больших успехов, нежели в западных кварталах двумя днями ранее. Русские современники отдали дань уважения его храбрости. «Скачет по полкам всюду, – писал о Ходкевиче один из летописцев, – аки лев рыкая на своих,

приказывает крепче напрягать оружие свое». После упорного пятичасового боя гетман открыл себе путь в Кремль. Не теряя времени, он тут же ввел в Замоскворечье повозки с продовольствием для осажденного гарнизона. Огромный обоз, включавший более четырехсот повозок, заполнил Серпуховскую площадь и далее всю Ордынку до Климентовского острожка. Неожиданно стрельба в окрестностях острожка усилилась, и обоз остановился, образовав затор вдоль всей улицы.

Ходкевич вложил в наступление всю свою энергию. Ему непрерывно доносили, что русские разбиты и рассеяны на всех направлениях. И все же гетман ошибся, полагая, что сражение выиграно. Русские не были сломлены. Выбитые из острожка казаки залегли в бурьяне за печищами и в канавах. Они ждали благоприятного момента, чтобы возобновить бой. Когда поляки вывесили хоругвь на Климентовской церкви, казаки сообразили, что терять время больше нельзя.

Климентовский острожек загораживал всю Ордынку. Обоз Ходкевича не мог объехать его стороной. Солдатам пришлось распахнуть острожные ворота, чтобы пропустить повозки и доставить продовольствие в Кремль. Казаки поспешили воспользоваться их оплошностью. Подобравшись поближе, они подняли сильную ружейную пальбу. Испуганные лошади опрокидывали телеги, сбивали с ног людей. Пользуясь общим замешательством, казаки ворвались внутрь укрепления. Они рубили врага, не давая ему опомниться. Наемники повернули вспять и попытались пробиться к ставке гетмана. Но лишь немногим удалось добраться до своих. Кучка солдат заперлась в церкви, на которой продолжала развеваться их хоругвь. Под их выстрелами упал, обливаясь кровью, казак Мишка Константинов, бежавший впереди отряда со знаменем в руках. Но на помощь казакам уже спешили отовсюду жители Замоскворечья. Сопротивление врага было сломлено.

Заслышав сильную пальбу в восточных кварталах, Пожарский стал готовиться к новой атаке и попытался установить связь с Трубецким. С этой целью он послал в казачьи таборы отряд дворян. Вместе с дворянами к Трубецкому отправился Авраамий Палицын. Троицкого монаха хорошо знали в подмосковных таборах, и он давно пытался играть роль посредника между подмосковными и ярославскими властями.

Дворяне прибыли к Климентовскому острожку и увидели там «литовских людей множество побитых и казаков со оружием стоящих». Уговорившись насчет возобновления атаки, посланцы Пожарского отправились за Москву-реку против церкви Святого Никиты. Там у казаков были устроены «лавы» – наплавной мост

на плотах. Палицыну и дворянам не пришлось идти за реку.

Слух о поражении поляков у Климентовского острожка мгновенно распространился по всему табору, и казаки, не ожидая призывов Палицына, толпой спешили к Ордынке на помощь к своим.

После полудня в боевых действиях наступила длительная пауза. Отрядив в помощь гарнизону пятьсот солдат из полка Неверовского и потеряв почти всю венгерскую пехоту, гетман стал ощущать нехватку в людях. Ужасающие потери подорвали боевой дух солдат. Еще один бой, и Ходкевич рисковал остаться без армии в центре вражеской страны. Потеряв Климентовский острожек, гетман не решился немедленно ввести в бой уцелевшие роты. Вместо того он дал солдатам роздых и приказал накормить их. Ходкевича не покидала надежда на помощь со стороны крепостного гарнизона. Но гарнизон был деморализован тяжелыми поражениями, понесенными накануне во время вылазки. С высоких крепостных башен солдаты гарнизона видели, как в садах за Москвой-рекой против кремлевских стен собирались русские ратники. В уцелевших церквах на Яузе и в Замоскворечье звонили во все колокола. Удары набата ободрили патриотов. В сердцах запертых в крепости солдат они отозвались похоронным звоном.

Близился вечер, когда Пожарский получил вести от своих посланцев и решил вновь атаковать гетмана в Замоскворечье. Кузьма вызвался возглавить авангард. Его слова вызвали поначалу общее удивление. Человеку, не имевшему боевого опыта, ратное дело казалось несподручным. Выборный староста был в годах, из-за этого летописец даже назвал его немощным. И все же он подходил для исполнения задуманного плана больше, нежели воеводы. После утренней неудачи ими владело чувство усталости и неуверенности. Зато Минин твердил, что победа близка. Его фанатическая вера заражала других. На просьбу дать людей князь Дмитрий кратко отвечал: «Бери, кого хочешь». После недолгого смотра Минин отобрал три дворянские сотни, менее других потрепанные в утреннем бою, и присоединил к ним ротмистра Хмелевского с поляками. С такими небольшими силами он перешел вброд за Москву-реку и атаковал роты противника, стоявшие у Крымского двора. Атака явилась полной неожиданностью для наемников, и они обратились в бегство.

Заметив смятение среди врагов, русские «из ям и из крапив поидоша тиском к таборам». Казаки теснили врага со стороны Лужников и от Климентовского острожка. Стрелецкая пехота, отступившая ранее вглубь Замоскворечья, вела огонь с другой стороны.

Келарь Авраамий Палицын своими глазами видел, с каким мужеством шли в бой казаки. На многих одежда напоминала лохмотья. Многие были без сапог. Но эти оборванцы громили врага повсюду. Наемная армия не выдержала столкновения со сражающимся народом.

Солдаты Ходкевича чувствовали страх перед противником, потерявшим едва ли не половину войска, отступившим на всех направлениях и тем не менее продолжавшим яростно атаковать. Отборные роты, некогда разгромившие шведского короля, окончательно утратили волю к победе. Ходкевич не надеялся более на успех. Он лишь предпринимал отчаянные попытки к тому, чтобы спасти с трудом снаряженный обоз. Польская пехота из последних сил сдерживала русских, пока возницы заворачивали лошадей и пытались под огнем убрать повозки за Серпуховские ворота в поле. Лошадиное ржание, крики сражавшихся врукопашную солдат, звон сабель заглушали ружейные выстрелы. Приказ гетмана не был выполнен. Казаки атаковали растянувшийся по Ордынке обоз и «разорвали» его во многих местах. В их руки попало большинство повозок, шатры и прочее имущество, брошенное в неприятельском лагере.

Ходкевичу понадобился весь его боевой опыт, чтобы предотвратить гибель армии. Русские ратники рвались в бой, настаивали на преследовании противника. Но воеводы велели им занять позиции во рву. «Не бывает на один день две радости», – говорили они нетерпеливым. После отхода гетмана перестрелка не затихала еще целый час. Пороховой дым поднимался кверху клубами. Частые вспышки выстрелов озаряли округу. Издали казалось, что руины Замоскворечья вновь охвачены пожаром.

В сумерках Ходкевич отступил к Донскому монастырю. Его кавалерия провела ночь в седлах, ожидая новых атак. Позже гетман перенес лагерь на Воробьевы горы, а оттуда ушел по смоленской дороге на литовский рубеж.

Разгром полевой армии Речи Посполитой в Москве стал поворотным моментом в освободительной борьбе русского народа. Отступление Ходкевича обрекло на гибель гарнизон, оккупировавший русскую столицу.

Глава 27
ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ

Земское ополчение добилось победы, сражаясь бок о бок с казацкими таборами. Но едва лишь бои стихли, трения между двумя лагерями возобновились. Благодаря стараниям Минина земские люди не испытывали недостатка в продовольствии и одежде. Кузьма понимал, как трудно будет удержать дворян в осадном лагере осенней порой, и не жалел для них денежной казны. Совсем иное положение сложилось в казачьих сотнях. Там царила подлинная нужда. Полтора года провели казаки в осадных землянках. Деньги им выдавали не слишком исправно, а потом и вовсе перестали платить. Пока стояли жаркие дни, ратники могли биться «наги и босы». Но подули осенние ветры, надвинулись холода, и казаки заволновались. Затруднения с хлебом поставили их в невыносимое положение. Понуждаемые голодом, казаки стали силой отбивать обозы, направлявшиеся в ополчение из разных мест.

Вынесшие на своих плечах главную тяжесть борьбы с врагом, голодные ратники с негодованием смотрели на разодетых и сытых дворян, только что разбивших свои шатры под стенами осажденной крепости. Не зависть, а крайняя нужда заставляли казаков протестовать против привилегированного положения земских людей.

В стане Трубецкого нашлись люди, сознательно разжигавшие недовольство казаков. К числу их принадлежал Иван Шереметев. Он уклонился от службы в полках Пожарского и прибыл под Москву не раньше, чем узнал об окончании кровопролитных боев. Будучи членом ярославского совета, Шереметев тем не менее обосновался под крылышком у Трубецкого. Вокруг Шереметева тотчас объединились многие старые тушинцы – слуга и боярин князь Григорий Шаховской, Иван Плещеев и другие. Минин и Пожарский с тревогой следили за этим зловещим альянсом. Всего год назад все эти бывшие тушинцы своими интригами подготовили почву для расправы над Прокопием Ляпуновым. Теперь они вновь затевали что-то недоброе.

Шереметев и его единомышленники не скупились на обещания, стараясь привлечь на свою сторону казацкую кассу. Апеллируя к справедливости, они призывали обнищавших казаков посылать отряды в Ярославль, Вологду и другие города, чтобы организовать снабжение таборов деньгами, продовольствием и одеждой. Агитация тушинских бояр углубляла

раскол в земской рати и грозила разжечь междоусобия. Опасность была столь велика, что Минин и Пожарский прибегли к решительным мерам против смутьянов. В начале сентября в окружных грамотах городам Совет земли открыто разоблачил их заговор. Совет заявил, что крамольники готовятся убить Пожарского и что под влиянием их агитации казаки вновь чинят грабежи по дорогам.

Двум земским правительствам трудно было ужиться в одном стане. 12 сентября 1612 года князь Василий Тюфякин привел из Одоева триста всадников. Он не мог решить, к кому пристать, и расположился поодаль от старого лагеря за стенами Деревянного города. Ветры раздора, погубившего первое ополчение, вновь повеяли над подмосковными полками. Изменники, засевшие в Кремле, предсказывали развал освободительной армии. Но они радовались преждевременно.

Троице-Сергиев монастырь, потративший немало денег на поддержку первого земского правительства, использовал все свое влияние, чтобы покончить с волнением в таборах. Денежная казна монастыря истощилась, и монахам ничего не оставалось, как отворить двери ризницы. Из тайников извлекли драгоценные одеяния, аккуратно уложили их в повозки и отвезли в таборы. Там посланцы монастыря собрали казачий круг и предложили ратникам принять от них вещи в виде заклада. Как только монастырь соберет оброки со своих крестьян, заявили монахи, они тотчас выкупят заклад за тысячу рублей.

Казакам нужны были хлеб насущный и теплая одежда. Они не видели в золоченых ризах никакого для себя прока. Заклад ничем не мог помочь им в жестокой нужде. По этой причине круг постановил немедленно вернуть вещи в монастырскую казну. Два атамана выехали в Троицу с письмом к архимандриту. Казаки писали, что никакие скорби и беды не заставят их отступить от стен столицы.

В дни боев под Москвой князь Дмитрий Трубецкой подтвердил давнюю репутацию бездарного и никчемного человека. Победу добыли Минин и Пожарский. Тем не менее родовитый Трубецкой и слышать не желал о признании авторитета незнатного стольника. Более того, боярин стал настаивать на том, чтобы Пожарский подчинялся всем его приказам. Троицкие монахи и тут предложили свои услуги, чтобы примирить соперничавших воевод.

Архимандрит Дионисий обратился к «двум князем Дмитрием» с обширным посланием. В нем он поминал всех святых и многословно убеждал воевод соединиться: «О благочестивые князи Дмитрие Тимофеевич и Дмитрие

Михайлович! Сотворите любови над всею Российскою землею, призовите в любовь к себе всех любовию своею». Риторические призывы возлюбить друг друга едва ли произвели на воевод большое впечатление. Практический опыт имел более действенный характер, нежели проповеди.

Казачьи таборы понесли меньшие потери, чем ярославская рать. Поэтому они первыми возобновили боевые действия. В начале сентября казаки установили пушки в Замоскворечье и стали бомбардировать Кремль калеными ядрами. Им удалось поджечь двор боярина Мстиславского. Двор располагался за стеной, обращенной к царским садам в Замоскворечье. Три дня спустя русские с громкими криками бросились на штурм Кремля, но ничего не могли поделать против его неприступных укреплений. Пока каждая из двух армий вела войну отдельно от другой, успех был невелик.

Повсюду крепло убеждение, что лишь полное объединение всех воинских сил может обеспечить победу. Переговоры между представителями Земского совета и таборов продолжались несколько дней, прежде чем стороны достигли согласия. Трубецкому пришлось пожертвовать своими амбициями. Он не настаивал более на том, чтобы Пожарский ездил к нему в ставку и там выслушивал его распоряжения. Приговор о создании единого командования предписывал воеводам основать ставку на новом месте у Неглинной на Трубе. Там был выстроен новый Разрядный приказ, куда воеводы съезжались теперь для решения всех вопросов.

В последних числах сентября Трубецкой и Пожарский известили города о том, что ныне они объединили свои усилия, подчинившись приговору всех чинов людей. Речь шла о возрождении триумвирата в новом составе. «Ныне, – писали воеводы, – меж себя мы, Дмитрий Трубецкой и Дмитрий Пожарский, укрепились, что нам да выборному человеку Кузьме Минину Московского государства доступать».

Имя Трубецкого писали первым. Номинально он сохранил пост главнокомандующего. На деле его влияние не стало большим, чем было. Фактически триумвират возглавляли Минин и Пожарский, действовавшие в полном единодушии. Триумвиры формально не участвовали в выработке примирительного соглашения. Не они, а соборные чины поставили подписи на договоре. В большинстве это были люди из ярославского совета.

Объединение рати принесло поражение бывшим тушинским боярам. Пожарский заклеймил как «старых заводчиков зла» боярина и слугу князя Григория Шаховского, Ивана Плещеева и других. Никто из них не подписал примирительные грамоты.

Исключение было сделано лишь для Ивана Шереметева. Он был слишком знатен, и земщина не стала добиваться его изгнания из ополчения. Вместе с Иваном Шереметевым примирительные грамоты подписали тушинцы окольничий Федор Плещеев и дворянин Данила Микулин.

В объединенном Совете земли заседали знатные дворяне Дмитрий Головин и князь Андрей Сицкий, стрелецкий голова Иван Козлов, дьяк Иван Ефанов и другие чины. Ярославские и нижегородские купцы, игравшие заметную роль в Земском совете в момент его образования, как видно, остались в своих городах для сбора казны. Что касается московских купцов, то часть из них находилась вместе с боярами в осаде, а другие обретались в провинции по торговым делам. Их участие в деятельности собора не прослеживается.

Создание единого командования привело к оживлению осадных работ. При содействии москвичей ратные люди оборудовали позиции для батарей в трех пунктах: у Пушечного двора, на Ивановском лужку в Кулишках и подле Девичьего монастыря на Дмитровке. Пушкари принялись методически бомбардировать башни и ворота Китай-города. В Замоскворечье батареи, установленные в царских садах, возобновили обстрел Кремля.

Еще в начале сентября Пожарский обратился к польскому гарнизону Кремля с предложением о сдаче. Он указывал на то, что положение осажденных безвыходно, рассчитывать на помощь после разгрома Ходкевича им не приходится и их ждет голодная смерть. «Поберегите себя и присылайте к нам для переговоров без замедления, – писал князь Дмитрий. – Ваши головы и жизнь будут сохранены вам. Я возьму это на свою душу и упрошу всех ратных людей. Если некоторые из вас от голода не в состоянии будут идти, а ехать им не на чем, то, когда вы выйдете из крепости, мы вышлем подводы».

Обращение русского командования было выдержано в корректных и даже почтительных тонах. Оно начиналось словами: «Всему рыцарству князь Дмитрий Пожарский челом бьет!» Наемники не оценили вежливости русских. Они ответили заносчиво и грубо. «Впредь не обращайтесь к нам со своими московскими сумасбродствами, – писали полковники, – а лучше ты, Пожарский, отпусти к сохам своих людей, пусть холоп по-прежнему возделывает землю, поп знает церковь, Кузьма пусть занимается своей торговлей!»

Шляхтичи пытались больнее уязвить и унизить вождей ополчения. Минину они ставили в укор его занятия торговлей. Пожарского попрекали его незнатным происхождением и чином

стольника. Рядовых земских ратников они называли не иначе как трусливыми ослами и сурками, прячущимися в норы. Рыцари, как видно, забыли о том, что мнимые сурки только что разгромили грозную армию Ходкевича.

Командование гарнизона решительно отклонило предложение о сдаче, ссылаясь на свою неколебимую верность Сигизмунду и истинно рыцарские подвиги во имя бессмертной славы.

Напыщенное и хвастливое письмо рыцарства вызвало ироническое отношение в русском лагере.

В письмах к королю наемники приоткрыли краешек завесы, окутавшей судьбу остатков царской сокровищницы в Москве. «Наши братья, покидая столицу, – писали они, – собирались было взять в уплату за их службу нужные при коронации регалии этого государства и другие драгоценности». Но, добавляли авторы письма, мы взяли их у гетмана как залог. То была неловкая попытка выгородить «братьев», покинувших Москву. Гонсевский увез из русской столицы самые дорогостоящие короны. На долю «рыцарей», сменивших его, достались вещи «подешевле», вроде нескольких венцов Грозного.

«Рыцари», хвалившиеся верностью королю, довершили разграбление сокровищницы, которая должна была стать после коронации Владислава его собственностью. С неподражаемой наглостью они намекали Сигизмунду, что тот не сможет обойтись без царских регалий при коронации сына, и предлагали своему государю «приказать выкупить их у нас уплатой причитающихся нам денег». Обедневшая шляхта, продававшая свое оружие тому, кто больше заплатит, расхитила сокровища, которые прежде она не видела даже издали. Не преданность королю, а алчность удерживала их от капитуляции. Сдача привела бы к мгновенной утрате всех неправедно добытых богатств.

Опустошив Казенный приказ, захватчики решили поживиться имуществом русских союзников и приспешников. В итоге долгой осады в Китай-городе и Кремле осталось немного русских. Все, кто хотел, находили возможность перейти на сторону ополчения. Чтобы оказаться в другом лагере, достаточно было перебраться за крепостную стену. В Кремле остались одни верноподданные короля Сигизмунда III.

Командование гарнизоном старалось удержать в Кремле членов семей бояр, дворян и гостей в качестве заложников. Но когда в крепости начался голод, полковник Струсь решил избавиться от лишних ртов. Федор Андронов и Иван Безобразов взялись исполнить его приказ. В сопровождении солдат они обошли боярские и купеческие дома в Кремле и повсюду

произвели обыск. Покидая дом, солдаты уводили с собой престарелых мужчин, женщин и детей. Вскоре на площади собралась большая толпа. Плач и крики огласили округу. Как ни трудна была жизнь в осажденном городе, неизвестность внушала еще больший страх. С первых дней осады церковные и светские власти неустанно внушали осажденным, что казаки и боярские холопы лишь ждут момента, чтобы отобрать у богачей их богатства, а их жен и детей разобрать по рукам. Снедаемые страхом за своих ближних, Мстиславский и прочие члены боярского правительства направили особое послание Пожарскому и Минину. Бояре умоляли, чтобы земские ратные люди приняли без позора членов их семей.

Еще во времена Ляпунова казаки и московский черный люд требовали сурового наказания изменных бояр и членов их семей. И теперь казаки, узнав о предстоящем исходе боярынь из Кремля, предложили отобрать у них все имущество. С изменничьими животами именно так и поступали испокон веку. Летописцы старательно чернили казаков и холопов и даже приписывали им намерение перебить боярские семьи. Но то была клевета на ратных людей.

Пожарский позаботился о том, чтобы принять боярские семьи с подобающей честью. Он лично выехал к крепостным воротам и провожал толпу женщин и детей в земский лагерь. Там беженцев разобрали к себе земские дворяне и посадские люди по родству и свойству. Женщины с плачем жаловались на бесчинства «литвы». Никаких богатств при них, естественно, не оказалось.

В связи с выселением из Кремля русских семей полковники объявили о повсеместной реквизиции продовольствия. Производя обыск в домах, наемники вместе с продуктами питания забирали у русских золото, серебро, жемчуг, парчу и прочие ценности. С купцами и дворянами захватчики вовсе не церемонились. С боярами и высшими церковными иерархами обращались вежливее, но и они не избежали грабежа.

Патриарх Гермоген умер, будучи под стражей, 17 февраля 1612 года. Его преемником стал грек Арсений, служивший при царских гробницах в Архангельском соборе в чине архиепископа. В России этот чужеземец искал почестей и богатств. Знавшие его греческие епископы отзывались о нем как о человеке бесчестном и корыстном. Арсений давно прислуживал Гонсевскому. Он побуждал к сдаче защитников Смоленска, сыпал проклятия на головы патриотов. Но предательство не принесло ожидаемых выгод. Пришел день, когда грек с горечью записал в своем дневнике: «Староста Струсь с воинами и с русскими с Федором Андроновым и Иваном Безобразовым изгнали из Москвы всех

немощных – старцев, жен, мальчиков и девочек, отняли у русских всякий провиант, вещи – серебро, золото, одежды золототканые и шелковые, отняли все доходы и у блаженнейшего архиепископа Архангельского и немало вещей и денег».

К началу сентября голод в Кремле приобрел катастрофические масштабы. Первыми его жертвами стало русское население, лишившееся средств к пропитанию. Затем настала очередь гайдуков и немцев-наемников.

Цены на продукты поднялись неслыханно. Воловью шкуру продавали за полтора, а потом за три рубля. Хлебец стоил более трех рублей. Со временем хлеб исчез, и за лепешку с лебедой давали около рубля. Голодающие съели всех собак и кошек. Они облазили все лужайки, дворы в поисках лебеды и крапивы, сдирали кору с деревьев. С 4 сентября начали умирать с голода солдаты, переведенные в Кремль гетманом. Они прибыли без запасов и без денег и фактически были брошены полковниками на произвол судьбы. По словам очевидцев, новая пехота почти вся вымерла в первые недели голода. В начале октября выпал снег, и сохранившиеся кое-где трава и коренья оказались погребены под снежными сугробами. Даже мышь считалась теперь большим богатством, а за дохлую ворону платили около рубля.

Стремясь предотвратить окончательную гибель гарнизона, полковники прибегли к мерам, поразившим даже видевших виды мародеров. Они распорядились вывести из тюрем всех пленных, забить их насмерть и отдать на съедение гайдукам. Но это не спасло наемников, а лишь усугубило несчастье. Начав с пленных, солдаты, обезумевшие от голода, стали убивать друг друга. Полковник Будила пометил в своих записках, что в дни ужасного голода его «пехота сама себя съела и ела других, ловя людей». Признание это тем более важно, что оно исходило от одного из командиров осажденного гарнизона.

Пополненный гайдуками польский гарнизон насчитывал около трех тысяч человек. Спустя два месяца в нем осталось не более полутора тысяч человек, но и те утратили боеспособность. Наемники дошли до последней степени деморализации и разложения. То, что прежде было войском, стало скопищем грабителей, убивавших не врагов, но ближних.

Союзники захватчиков – московские бояре дрожали за свою жизнь. Мародеры не оставили в покое даже главу семибоярщины. Двое солдат пробрались в дом Мстиславского и в поисках пищи перевернули там все вверх дном. Боярин принялся усовещать их, но получил такой удар по голове, что едва не отдал Богу душу. Струсь велел повесить мародеров, которые зашли слишком далеко. Но их казнь уже не поправила дело.

Избивая боярина, грабители, сами того не подозревая, оказали ему неоценимую услугу. Пособник иноземных завоевателей использовал увечья, чтобы предстать перед соотечественниками в качестве жертвы. Прошло совсем немного времени, и боярин объявил Пожарскому, что в Кремле он находился неволею и «литовские люди били его чеканами и голова у него во многих местах избита». Боярин лгал даже в мелочах. Его ранили не чеканами, а обломком кирпича. Памятный удар вразумил удельного князя и поставил последнюю точку в бесславной истории семибоярщины.

Архиепископ Арсений Елассонский угодничал перед Гонсевским не меньше Мстиславского. Надежды на щедрую награду окончательно покинули его после того, как солдаты отобрали у него большую часть имущества. Изнемогая от голода и страшась, как бы его не съели завоеватели, епископ затеял дело, которое должно было спасти его от неминуемого возмездия. Однажды поутру он объявил сожителю по келье старцу Кириллу, что в ночных видениях его посетил некий чудный муж и долго беседовал с ним. Посланец небес открыл подвижнику, что сам Бог внял его (Арсения) молитвам и теперь москвичи будут избавлены от тирании противоборных латинян.

Если Арсений за кого-нибудь и молился в осаде, так именно за латинян. Но Кирилл выслушал исповедь епископа без усмешки на лице. Обсудив приметы чудного мужа, друзья сообща пришли к выводу, что их келью посетила не иначе как тень самого Сергия Радонежского. О лучшем нечего было и мечтать. Преподобный Сергий был основателем того самого Троице-Сергиева монастыря, который играл видную роль в земском движении.

Подготовляя почву к примирению с ополчением, Арсений одновременно старался ничем не раздражать захватчиков. Некоторые из членов семибоярщины вели себя менее осторожно и за это пострадали. Полковник Струсь приказал взять под стражу боярина князя Ивана Голицына. Недовольные смолкли, но ненадолго. Как только нужда постучала в боярские хоромы, они тотчас высказались за сдачу Кремля. Лишь Иван Безобразов да Федор Андронов, страшась возмездия, продолжали советовать полякам держаться даже ценою гибели гарнизона.

Струсь и его окружение не склонны были следовать боярским советам. Но как только имевшиеся в их руках запасы продовольствия подошли к концу, они запели другую песню. Поляки предложили воеводам начать переговоры и прислали в ополчение полковника Будилу в качестве заложника. 22 октября 1612 года Пожарский отпустил в Кремль своего заложника воеводу Василия Бутурлина. Переговоры никак не ладились.

Русские требовали безоговорочной капитуляции. «Рыцарство» еще не окончательно рассталось с прежним гонором и требовало различных уступок.

Когда претензии наемников стали известны казакам и ратным людям, те были возмущены. По словам польского очевидца, Москва негодовала на то, что ротмистры и рыцари тянут время на переговорах, поджидая со дня на день подхода королевских войск. Кто знает, сколько времени продолжались бы эти бесплодные переговоры, если бы в дело не вмешался народ. Казаки первыми потеряли терпение. Они ударили в колокола и, поднявши хоругви, пошли «силою великой» к стенам Китай-города. Действия казаков застали врасплох и «литву», и русских воевод. Когда воеводы съехались для переговоров с неприятелем, записал летописец, «и в ту пору некий человек кликнул казаков, стоявших на Кулишках у храма всех Святых на Ивановском лужку». В своих записках полковник Будила подтвердил, что русские пошли на приступ с батарей Трубецкого.

Казаки много раз штурмовали Китай-город. Они пролили море крови на приступах. На этот раз удача сопутствовала им. Приставив лестницы, ратные люди во многих местах преодолели крепостную стену. Наемники дрогнули перед их яростью. Одни были убиты на месте. Те, кому достало сил, успели скрыться в Кремле.

Поражение окончательно подорвало моральный дух гарнизона. Полковники поторопились завершить переговоры о сдаче. На этот раз делегацию гарнизона возглавил полковник Струсь, а боярское правительство представлял Мстиславский. Они выходили из Кремля в «застенок» для встречи с Пожарским и Трубецким. Забыв о прежней гордости, Мстиславский повинился, бил челом всей земле.

В тупике у закопченной кремлевской стены Пожарский достиг соглашения с боярским правительством, которое определило будущее царского трона. Компромисс казался неизбежным. Земские руководители не могли без примирения со знатью достигнуть давней цели – избрать государя из великих бояр, природных русских людей. Мир с думой не был результатом свободного выбора. Внешнеполитический кризис властно навязал его освободительному движению. Из Речи Посполитой поступали сведения о больших военных приготовлениях. Королевич Владислав поднялся в поход, чтобы занять московский трон. Россия не могла окончательно избавиться от иноземного царя, пока Боярская дума поддерживала его как законного главу государства.

После трехдневных переговоров земские вожди и боярское

правительство заключили договор и скрепили его присягой. Бояре получили гарантию того, что им будут сохранены их родовые наследственные земли. Сделав уступку знати, вожди ополчения добились огромного политического выигрыша. Боярская дума, имевшая значение высшего органа монархии, согласилась аннулировать присягу Владиславу и порвать всякие отношения с Сигизмундом III. Земские воеводы молчаливо поддержали ложь, будто «литва» держала бояр в неволе во все время осады Москвы.

По условиям договора, бояре, дворяне, дьяки, купцы и прочие люди, сидевшие в Кремле с «литвой», обязались немедленно отдать все деньги и ценности, взятые из государевой казны или из земщины. Пожалования Владислава и Сигизмунда объявили недействительными.

Русские договорились с русскими. Что же касается соглашения с иноземным гарнизоном, оно состояло из одногоединственного пункта. «Мы, – писал Будила, – принуждены были войти с русскими в договор, ничего не выговаривая себе, кроме того, чтобы нас оставили живыми». То была безоговорочная капитуляция.

26 октября 1612 года наемники выслали из Кремля бояр и прочее русское население. Со скрипом распахнулись тяжелые железные ворота, и на каменном Троицком мосту появилась кучка отщепенцев. Впереди шел Мстиславский с повязкой на голове, поддерживаемый под руки холопами. Подле Мстиславского теснились Иван Воротынский, Иван Романов и его племянник Михаил. Следом за знатью из Кремля стали выползать люди, подобные живым скелетам. Голод отнял у них силы и человеческое обличье.

С высокого каменного моста бояре отчетливо видели конных земских воевод и маячившие за их спиной дворянские сотни. Пожарский обещал боярам безопасность. На его слово можно было положиться. Но далеко не все зависело от его воли.

Поодаль от моста вдоль берега Неглинной, куда ни бросишь взор, теснились казаки и московский черный люд. Казачьи сотни явились встречать Мстиславского в полном вооружении, с развернутыми знаменами. По мере того как бояре продвигались по мосту, угрожающие крики в толпе усиливались. Изменники сожгли Москву и теперь должны были понести заслуженное наказание. Народ требовал расправы с виновниками своих бед.

Толпа на мосту двигалась все медленнее, а затем и вовсе остановилась. Пожарский решил выждать. Постепенно накал страстей стал спадать. Казаки довольно долго шумели, потрясая оружием. Потом крики постепенно затихли. Бояре были спасены.

На другой день утром земские воеводы приняли капитуляцию

от вражеского гарнизона. Солдаты из полка Струся вышли в Китай-город в расположение отрядов Трубецкого и там были разоружены казаками. Будила и его солдаты, некогда приведенные в Россию Яном Сапегой, вышли из Кремля в Белый город и сдались Пожарскому. Командующий гарнизоном полковник Струсь, опасавшийся за свою жизнь, до последней минуты оставался на старом подворье Годунова под охраной слуг. Там он и сдался воеводам. Полковые знамена были повержены наземь посреди площади. Там же были свалены кучей мушкеты, сабли, пики сдавшихся вояк.

Страшная картина предстала перед глазами москвичей, проникших за кремлевские ворота. Повсюду царила мерзость запустения. Церкви были ограблены и загажены, большинство деревянных построек разобрано на дрова и сожжено. На улицах москвичи натыкались на трупы тех, кто умер последней ночью. В избах, служивших казармами, они нашли чаны и кадки с засоленным человеческим мясом. Не медля ни минуты, посадские люди принялись всем миром расчищать кремлевский холм от всего, что напоминало о захватчиках.

Люди не сразу осознали значение случившегося. Когда же они убедились, что в сердце Москвы нет более ни одного вражеского солдата, их ликованию не было предела. Из ближних слобод и отдаленных предместий тянулись к распахнутым воротам Кремля одиночные жители и целые толпы. Вновь, как и прежде, били колокола на всех кремлевских звонницах. Со слезами на глазах люди обнимали друг друга, кричали, смеялись и пели. Полтора года Москва оставалась полем сражения. За это время жители привыкли поминутно ждать удара ядра и прятаться от обстрелов. Теперь сражение было выиграно. Лихая година осталась позади.

В честь победы Минин и Пожарский устроили парад. Земская рать построилась на Арбате, а оттуда торжественным маршем проследовала в Китай-город. Отряды Трубецкого, собравшиеся за Покровскими воротами, вступили в крепость с другой стороны. Войска сошлись на площади подле Лобного места, откуда двинулись через Спасские ворота в Кремль.

Пробил великий час. Древняя столица Русского государства была полностью очищена от иноземных завоевателей.

Глава 28
ЗЕМСКИЙ СОБОР

Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский могли гордиться достигнутым успехом. Но до полного освобождения страны было еще далеко. На западных границах вновь заполыхали зарницы войны.

Завоевательная война была чужда польскому народу. Сейм все более сдержанно относился к продолжению войны и в особенности к дальнейшим чрезвычайным налогам. Расходы на содержание наемных войск опустошили королевскую казну и привели к образованию огромного долга. Поражение армии Ходкевича вызвало тревогу и растерянность среди тех, кто еще недавно поддерживал завоевательные планы Сигизмунда. Многие сенаторы советовали королю обратить внимание на турецкую угрозу и поспешить с заключением мира на востоке. Сигизмунд оказался слишком упрямым, чтобы прислушаться к трезвым голосам. Однако ему пришлось отказаться от попытки занять московский трон и включить Россию в состав коронных владений по праву завоевателя. Чтобы преодолеть сопротивление русских, король заявил, что намерен передать царскую корону сыну Владиславу. 18 августа 1612 года Сигизмунд выступил в московский поход. Как и накануне смоленской экспедиции, он побоялся созвать сейм, опасаясь его противодействия. Общественное мнение не благоприятствовало авантюре.

На границе короля ждала армия в четыре тысячи человек. В Вязьме к нему присоединились гетман Ходкевич со своим войском и более тысячи человек конницы из состава смоленского гарнизона. Сигизмунд предполагал двигаться к Москве кратчайшим путем. Но местность, прилегавшая к старой смоленской дороге, давно была разграблена и опустошена. Королевская армия не могла тут прокормиться. По предложению Ходкевича полки от Вязьмы повернули к Погорелому городищу, вышли на ржевскую дорогу и стали продвигаться к Волоколамску.

В конце октября Сигизмунд еще ничего не знал о катастрофе, постигшей его гарнизон в Кремле. Однако и земское правительство не подозревало о появлении неприятельских сил на ближних подступах к столице. Весть об этом повергла русских в замешательство.

Положение Москвы было достаточно трудным. По обыкновению дворяне «в осенину» стали покидать полки и разъезжаться по поместьям. Тотчас после освобождения Кремля

Пожарский и Трубецкой обратились к городам с отчаянным призывом о присылке провианта. Служилые люди, писали они, заступили Москву, не щадя голов своих, а ныне они на земской службе и помирают голодом. Чтобы разрешить продовольственные трудности, воеводы не препятствовали разъезду дворян. За считаные недели из четырех тысяч дворян в Москве осталось не более половины. Роспуск части войск не разрешил трудности. Столица не имела никаких запасов продовольствия на случай осады.

Едва переступив границу, Сигизмунд обратился с воззванием к московскому населению. Он вновь утверждал, что его войска несут России умиротворение и благоденствие. После трех лет кровавой войны его слова звучали как издевательство. На подходе к Москве король послал Мстиславскому извещение о том, что он отпустит Владислава на царство, как только бояре пришлют к нему послов для договора. Королевские воззвания вызвали гнев и возмущение в Москве. Сигизмунд давно растоптал московский договор. Он не выполнил обязательств Жолкевского насчет вывода войск и прекращения завоевательной войны. Его войска захватили Смоленск и северские города. Московские великие послы томились в королевских тюрьмах. Теперь Сигизмунд предлагал прислать новых послов.

19 ноября передовые отряды неприятеля прибыли в Рузу. В их рядах находился окольничий Мезецкий, бывший член боярского правительства. Ему отводилась роль посредника в переговорах с москвичами. Сигизмунд предусмотрительно захватил с собой низложенного патриарха грека Игнатия. Ему предстояло короновать Владислава в Успенском соборе в Кремле.

В Москве патриоты не допустили возобновления изменнических переговоров с захватчиками. Гонцы «царя» Владислава, явившиеся в столицу, были взяты под арест. На защиту Москвы поднялся народ от мала до велика. В городе упорно толковали о том, что члены семибоярщины втайне готовы вновь сдать столицу королю. В руки поляков попал дворянин Философов из рати Пожарского. На допросе он сказал: «На Москве у бояр, которые королю служили, и у лучших людей хотение есть, чтобы просити на королевство великого господаря королевича Владислава Жигимонтовича, а именно де о том говорити не смеют, боясь казаков».

В новой завоевательной войне короля на каждом шагу преследовали постыдные неудачи. Его солдаты были отбиты от стен крохотной крепости Погорелое городище. Местный воевода то ли всерьез, то ли в насмешку посоветовал королю идти прямо к Москве. «Пойди под Москву, – сказал он, – будет Москва за

тобою и мы готовы быть твои». Пока же воевода велел угостить незваных гостей огнем из всех орудий.

Бой в Ваганькове завершился отступлением королевских авангардов. Ходкевич имел уже однажды случай испытать силу ударов Пожарского. Поэтому он не искал генерального сражения. Вместо того чтобы как можно быстрее идти к русской столице, гетман пригласил Сигизмунда в свой старый лагерь в селе Федоровском, где он провел предыдущую зиму. Будучи в Федоровском, поляки получили доступ в Заволжье и другие районы страны, снабжавшие ополчение всем необходимым.

Позиция в Федоровском имела одно уязвимое место. На путях из Федоровского в Москву стояла крепость Волоколамск. Король отдал приказ взять городок любой ценой. Однако, невзирая на все усилия, наемники и тут не достигли ни малейшего успеха. Оборону Волоколамска возглавили казачьи атаманы Нелюб Марков и Иван Епанчин. Трижды королевские солдаты бросались на приступ – и трижды откатывались, теряя убитых. Под конец казаки сделали смелую вылазку и отбили у неприятеля несколько пушек.

Со всех сторон захватчиков окружала стена ненависти. Окрестное русское население прятало хлеб и скрывалось в лесах. Все попытки наладить снабжение армии за счет реквизированного продовольствия потерпели провал.

Наступили сильные морозы со снегопадами, и фуражиры боялись высунуть нос из лагеря. Их страшил холод, еще больше – партизаны. Народная война грозила захватчикам со всех сторон.

Непрерывные неудачи подорвали боевой дух армии, и 27 ноября Сигизмунд отдал приказ об общем отступлении. Переход до Смоленска оказался на редкость тяжелым. Морозы несколько раз сменялись оттепелями, снегопады – проливными дождями. Многочисленные речки и болота стали труднопроходимыми для обозов. Наемная армия бесславно бежала из России, теряя по пути людей, оставляя на дороге повозки и снаряжение.

Весть об отступлении вражеских полчищ вызвала ликование в Москве. Двухлетняя война на улицах столицы, неслыханные беды и мытарства – все это уходило в прошлое как кошмарный сон.

Множество неотложных дел свалилось на плечи земского правительства. Надо было думать о снабжении продовольствием армии и столичного населения. В Москве оставалось около двух тысяч земских дворян, тысяча стрельцов, четыре с половиной тысячи казаков и несколько тысяч вооруженных москвичей из состава повстанческих отрядов. Зима грозила голодом неимущим повстанцам и казакам. Минин принимал отчаянные усилия, чтобы удержать их в столице. Если казаки от голода с земской

службы разойдутся, писал Пожарский в города, земскому великому делу учинится великая поруха: некому будет оборонять Москву.

Совет земли начал с упорядочения казачьей службы. Он постановил составить списки «старых» казаков, с тем чтобы отделить казацкое войско от «беспорядочных отрядов». Казаки, попавшие в реестр, получили право на сбор кормов в назначенных им городах и уездах. Совет земли сохранил порядок, сложившийся в первом ополчении при Заруцком. Он поручил атаманам самолично руководить сбором кормов. Известный сподвижник Заруцкого Степан Ташлыков и его отряд в 1140 сабель получили на прокормление Балахну. Другие атаманы собирали продовольствие в Вологде и других северных уездах. Пожарский предложил вологодским дьякам выдать казачьим атаманам «роспись сошному письму», чтобы те сами могли разверстать между крестьянами сборы.

Старым казакам Кузьма Минин тотчас же выдал жалованье – на человека по восемь рублей деньгами и вещами. В земской казне наличности было мало, и потому молодые казаки, не попавшие в реестр, остались без жалованья. Но они не считали себя обделенными. Минин и Пожарский выполнили обещание, данное восставшему народу еще Ляпуновым. Вчерашние крепостные и кабальные люди, служившие в рядах земского ополчения, получили волю. Совет земли признал их заслуги перед освободительным движением и разрешил строить себе дома и жить либо в Москве, либо в других городах. Помимо того, их на два года освободили от уплаты долгов и царских податей.

Взаимоотношения между новой земской властью и бывшей семибоярщиной оставались достаточно сложными и неопределенными. Минин и Пожарский выполнили обещание. Никто из великородных бояр не был подвергнут преследованиям. Однако по требованию народа власти арестовали предателя Федьку Андронова, думного дворянина Ивана Безобразова и нескольких дьяков.

Кузьма Минин взял на учет все имущество, найденное в Кремле, и принялся за розыск исчезнувшей царской казны. Лишь теперь он стал догадываться, почему полковники оставались в Кремле в течение суток после сдачи бояр и почему они задержали при себе Андронова и нескольких других доверенных лиц. Избавившись от лишних свидетелей, Струсь и его приспешники отыскали укромное место и оборудовали тайник, куда и спрятали остатки царской сокровищницы и прочее награбленное добро. Пожарский и Минин велели пытать дьяков, чтобы выяснить местонахождение сокровищ. Трое изменников умерли во время

дознания. Федор Андронов имел влиятельных покровителей, и ему удалось бежать из-под стражи. Патриоты подняли на ноги всю Москву, чтобы отыскать королевского приспешника. Андронову не удалось скрыться от возмездия. Вторично попав на пытку, он указал тайники в Кремле, оборудованные им по приказу его хозяев. Из тайников извлекли старые царские короны, которыми во время раздела казны завладели отряды Струся и Будилы. Почти все найденные деньги Минин тотчас раздал в счет жалованья земским дворянам и казакам.

Вожди земского ополчения не мыслили себе государства Русского без прирожденных бояр. Они не стали распускать думу, а лишь очистили ее от лиц, пущенных туда «литвой». Первостатейная знать с одобрением встретила эти меры земского правительства. Из Боярской думы были изгнаны к общему удовольствию окольничие князья Звенигородские, князь Федор Мещерский, Тимофей Грязной, братья Ржевские, постельничий Безобразов. Боярина Ромодановского понизили из бояр в окольничие. Чинов лишились бояре Иван Салтыков и Никита Вельяминов.

С освобождением Москвы от интервентов земские люди получили возможность приступить к избранию главы государства. В ноябре 1612 года дворянин Философов сообщил полякам, что казаки в Москве стоят за избрание на трон кого-нибудь из русских людей, «а примеривают Филаретова сына и воровского калужского», тогда как старшие бояре стоят за избрание чужеземца. Казаки вспомнили о «царевиче Иване Дмитриевиче» в минуту крайней опасности. Сигизмунд III стоял у ворот Москвы, и сдавшиеся члены семибоярщины могли в любой момент вновь переметнуться на его сторону. За спиной коломенского царевича маячило войско Заруцкого. Атаманы надеялись, что в критическую минуту давние соратники придут им на помощь. Но расчеты на возвращение Заруцкого не оправдались. В час испытаний атаман не побоялся развязать братоубийственную войну. Вместе с Мариной Мнишек и ее малолетним сыном он явился к стенам Рязани и попытался захватить город. Рязанский воевода Михаил Бутурлин выступил навстречу и обратил его в бегство.

Попытка Заруцкого добыть для «воренка» Рязань не удалась. Города давно выразили свое отрицательное отношение к кандидатуре «Ивана Дмитриевича». Агитация в его пользу стала стихать в Москве сама собой.

Без Боярской думы выборы царя не могли иметь законной силы. С думой избрание грозило затянуться на многие годы. На корону претендовали многие знатные фамилии, и никто не желал

уступить дорогу другому.

Первый боярин думы удельный князь Мстиславский слишком скомпрометировал себя прислужничеством интервентам. На возвращение Василия Голицына из польского плена не было никакой надежды. Таким образом, эти давние претенденты на трон не участвовали в избирательной борьбе.

Участники освободительного движения из числа дворян не прочь были бы видеть на троне кого-нибудь из хорошо известных им земских воевод. Среди кандидатов фигурировали князь Дмитрий Трубецкой и князь Дмитрий Черкасский. Старшие бояре морщили носы, когда называли имена этих кандидатов.

Вожди земского ополчения настаивали на осуществлении приговора, принятого Советом земли в Ярославле. Избрание главы государства, считали они, должно быть делом всей земли. С начала ноября Минин, Пожарский и Трубецкой разослали десятки грамот по городам с извещением о созыве избирательного Земского собора в Москве. Местной администрации и населению предлагалось выбирать по десять человек «лучших и разумных и постоятельных людей» и снабдить их «полным и крепким достаточным приказом», чтобы говорить им о царском избрании «вольно и бесстрашно». Раздор с семибоярщиной побуждал Совет земли искать поддержку в самых разных слоях населения. Не только дворяне и духовенство, но и посадские люди, крестьяне дворцовых и черносошных волостей должны были прислать своих представителей в столицу.

Земские власти понимали, что в условиях продолжавшейся интервенции важно провести выборы возможно скорее.

Первое заседание собора они назначили на 6 декабря 1612 года. Но к тому времени в Москву прибыли лишь немногие выборные. Им мешали не только плохие дороги и дальность расстояния. Распоряжения Минина и Пожарского наталкивались на глухое сопротивление местных властей. В городах воеводы не могли взять в толк, зачем понадобилось приглашать для царского избрания «чернь» – тяглых людей.

На «великом соборном совете» в декабре 1612 года чины решили вызвать в столицу всех бояр и дворян московских, которые «живут в городах». Одновременно они постановили значительно расширить представительство от сословий. Прежде в столицу требовали по десять человек, теперь по тридцать. Двинянам велели прислать двадцать человек от горожан и черносошных крестьян, пять человек от стрельцов и пять от духовенства. Провинция, как всегда, раскачивалась с трудом. Она явно испытывала терпение столичных властей. Минин и Пожарский в конце концов прибегли к плохо скрытым угрозам,

чтобы заставить провинциалов принять участие в царских выборах. «А если вы для земского обирания выборных людей к Москве к Крещенью не вышлете, – писали они, – и тогда нам всем будет мниться, что вам государь на Московском государстве не надобен; а где что грехом сделается худо, и то Бог взыщет с вас».

Чтобы люди из дальних городов могли поспеть в столицу, открытие собора отложили на месяц. Когда наступили крещенские морозы, последняя отсрочка истекла и Земский собор приступил к обсуждению кандидатов.

Прошло несколько дней, и избирательные страсти накалились до предела. Выборщики разбились на множество групп, и всяк ратовал за своего избранника. «Много было волнения всяким людям, – писали очевидцы, – каждый хотел по своей мысли делать, каждый про своего говорил». Не полагаясь на красноречие, кандидаты побогаче стали трясти мошной. Многие из вельмож, желавших царствовать, отметил летописец, подкупали людей, «дающе и обещающе многие дары». Даже про Пожарского говорили, будто он истратил двадцать тысяч рублей, «докупаясь государства». То была пустая клевета, сочиненная его недругами много лет спустя. В дни собора никто не видел в князе Дмитрии искателя короны. Да и кошель его был пуст. Но многие вельможи вынули из тайников припрятанные деньги, полагая, что выигрыш перекроет любые расходы.

Вожди ополчения опасались, как бы внешние силы вновь не попытались вмешаться в избирательную борьбу. Мир на шведской границе был непрочным, и земским людям приходилось вновь прибегнуть к дипломатическим уловкам. В январе 1613 года земское правительство отпустило из Москвы в Новгород некоего шведского агента. В свое время он был заслан в столицу Делагарди, но там попал в руки к казакам и содержался в таборах как пленник. По прибытии в Новгород агент сообщил шведским властям, что московские бояре склонны призвать на трон принца Карла Филиппа. Можно подозревать, что земские воеводы, отпуская шведа, позаботились о том, чтобы снабдить его неверной информацией об избирательной борьбе в России. Опасность шведского вмешательства сохранялась, и князь Дмитрий Пожарский лишь продолжил игру, затеянную в Ярославле.

Одновременно со шведским агентом из Москвы в Новгород приехали два русских купца, сообщившие более точные сведения о русских делах. По их словам, казаки пожелали на царство Михаила Романова, но бояре отвергли его кандидатуру на соборе, только что созванном в Москве; да и сам Романов не согласился принять сделанное ему предложение; после всего этого бояре

решили, что будут искать себе государя за рубежом.

Как видно, Мстиславский с товарищами не прочь был повторить трюк, к которому они прибегли после низложения Василия Шуйского. Тогда они навязали Земскому собору решение не выбирать на трон никого из российских подданных и тем самым подорвали усилия Романовых и Голицыных, домогавшихся короны. Природные бояре не желали смириться со своим поражением и пытались использовать избирательную борьбу, чтобы вернуть себе власть. Но едва они обнаружили свои намерения, как в Москве поднялась буря возмущения. Еще в ноябре 1612 года Минин, Пожарский и Трубецкой обратились ко всяких чинов людям в города с запросом, пускать ли в думу и на собор князя Федора Мстиславского с товарищами. Прошло немногим более месяца, и ситуация прояснилась. Опираясь на волю соборных представителей, Минин, Пожарский и Трубецкой приняли беспрецедентное решение. В разгар избирательной кампании они обязали Мстиславского с товарищами немедленно покинуть столицу. Все земство поддержало акцию против бывших членов семибоярщины. «О том вся земля волновалася на них, – записал московский летописец, – чтобы им в думе не быть с Трубецким да с Пожарским».

Не желая окончательно рвать с думой, руководители собора повсюду объявили, что бояре разъехались на богомолье. Но очевидцы утверждали, что бояре принуждены были на некоторое время скрыться с глаз по той причине, что простой народ относился к ним враждебно из-за их сотрудничества с интервентами.

В отсутствие бояр Земский собор вынес постановление не принимать на трон ни польского, ни шведского королевичей, ни служилых татарских царевичей, ни других «иноземцев». То был первый шаг к принятию согласованного решения.

После освобождения Москвы князь Дмитрий Пожарский остался на Арбате. Он лишь перебрался из тесной избы в Воздвиженский монастырь. Зато Трубецкой торжественно переехал на подворье Бориса Годунова в Кремль. Он явно претендовал на пост правителя государства. Едва Мстиславский с товарищами покинул столицу, Трубецкой тотчас продемонстрировал земщине, кто является подлинной властью в столице. Совет земли и духовенство объявили о передаче ему в наследственное владение Важской земли.

Смута невероятно запутала поземельные отношения. Члены семибоярщины беззастенчиво использовали власть для личного обогащения. Если бы боярам удалось посадить на трон своего ставленника или вернуть страну к боярскому правлению, они

получили бы возможность сохранить свои приобретения, частично или полностью.

На заре освободительного движения Земский собор постановил конфисковать земли у предателей бояр и одновременно не допустить чрезмерного обогащения бояр и воевод, возглавивших освободительное движение. Земские бояре не имели права владеть землями сверх оклада, установленного для всех бояр законными царями Иваном IV и Федором. Тушинские приобретения, превышавшие оклад, подлежали отчуждению в пользу неимущих патриотов дворян. Этот закон, записанный в конституции 30 июня 1611 года, не был выполнен. Бывшая тушинская знать с Трубецким во главе не пожелала расстаться со своими богатствами. Подмосковное земское правительство, чтобы удержать знатных дворян в ополчении, раздавало им села и волости сверх оклада.

За верную службу царь Василий пожаловал Василию Бутурлину 500 четвертей вотчины в рязанских дворцовых волостях. Зато от Заруцкого и Трубецкого Бутурлин получил 1200 четвертей в Муромском уезде. Воевода князь Алексей Львов за войну с тушинцами получил 185 четвертей. После заключения московского договора 1610 года Сигизмунд III возвел его в чин думного дворянина и пожаловал ему крупную волость. Порвав с интервентами, Львов вскоре же примкнул к ополчению. Он утратил королевскую дачу, зато получил от земских бояр более тысячи четвертей из дворцовых земель.

Пожарский не пользовался милостями короля и тушинского вора. За участие в московском восстании семибоярщина отняла у него лучшее из его сел – Нижний Ландех и передала это поместье одному из приспешников Гонсевского. В дни ярославского стояния князь Дмитрий отклонил предложение Трубецкого о награждении его волостью. К тому времени второе земское правительство уже вернуло Пожарскому Ландех, но на этот раз уже не в качестве поместья, а как вотчину. За верную службу Совет земли передал ему также богатое торгово-промысловое село Холуй. Прерогативы двух земских правительств еще не были разграничены, и земские дьяки сочли необходимым подтвердить пожалование совета ссылкой на авторитет царя Василия Шуйского. Часть поместий, которыми Пожарский владел при Шуйском, превратилась в вотчину. «Вотчин за ним старых, – записали дьяки в 1613 году, – и с тем, что ему дано при царе Василье 1445 четьи». Новым приобретением князя Дмитрия стало село Холуй с соляными промыслами и с 60 четвертями пашни. По случаю победы над врагом Пожарский принял от земского правительства новую дачу, «что ему дали бояре и всею землею

как Москву взяли, в Суздале вотчины из дворцовых сел 1600 четьи да поместья 900 чети».

Наиболее крупными земельными приобретениями могли похвастать лица, прошедшие службу в Тушине. Неродословный дворянин князь Федор Борятинский, тушинский боярин, владел по даче подмосковных бояр 1389 четвертями из поместных земель. Другой тушинский боярин князь Дмитрий Черкасский, имевший до Смуты 400 четвертей, прибрал к рукам 3334 четверти в Суздале и Мещере.

Михаил Бутурлин начинал служить с окладом в 700 четвертей. В годы Смуты этот любимец самозванца неслыханно разбогател и приумножил богатства в первом ополчении. В Костроме и на Рязани бояре закрепили за ним волость и несколько дворцовых сел с пашней на 4328 четвертей. Бутурлин стал владеть также укрепленным рязанским городком Сапожком. В его руки перешло не менее 12 тысяч четвертей вотчинной и поместной земли.

Более всех преуспел в стяжаниях князь Дмитрий Трубецкой. Как глава тушинской Боярской думы, он получил от «вора» вместе с боярским чином обширнейшие земли. К моменту освобождения Москвы он числился владельцем 12 596 четвертей земли новых дач в Рязани, на Мещере и в других местах. Но ему и этого было недостаточно. Долгое время подлинным яблоком раздора в думе было Важское «наследное» княжество. Богатая Вага избежала разорения. Она притягивала алчные взоры бояр как магнит. Изменник Михаил Салтыков выхлопотал лакомый кусок у короля Сигизмунда. Земское правительство объявило о передаче земли «боярину» Заруцкому. Салтыков укрылся за рубежом, Заруцкий порвал с освободительным движением. Вага осталась без владельца, и Трубецкой потребовал ее себе. Мстиславский с товарищами всполошились. Важская земля далеко превосходила их родовые земли. Дума попыталась ограничить аппетиты Трубецкого. Тогда глава земского правительства энергично поддержал предложение удалить думских руководителей из Москвы.

Дарственная грамота на Вагу была составлена как соборный приговор. Трубецкой получил землю от духовенства, служилых «царей», бояр, стольников, дворян и детей боярских, гостей, торговых и «всяких чинов людей Московского государства». Парадный экземпляр грамоты был украшен золотыми прописями. Но подписали документ лишь немногие дворяне и духовные чины. Сказался раскол, царивший в верхах освободительного движения. Земские бояре, получившие чины не в Тушине, а в Москве, умыли руки. В грамоте отсутствовали автографы бояр

князя Андрея Петровича Куракина, Василия Морозова и Владимира Долгорукова, окольничих Семена Головина и Артемия Измайлова, земских дворян и воевод князя Федора Волконского, Ивана и Василия Шереметевых, Исака Погожего, князя Ивана Одоевского и многих других лиц.

Грамоту Трубецкого подтвердили своими подписями князь Дмитрий Пожарский, Василий Бутурлин, сподвижники Ляпунова князь Иван Андреевич Голицын, князь Юрий Сулшев, Иван Биркин; бывшие тушинские бояре Михаил Бутурлин, князь Дмитрий Черкасский, князь Федор Борятинский. Из рядовых дворян только один удостоился чести подписать грамоту – захудалый Игнатий Михнев. Он был любимым спальником у Лжедмитрия II. Питая презрение к торговым мужикам, великородный Трубецкой не пожелал участия в рукоприкладстве ни Кузьмы Минина, ни гостей, ни казачьих атаманов.

Трубецкой располагал достаточной властью в столице, и духовенство не думало ему перечить. Дарственную грамоту скрепили престарелый митрополит Кирилл, троицкий архимандрит Дионисий, рязанский архиепископ Феодорит, хитрый Арсений и десяток чиновных монахов.

Духовенство и земские воеводы вручили грамоту Трубецкому подле московских святынь в Успенском соборе. Торжественная церемония в Кремле готовила почву к избранию главы ополчения на трон. Грамота недаром начиналась со слов о том, что прежде Вагой владел царь Борис. Карьера Бориса не давала покоя Трубецкому. Он также метил в цари. Трубецкой имел видимые преимущества перед худородным Годуновым. Он происходил из рода великих князей литовских. В его жилах текла королевская кровь.

Трубецкой стал крупнейшим в государстве землевладельцем. Он не жалел сил и средств, чтобы обеспечить себе поддержку избирательного собора. Но боярин не обладал ни государственной мудростью, ни характером Бориса, и он проиграл.

Некогда Ляпунов обещал конфисковать все земли у изменных бояр и наделять землей в первую очередь разоренных мелких дворян. Трубецкой отказался от выработанного им курса. Совет земли аннулировал все пожалования, сделанные от имени царя Владислава, но не тронул основных владений членов семибоярщины и их пособников. «А боярам, – сокрушенно говорили очевидцы, – всем отдали их вотчины и поместья старые». Оскудевшие земские дворяне и казаки не простили своему воеводе ни попустительства в отношении предателей, ни страсти к обогащению. Они не желали видеть его на троне.

Земский собор заседал в Москве третью неделю. Близился конец января. А земские чины, по словам очевидца, не пришли ни к какому соглашению. Круг кандидатов сузился, но ни одна партия не могла склонить на свою сторону большинство. Кандидатура Дмитрия Трубецкого вызвала на соборе резкие возражения. Многие люди открыто заявляли, что он попросту не способен править государством. В ходе обсуждений собор отклонил также и кандидатуру Михаила Романова. Шестнадцатилетний юнец не внушал никому особых симпатий. Очевидец государева избрания Федор Боборыкин писал, что земские чины и бояре не чувствуют уважения к Михаилу. Боярин Иван Никитич Романов всегда действовал заодно с Мстиславским и энергичнее других настаивал на приглашении наемников в Кремль. Шестнадцатилетний Михаил Романов находился при дяде в Кремле в течение всей осады. Он смертельно боялся народа и не помышлял о борьбе с захватчиками. Трубецкой, Пожарский и другие руководители собора решительно отвергли кандидатуру Романова. Но среди земских воевод были не только противники, но и приверженцы Михаила. В его пользу настойчиво агитировала романовская родня – воевода князь Иван Борисович Черкасский, Борис Салтыков, князь Иван Федорович Троекуров, дворяне Михалковы.

Голоса разделились. Ни один кандидат не мог получить большинства. Тогда кто-то из членов Земского собора предложил избрать царя тем же способом, что и патриарха: наметить трех кандидатов, бросить между ними жребий и посмотреть, кого Бог пожелает дать им в государи. Большинство отвергло такое предложение. Тут же раздались голоса, требовавшие не прерывать заседаний собора вплоть до вынесения общего решения – «завещание полагают, да не отступят от места сего преж даже не изберетца царь Московскому царству». Избирательная борьба вступила в критическую фазу.

2 февраля 1613 года романовская партия добилась первого скромного успеха. Земское правительство направило в Польшу гонца, поручив ему добиться освобождения из плена Филарета, Василия Голицына и их товарищей. Филарет не участвовал в организации земского освободительного движения. Но он имел мужество выступить против решения семибоярщины о сдаче Смоленска и тем снискал себе популярность. Казаки хорошо знали Филарета по тушинскому лагерю, где тот подвизался в роли патриарха. Популярность Филарета благоприятствовала успеху агитации романовской партии на соборе.

Три избирательные кампании Романовых закончились поражением. Но каждая новая неудача понемногу приближала их

к заветной цели. Москва привыкла к их имени. Шестнадцатилетние усилия принесли плоды с запозданием, когда многим казалось, что звезда Романовых с пленением Филарета навсегда закатилась.

Прошло несколько дней после отъезда гонца в Польшу, и партия Романовых добилась новых успехов. Памятуя об избирательной кампании Годунова, приверженцы Михаила решили повторить его опыт. Они начали с наведения порядка в собственных рядах. Трубецкой и прочие земские власти бдительно следили за всем, что творилось в Кремле. Романовская партия не желала привлекать их внимания и созвала совещание на подворье Троице-Сергиева монастыря у Богоявленья на Торгу в Китай-городе. Троицкий келарь Авраамий Палицын описал сборище как очевидец. На Троицкое подворье, отметил он, явились «многие дворяне и дети боярские, и гости многих разных городов, и атаманы и казаки». Имена главных инициаторов февральского совещания в точности неизвестны. Но их, видимо, следует искать среди тех, кто сподобился наибольших милостей сразу после воцарения Михаила. Таковыми были князь Иван Черкасский, князь Афанасий Лобанов, Константин Михалков, Владимир Вешняков.

Романовское совещание носило куда менее авторитетный характер, нежели давний годуновский собор. В нем не участвовали ни бояре, ни видные земские воеводы, ни церковники. Высшие духовные иерархи не желали портить отношения с земским правительством, располагавшим реальной властью. Троицкий архимандрит Дионисий поддерживал тесную дружбу с Трубецким в течение всей московской осады. Но монастырь не желал рисковать своим будущим ради этой дружбы. Троицкие власти старались сохранить добрые отношения со всеми кандидатами, чтобы при любом исходе выборов оказаться в выигрыше. В итоге архимандрит Дионисий остался в стороне от щекотливого дела. Зато его помощник келарь Авраамий принял на монастырском дворе всех сторонников Михаила.

Представители дворян, казаков и городов, собравшиеся у Богоявленья, постановили добиваться избрания Михаила и разработали наказ, обосновывавший его права на трон. В отличие от писаной «хартии» в пользу Годунова наказ в пользу Михаила не блистал ни мыслями, ни литературными красотами. Его составителям недостало писательских навыков, фантазии и времени. Они ограничились ссылками на то, что Михаил происходил от царского благородного племени, «понеже он хвалам достойного великого государя Ивана Васильевича законныя супруги царицы Анастасии Романовны родного

племянника Федора Никитича – сын».

Участники совещания решили немедленно уведомить бояр и духовенство о своем решении и наметили лиц из своей среды, которым предстояло выступить на заседании избирательного собора.

Поутру 7 февраля 1613 года собор возобновил свою работу в Кремле. Все очевидцы единодушно свидетельствовали, что почин выдвижения Романова взяли на себя выборные от казаков. Феодальные землевладельцы опасались санкций правительства и из осторожности избегали высказываться первыми. Казакам же терять было нечего. Они занимали низшую ступень в иерархии соборных чинов. Но за их спиной стояла большая часть столичного гарнизона, и их мнение власть имущие должны были выслушать волей-неволей. Москвичи четко помнили, что на соборе говорили «паче всех казаки, что быти Михаилу царем». Реальный факт превратился со временем в легенду о безвестном атамане со славного Дона, подавшем собору «выпись» о Михаиле. Сохранилось предание о выступлении на соборе от дворян некоего служилого человека из Галича. Он будто бы зачитал выпись «о сродстве цареве, како благочестивый царь Федор Иоаннович, отходя сего света, вручил скипетр и венец брату своему боярину Федору Никитичу». Давняя выдумка Романовых насчет последней воли царя Федора играла на руку Михаилу. Но в наказе соборных чинов эта выдумка, кажется, не фигурировала. Палицын и прочие участники совещания опасались повредить делу явным вымыслом, который земские власти могли тотчас же разоблачить. Участник соборного заседания Авраамий Палицын сообщил вполне достоверные сведения о выступлении на соборе выборного земского гостя Смирнова Судовщикова, представителя Калуги и северских городов. Келарь не удержался от соблазна и приукрасил свое повествование ссылкой на чудо. По его словам, в «писании» Судовщикова об избрании Михаила «не обретеся ни в едином слове разньствиа» по сравнению с писаниями, поданными от имени дворян и казаков, «сие же бысть по смотрению единого всесильнаго Бога». В дословном совпадении наказов конечно же не было ничего сверхъестественного. На совещании у Богоявленья сторонники Михаила не только выработали общий наказ, но и постарались размножить его во многих экземплярах. Представители разных чиновных групп зачитывали на соборе один и тот же текст.

Шумный демарш сторонников Романова поначалу не произвел впечатления на земских руководителей. Многие из них выразили сомнение, вновь указав на молодость Михаила и его отсутствие в столице. Правитель Трубецкой и бояре предлагали

отложить решение вопроса до того времени, когда претендент вернется в Москву. Но соборным чинам и народу надоели бесконечные проволочки, и приверженцы Романова пытались сыграть на их нетерпении. Келарь Палицын и прочие участники совещания предложили Земскому собору вынести обсуждение за стены дворца и узнать, что думает народ о кандидатуре Михаила. Трубецкой растерялся и не смог помешать романовской партии. Рознь в земском руководстве довершила его поражение. Боярин Василий Петрович Морозов открыто присоединился к приверженцам Михаила. Кажется, он руководствовался не столько симпатиями к Романовым, сколько враждой к давнему сопернику Трубецкому. Примеру Морозова последовал рязанский архиепископ Феодорит.

В сопровождении келаря Авраамия и двух других духовных персон Морозов проследовал из дворца на Лобное место и обратился с речью к собравшемуся там воинству и всему народу. Свое выступление он закончил вопросом: достоин ли Михаил царства? Толпа отвечала громкими и нестройными криками. Шум толпы воспринят был очевидцами как общее одобрение.

На земское правительство народный опрос не произвел большого впечатления. Под давлением Трубецкого и прочих воевод собор постановил отложить решение о царском избрании на две недели, а тем временем вернуть в Москву главу думы Мстиславского с товарищами. Как сторонники, так и противники Романова одинаково льстили себя надеждой на то, что старшие бояре помогут им расстроить замыслы другой стороны. Руководители избирательного собора считали, что решение в пользу Михаила не является окончательным, и категорически отклонили предложение о немедленном вызове претендента в столицу. Неясность в отношении Романова была еще столь велика, что собор, отпуская выборных в их города, поручил им тайно проведать, поддержит ли провинция его возможное избрание.

В назначенный день, 21 февраля, избирательный собор возобновил работу. В столице собралось множество выборных представителей земли: дворян, духовных лиц, посадских людей и даже государственных крестьян. Большой кремлевский дворец был переполнен. В дворцовых палатах с трудом разместились земские чины. Выборным поплоше – провинциальным священникам, горожанам, крестьянам – места во дворце не нашлось. По официальной версии, собравшиеся в общем порыве как бы едиными устами провозгласили царем Михаила Романова. Совершенно иначе трактовали дело осведомленные иностранцы. Шведские лазутчики доносили из Москвы, что казакам,

ратовавшим за Романова, пришлось осадить Трубецкого и Пожарского на их дворах, чтобы добиться избрания угодного им кандидата. Новгородские власти также утверждали, будто казаки повлияли на выборы своим воровством, без согласия бояр, дворян, лучших посадских людей. Польская информация как две капли воды походила на шведскую и новгородскую. Литовский канцлер Лев Сапега бросил в лицо пленному Филарету такую фразу: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки донцы».

В смысле недостоверности зарубежные версии и московские официозные декларации стоили друг друга. Воссоздать подлинные обстоятельства выборов 1613 года помогают показания непосредственных участников собора – стольника Ивана Чепчугова и двух других дворян, попавших в 1614 году в плен к шведам. Пленников допрашивали каждого в отдельности, поочередно, и их рассказы совпали между собой во всех деталях. Недавние выборщики начали рассказ с того момента, когда собор решил вызвать в Москву всех знатнейших бояр и думцев, прежде уехавших оттуда. Когда бояре вернулись, чины тотчас принялись обсуждать, как им лучше бы приступить к делу: «Выбрать ли государя из своего народа или из иностранных государей». Расчеты Трубецкого оправдались. Мстиславский с товарищами, как и прежде, слышать не хотели о передаче короны незнатному в их глазах Мишке Романову. Речи насчет родства претендента с одной из многих жен Грозного вызвали у них лишь раздражение. Возвращение руководства думы вернуло собор к давно пройденному этапу. Бояре вновь заговорили о приглашении иноземного принца. Терпению народа пришел конец. Едва весть о боярских речах разнеслась по Москве, казаки и чернь с большим шумом ворвались в Кремль и напустились на бояр с бранью. «Вы не выбираете в государи из русских господ, – кричали в народе, – потому что хотите сами править и одни пользоваться доходами страны и, как случилось раньше, снова отдадите государство под власть чужеземца!» Особенно настойчивыми были казаки. «Мы выдержали осаду Москвы и освободили ее, – заявляли они, – а теперь должны терпеть нужду и совершенно погибать, мы хотим немедленно присягнуть царю, чтобы знать, кому мы служим и кто должен вознаграждать нас за службу».

Верхи собора объединились, чтобы как-то противостоять напору снизу. Трубецкой и Мстиславский говорили против Михаила в один голос. Боярина Ивана Романова задело предпочтение, оказанное его племяннику, и он усердно поддакивал Мстиславскому. Бояре поручили ему переговоры с народом. Иван Романов высказал толпе «некоторые затруднения»,

указал на молодость претендента и просил, ввиду его отсутствия, «отложить решение вопроса до его прибытия, чтобы можно было еще лучше подумать над этим».

Речи Ивана Романова не произвели никакого впечатления на народ. Толпа не желала расходиться, шумела и требовала, чтобы бояре и соборные чины в тот же час присягнули Михаилу Романову.

Пережив трагедию Смутного времени, народ все чаще вспоминал о старых законных царях. Все темное и жестокое, что было при Грозном, оказалось забытым. Вспоминались блеск и могущество царской власти, выдающиеся военные победы, казанское взятие. Многие наивно верили, что величие государства не возродит никто, кроме родни – пускай самой дальней – угасшей династии. Призрачная популярность угасшей династии вынесла наверх ничем не примечательного человека, спутав все расчеты и прогнозы земского руководства.

Выступление казаков и вооруженного народа подтолкнуло выборы, положив конец расколу собора и распрям, которым не видно было конца. Благодаря вмешательству низов сторонники Романова окончательно забрали инициативу в свои руки и добились того, что члены Земского собора проголосовали за избрание на трон Михаила. Приказные наспех составили крестоцеловальную запись. Члены думы и собора тут же утвердили ее и приняли обязательство верно служить Михаилу, его царице, которой не было и в помине, и возможным детям. Они поклялись, что никогда не передадут трон ни литовским, ни шведским королям либо королевичам, ни боярам «из русских родов», ни Маринке и ее сыну.

Государство Русское переживало неслыханно трудные времена. Чтобы сладить с наседавшими отовсюду врагами и умиротворить страну, нужен был опытный вождь. Шестнадцатилетний Михаил менее всего походил на такого вождя. Но его избрание стало свершившимся фактом. Пришло время вызвать в столицу и самого кандидата. Миссия была важной, и собор выделил из своей среды приличную случаю депутацию.

14 марта 1613 года члены собора виделись с Михаилом в Ипатьевском монастыре и нарекли его на государство. Сопровождавшие бояр архиепископ Феодорит, Авраамий Палицын и другие духовные лица передали Романову царский посох.

Прошло полтора месяца, прежде чем Михаил прибыл из Костромы в столицу. Не только распутица задержала его в пути. Окружение Романова ждало ответа на тревожащий всех вопрос:

«Признает ли страна избрание Михаила?» Крайнюю тревогу в Костроме вызывали казанские вести. Утрата Новгорода и Смоленска подняла значение Казани как крупнейшего города после Москвы. Весной 1613 года казанцы собрали рать и послали ее по приказу земских властей в столицу. Весть о царском избрании застигла казанских воевод в Арзамасе. Посланцы Земского собора хотели, чтобы ратники немедленно принесли присягу Михаилу, но предводитель казанцев дьяк Шульгин воспротивился присяге. Дьяк управлял Казанью с того времени, как народ по его указке убил Богдана Бельского, а Морозов ушел под Москву. Шульгин заявил: «Без казанского совета креста целовати не хочу». С ближайшими «советчиками» дьяк решил спешно вернуться в Казань. Выступление «Казанского государства» грозило поколебать позиции Романова. Поэтому власти постарались перехватить Шульгина в пути. Они снарядили погоню и арестовали дьяка в Свияжске. Позже его уморили в сибирской ссылке.

Пока царский поезд медленно продвигался к Москве, в окружении Марфы Романовой сформировался новый правительственный круг. Ранее других в него вошли Борис и Михаил Михайловичи Салтыковы, родня матери Михаила Романова. По семейной близости они жили все вместе в Ипатьевском монастыре. Будучи озабочена вопросом о средствах к содержанию царской семьи и двора в разоренной Москве, родня Михаила образовала в царской ставке приказ Большого дворца и поручила Борису Салтыкову управлять им. Михаил Салтыков стал кравчим. Близкий к Романовым Константин Михалков получил чин постельничего. Новые сановники проявляли редкое нетерпение. По их наущению Михаил через три дня после наречения в Костроме потребовал, чтобы Трубецкой и бояре немедленно выслали ему «государеву печать». Бывшие члены семибоярщины воспрянули духом. Боярин Федор Шереметев не отходил от «самодержца» ни на шаг. Сразу вслед за Шереметевым в царскую ставку поспешил его шурин князь Иван Черкасский, двоюродный брат Михаила. Шереметев, Черкасский и Салтыковы постарались возможно скорее подорвать влияние земского правителя Трубецкого. Не к нему, а к Мстиславскому адресовали они царские грамоты в Москву. Составляя очередную грамоту, писец Земского собора по привычке написал было «мы, холопи твои, Дмитрей Трубецкой да Дмитрей Пожарский», но тут же спохватился и вычеркнул имена земских вождей. После 10 апреля 1613 года все отписки из Москвы шли уже от имени «холопей Федора Мстиславского с товарищами». Боярская дума окончательно вступила в свои права.

С того времени как Михаил начал осознавать мир, в его душе жил страх перед бунтующим народом. Два года осады внушили ему ненависть к «воровским» воеводам и казакам из земского ополчения. Знать, собравшаяся возле царя, старательно поддерживала в нем предубеждение против казаков.

Атаманы, прибывшие из Москвы в Кострому, чувствовали там себя неуютно. Когда Михаил на пути в Москву сделал остановку в Троице-Сергиевом монастыре, многие казаки уже разъехались из его ставки. В Троице государя встречали чуть не вся столичная знать, множество дворян и другие чины. Выступая перед ними, Михаил с великим гневом и слезами обличал продолжавшиеся казачьи грабежи. Романов говорил с чужого голоса. На выступление его вдохновили бывшие члены боярского правительства.

Мстиславский с товарищами ждал первого подходящего случая, чтобы удалить из столицы возможно большее число казаков и заменить их послушными стрельцами. В марте 1613 года две тысячи триста казаков были отосланы из Москвы в Калугу. Несколько казачьих станиц тогда же выступили в Псков.

Накануне прибытия царского поезда в столицу «холопы Митька Трубецкой и Митька Пожарский» запросили государя, в какой день и в каком месте прикажет он им и всем ратным людям ополчения встречать его и видеть его царские очи. Михаил прислал ответ не им, а всей Боярской думе. Соперничество между старшими боярами и земским правительством играло на руку новому самодержцу. Оно мешало собору предпринять какие бы то ни было шаги к ограничению его власти.

14 апреля 1613 года собор постановил составить утвержденную грамоту об избрании Михаила. За образец дьяки взяли годуновскую грамоту. Нимало не заботясь об истине, они списывали ее целыми страницами, вкладывали в уста Михаила слова Бориса к собору, заставляли инокиню Марфу Романову повторять речи инокини Александры Годуновой. Сцену народного избрания Бориса на Новодевичьем поле они воспроизвели целиком, перенеся ее под стены Ипатьевского монастыря. Обосновывая права Романовых на трон, дьяки утверждали, будто царь Федор перед кончиной завещал корону братаничу Федору Романову.

Старый вымысел возведен был теперь в ранг официальной доктрины.

На изготовление грамоты ушло несколько недель. Подписание ее заняло значительно больше времени. В отличие от Годунова Михаил не позаботился о том, чтобы собрать подписи у всех членов собора поголовно. Выборные из городов выделяли из

своей среды грамотея – дворянина либо посадского человека, реже стрельца, и тот подписывался разом за всех представителей своего города или уезда. Советники царя не пригласили подписать грамоту ни выборного человека от всего Московского государства Кузьму Минина, ни столичных гостей и посадских старост, ни атаманов и казаков из состава ополчения.

На коронации Михаила земские бояре тщетно пытались добиться признания их старшинства. Правитель Трубецкой пробовал местничать с самим Иваном Романовым, но его быстро одернули. Царь оказал честь дяде Ивану Романову, велел ему держать перед собой шапку Мономаха. Трубецкому пришлось довольствоваться более скромной ролью. Он нес скипетр. Пожарский также участвовал в церемонии коронации. Ему поручили держать золотое яблоко. Князь Мстиславский вновь оказался героем дня. Как самый знатный из бояр он осыпал молодого царя золотыми монетами.

При всей вялости ума Михаил Романов понимал, что ему не видать было бы короны, если бы войско Пожарского не очистило Москву от вражеских войск. Члены собора и народ требовали признания заслуг выборного земского воеводы. Идя навстречу общему настроению, царь в самый день коронации объявил о пожаловании стольнику Пожарскому боярства. Но прежде стольника тот же чин получил князь Иван Борисович Черкасский. Порядок пожалований был глубоко символичен. Князь Пожарский возглавлял мартовское восстание в Москве, князь Черкасский помогал интервентам подавлять его. Позже Черкасский сражался против отрядов ополчения и был взят в плен.

Кузьме Минину более чем кому бы то ни было другому обязана была Москва своим освобождением. Совет ополчения по решению всей земли наградил его за московское взятие большой вотчиной на 1613 четвертей. Но новое окружение царя Михаила поглядывало на Кузьму искоса. На коронации Минин не попал в число тех, кто исполнял почетные должности. Пожалование ему чина думного дворянина предусмотрительно отсрочили на один день. Власти положили выборному от всей земли двести рублей на год. То был довольно большой оклад. Бояре расщедрились после того, как отказали Кузьме в поместье. Между тем все дворяне получали главный доход как раз с поместий. Заслуги Минина перед казной не получили признания. Не он, а Траханиотов получил чин казначея и возглавил Казенный приказ.

Многим казалось, что недалекому Михаилу не удержать венца на своей голове и что его постигнет участь Федора Годунова либо Шуйского. Однако острый социальный кризис миновал, и лишь в дальних углах земли еще слышались

последние отзвуки гражданской войны. Смертельная опасность, нависшая над Россией, объединила патриотические силы. Народный отпор спас страну.

Разрозненные отряды литовских людей и черкас продолжали появляться в замосковных уездах и даже на далеком Севере и в Поморье. Они помнили те дни, когда Русь раздирали внутренние распри, и это позволяло им рассчитывать на полную безнаказанность. Теперь интервентов со всех сторон подстерегала опасность. Население не желало иметь с ними ничего общего и своими руками помогало истреблению шаек. Война, которую вели безвестные герои, принесла свои плоды. Немногие из тех, кто проник вглубь страны, выбрались из нее живыми. Замечательный подвиг костромского крестьянина Ивана Сусанина стал известен лишь потому, что произошел в романовской вотчине. Крестьянин отдал жизнь за родной край. «Литве» нужен был проводник. Но Сусанин предпочел смерть сотрудничеству с захватчиками. Крестьянина запытали насмерть, не добившись от него нужных сведений.

Поневоле все силы истерзанной страны поглощала война. Сигизмунд III не отказался от планов завоевания России. Его войска вновь пересекли русские рубежи. Они сожгли Козельск, Болхов, Перемышль и показались у стен Калуги. Чтобы не допустить врага к столице, русское командование направило на запад земских воевод Дмитрия Черкасского и Михаила Бутурлина со значительными силами. Они отогнали неприятеля от Калуги, освободили Вязьму, Дорогобуж, Белую, а затем осадили Смоленск. Под Смоленском командование сосредоточило двенадцатитысячное войско. Ровно половину из них составляли казаки: две тысячи триста сорок человек прибыли из Москвы и две тысячи двести пятьдесят «приехали от Заруцкого», покинув его станы.

Борьба за полное изгнание захватчиков с русских земель и освобождение Смоленска могла бы иметь успех, если бы русское командование направило на западные рубежи все свои силы. Но этого не произошло.

Минин и Пожарский старались не допустить одновременной войны с Речью Посполитой и Швецией, и их дипломатические усилия увенчались блистательным успехом. Отстранив их от руководства, правительство отказалось также и от выработанного ими внешнеполитического курса. В разгар боевых действий под Смоленском оно направило против шведов под Новгород князя Дмитрия Трубецкого с более чем пятитысячной ратью.

Старшие бояре давно добивались высылки недавнего правителя из столицы. Вместе с ним ушла из Москвы последняя

тысяча казаков, некогда осаждавших Кремль. Мелочные интриги взяли верх над военными расчетами. Боевые силы ополчения были разделены и посланы по разным направлениям. Испытанные вожди ополчения Минин и Пожарский не участвовали в военных действиях. Царь и его окружение пожаловали им думные чины, но лишь для того, чтобы ограничить их огромное влияние на землю, призвавшую их к руководству страной в момент высшей опасности.

Назначение Трубецкого главнокомандующим и посылка его в Новгород имели роковой исход. Бездарный боярин, как всегда, действовал вяло и нерешительно и не мог наладить снабжение армии. Наступление потерпело полную неудачу. Надежды уступили место унынию.

Глава 29
ДОЛГОЖДАННЫЙ МИР

Освободительное движение выдвинуло много талантливых воевод и государственных деятелей. В их числе были Минин и Пожарский. Военное дарование Пожарского достигло расцвета. Однако знать, едва не пустившая ко дну корабль русской государственности, не могла простить ему ни его способностей, ни его худородства.

Неугомонный Гаврила Пушкин, предавший нескольких царей и усердно служивший Гонсевскому, первым использовал местнические порядки, чтобы положить конец военной карьере Пожарского. В думе Пушкин стоял на низших ступеньках. Поэтому царь именно ему поручил обнародовать указ о пожаловании Пожарского в бояре. Упрямый Пушкин отказался выполнить царское распоряжение. Князь Дмитрий, уверенный в прочности своего положения, не оценил опасности и не подал встречного челобития на Гаврилу. Прошло полгода, и Пожарский осознал, что не получит никаких воеводских постов, пока не заставит бояр считаться со своим «родословием».

Воцарение Михаила Романова подняло наверх немало случайных людей, не обладавших никакими достоинствами, кроме родства с государем и его матерью. Временщиками Михаила стали братья Салтыковы. Король Сигизмунд в свое время хвалил их за верную службу и жаловал поместьями. Борис Салтыков позже других примкнул к освободительному движению и не сыграл заметной роли в боях с захватчиками. Ко времени коронации его сомнительное прошлое было предано забвению. Осведомленные люди говорили, что в Москве дума ничего не решает без ведома и согласия Бориса Салтыкова: не дядя Иван Романов, а Салтыков правит делами не по своему званию, а по родству со старой монахиней Марфой, матерью Михаила.

Царь сделал Бориса сначала кравчим, а затем боярином. Он поручил Пожарскому представить нового боярина двору и народу. Прославленный воевода не мог закрыть перед Салтыковым двери думы. Но он постарался подорвать его непомерное влияние и затеял с ним местнический спор.

Чтобы доказать свое старшинство, Борис имел наглость сослаться на службы родного дяди Михаила Глебовича Салтыкова, самое имя которого стало в глазах всякого русского символом национального предательства. Среди бояр доводы Бориса, понятно, не вызвали возражений. Возмущенный

Пожарский отказался подчиняться приказу сидевшего на троне юнца и съехал к себе на двор, сказавшись больным. Романов не осмелился тронуть воеводу. Но в тот вечер за столом его собрались Мстиславский, Одоевский, Федор Головин. Они настояли на том, чтобы сурово наказать Пожарского. Бояре послали за Пожарским дворянина Перфилия Секирина, служившего при нем в Ярославле и исполнявшего его поручения. Секирин отвел воеводу на двор к Борису Салтыкову. Выданный головой Пожарский должен был поклониться своему недругу до земли и, стоя на коленях, выслушать все, что тот скажет. Подвергнув князя Дмитрия поруганию, Салтыков объявил ему прощение и отпустил восвояси.

В те времена невозможно было придумать худшего унижения. Князю Дмитрию бесчестье казалось вдвойне обидным. Заслуги освободителя Москвы были зачеркнуты начисто. Поражение в местническом споре фактически лишало Пожарского права занимать высшие военные посты в государстве. Страна стояла на пороге новых военных испытаний, но князя Дмитрия грубо отстранили от руководства военными делами. Местническая «казнь» была кошмаром для тех, кто превыше всего ставил родовую честь. Случалось, выданный головой боярин надевал монашеское платье и навеки прощался с мирской жизнью. Другие изменяли присяге и переходили на сторону врага. Но князь Дмитрий выдержал экзамен. Не менее чувствительный к местническим придиркам, чем другие обедневшие аристократы, он тем не менее не ожесточился на людей и не изменил своим принципам. Он претерпел все, хотя горький осадок обиды надолго отравил ему душу.

Бывшие кремлевские сидельцы ликовали при виде унижений, выпавших на долю того, кто возглавил народную борьбу против них. Но очаги смуты не были потушены окончательно. Они продолжали тлеть в отдаленных и ближних уездах – в Вологде, Астрахани, Рязани.

После отступления от Рязани Заруцкий зимовал в Михайлове. При нем находился «царевич» Иван Дмитриевич. Старшины Заруцкого старательно поддерживали среди населения надежды на его скорое избрание, и боярские холопы, пашенные мужики стекались в Михайлов со всех сторон. Люди Заруцкого грабили дворянские усадьбы и побивали их владельцев. Вскоре под знаменами Заруцкого собралось около трех тысяч человек. Их надо было кормить. Для населения казачьи поборы становились все более тяжелыми.

Царское избрание покончило с агитацией в пользу приглашения в Москву воровского «царевича» Ивана. Сначала

мелкие дворяне, а затем и атаманы стали тайком покидать лагерь воренка. Вскоре против Заруцкого выступил князь Иван Одоевский с дворянскими отрядами. Воевода знал, с каким опасным противником ему придется иметь дело, и выступил в поход лишь после многих напоминаний. Одоевский сошелся с казаками в степях под Воронежем и бился с ними два дня беспрестанно. Князь хвастливо доносил в Москву, что разбил Заруцкого наголову, взял у него пушки, знамена и обоз. Он преувеличивал свой успех. В бою под Воронежем, записал летописец, Одоевский ничего Заруцкому не сделал. Тем не менее счастье окончательно изменило атаману. С недоверием взирали казаки на польскую царицу, ставшую наложницей их предводителя. Без прежнего воодушевления сражались они за воренка, отвергнутого страной. Когда Заруцкий велел отступать за Дон, большая часть его армии отстала от него в пути. Казаки ушли в Москву и принесли там повинную. По-видимому, далеко не все казаки попали на государеву службу, а лишь одни «старые казаки», участвовавшие в земском освободительном движении. Испытывая нужду в воинских людях, власти тотчас послали их под Смоленск.

Донские казаки не поддержали Заруцкого, и ему пришлось уйти в Астрахань. Астраханцы давно отложились от Москвы, и теперь они не признали Михаила Романова своим царем. Передавали, будто астраханцы сами послали за «царевичем» Иваном Дмитриевичем. Волжские казаки и астраханские меньшие люди приветствовали воренка. Со всех сторон в Астрахань стекался беглый «гулящий» люд. Заруцкий посылал гонцов в Замосковский край и на Белоозеро. Действовавшие там повстанцы готовились силой пробиться в Нижнее Поволжье. К весне 1614 года в Астрахани собралось несколько тысяч вооруженных людей. С ними Заруцкий намеревался идти в поход на Самару и Казань.

Чтобы обеспечить себе тыл, «царица» Марина и Заруцкий затеяли переговоры с персидским шахом. «Государыня» надеялась найти убежище в Персии, и шах Аббас принял своеобразное участие в ее судьбе.

Сношения Заруцкого и его «царицы» с Персией встревожили астраханского воеводу князя Хворостинина. При поддержке лучших людей города он готовился напасть на Заруцкого врасплох и захватить его вместе с наложницей. Атаман упредил заговорщиков. Он казнил воеводу, многих мурз и добрых посадских людей. Казаки разорили двор архиепископа, а самого его бросили в тюрьму. Но против них выступили служилые люди. Поддержанные местным гарнизоном дворяне заняли острог.

Заруцкому пришлось сесть в осаду в каменной крепости. С ним осталось не более восьмисот казаков и стрельцов. На помощь астраханским дворянам спешили верные правительству войска с Терека. Атаман потерял надежду удержаться в Астрахани и бежал на Яик. В окружении бывшего земского правителя зрела измена. Казаки не желали умирать ради чужеземной «царицы». После нескольких стычек они выдали ее властям вместе с Заруцким.

Романовы не пощадили своих врагов. Младенец воренок Иван Дмитриевич был повешен. Его участь разделил дьякон Матюшка, которого держали на цепи в Москве со времени его пленения. Заруцкого посадили на кол. Марина Мнишек не снесла горя и умерла в заточении в Туле. Заодно с воренком власти повесили Федьку Андронова. Он один должен был заплатить жизнью за предательство семибоярщины.

Разделавшись с восстанием в Поволжье, бояре стали более жестко действовать в отношении казаков. При всякой возможности они проводили «разбор», очищали станицы от беглых холопов и крестьян, возвращали их прежним господам. Опасаясь сопротивления, власти объявили, что намерены впредь решать дело по доброй воле и по челобитью самих казаков, «кто куда похочет». Ссылка на добрую волю не могла никого обмануть. Свобода, предоставленная казакам, была горше неволи. «А боярские люди, – значилось в боярском приговоре, – которые, отходя (сбежав) от бояр своих, были в казаках при боярах под Москвой до государева обиранья, а из казачества, которые похотят в холопы по прежнему к старым своим боярам, и тем боярским людям дана воля – повернуть в холопы к старым ли или к новым господам по выбору».

Эгоистическая политика правителей бояр, добивавшихся возвращения своих холопов и крестьян из казачьих отрядов, усилила брожение среди казачества по всей стране. Казаки не желали мириться с тем, что им, освободителям Москвы, приходилось бедствовать, а изменные бояре опять стали хозяевами положения. Один из героев земского движения, атаман Козлов, направляясь с армией под Новгород, реквизировал продовольствие и имущество в вотчинах Мстиславского и царицы Марфы Романовой. Повстречав на большой дороге игумена Кирилло-Белозерского монастыря, атаман велел снять с него соболью шубу.

Казацкие атаманы и местное население помогли воеводам разгромить вражеские отряды, бесчинствовавшие в Вологде, Каргополе, Двинской земле. Но война затягивалась, и в деревне становилось все более неспокойно. Вологодский край не знал дворянского землевладения. Большинство населения там

составляли черносошные государственные крестьяне. Романовы не считались с традициями и жаловали вологодские земли своим придворным.

Поражение Трубецкого под Новгородом дало новый толчок движению казацкой вольницы. Покидая отступавшую армию, казачьи станицы отказывались идти на Москву, где их ждал «разбор». Не для того добровольцы брались за оружие и сражались со шведами, чтобы затем снова вернуться в неволю. На Севере и в Поморье казачьи отряды мгновенно разрастались. В казаки уходили мужики, холопы, стрельцы. Целое войско собралось под знаменами атамана Михаила Баловни. Правительство пыталось потушить вспышку казацких восстаний и вскоре добилось успеха. Баловня вступил в переговоры с воеводой Волынским о возвращении на государеву службу. Казаки послали в Москву атамана Титова с повинной, а затем и сами двинулись туда. Среди казаков одни служили в подмосковных ополчениях, другие сражались с оружием в руках против шведов и черкас. Они соглашались идти под Смоленск и сражаться с неприятелем при условии, что всех их определят в казаки и снабдят жалованьем. Казачий круг постановил: если государь велит разбирать, которые были в казаках боярские люди холопы или крестьяне, и им бы за то помереть всем за один, и идти по городам либо на Дон.

Под Москвой казаков ждала западня. Царь хитростью заманил Баловню и прочих предводителей казацкого войска в столицу и там арестовал их. Одновременно воевода Лыков ударил по казачьим таборам, не ожидавшим такого вероломства. Оставшись без вождей, казаки не смогли оказать сопротивления и побежали от столицы. Под Малоярославцем Лыков нагнал их и принудил к сдаче. Три тысячи двести пятьдесят казаков вернулись в Москву и там были «разобраны».

Бояре не слишком считались с прошлыми заслугами казаков. Многие атаманы и казаки, служившие в земском ополчении, попали в тюрьму. Бояре, сидевшие с поляками в Кремле, не забыли старых обид и жестоко отомстили казакам. Баловня и другие предводители были повешены. Многих казаков возвратили на холопскую службу.

Бремя войны стало непосильным для опустошенной, уставшей страны. Со всех границ в Москву шли неутешительные вести. Тщетно взывали о помощи Трубецкой из-под Новгорода и Черкасский из-под Смоленска. Полки Трубецкого, стоявшие в двадцати верстах от Новгорода, таяли от потерь и голода. В июле 1614 года воевода отдал приказ об общем отступлении. При отходе в войсках вспыхнула паника. Ратные люди искали спасения в лесах и болотах. Бывший земский правитель не

помышлял об арьергардных боях. Он свернул с дороги в лес и долго блуждал в чаще, прежде чем добрался пешим до Торжка.

Под Смоленском воевода князь Дмитрий Черкасский поначалу добился успеха. Его войска выстроили крепкие острожки вдоль старой границы и блокировали смоленский гарнизон. В осажденном городе начался голод. Сдачи крепости ждали со дня на день. Но русским недоставало сил, чтобы завершить смоленскую войну. Без совета с Черкасским передовые отряды отступили из острожков в лагерь под Смоленск. Литовские войска пробились в крепость и доставили туда обозы с продовольствием. Воеводы, посланные на рубеж для строительства нового острожка, подверглись разгрому и потеряли более двух тысяч убитыми.

Неблагоприятная ситуация складывалась на южной степной границе. В 1614–1615 годах степняки многократно вторгались на Русь на всем пространстве границы от Алатыря до Брянска. Жители южных уездов жаловались, что татары жгут деревни, разбивают свои становища и «живут у них без выходу».

Швеция использовала новые неудачи русских войск для расширения интервенции. Король Густав Адольф решил завладеть Псковом. Он пытался осуществить то, что оказалось не по плечу польскому королю Стефану Баторию в конце Ливонской войны. В 1615 году армия Густава Адольфа осадила Псков. Падение Пскова означало бы крушение всей русской обороны на северо-западе. Шведы тешили себя надеждой, что теперь-то им удастся поставить Россию на колени. Но их надежды не сбылись. Почти три месяца псковичи мужественно отражали приступы королевской армии и в конце концов принудили короля к отступлению.

Около четырех лет держался в псковских пригородах пан Лисовский со своим отрядом. Много бедствий причинил он за это время местному населению. Весной 1615 года лисовчики явились под стены Пскова «мириться». Разграбив округу, Лисовский ушел из-под Пскова к Смоленску с обозами, груженными продовольствием.

Когда лисовчики объявились за Смоленском и захватили Карачев, бояре в Москве всполошились. Они не забыли его опустошительных набегов. Долго думали, кому поручить уничтожение опасного противника. Никто из воевод не выражал желания помериться силами с лисовчиками. Тогда вспомнили наконец о Пожарском. Прошло более двух лет, заполненных битвами. Все это время худородный князь Дмитрий не мог получить никаких воеводских назначений. Вождя освободительной борьбы унизили, но никто не мог отнять у него

заслуженной славы.

Главная трудность состояла в том, что в Москве не осталось почти никаких сил. Между тем без значительного войска нечего было и думать о разгроме стремительного и неуловимого Лисовского. Назначение не сулило легких побед. Но Пожарский принял его без колебаний.

Дьяки составили роспись, по которой общую численность войска Пожарского предполагалось довести до семи тысяч человек. На бумаге эта армия выглядела очень внушительно. В действительности же ратников еще предстояло собрать. Отряды и сотни разбросаны были по разным городам, помещики находились на отдыхе в своих усадьбах.

В Москве Пожарскому удалось отыскать менее тысячи человек дворян, стрельцов и казаков.

29 июня 1615 года он выступил из Москвы во главе небольшого войска. Прибыв в Боровск, он тотчас разослал по всей округе сборщиков с наказом собирать служилых людей. В Белеве князя Дмитрия нагнали казаки из войска Баловни. Многие из них служили в земских ополчениях. Пожарский взял их в свой полк и привел к присяге. Из Болхова воевода направил гонцов в дальние города с требованием прислать людей. К Пожарскому прибыло две тысячи татар. Но проку от них было немного. После первых же стычек они бежали от поляков сломя голову.

В августе 1615 года Лисовский находился в Карачеве. Едва узнав о приближении Пожарского, он бросился к Орлу. Князь Дмитрий подошел к Орлу почти сразу вслед за лисовчиками. 30 августа голова Иван Пушкин с конными сотнями ворвался в польский лагерь. Там поднялся переполох. Лисовчики, ставившие шатры, едва успели вооружиться и отбить нападение.

Тем временем подоспел Пожарский. Бой в поле под Орлом продолжался несколько часов. Князь Дмитрий с большой настойчивостью трижды атаковал Лисовского. Русские захватили десятки пленных, несколько знамен, литавры. Постепенно их натиск стал ослабевать. Тогда-то лисовчики предприняли контратаку и сбили с позиций полк Исленьева. Дрогнули и побежали татары, а вслед за ними и прочие ратные люди. Пожарский выстоял. Но с ним осталось всего две сотни дворян, сорок стрельцов и несколько сот других ратников. Русские отбивались с такой яростью, что Лисовский вынужден был прекратить атаки. Князь Дмитрий использовал передышку и укрепился в обозе, окружив свой отряд повозками, поставленными в несколько рядов. Подле воеводы оставался голова Иван Пушкин. Некоторые из дворян предлагали Пожарскому отступить к Болхову, но он отвечал им: «Лучше

погибнуть всем на месте, чем уступить поле боя врагу».

Пожарский удержал при себе не более шестисот человек, Лисовский имел много больше сил. Но поляки не подозревали о подлинной численности русских. Сражение было утомительным и имело неопределенный успех. В сумерках лисовчики отступили на две версты и расположилась на ночлег.

На другой день под утро Исленьев и другие беглецы вернулись к кострам, горевшим в русском лагере. Пожарский созвал военный совет и вынес решение примерно наказать тех, кто не выполнил его приказ.

Три дня стояли под Орлом друг против друга войска Пожарского и Лисовского. Князь Дмитрий ждал подкреплений, чтобы возобновить бой. Будучи в Москве, он взял в полк своего давнего знакомого капитана Якова Шоу вместе с одиннадцатью его соотечественниками. Некогда в Ярославле Совет земли отклонил просьбу Шоу принять его на земскую службу. Предприимчивый шотландец тем не менее не утратил надежд и в конце концов добился своего. Царь Михаил принял его в полк. Шоу оказал Пожарскому услугу особого рода. Он заслал своих людей во вражеский лагерь и быстро нашел общий язык с англичанами и шотландцами, служившими Лисовскому. Как только Шоу добился успеха, Пожарский тотчас направил наемникам грамоту за своей подписью. Воевода обещал «немцам» великое государево жалованье, «чего у вас и на разуме нет», и поклялся соблюдать соглашение, заключенное англичанином, – «дал прямо свою душу в правде во всей капитану Якову Шаву». Англичане видели, что сила на стороне русских, и толпами бежали из лагеря Лисовского. Его войско быстро таяло, а армия Пожарского росла. Не надеясь осилить русских, Лисовский ушел от Орла к Кромам, а затем внезапно повернул на север к Болхову и стрелой помчался к Калуге. Всадники шли днем и ночью, давая короткий роздых лошадям. Лисовский надеялся, что русские, стянув силы к Орлу, оставили Калугу без прикрытия. Преодолев сто пятьдесят верст, лисовчики заняли Перемышль и создали непосредственную угрозу Калуге. Им, однако, не удалось перехитрить Пожарского. Воевода спешно послал в Калугу конные сотни, а сам стал в Тихвине, угрожая Лисовскому с фланга. На помощь князю Дмитрию спешили подкрепления. Власти провели набор по всему Казанскому краю и собрали до семи тысяч татар, чувашей, черемисов, «новокрещенов и бусурманов». Ратников набирали с трех дворов по человеку. Вооружение они имели самое диковинное. У кого в руках была пика, у кого топоры либо рогатины. Многие имели только лук и стрелы.

Получив подкрепления, князь Дмитрий выступил к

Перемышлю. Лисовский не стал ждать его и, предав Перемышль огню, ушел к Вязьме. Угроза Москве на калужском направлении была ликвидирована.

После многодневных утомительных переходов князь Пожарский стал недомогать, а затем с ним случился припадок. Больного отвезли в Калугу. Преследовать неприятеля князь Дмитрий поручил брату Лопате Пожарскому.

Князь Лопата шел за врагом по пятам, но затем вынужден был прекратить преследование оттого, что «казанские люди все побегоша в Казань». Семитысячная черемисская рать распалась, не вступив в бой. Воевода известил Москву, что «ратные люди со службы разбежались, а которые и есть, и те бедны». Царь Михаил был раздосадован и велел арестовать Лопату и заключить его в тюрьму.

Вытесненные из-под Калуги войска Лисовского ушли ко Ржеву. За время боев с Пожарским Лисовский потерял добрую половину людей. Из двух тысяч в его войске осталось с тысячу человек «литвы» и черкас и с полтораста русских казаков. Не было больше с Лисовским и «немцев». Во Ржеве находился боярин Федор Шереметев с войсками. Он мог дать бой потрепанной армии Лисовского, но предпочел отсидеться за крепостными стенами. Трусость Шереметева ободрила Лисовского. Отойдя от Ржева, лисовчики беспрепятственно двинулись на восток к Угличу. Дальше они шли крадучись, проселками мимо Ярославля, Суздаля, Мурома, Рязани и Тулы. Враг опустошил все на своем пути. Воеводы были слишком нерасторопны и не смогли помешать им. Князь Куракин вступил в бой с Лисовским, когда тот, замкнув круг, вышел к Алексину и Калуге с востока. Воеводе не удалось разгромить врага.

Трудности военного времени заставили царя Михаила вспомнить о героях земского движения. Черный люд в Москве, как и прежде, выражал недовольство и тревогу. Чтобы поддержать порядок в столице, властям пришлось прибегнуть к услугам популярных в народе деятелей. Весной 1615 года Романов уехал в Троице-Сергиев монастырь, вверив управление столицей особой боярской комиссии. Возглавлял комиссию бывший член семибоярщины князь Иван Васильевич Голицын. Самым младшим из четырех его помощников стал Кузьма Минин.

Война требовала от казны новых средств. В 1616 году в Москве собрались выборные представители от городов и от черных волостей. Финансовая система пришла в расстройство, и власти не могли собрать с населения деньги без поддержки Земского собора. Выборные люди согласились на сбор пятой деньги по всей стране и создали особый земский финансовый

орган. Пост главы в нем занял человек, пользовавшийся наибольшим доверием народа. Им был князь Дмитрий Пожарский. Помощниками его стали дьяк земского ополчения Семен Головин и трое монахов.

Земщина не забыла того, что всеми финансовыми сборами ведал при Пожарском Кузьма Минин. Лишь благодаря его колоссальной воле и энергии армия получила средства для московского похода. О лучшем помощнике Пожарский не мог и мечтать. Но в дни собора Минин находился вдали от Москвы. Зимой 1615 года в Поволжье восстали татары и черемисы. Местные воеводы подавили восстание. В конце года московские власти послали в Казань князя Ромодановского и Кузьму Минина для розыска о причинах недовольства тамошнего населения. Минин собрал жалобы казанцев и установил, что местный чиновник Савва Аристов отягощал население чрезмерными штрафами – «продажами» и налогами. Минин велел подвергнуть Аристова пытке, невзирая на его дворянское происхождение.

Казанская посылка оказалась последней службой выборного от всей земли. Минин был немолод, когда обратился к нижегородцам с призывом встать на защиту родины. Организация армии легла целиком на его плечи. Московский поход потребовал от него неслыханного напряжения сил. С освобождением Москвы Кузьма мог считать, что его миссия выполнена. После победы он прожил менее четырех лет. Казанская посылка ускорила его кончину. Возвращаясь из Казани в Москву в 1616 году, Минин почувствовал себя плохо и умер в пути. Так кончилась жизнь посадского человека и великого патриота России.

При царском дворе вести о кончине Минина никто не придал значения. Великие заслуги земского старосты были забыты. В столичных верхах Минину так и не простили его «низкого» происхождения. Власти не удостоили героя торжественных похорон.

Пожарский был много моложе своего соратника. Ему суждено было прожить еще четверть века. Жизнь его проходила в трудах, заботах и болезнях. Пожарский участвовал во всех значительных событиях своего времени, но при этом почти всегда оставался в тени.

Война с Речью Посполитой и Швецией затягивалась все больше и больше, принося России новые бедствия. Пожарский лучше других понимал невозможность продолжать борьбу разом на всех границах и настаивал на немедленном заключении мира со шведами. Он много раз виделся с англичанином Джоном Мериком, взявшим на себя роль дипломатического посредника в переговорах между Москвой и Стокгольмом. В конце 1616 года

Земский собор в Москве одобрил условия мирного договора, выработанные русскими дипломатами при участии Пожарского. Вечный мир между Россией и Швецией был подписан в деревне Столбово в начале 1617 года. Русское государство утратило устье Невы и Нарвы вместе с Ижорской землей, а также Карелию, но вернуло себе «Новгородское государство» с Новгородом Великим, Старой Руссой и Ладогой.

Мир со шведами заключен был вовремя. Король Сигизмунд вновь собирал силы со всех концов Речи Посполитой, чтобы покарать непокорных московитов. Командовать армией он поручил Ходкевичу. При нем находился двадцатидвухлетний претендент на русский престол – королевич Владислав. Он отправился в Россию завоевывать трон. Московские воеводы покинули позиции под Смоленском и отступили к Москве. Однако гетман не спешил вглубь России. Он приказал полкам готовить себе зимние квартиры. Но тут вдруг распространилась весть о трусливом бегстве царских воевод из Вязьмы. Ходкевич, не теряя времени, велел войскам занять Вязьму.

Александр Лисовский умер незадолго до новой московской кампании. Но его полк принял участие в походе Владислава. По приказу гетмана лисовчики вторглись в русские пределы с юго-запада и вновь угрожали Калуге. Перед лицом опасности калужане послали в Москву выборных от всех чинов и настоятельно просили царя Михаила прислать к ним для обороны города Пожарского. Бояре исполнили их просьбу, и 18 октября 1617 года князь Дмитрий уже находился на пути в Калугу. Его сопровождали два десятка московских дворян и три сотни стрельцов. В самой Калуге командование успело собрать около восьмисот детей боярских и стрельцов. По существу, Пожарскому предстояло заново сформировать армию на месте. Как и прежде, он возлагал большие надежды на казаков. Еще с дороги воевода послал грамоту к атаманам за Угру. Незадолго до похода в Москву приезжал есаул Иван Сапожок с просьбой прислать на Угру доброго воеводу. Князь Дмитрий как нельзя лучше подходил для этой миссии. В столице он добился для казаков денежного жалованья, равного низшему дворянскому окладу. Рядовым казакам он предполагал раздать по пять рублей, как и дворянским «новикам». В Калугу Пожарский привез пять тысяч рублей, намереваясь принять на службу тысячу казаков. Успех затеянного дела превзошел все ожидания. Сотни прибывали в город одна за другой. В конце концов в полку князя Дмитрия собралось более двух тысяч казаков.

Как всегда, командование держало крупные силы на татарской границе. С наступлением осени угроза вторжения

крымцев стала ослабевать, и Пожарскому разрешили вызвать более тысячи дворян из южной армии. Степные пограничные крепости получили предписание прислать в Калугу тысячу гарнизонных стрельцов, казаков и запорожцев с огненным боем.

Смута многому научила русских людей. Они уяснили себе значение вооруженных народных ополчений. Прибыв в Калугу, Пожарский призвал на службу всех горожан, способных носить оружие. Посадские люди, их дети, братья, племянники, соседи и «захребетники» (квартиранты) – все были расписаны по воротам, башням и стенам на случай штурма. Более тысячи калужан – посадских людей, ямщиков, черных монастырских людей – получили оружие – пищали и «всякие бои» – и приняли участие в обороне города.

Приготовления Пожарского были весьма своевременными. Гетман Ходкевич рассматривал Калугу как важнейший опорный пункт московской обороны. Овладев Калугой, поляки вышли бы на ближние подступы к Москве. Гетману казалось недостаточным использовать против Калуги одних лисовчиков, и он направил туда воеводу Опалинского с тяжеловооруженной гусарской конницей.

Пожарский явился в Калугу с малочисленным отрядом. Подкрепления из дальних городов прибывали медленно, с запозданием. Немудрено, что первые стычки с неприятелем закончились не в пользу русских. 13 декабря 1617 года кавалерия Опалинского напала из засады на калужское войско и основательно потрепало его. Пожарский потерял сто человек убитыми и более пятидесяти пленными. В руки к полякам попал молодой племянник князя Дмитрия.

Прошло десять дней, и неприятель попытался овладеть Калугой. Чтобы избежать потерь, Опалинский прибег к хитрости. Глубокой ночью его солдаты, соблюдая все необходимые меры предосторожности, подошли к внешней линии укреплений и ворвались в спящий город. Нападение не застало Пожарского врасплох. Пропустив неприятеля за надолбы, воевода обрушился на него всеми силами. Литовские люди бежали прочь, понеся урон.

Не сумев занять Калугу, Опалинский устроил зимний лагерь в селе Товаркове в пятнадцати верстах от города. Русские разъезды постоянно тревожили лагерь, захватывали «языков» и чинили «многую тесноту Опалинскому». В свою очередь, гусары чинили «великую шкоду калужанам». Бои шли с переменным успехом.

Поляки пытались перерезать дорогу, связывавшую Калугу с Москвой. Пожарский не допустил этого. Когда ему дали знать о

появлении отряда рейтар на московской дороге, он без промедления атаковал их и рассеял. Большие неприятности русским доставляли вражеские фуражиры. Они забирались под Серпухов и в Оболенск. Пожарский решил отрезать им пути и велел выстроить острожек у Горок. Опалинский пробовал выбить русских из Горок, но успеха не добился.

Исключив Пожарского из списка больших воевод, бояре ни разу не поручали ему командовать главными силами русской армии. На высшие посты они назначили знатных воевод вроде князя Бориса Лыкова, давнего недоброжелателя Пожарского. Лыков с главными полками занял позиции в Можайске.

Едва настало лето 1618 года, гетман Ходкевич созвал в Вязьме военный совет и предложил свой план новой военной кампании в России. Гетман призвал Владислава покинуть разоренную смоленскую дорогу и перейти в окрестности Калуги, местность, богатую продовольствием.

Польское командование стремилось уклониться от столкновения с главными силами русских, сосредоточенными в Можайске и Волоколамске, и пробить оборону русских под Калугой, где войск было мало. Ходкевичу много говорили об унижениях Пожарского. Поэтому он предполагал сначала потеснить знаменитого воеводу, а потом переманить его в стан законного «царя» Владислава. Литовскому гетману доводилось скрещивать меч с Пожарским на поле брани. Но как прежде, так и теперь он совсем не знал своего противника. Верность родине всегда была главным жизненным принципом князя Дмитрия.

Ничтожные люди между тем не давали покоя калужскому воеводе. Какими бы ни были его заслуги перед страной, старая знать и новодельные господа не переставали докучать ему местническими придирками. Дворянин Колтовский отказался принять назначение на пост младшего воеводы в Калуге. 10 июня 1618 года князь Дмитрий дал знать в Москву, что приступ свалил его с ног и он лежит при смерти. Царь Михаил послал в Калугу стольника Юрия Татищева молвить Пожарскому милостивое слово и справиться о здоровье. Татищев наотрез отказался ехать к больному воеводе. Время было тревожное, и царь велел бить кнутом упрямых дворян и выдать их князю Дмитрию головой.

Гетман Ходкевич не смог осуществить наступление на Калугу. Военный совет в Вязьме отверг его план, хотя этот план был наилучшим. Эмиссары Сигизмунда III настояли на том, чтобы Владислав шел напрямик к Москве. Калужское направление теряло прежнее значение, и Опалинский, бросив лагерь в Товаркове, ушел к Можайску на соединение с Ходкевичем.

Калужане вздохнули с облегчением, избавившись от опасного соседства.

Поход королевича Владислава на Москву начался не слишком удачно. Его войска пытались овладеть Борисовым городищем в окрестностях Можайска, но защитники крохотной крепости мужественно отразили двукратный штурм. Тогда Ходкевич придвинул войска вплотную к Можайску, установил батареи и подверг город обстрелу. В Можайске скопилось слишком много войск. Они несли потери. Запасов продовольствия хватило ненадолго. Возникла угроза голода.

Чтобы вызволить армию Лыкова из окружения, решено было привлечь отряды Дмитрия Черкасского и Пожарского. Черкасский выступил из Волоколамска в Рузу, откуда направил в Боровск на соединение с Пожарским воеводу князя Василия Черкасского. В Боровске уже находились несколько казачьих сотен, составлявших авангард войска Пожарского. Казаки получили наказ укрепиться подле Пафнутьева монастыря и ждать подхода основных сил. Князь Василий Черкасский не хотел ни подчиняться Пожарскому, ни делить с ним славу победителя. Человек горячий и нетерпеливый, он стал уговаривать атаманов не ждать и не медлить, а атаковать врага. Литовские люди стояли в семи верстах от Боровского монастыря, и казаки не стали раздумывать. Соединившись с Черкасским, они затеяли бой, но нападение вышло «нестройным». Всяк командир действовал по своему разумению и воле. Отбитые «литвой», ратные люди смешались и побежали. Им пришлось бы совсем плохо, если бы на помощь не подоспели две конные сотни смоленских дворян. На поле боя осталось лежать сто пятьдесят калужских ратников и шестьдесят смолян. Виновник поражения Василий Черкасский без славы отступил в Рузу.

Командование возлагало большие надежды на князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского. Царь приказал ему немедля идти к Можайску и закрепиться подле Лужецкого монастыря, чтобы обеспечить свободный путь в окруженный лагерь. Черкасский выполнил приказ. Но едва его воины попытались воздвигнуть укрепленный острог под монастырем, Ходкевич направил против них крупные силы. Не выдержав удара, Черкасский отступил в Можайск, оставив неприятелю весь обоз.

Поражение Черкасского окончательно осложнило военную обстановку. Продовольствие в Можайске подошло к концу. Ратники Черкасского явились без всяких запасов, и их нечем было кормить. Ожесточенные бои вокруг Можайска не прекращались ни на день. Королевская артиллерия усилила бомбардировку. Полки теряли людей. Князь Черкасский был ранен ядром. Едва

живого, его увезли в Москву. Столичным боярам пришлось наконец подумать о спасении можайской армии. Черкасскому не удалось выполнить эту задачу, и теперь все с надеждой смотрели на Пожарского.

Князь Дмитрий перешел из Калуги в Боровск. Бой под Боровском не прошел бесследно. В войске чувствовалась неуверенность. Трудно было восполнить потери. Но Пожарский твердо придерживался намеченного плана. Его солдаты поставили острог у стен Пафнутьева монастыря и прочно оседлали можайскую дорогу. Из острожка конные сотни Пожарского тревожили постоянными набегами осадный лагерь Ходкевича. Избегая столкновения с крупными отрядами, они нападали на вражеские транспорты, громили разъезды, захватывали пленных.

Боярам пришлось забыть о старых счетах. Откуда бы ни подходили в Москву подкрепления, они тотчас направляли их в Боровск к Пожарскому. Сначала к нему прибыл отряд астраханских стрельцов и мурза Кармаш с татарами. Затем в Боровск явился окольничий князь Григорий Волконский. То был первый случай, когда бояре подчинили Пожарскому знатного и «родословного» думного человека. Ситуация была критическая, и выбирать не приходилось. С Волконским в Боровск явились отборные силы – более 670 московских, ярославских и костромских дворян.

Получив подкрепления, князь Дмитрий приступил к проведению операции. Надо было вывести полки Лыкова и Черкасского из окружения, связать руки неприятелю и не допустить разгрома армии при отходе. Операция требовала воинского искусства и твердости духа. Вновь столкнувшись лицом к лицу с Ходкевичем, Пожарский действовал хладнокровно и решительно.

Приказ об оставлении можайского лагеря многие восприняли как дурную весть. Нестойкие духом люди боялись, как бы не сгинуть при отступлении. Воевода Константин Ивашкин, прежде «бесстрашно» сидевший в Борисове городище, теперь «выбежал» из города со всеми ратными людьми и явился в лагерь Пожарского. Литовские люди могли захватить опустевшую крепость, но не успели. Пожарский опередил их. Астраханские стрельцы появились в окрестностях городища немного раньше королевских солдат. Стрельцы уклонились от боя и укрылись в крепости. Ворота захлопнулись под носом у неприятеля. Вскоре в Борисово городище прибыл и сам Пожарский с полками. Не теряя времени, он выслал конные сотни в окрестности Можайска. Лето было в разгаре, но погода внезапно испортилась. Что ни день шли

дожди и бушевала гроза. Непогода помогла Пожарскому. Темной дождливой ночью полки Лыкова снялись с лагеря и быстро двинулись на соединение с Пожарским. В Можайске остался осадный воевода Федор Волынский с отрядом пехоты. 6 августа 1618 года Лыков благополучно прибыл в Боровск. Князь Дмитрий пропустил отступавшее войско, а затем двинулся следом, готовый к арьергардным боям. Назревавшая катастрофа была предотвращена.

Король Сигизмунд внимательно следил за действиями своей армии и повсюду искал для нее подкрепления. Коронный гетман Жолкевский в 1617 году заключил соглашение с Петром Сагайдачным и его старшинами, Тысяча украинских казаков была зачислена в реестр на королевскую службу. Год спустя Сагайдачный принял участие в московском походе Владислава.

Пока королевская рать наступала на Москву с запада, Сагайдачный сжег Ливны и Елец и стал продвигаться к столице с юга. Московское командование попыталось остановить запорожцев на Оке. В час опасности имя Пожарского вновь было у всех на устах. Князь Дмитрий получил приказ разгромить Сагайдачного на переправах через Оку и не допустить его к Москве. Болезнь продолжала терзать Пожарского, но он надеялся справиться с недугом. Присутствие знаменитого воеводы вселяло в воинов уверенность и бодрость. Довести поход до конца Пожарскому, однако, не удалось. В Серпухове приступы возобновились, и все ждали кончины больного со дня на день. Царь велел Пожарскому ехать в столицу, а войско поручил его помощнику князю Григорию Волконскому. Этот воевода должен был занять переправы на Оке и не пропустить Сагайдачного к Москве. Волконскому не удалось выполнить эту задачу, и он отступил с Оки в Коломну. Как только рать лишилась авторитетного вождя, между казаками и дворянами тотчас вспыхнули распри. Казаки не желали терпеть голод и ушли из Коломны под Владимир. Там они остановились в вотчине Мстиславского в Ярополческой волости. Казаки собирали корм во владениях не только Мстиславского, но и других бояр и дворян. Исключение было сделано лишь для земель князя Дмитрия Пожарского. «В Вязниках у казаков в кругу, – доносили гонцы, – приговорено, что им боярина князя Дмитрея Михайловича Пожарского в вотчины в села и в деревни не въезжати и крестьян не жечь и не ломать и не грабить». Приговор казачьего круга показывал, что Пожарский попрежнему пользовался большой популярностью. Постановление в отношении вотчин князя Дмитрия выполнялось неукоснительно. Крестьяне Пожарского беспрепятственно ездили в казачьи таборы, продавали им

припасы, покупали у них всякую рухлядь.

Бояре боялись раздражать казаков и лишь упрашивали их вернуться в Москву. Казаки отвечали, что служить готовы, но не иначе как с Пожарским.

Война обнажила непрочность заново воздвигнутого здания романовской монархии. Земские выборщики вовсе не знали человека, посаженного ими на государство. За пять лет народ имел возможность разглядеть его лицо. Михаил оказался неспособным дать стране авторитетное правительство. Население видело в окружении царя все тех же изменных бояр. Их способность справиться с военными трудностями не выдержала испытания. Едва боярин Лыков отступил из Можайска, служилые люди и москвичи потребовали у бояр объяснений. Вооруженная толпа заполнила Кремль. Предводительствовали ею нижегородец Жездринский, ярославец Тургенев, смолянин Тухачевский. Народ с шумом ворвался в палаты, где сидели Мстиславский с товарищами, и угрожал им расправой. Выступление едва не привело к кровопролитию. Казаки готовы были своими руками перебить сторонников Владислава.

В московских верхах царило замешательство. Тайные приверженцы Владислава недаром припрятали в сундуки жалованные грамоты королевича.

В ту пору необычное природное явление приковало к себе внимание москвичей. Над городом повисла яркая хвостатая «звезда». Воздымая руки над головой, маловеры причитали: «Быть Москве взятой от королевича!» Кроваво-красная комета сулила новые неслыханные беды и пролитие крови.

20 сентября 1618 года со стороны Волоколамска к столице подошла королевская армия. Московский староста Гонсевский и гетман Ходкевич вновь стояли у городских ворот, на этот раз вместе с «царем» Владиславом. Они рассчитывали на содействие приспешников. Народ с подозрением следил за каждым шагом бояр. Никто не забыл недавней трагедии. Среди вновь отстроенных кварталов огромными дырами зияли пустыри, старые пожарища, памятники хозяйничанья в Москве интервентов.

Опасения защитников Москвы усилились, когда к городу с юга приблизились отряды Сагайдачного. На виду у гарнизона запорожцы стали проводить свои коши мимо Донского монастыря в лагерь Владислава. Командование сосредоточило в Замоскворечье много ратных людей. Полки вышли в поле и стали строиться в боевой порядок, чтобы помешать соединению двух вражеских армий. В решающий момент бояре заколебались и не посмели атаковать противника.

С тяжким сердцем возвращались ратные люди по улицам столицы в крепость. Неразбериха и замешательство в боярских верхах вновь грозили обернуться бедой.

С начала сентября 1618 года в столице стал заседать Земский собор. Соборные чины решили привлечь к обороне крепости все население столицы. Царю и его окружению волей-неволей пришлось вспомнить, какую роль сыграл в освобождении Москвы вооруженный народ. И теперь народ требовал оружия, чтобы отстоять столицу от вражеского нашествия. Разрядный приказ расставил по стенам и воротам вместе с ратными людьми купцов и посадских людей. В Белом городе и в Замоскворечье охрану стен несли шесть с половиной тысяч человек. Преобладали среди них черные посадские люди. Около двух тысяч горожан имели в руках пищали, две с половиной тысячи несли караулы с рогатинами.

За несколько дней до решительного столкновения с поляками царь Михаил пригласил Пожарского во дворец к столу и наградил его золоченым кубком и собольей шубой. По случаю награждения князю Дмитрию перечислили все его заслуги: то, что он против литовских людей стоял, острог поставил, многих врагов побил и взятых языков к государю часто присылал, государеву и земскому делу радел и им промышлял, помогал Лыкову, когда он из Можайска к Москве шел.

Накануне решительного боя на сторону русских перебежали двое французских саперов, служивших в армии Владислава. Они сообщили о готовившемся приступе и пунктах атаки. Бояре заподозрили, что французов подослал сам Ходкевич, и не дали веры их словам. Предосторожности ради они все же послали подкрепление к западным воротам. Им не пришлось пожалеть об этом.

После полуночи 30 сентября 1618 года королевские роты двинулись на штурм русской столицы. Подобравшись в кромешной тьме к Земляному городу, солдаты взорвали ворота деревянного острога и проникли внутрь города. Пробираясь на ощупь по улицам Земляного города, роты подошли к Арбатским и Тверским воротам Белого города. Пан Новодворский с саперами готов был взорвать с помощью порохового заряда Арбатские ворота. Но москвичи осыпали неприятеля градом пуль. Новодворский был ранен в руку и не выполнил приказ гетмана.

Выстрелы разбудили спящую столицу. Наспех вооружившись, народ бежал к месту ночного боя. Прежде других к воротам прибыл со своего двора на Арбате князь Пожарский. Его сопровождала многочисленная вооруженная свита. Появление популярного воеводы воодушевило ратников. Вновь, как в лучшие

годы, князь Дмитрий «на боях и на приступах бился, не щадя головы своей». Едва ночная мгла стала редеть, русские воины распахнули ворота и ударили по врагу. Новодворскому пришлось спешно уносить ноги. Не лучше обстояли дела у отряда, пытавшегося ворваться в Белый город со стороны Тверских ворот.

Ввиду больших потерь Ходкевич не решился отдать приказ о новом приступе. Ему не удалось прорвать даже внешнюю линию каменных стен. За этой линией высился неприступный Кремль с торчащими во все стороны орудийными стволами.

В который раз потерпев неудачу под Москвой, Ходкевич отступил к Троицкому монастырю. Владислав потребовал присяги от монахов. Ответом ему были пушечные залпы. Королевская армия отступила за Троицу к селу Рогачеву на старую гетманскую стоянку. Отряды наемников отправились грабить замосковные города. Но их везде подстерегали неудачи. Ярославские воеводы разгромили литовских людей на Нерехте и в Пошехонье.

Сагайдачный из-под Москвы отправился к Калуге, но овладеть крепостью ему не удалось. Король смог использовать запорожское войско в войне с русскими. Но среди рядовых казаков зрело недовольство. Королевич Владислав скоро убедился в ненадежности запорожцев. Полковник Ждан Коншин с отрядом в шестьсот сабель перешел на русскую службу.

Армия Владислава оставалась в Рогачеве. Ей предстояло выдержать трудную зиму. Войско не имело надежных путей сообщения. Ходкевичу не удалось овладеть ни одной из русских крепостей, оставшихся в его тылу. Владислав фактически не мог продолжать войну, потому что польский сейм согласился финансировать его кампанию лишь до конца года. Последние недели этого года истекали. В Речи Посполитой все громче звучали голоса в пользу немедленного заключения мира с Россией. Южным границам Польши угрожали турки. Стихли выстрелы в Ливонии, но достигнутое там двухлетнее перемирие не было ни миром, ни войной.

Вражеское нашествие вновь всколыхнуло Россию. Народ повсюду требовал решительных действий против вторгшегося врага. В Нижнем Новгороде и Ярославле спешно формировались полки.

Дорогую цену заплатил русский народ за предательство семибоярщины. Многие сложили головы, освобождая Москву. Новая династия вернула власть тем же боярам, и они вновь не сумели защитить государство. Польско-литовская дипломатия выдвинула задачу расчленения и захвата западных великорусских земель. Боярская дума пошла на уступки, нанесшие стране немалый ущерб.

1 декабря 1618 года Шереметев подписал договор о четырнадцатилетнем перемирии. Условия перемирия были чрезвычайно тяжелыми. К Литве отходила вся Смоленщина и Черниговщина. Вместе с городами, занятыми «литвой», Сигизмунду достались пограничные крепости, отразившие все нападения его наемников. Бояре обязались сдать эти крепости в полном порядке со всеми пушками и боевым снаряжением, с пашенными уездными крестьянами и посадскими людьми. Король получил в свои руки около тридцати городов. Новая граница проходила теперь неподалеку от Вязьмы, Ржева и Калуги. Сигизмунд посеял семена новой войны.

Перемирие поставило под вопрос итоги объединительной политики. Королевская дипломатия ловко играла на слабости романовской династии. В польском плену томился Филарет Романов. Когда Сигизмунд отправился на завоевание Москвы, бывший царь Василий Шуйский и его брат тут же простились с земным существованием. Романовы помнили об этом и тревожились за судьбу Филарета. Государственные интересы они подчинили семейным заботам. Какие бы новые требования ни предъявлял канцлер Лев Сапега московским послам, энергичная царица Марфа и ее собственный сын предписывали принять все, лишь бы вернуть Филарета.

Мир был унизительным и тяжелым, но население приняло его со вздохом облегчения. Бесчисленными пожарищами и руинами покрылась страна на всем пространстве от южных степей до Ледовитого океана. Обезлюдели города и деревни, стаи воронья кружили над пепелищами.

Но мрачная пора была позади. Народ отстоял родную землю и вернулся к мирному труду. Только его усилия могли вернуть России благополучие и могущество.

ЭПИЛОГ

Прошли многие годы, прежде чем Россия оправилась от пережитой катастрофы. На заброшенные, поросшие лесом нивы вновь пришли люди. Там, где чернели развалившиеся и сгнившие срубы изб, застучал крестьянский топор. Поток русских колонистов устремился на необжитые южные окраины и в далекую Сибирь. Возникли первые русские поселения на Енисее и Лене, в далекой Якутии. Границы Русского государства теперь отодвинулись далеко на восток. Но на западе оно так и не вернуло себе исконные русские земли, утраченные в Смутное время. Возвращение Смоленщины стало главной внешнеполитической целью, едва лишь страна вновь поднялась на ноги.

Россия вступила в борьбу с Речью Посполитой в разгар Тридцатилетней войны. Европа оказалась расколотой надвое: союзу католических государств противостояли Франция, Дания и Швеция. Филарет и Михаил Романовы заключили секретное соглашение со шведским королем о совместных действиях против Речи Посполитой. В апреле 1632 года Москва с энтузиазмом приветствовала сообщение о том, что поход на Смоленск возглавят бояре Михаил Шеин и Дмитрий Пожарский, герои освободительной войны.

Князь Дмитрий мог торжествовать. Его звездный час настал. Все мелкие завистники и клеветники были посрамлены. Пожарский получил назначение, о котором мечтал любой воевода. Громадные заслуги его перед отечеством получили наконец официальное признание. Но оно пришло, как то часто бывает, слишком поздно. Царь Михаил не послал Пожарского на освобождение Смоленска, когда вступил на трон. С тех пор прошло долгих пятнадцать лет. Недуг продолжал свое разрушительное дело. В пятьдесят три года Пожарский казался совсем больным человеком. Приступы «черной немочи» следовали один за другим неумолимой чередой.

Никогда еще Россия не готовилась к войне с такой тщательностью, как теперь. На ее стороне была Швеция, обладавшая самой сильной в Европе армией. Разве чудо могло спасти Речь Посполитую от неминуемого поражения! Русская армия сознавала значение грядущих сражений. Ей предстояло вернуть утраченные земли. Знать завидовала Шеину и Пожарскому, которых ждали победы и слава. Блестящая перспектива могла вскружить голову кому угодно. Но князю Дмитрию никогда не изменял его трезвый взгляд на вещи. Он

отклонил запоздалую честь. Ссылка на болезнь не была отговоркой. Никто из тогдашних знатных воевод не обладал военным талантом Пожарского. Каждый из них принял бы командование армией без колебаний. Каждый понимал, что такое назначение на многие годы определит его местническое положение. Но у Пожарского чувство долга недаром преобладало над всеми другими чувствами. Он тщательно взвесил свои силы и отказался от заманчивого предложения.

Отдавая дань общественному мнению, царь Михаил назначил в помощники Шеину окольничего Артемия Измайлова, деятельного участника земских ополчений.

Воеводы замешкались с выступлением. Много месяцев ушло на сбор войска. И все же военные действия против Речи Посполитой развивались поначалу успешно. Русское население не смирилось с властью завоевателей. При первых вестях о войне мужики взялись за рогатины и топоры. Отряды шишей не давали покоя королевским наемникам. Монастырский крестьянин Иван Балаш с комаричами и казаками осадил Мстиславль, а затем Стародуб. Опираясь на поддержку населения, царские воеводы освободили Новгород-Северский, Дорогобуж, Белую. Армия Шеина в декабре 1632 года придвинулась наконец к стенам Смоленска. С наступлением весны русские приступили к методическому обстрелу крепости, в первые летние дни предприняли общий штурм. Но войскам не удалось прорвать мощную линию крепостных укреплений. Они отступили, понеся большие потери.

Тем временем произошли события, которых никто не мог предвидеть. В битве под Лютценом шведы нанесли большие потери австрийской армии, но лишились своего вождя. Со смертью короля Густава Адольфа планы русскошведского военного союза рухнули. В Польше бескоролевье продолжалось недолго. На престол вступил королевич Владислав. Не опасаясь вторжения с запада, Речь Посполитая направила все свои силы под Смоленск.

Фактический правитель Русского государства патриарх Филарет рассчитывал на коалицию со Швецией и Османской империей. На самом же деле России пришлось в одиночку вести борьбу разом с Крымом и Речью Посполитой. В разгар затеянной войны Филарет внезапно умер, что привело к переменам в высшем командовании.

В 1632 году Крым предпринял крупное вторжение на Русь. Московскому командованию пришлось на полгода отложить наступление главных сил на Смоленск. В июле 1633 года до двадцати тысяч татар прорвали русскую оборону на Оке, вышли к

Серпухову, а оттуда двинулись мимо Каширы к Рязани. Королевская дипломатия одержала крупную победу. Литовский канцлер Радзивилл писал в те дни: «Не спорю, как это по-богословски, хорошо ли поганцев напускать на христиан, но по земной политике вышло это очень хорошо». Татары связали московские силы по рукам и ногам в самый трудный момент Смоленской войны. 25 августа к Смоленску подошла армия короля Владислава. Поляки разорвали осадное кольцо русских, а позже блокировали армию Шеина в ее лагере. Воевода тщетно взывал о подкреплениях. Его собственные силы быстро таяли. Многомесячная осада утомила войска. Осенью в непогоду и туман служилые люди толпами покидали лагерь. Жалобы сменились воплем. «Рать твоя, государь, разбежалась!» – писал Шеин в очередном донесении в Москву. Дворяне южных уездов спешили вернуться в разоренные поместья, чтобы спасти то, что уцелело после татарского набега. Казаки бежали из-под Смоленска в повстанческие отряды, которые стали возникать в близких к Смоленску уездах, как грибы после дождя.

18 ноября 1633 года Боярская дума приговорила сформировать новую армию и послать ее на выручку Шеину. После многих споров бояре назначили ее воеводами князя Дмитрия Черкасского и князя Дмитрия Пожарского. Он чувствовал себя лучше и принял предложенный пост. Во все концы страны полетели наказы, предписывавшие дворянам по первому зимнему пути собираться в Можайске. В полк Черкасского предполагалось зачислить более 3600 дворян, в полк Пожарского – менее двух тысяч. Полк Пожарского был сборным в полном смысле слова. К нему думали определить и многих смоленских беглецов, и раненых после поправки, и дворовых и прочих людей «царицына чину», и конюхов, и патриарших стольников.

Первый зимний путь давно минул, и московское командование объявило 6 января 1634 года в качестве крайнего срока сбора дворянского ополчения. Но зимняя мобилизация не удалась. К январю 1634 года можайская рать насчитывала 357 человек. Царь Михаил затеял мирные переговоры с Владиславом. В наказах воеводам он настаивал прежде всего на осторожности и выражал надежду на Божью помощь.

Шеин подписал капитуляцию 16 февраля 1634 года, так и не дождавшись помощи. Король Владислав вслед за тем пытался выбить русских из крепости Белой, но успеха не добился. На можайском направлении подступы к Москве надежно прикрывали войска Пожарского.

Воевода Шеин нимало не сомневался в победе, когда начинал

смоленскую кампанию. Перед выступлением в поход он обратился к боярам с надменной речью. Он напомнил бывшим членам семибоярщины то время, когда одни воеводы, истекая кровью, обороняли Смоленск, а другие сидели за печью. Бояре восприняли упреки Шеина как смертельное оскорбление и жестоко отомстили ему. Никогда на Руси неудачливым воеводам не секли голов. Но для Шеина и Измайлова бояре сделали исключение. Боярская судная комиссия во главе с князем Иваном Шуйским приговорила Шеина и Измайлова к смертной казни. Палач обезглавил их за городом «на пожаре».

Смоленская война закончилась Поляновским миром. Владислав отказался от притязаний на русский трон. Россия вывела войска из Смоленщины и Северщины. Полякам памятно было имя Пожарского, царь несколько раз поручал ему присутствовать на переговорах с польскими послами. Но каждый раз Пожарский довольствовался ролью «младшего товарища» то при Федоре Ивановиче, то при Иване Петровиче Шереметевых. Все это были старые знакомые, прославленные воеводы, некогда доставившие ему множество тревог.

Отправляясь на богомолье, Романов не раз оставлял Шереметевых ведать Москву, а Пожарского назначал им в помощники. Без князя Дмитрия не обошлась ни одна царская свадьба. Он числился дружкой у Михаила. В больших господах на свадьбах, однако, веселился не он, а Иван Никитич Романов, Федор Шереметев, Иван Черкасский.

Последние военные назначения князь Дмитрий Пожарский получил в 1637–1638 годах, когда возникла угроза большой войны с Крымом и Османской империей. Донские и запорожские казаки в 1637 году овладели Азовом, сильной турецкой крепостью в устье Дона. Крымский хан немедленно послал в набег на Русь большое татарское войско. Царь Михаил ждал их нападения на Москву и приказал спешно укреплять город. Князь Дмитрий Пожарский руководил работами на небольшом участке обороны от Яузы до берега Москвыреки. 24 сентября 1637 года он «чертил деревянный город, как (его) делать», а спустя три дня приступил к устройству земляного вала. Старые укрепления Земляного города обветшали и разрушились. Их надо было заменить новыми. Вскоре столица опоясалась валом, похожим на огромные земляные холмы. Насыпали вал не одни посошные люди и москвичи, но и татары, плененные во время их последнего набега на Русь. На валу сложили деревянную стену с башнями. Под стеной вырыли глубокий ров. Назначение князя Пожарского на второстепенный участок строительства показало, что с ним не очень считались при дворе после смерти Филарета.

С весны 1638 года Москва жила в тревожном ожидании татарского набега. Царь Михаил вверил командование армией Ивану Черкасскому. Пожарскому не нашлось места ни в столице, ни в главной армии. Он был назначен воеводой в Рязань. Однако Крымская орда не осмелилась на новое вторжение.

Как член думы Пожарский периодически нес службу в различных приказах. Вскоре после заключения Деулинского перемирия с поляками он возглавил Ямской приказ. Должность была трудной. Нужен был человек с твердой рукой, чтобы собрать в разоренной стране основную, самую тяжкую подать – «большие ямские деньги». Сбор Пожарского давал значительную часть государственного дохода.

В 1624–1628 годах Пожарский сидел в Разбойном приказе. В его задачу входил контроль за решением уголовных дел в судах по всей стране. В приказе судили за наиболее серьезные преступления, какого бы чина ни был преступник – «князь или боярин или простой человек». Бесконечной чередой проходили перед Пожарским смертоубийцы, воры, фальшивомонетчики и прочий люд, нарушавший порядок.

Судебная карьера Пожарского имела продолжение. В 1636–1637 годах он стал начальником московского Судного приказа. Он разбирал различного рода споры и тяжбы между членами думы и столичными дворянами.

На склоне лет Пожарский вел жизнь великого боярина. Он благоустроил родовое гнездо в дедовской вотчине – селе Мугрееве. В старину село имело еще одно название – Волосынино. В селе на косогоре стоял двор боярский, подле него деревянная церковь с шатровым верхом и еще одна церквушка поменьше, к которой прилепились шесть дворов с жившими в них нищими. В мугреевском приселке Могучеве располагался еще один двор вотчинников. У ближнего озера на вотчинной земле ютился небольшой монастырек с четырнадцатью старцами. Некогда владелец Мугреева ничем не выделялся среди соседей. Теперь ему принадлежало несколько тысяч четвертей пашни и он был самым крупным землевладельцем в округе. В тринадцати верстах от Мугреева находилось село Нижний Ландех, немногим дальше – Верхний Ландех. Оба этих села тянули к обширному селу Мыт. Все эти земли давно стали вотчиной Пожарского и его любимого сына Петра. Подлинной столицей княжеских владений стал «посадец» Холуи. Князь Дмитрий держал тут два господских двора. «Посадец» располагался на бойком торговом месте. Дважды в год здесь собирались ярмарки. Заполучив Холуи, Пожарские стали владельцами двух соляных варниц – «Орла» и «Усолок». Работники без устали черпали рассол из четырех

колодцевшахт. Над варницами постоянно дымились трубы.

Боярин заново отстроил столичный двор. Новые хоромы мало походили на прежнее жилище Пожарских годуновской поры. Княжую семью теперь обслуживала большая дворня. Во дворе на Сретенке жили его крепостные мастера: Тимошка-серебряник, Петрушка и Павлик – бронники, Матюшка-алмазник, Пронка – портной мастер, Антошка-седельник и другие. Князь Дмитрий носил расшитый золотом кафтан с поясом и шубу из бархата «золотного, цветного, персидского». Боярин выходил на крыльцо, и ему подводили коня – «жеребец аргамак сер», седло кованное в чекан, золоченое, покрытое бархатом «золотным», уздечка серебряная. Со двора князь выезжал в сопровождении целой свиты из вооруженных слуг и холопов. При торжественных встречах иноземных послов Пожарские высылали на заставу до семидесяти даточных людей на конях и в цветном платье.

После Смуты усилилась тяга русского общества к просвещению. Пожарский не отставал от своего времени. Он собрал порядочную библиотеку. В его доме хранились три тома Четьих Миней, некогда изготовленных для Ивана Грозного в Александровской слободе. Со временем эти тома попали в книгохранилище Соловецкого монастыря. Еще одна «Общая Минея» из библиотеки Пожарского поступила в собрание Троице-Сергиева монастыря. Многие книги Пожарского – Четьи Минеи (12 книг), Псалтырь, «Толкование на Деяния апостольские», «О иконном поклонении» и другие – перешли в собственность Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале. Семья и люди Пожарских питали особое пристрастие к чтению вседневной литературы. Известен случай, когда крепостной Пожарского Иван Попов продал «Общую Минею» некоему торговому человеку и собственноручно подписал проданную книгу.

Пожарские проводили много времени в столице. Покидая Москву, Дмитрий Михайлович уезжал чаще всего в родные места под Стародубом Ряполовским. Минуло лихолетье, и пахарь с сохой вновь обживал места, где еще недавно разбросаны были пустоши. В Холуях возродили древнее ремесло богомазы. Сельские жители охотно покупали произведения их кисти. Народная манера не слишком импонировала церковным ортодоксам. «Поселяне Холуя, – вещал патриарх, – пишут иконы без всякого рассуждения и страха». Патриаршую грамоту читали много лет спустя после смерти Пожарского. При жизни князя искусство художников Холуя и Палеха еще не считалось зазорным. Пожарский покровительствовал народным живописцам. В его вотчинах привольно жилось скоморохам. Их веселые представления тешили всю округу. Скоморохи звали себя

людьми Дмитрия Пожарского да Ивана Шуйского. Шуйские и Пожарские были соседями по вотчине.

На свои средства Пожарский выстроил несколько церквей. В Медведкове под Москвой его крепостные мастера воздвигли храм Покрова. От его шатра, вознесшегося над Яузой, веяло заветной стариной. В столице он своей казной выстроил Казанскую церковь в Китай-городе, а на вотчинной земле под Нижним Новгородом возобновил Макарьевский монастырь.

В первом браке у князя Дмитрия было трое сыновей – Петр, Федор и Иван. Средний сын умер в расцвете сил. В пятьдесят семь лет Пожарский лишился жены. Сам патриарх отпевал княгиню Прасковью в церкви на Лубянке. Князь глубоко горевал о жене. Но его дом не мог остаться без хозяйки. Прошло время траура, и Пожарский посватался к Голицыным. Его второй женой стала Феодора Андреевна Голицына, пережившая его на девять лет. Свадьбу весело отпраздновали в усадьбе на Лубянке. Во втором браке у Пожарского не было детей. Но первая жена наградила мужа, помимо сыновей, еще и тремя дочерьми. Семья Пожарских была богата и знаменита, и аристократы, прежде презиравшие воеводу за худородство, теперь набивались ему в родню. Старшей дочери князь Дмитрий дал имя Ксения в честь несчастной царевны. Ее мужем стал князь Василий Семенович Куракин. Ксения умерла молодой. Вторая дочь, Настасья, была замужем за князем Иваном Петровичем Пронским, а младшая, Елена, – за князем Иваном Федоровичем Лыковым.

Шли годы, но слава Пожарского не глохла, а разрасталась. Некий литератор сложил такую похвалу знаменитому воеводе:

> Многие бо люди дивятся мужественному твоему храбрству.
> И радуются, что Бог тебя принес к великому государству,
> Поне (же) всегда против супостатов лица своего не щадишь,
> К Богу, царю и ко всем человекам правду творишь.

Вирши были витиеваты и нескладны. Но люди того времени еще не слишком хорошо владели тайнами стиха. Вирши завершались похвалой доброте и щедрости знаменитого воеводы к бедным людям. «И уж не вем, – писал поэт, – како конец сказать твоей великой щедрости, яко помогаеши многим людям в конечной бедности». Семья Пожарского никогда не оставалась глухой к чужим бедам. Среди кичливой знати князь Дмитрий всегда выделялся тем, что не презирал своего народа.

Неизвестный по имени живописец XVII века написал портрет

Пожарского. Высокий облысевший лоб, изборожденный глубокими морщинами, да овал исхудавшего лица – вот самые характерные черты, запечатленные художником.

Немного вещей Пожарского хранят музеи. Среди них прямоугольный стяг, сшитый из красного шелка, с библейскими символами в центре и золотыми узорами по краям, да две сабли – одна парадная, а другая боевая. Парадная сабля с ножнами в каменьях напоминает о том времени, когда ее владелец прозябал на придворной службе у Романовых. Сильно сточенный, потемневший от времени клинок служит символом другой поры. С этим оружием Пожарский не разлучался в те годы, когда вел народное ополчение к Москве. Шелковый стяг относится к тому же времени. То был победный стяг, взвившийся над Кремлем после изгнания оттуда иноземных завоевателей.

Князь Дмитрий скончался 20 апреля 1642 года. По обычаю века умирающий принял схиму. Погребли его в родовой усыпальнице Пожарских в суздальском Спасо-Евфимиеве монастыре. Так закончился жизненный путь Дмитрия Пожарского, друга и сподвижника Кузьмы Минина.

Народ по достоинству оценил их подвиг. Имена Минина и Пожарского навеки стали символом верного служения Отчизне.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНИНА И ПОЖАРСКОГО

Третья четверть XVI в. – рождение Кузьмы Минина.

1578 – рождение князя Дмитрия Пожарского.

1582 – заключение Ям-Запольского перемирия между Россией и Польшей.

1583 – заключение Плюсского перемирия между Россией и Швецией.

1584–1598 – годы царствования Федора Ивановича.

1590–1593 – война России со Швецией, возвращение в состав России городов Ивангорода, Яма, Копорья, Корелы.

1591, 15 мая – смерть царевича Дмитрия в Угличе.

Конец 80-х – начало 90-х гг. XVI в. – введение заповедных лет и отмена Юрьева дня.

1595 – Тявзинский мир между Россией и Швецией.

1597 – указ о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян.

1598 – Земский избирательный собор.

1598–1605 – годы царствования Бориса Годунова.

1601–1602 – частичное возобновление крестьянского выхода в Юрьев день.

1601–1603 – голод в Русском государстве.

1603 – восстание холопов и крестьян под предводительством Хлопка.

1604 – начало похода на Москву Лжедмитрия I.

1604–1605 – участие стольника Пожарского в войне с самозванцем.

1605, 13 апреля – смерть Бориса Годунова.

1605, 7 июня – свержение династии Годуновых.

1605, 17 мая – восстание в Москве и убийство Лжедмитрия I.

1606–1607 – крестьянское восстание под руководством И. Болотникова.

1606–1610 – годы царствования Василия Шуйского.

1607, март – указ о 15-летнем сроке сыска беглых крестьян.

1607, июль – 1610, март – Лжедмитрий II в тушинском лагере под Москвой.

1608, осень – разгром Пожарским отряда тушинцев под Коломной.

1609, февраль – договор Шуйского со Швецией.

1609, сентябрь – вторжение войск Сигизмунда III.

1609, 16 сентября – 1611, 3 июня – героическая оборона Смоленска.

1610, март – вступление армии Скопина-Шуйского в Москву. Развал тушинского лагеря.

1610 – Пожарский на воеводстве в Зарайске.

1610, 24 июня – поражение армии Шуйского под Клушином.

1610, 17 июля – свержение царя Василия Шуйского.

1610, 11 декабря – гибель Лжедмитрия II в Калуге.

1610–1611, зима – начало организации первого земского ополчения. Успешные действия Пожарского под Пронском и Зарайском.

1611, 19–20 марта – народное восстание в Москве. Раненый Пожарский вывезен в Троице-Сергиев монастырь.

1611, март—апрель – приход первого ополчения в Москву.

1611, 30 июня – Приговор Совета земли об устройстве государства.

1611, 16 июля – взятие Новгорода шведскими войсками.

1611, 1 сентября – избрание Кузьмы Минина земским старостой в Нижнем Новгороде.

1611, осень – организация в Нижнем Новгороде второго ополчения во главе с Мининым и Пожарским.

1612, март—апрель – переход второго ополчения из Нижнего Новгорода в Ярославль.

1612, апрель—август – организация ратных сил в Ярославле.

1612, июль—август – посылка передовых отрядов и выступление главных сил воеводы Пожарского к Москве.

1612, 22–24 августа – разгром силами Пожарского и Трубецкого армии Ходкевича под Москвой.

1612, 22 октября – занятие объединенным ополчением Китай-города.

1612, 26 октября – сдача интервентов в Кремле. Полное освобождение Москвы.

1613, январь – начало деятельности Земского избирательного собора в Москве.

1613–1645 – годы царствования Михаила Романова.

1613, июль – пожалование Пожарскому чина боярина, Минину – чина думного дворянина.

1615, июль—сентябрь – действия Пожарского против войска Лисовского под Орлом и Калугой.

1616 – казанская служба Минина. Смерть Кузьмы Минина по дороге из Казани в Москву.

1617, 27 февраля – заключение Столбовского мира между Россией и Швецией.

1618 – оборона Пожарским Калуги. Поход к Можайску на

выручку осажденной русской армии.

1618, 1 декабря – заключение Деулинского перемирия между Россией и Речью Посполитой.

1628–1629 – служба Пожарского на воеводстве в Новгороде.

1632–1634 – война России с Речью Посполитой из-за Смоленска.

1634, январь—февраль – выступление отряда Пожарского в Можайск.

1634 – заключение Поляновского мира между Россией и Речью Посполитой.

1642, 20 апреля – смерть князя Д. М. Пожарского.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ [1]

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1841.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею. Т. 2–3. СПб., 1836.

Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). М., 1911. Кн. 4.

Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14: Конец XVI – начало XVII в. СПб., 2006.

Буссов К. Московская хроника. М.; Л., 1961.

Действия Нижегородской архивной комиссии. Т. 11. Нижний Новгород, 1912.

Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень – зима 1615 г.) / Подг. Б. Н. Флоря // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1. М.; Варшава, 1995.

Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевского. СПб., 1871.

Завещание князя Дмитрия Пожарского / Публ. Ю. М. Эскина // Отечественная история. 2000. № 1.

Книга сеунчей 1613–1619 гг. / Подг. С. П. Мордовина, А. Л. Станиславский // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1. М.; Варшава, 1995.

Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. М.; Л., 1965.

Палицын А. Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. *Петрей* П. История о великом княжестве Московском. М., 1887. Русская историческая библиотека. Т. 1. СПб., 1872; Т. 13. СПб., 1891. Сказания современников о Дмитрии-самозванце. Ч. 1–2. СПб., 1859. Собрание государственных грамот и договоров. Т. 2–3. М., 1819–1822. *Тимофеев И.* Временник. М.; Л., 1951. Хроники Смутного времени. М., 1998.

Бибиков Г. Н. Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22–24 августа 1612 г. // Исторические записки. Т. 32. М., 1950.

Буганов В. И. «Выборный человек всею землею» Кузьма Минин // Вопросы истории. 1980. № 9.

Гиршберг А. Марина Мнишек. М., 1908.

Голов И. И. Род Кузьмы Минина: по новым материалам // Записки краеведов. Горький, 1975.

Долинин Н. П. Подмосковные полки (казацкие «таборы») в

национально-освободительном движении 1611–1612 гг. Харьков, 1958.

Забелин И. Минин и Пожарский. М., 1883.

Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол (1611–1616 гг.). Юрьев, 1913.

Замятин Г. А. К истории Земского собора 1613 г. // Труды Воронежского гос. университета. 1926. Т. 3.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 10–12. СПб., 1824.

Ключевский В. О. Курс лекций по русской истории // Соч. Т. 3. М., 1957.

Кобрин В. Б. Кузьма Минин // История СССР. 1979. № 2.

Козляков В. Н. Марина Мнишек. М., 2005 (серия «ЖЗЛ»).

Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.

Костомаров Н. И. Смутное время в Московском государстве. Т. 3. СПб., 1883.

Любомиров П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1612 гг. М., 1939.

Макарихин В. П. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Нижний Новгород, 1999.

Мальцев В. П. Борьба за Смоленск. Смоленск, 1940.

Морозова Л. Е. Смута в России начала XVII в. глазами современников. М., 2000.

Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты. М., 2005. *Пирлинг П.* Дмитрий-самозванец. М., 1912.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937.

Савелов Л. М. Князья Пожарские. М., 1906.

Садовский А. Одно ли лицо Кузьма Минин и Кузьма Захарьев Минин-Сухорук. Нижний Новгород, 1916.

Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978.

Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Л., 1988.

Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606–1607. М., 1951.

Смирнов С. К. Биография князя Д. М. Пожарского. М., 1852.

Соловьев С. М. История России. Кн. 4. М., 1960.

Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990.

Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.

Ульяновский В. И. Смутное время. М., 2006.

Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. М., 1973.

Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI–XVII вв. Т. 1–2. СПб., 1893–1894.

Шаскольский И. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950.

Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг. Пятигорск, 1957.

Эскин Ю. М. Дмитрий Пожарский // Вопросы истории. 1976. № 8.

Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994.

notes

Примечания

1

С издательскими дополнениями.